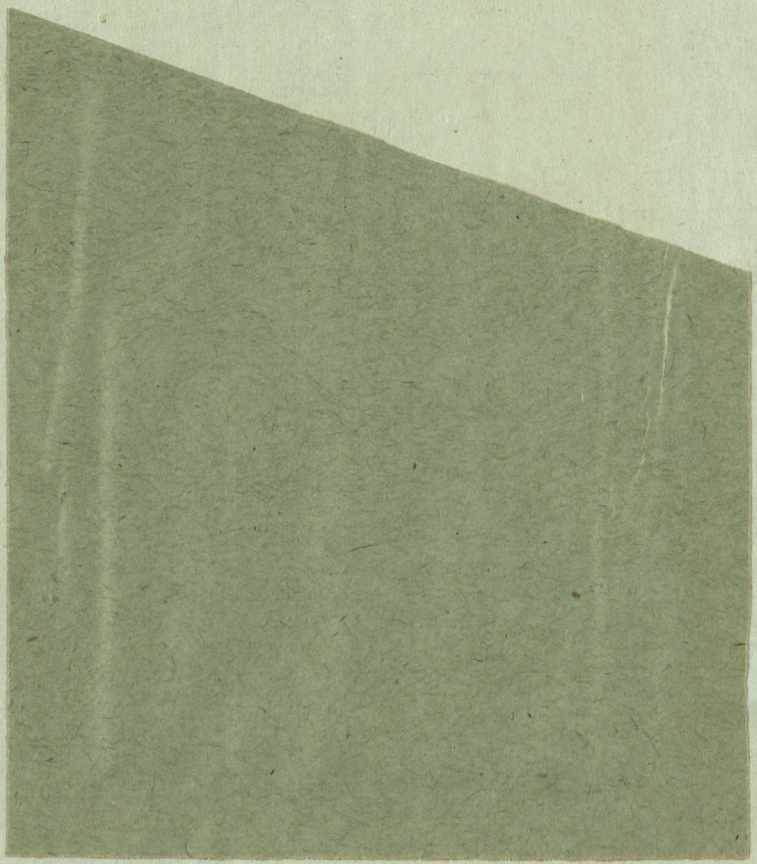
К 9(с145)
И 90
7580-К.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Труды, выпуск 56

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ ЧУВАШСКОЙ АССР

Чебоксары — 1975



НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Труды, выпуск 56

К9 (С145)
Н90

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ ЧУВАШСКОЙ АССР

Чебоксары — 1975

Печатается по постановлению Ученого Совета Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР от 25 сентября 1975 г.

Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР

Труды, выпуск 56

История, археология и этнография Чувашской АССР

Редакторы *А. В. Изоркин, В. А. Прохорова, С. Н. Хаймулин*
Технический редактор *А. В. Васильев*
Корректор *З. К. Белова*

ПРОВЕРЕНО
2007

НТ 38086. Сдано в набор 5/VIII-1975 г. Подписано к печати 12/XII-1975 г. Формат 60×90/16. Бумага типографская № 1. Учетно-изд. л. 18,36. Физ. печ. л. 16,5. Тираж 600 экз. Заказ № 3043. Цена 1 руб. 20 коп.

Д 7580 -кр.

Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР. 428015, Чебоксары, Московский проспект, 29, корпус 1.

Республиканская
библиотека
Чувашской АССР

Типография № 1 Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Чувашской АССР.
Чебоксары, Канашское шоссе, 13.

© Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР, 1975 г.

СТАТЬИ

И. П. Прокопьев

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ — ВДОХНОВИТЕЛЬ И ОРГАНИЗАТОР ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В мае 1975 г. наша страна торжественно отметила 30-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Эту историческую дату советские люди встретили небывалым размахом социалистического соревнования за досрочное выполнение плана девятой пятилетки, новыми достижениями в борьбе за те идеалы мира, за которые они сражались против ударных сил мирового империализма. Трудящиеся нашей республики, как и весь советский народ, с огромным воодушевлением восприняли решения апрельского (1975 г.) Пленума ЦК КПСС, наметившие дальнейшие задачи в борьбе за мир и безопасность народов, за разрядку международной напряженности.

В год 30-летия Победы, оглядываясь назад и осмысливая пройденное, каждый советский человек испытывает чувство законной гордости за наш государственный и общественный строй, за социалистическую Родину, преградившую путь фашизму к мировому господству. «Победа, которая завоевана в сражениях Великой Отечественной войны,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев,— это победа нашего героического рабочего класса, колхозного крестьянства, нашей интеллигенции, победа всего многонационального советского народа, это победа славной Советской Армии, армии, созданной революцией, воспитанной партией, неразрывно связанной с народом. Это победа советской военной науки, боевого мастерства всех родов войск, искусства советских полководцев, вышедших из народа» [1].

Долгим и неимоверно трудным был путь к победе. Он пролег через огонь и кровь небывалых по размаху и ожесточенности сражений на фронте, через дни и ночи безмерной по напряженности работы в тылу. Чтобы пройти этот путь до конца, выстоять и победить, наш народ должен был привести в действие весь запас своих материальных и духовных сил, проявить величайший патриотизм, организованность и монолитность, несгибаемую во-

[1] «Коммунист», 1975, № 7, стр. 9.

лю и мужество, непоколебимую преданность идеалам коммунизма, историческому делу, начатому Великим Октябрем.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне вошла в летопись нашего Отечества немеркнущей героической главой. Ее всемирно-историческое значение глубоко и всесторонне раскрыто в постановлении ЦК КПСС «О 30-летии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». Победа в этой войне явилась мощным ускорителем мирового революционного процесса, она привела к коренному изменению в соотношении классовых сил на международной арене, созданию мировой системы социализма.

Совершая свой бессмертный подвиг, советский народ опирался на неоспоримые преимущества социалистического общества, превосходство передовой, марксистско-ленинской идеологии. Великим вождем, организатором и вдохновителем победы над германским фашизмом была наша славная Коммунистическая партия. В исключительно трудных условиях она сумела мобилизовать советский народ на священную борьбу против фашистских захватчиков и, несмотря на временные неудачи в начальный период военных действий, добиться коренного перелома в ходе войны и обеспечить победоносное ее завершение.

Война, развязанная гитлеровской Германией против СССР, была войной захватнической, грабительской; ее тщательно готовили наиболее мощные силы империализма, вся мировая реакция. Правящие круги США, Англии и Франции вопреки национальным интересам собственных народов не только помогли возрождению германского милитаризма, но и своей политикой отказа от идеи создания системы коллективной безопасности в Европе открыли фашистской Германии путь к развязыванию войны, всячески стремились направить гитлеровскую агрессию против Советского Союза.

Коммунистическая партия предвидела возможность империалистической агрессии. Осуществляя руководство социалистическим строительством в СССР и неуклонно проводя миролюбивую внешнюю политику, она настойчиво решала проблемы укрепления оборонной мощи страны, повышения боевой готовности армии и флота. В основу ее деятельности были положены указания В. И. Ленина о том, что победоносную войну в защиту Отечества можно вести, только опираясь на новый социалистический базис, что к такой войне надо готовиться длительно, серьезно, начиная с экономического подъема страны.

Путь к укреплению экономической и военной мощи социалистического государства В. И. Ленин видел прежде всего в индустриализации страны, в коренном преобразовании сельского хозяйства на кооперативных началах, в культурной революции. Последовательно выполняя ленинские заветы, партия в исторически короткий срок превратила ранее отсталую Россию в передовую индустриально-аграрную державу, создала прочную со-

циальную, материальную и политическую базу военного могущества СССР.

За годы предвоенных пятилеток было построено 9 тысяч металлургических, машиностроительных, химических и иных промышленных предприятий, ставших надежной основой обороны страны. В 1940 г. было произведено 48,3 млрд. квт-ч электроэнергии, 31,1 млн. тонн нефти, 166 млн. тонн угля, 18,3 млн. тонн стали. Накануне войны валовая продукция советской промышленности превзошла уровень 1913 г. в 7,7 раза, в том числе производство средств производства увеличилось в 13 раз. В передовую отрасль экономики превратилось социалистическое сельское хозяйство, валовая продукция которого превосходила уровень 1913 г. в 1,4 раза.

Наряду с коренными экономическими изменениями были достигнуты большие успехи в социальном развитии. В стране, где еще недавно три четверти населения были неграмотны, трудящиеся получили доступ ко всем богатствам культуры, к вершинам научных знаний. В советском обществе сложилась новая, рабоче-крестьянская интеллигенция, выросли кадры, способные в совершенстве овладеть передовой техникой производства, с максимальной эффективностью использовать возможности, заложенные в материально-технической базе социализма. Из жизни советского общества вслед за классовыми навсегда ушли и национальные антагонизмы. На основе огромной организаторской и воспитательной работы сформировались социально-политическое единство и братская дружба народов СССР.

Считая необходимым ускорить рост оборонной мощи страны, партия и правительство планомерно увеличивали ассигнования на военные нужды. На эти цели в 1938—1940 гг. в среднем направлялось более четверти расходов государственного бюджета. В 1940 г. на оборону расходовался уже каждый третий рубль бюджета. Ежегодный прирост военной продукции в те годы был втрое выше, чем по промышленности в целом.

Одновременно принимались меры по реорганизации советских Вооруженных Сил и повышению их боевой готовности. С января 1939 г. по январь 1941 г. было сформировано 125 новых дивизий, к июлю 1941 г. число авиационных полков увеличилось в 1,8 раза. Общая численность Вооруженных Сил страны возросла с 1 млн. 513 тыс. чел. в 1938 г. до 4 млн. 207 тыс. к 1941 г. Большое внимание партия уделяла укреплению частей командными и политическими кадрами. Был удвоен набор в военные академии, число курсантов военных училищ возросло более чем в четыре раза. В армию было призвано около двухсот тысяч командиров и политработников.

Нарастающую угрозу нападения фашистской Германии учитывали решения состоявшейся в феврале 1941 г. XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б). Она прошла под знаком резкого повышения требований к работе промышленности и транспорта и

нацелила коммунистов, всех советских людей на новые энергичные усилия в интересах укрепления экономической и оборонной мощи страны.

Принимая меры для обеспечения Вооруженных Сил всем необходимым для борьбы с врагом, Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно держали в центре внимания и все другие вопросы укрепления обороны страны, подготовки армии и народа к защите социалистического Отечества. В день начала второй мировой войны, 1 сентября 1939 г., внеочередная сессия Верховного Совета СССР приняла Закон о всеобщей воинской обязанности, завершивший переход к кадровой системе комплектования и организации войск.

Успех Коммунистической партии в мобилизации всего народа на разгром врага был заложен в непоколебимом единстве ее рядов и организованности, в ее тесной сплоченности вокруг ленинского Центрального Комитета. В. И. Ленин еще в 1920 г., выступая на IX съезде РКП(б), указывал на решающее значение руководства партии для организации отпора первому вооруженному натиску империалистических держав на советское государство. В частности он говорил: «И только благодаря тому, что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены,— только поэтому... мы оказались в состоянии победить»[2]. Эти ленинские слова с полным основанием могут быть отнесены и к периоду второго, на этот раз куда более основательно подготовленного империалистами нашествия на страну Советов, к нашей всемирно-исторической победе в Великой Отечественной войне.

В результате принятых Коммунистической партией и Советским правительством политических и военных мер государственная граница СССР была отодвинута на Запад на 200—350 км, на те самые десятки и сотни километров, преодоление которых дорого обошлось гитлеровской Германии.

Но, к сожалению, в силу ограниченности сроков, к началу войны не все из намеченных мер удалось полностью осуществить. Однако в целом необходимые предпосылки для разгрома агрессора были созданы, и война это наглядно подтвердила. В результате многогранной деятельности партии Красная Армия по своим боевым качествам не уступала сильнейшим армиям в мире, а по морально-политическому духу личного состава не знала себе равных. Ее мощь не раз испытали в предвоенные годы враги социализма, пытавшиеся прощупать прочность наших границ.

Подчеркивая масштабы и историческое значение усилий пар-

---

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 240.

тии и народа в предвоенный период, Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Брежнев Л. И. говорил: «Наша партия предвидела возможность военной схватки с силами империализма, готовила страну и народ к обороне. Социально-экономические завоевания предвоенных пятилеток, идейно-политическое единство советского общества, выкованное в ходе построения социализма, заложили основы победы, одержанной нашим нардом в Великой Отечественной войне» [3].

Всемерно крепя оборонную мощь нашей Родины, Коммунистическая партия и Советское правительство вместе с тем прилагали решительные усилия к тому, чтобы избежать новой мировой войны. Последовательно осуществляя ленинский курс в области внешней политики, Советское правительство предпринимало серьезные шаги, чтобы обеспечить всеобщий мир и безопасность народов. Оно настоятельно добивалось объединения усилий СССР, Франции и Англии для предотвращения агрессии гитлеровской Германии. СССР выступил за создание системы коллективной безопасности, за установление сотрудничества европейских государств.

Однако правящие круги западных буржуазных стран отвергли все конструктивные предложения Советского правительства. Проникнутые духом антикоммунизма, полные ненависти к социалистическому строю, они стремились направить бронированный кулак фашизма против СССР.

Человечество тяжко расплатилось за недальновидную, антисоветскую политику реакционных правящих кругов западных стран. Как известно, в 1939—1940 гг. под ударами гитлеровской военной машины потерпели поражение одиннадцать государств. На пути дальнейшего распространения фашистской агрессии единственным серьезным препятствием оставалась советская страна.

В начале войны для нашей страны и Вооруженных Сил сложилась крайне неблагоприятная обстановка. Фашистская Германия, имея двухлетний стаж ведения войны, вероломно напала на нашу Родину, подчинила своим захватническим целям экономику всей Европы. Вложив в первый удар невиданную концентрацию сил и средств, фашисты были уверены в том, что выиграют войну в течение кратковременной летней кампании.

Гитлеровцы надеялись, что им удастся расколоть союз рабочего класса и крестьянства, дружбу народов СССР, подорвать авторитет и влияние Коммунистической партии в стране. Эти надежды разделяли не только приспешники Гитлера, но и многие политические и военные деятели капиталистического мира. Связывая все расчеты на «молниеносную» победу в войне против СССР с использованием преимуществ внезапного нападения, фашисты проявили полное непонимание характера социалистиче-

[3] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, стр. 90.

ского строя, источников силы и крепости Советского государства. Таким образом, просчет главарей фашистской Германии в оценке жизнеспособности социалистического государства явился просчетом мирового империализма.

На первом этапе войны противнику, имевшему многократное превосходство в живой силе и технике, удалось захватить значительную часть нашей территории. Перед лицом смертельной опасности, нависшей над Родиной, Коммунистическая партия приняла энергичные меры по организации отпора врагу. Всеобъемлющая боевая программа мобилизации всех материальных и морально-политических сил и средств Советского государства была изложена в Директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 г. В целях объединения усилий фронта и тыла был создан Государственный Комитет Обороны под председательством И. В. Сталина, являвшегося одновременно и Верховным Главнокомандующим. Партия превратила страну в единый боевой лагерь.

Руководствуясь указанием В. И. Ленина о том, что в условиях войны «идеалом партии пролетариата является воюющая партия» [4], Центральный Комитет счел необходимым перестроить прежде всего всю деятельность самой партии.

Важнейшие признаки воюющей партии В. И. Ленин видел в наибольшей централизации ее деятельности, установлении строжайшей личной ответственности каждого коммуниста за точно определенный участок работы и железной дисциплины, граничащей с военной, мобилизации большинства коммунистов для военной деятельности, объединении авторитетом партии всех ведомств и учреждений, всех трудящихся. Все эти признаки составляли наиболее характерные черты деятельности партии в годы Великой Отечественной войны.

Ленинская партия, являясь поистине сражающейся партией, взяла на себя всю полноту ответственности за судьбы Отечества и дела социализма. Мастерски владея законами общественного развития и вооруженной борьбы, опираясь на богатейшее военно-теоретическое наследие В. И. Ленина, партия успешно решала самые сложные задачи военного строительства и организации боевых действий. Весь свой организаторский гений, всю силу могучего содружества народов СССР, всю энергию народа, упорство, выносливость и могучую волю она направила к единой цели — на разгром фашизма.

Центральное место в деятельности партии на протяжении всей войны занимала военно-организаторская работа по укреплению советских Вооруженных Сил. Важнейшим условием укрепления армии и флота ЦК ВКП(б) считал усиление в них партийного влияния, перестройку в соответствии с военной обстановкой партийно-политической работы. В начале 1941 г. в армии и на

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 8.

флоте насчитывалось более полумиллиона коммунистов — в три с лишним раза больше, чем в начале 1938 г. Непосредственно накануне войны Центральный Комитет направил на партийно-политическую работу в Красную Армию и Военно-Морской Флот около четырех тысяч коммунистов. Во всех подразделениях и на кораблях действовали полнокровные комсомольские организации. В начале войны на политическую и военную работу в армию были посланы видные деятели партии, ее лучшие, наиболее опытные и проверенные кадры: 54 члена и кандидата в члены ЦК из 139 членов и кандидатов ЦК ВКП(б), 500 секретарей ЦК компартий союзных республик, обкомов, крайкомов, горкомов и райкомов. Всего за первые шесть месяцев войны в Вооруженные Силы влилось 8800 руководящих партийных работников. Всего за годы войны в Вооруженные Силы направлено 13850 руководящих партийных работников. Многие члены и кандидаты в члены ЦК ВКП(б), секретари республиканских, краевых и областных партийных организаций являлись членами военных советов — важнейших проводников политики партии в Вооруженных Силах, роль которых в ходе войны была значительно усилена. Военные советы были постоянно связаны с ЦК партии, несли перед ним полную ответственность за боевые действия, военную подготовку, политико-моральное состояние и материально-техническое обеспечение войск. В деятельности военных советов наиболее ярко воплотился принцип единства военного и политического руководства войсками.

В первый период войны местные партийные комитеты для усиления партийного влияния в частях направляли на фронт коммунистов и комсомольцев в качестве политбойцов. К началу 1942 г. действующая армия получила 100 тысяч политбойцов. Всего за первые шесть месяцев войны по партийному призыву, добровольно и по общей мобилизации в Вооруженные Силы влилось более 1 млн. 100 тысяч коммунистов — треть состава территориальных партийных организаций. Перераспределение партийных сил в таких огромных масштабах и в столь ограниченный срок было проведено впервые в истории нашей партии. На фронт ушла подавляющая часть коммунистов, годных к военной службе. В конце 1941 г. в армии и флоте, несмотря на потери, насчитывалось 1 млн. 300 тыс. коммунистов. Свыше 80 процентов состава партии было сосредоточено в Вооруженных Силах и отраслях, связанных с военным хозяйством.

В целях укрепления армейских и флотских партийных организаций в начале войны были пересмотрены условия приема в партию воинов, отличившихся в боях. Это обеспечило дальнейший быстрый рост воинских партийных организаций.

Три миллиона коммунистов отдали свою жизнь во имя победы. Но партия не ослабевала в борьбе с врагом, а закалялась и окрепла. В ходе всенародной борьбы за свободу и независимость нашей Родины происходил неуклонный рост партийных рядов

в действующей армии и в тылу. Всего за годы войны кандидатами в члены партии было принято 3 млн. 788 тыс. и членами партии 2 млн. 376 тыс. воинов-фронтовиков, т. е. столько же, сколько за 12 предвоенных лет. Если на 1 июля 1941 г. в рядах партии состояло 3817906 коммунистов, то к 1 июня 1945 г. количество членов и кандидатов партии достигло 5902207. В партию шли лучшие люди, чтобы быть с нею в авангарде, на линии огня, вместе отвечать за судьбы страны, народа, за исход войны. Если в годы гражданской войны на сотню бойцов приходилось 5 коммунистов, то в начале Великой Отечественной войны — 13, а в конце — 25 коммунистов. В 1944 г. в Действующей армии находилось 54% всех коммунистов. Верным боевым помощником партии был Ленинский комсомол. Из 100 воинов 20 были комсомольцами. Таким образом, почти половину личного состава Вооруженных Сил составляли коммунисты и комсомольцы.

Коммунистическая партия выступила организатором борьбы советских патриотов на оккупированной фашистами территории. Программа деятельности партийного подполья, партизанских отрядов, всех советских людей, оказавшихся в захваченных фашистскими оккупантами советских районах, была сформулирована ЦК ВКП(б) в директиве от 29 июня 1941 г. и в постановлении ЦК партии от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск». Уже в конце 1941 г. на оккупированной гитлеровцами территории действовали 18 подпольных обкомов, более 260 окружкомов, горкомов, райкомов и других партийных организаций. По врагу наносили удары 3500 партизанских отрядов и групп, действовавших во всех оккупированных областях и республиках.

К весне 1943 г. партия создала единую систему политического и военного руководства партизанским движением. Направленные Центральным Комитетом партии через Центральный штаб партизанского движения отряды народных мстителей наращивали удары по противнику как в прифронтовой полосе, так и в глубоком тылу фашистских войск. Так, к концу 1943 г. в тылу немецко-фашистских войск действовало около 250 тыс. вооруженных партизан. Непосредственное руководство их борьбой осуществляли подпольные партийные комитеты. В середине 1943 г. на оккупированной территории Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской и Курской областях РСФСР насчитывалось 24 подпольных областных, 222 уездных, окружных, городских и районных комитета партии. В 1943—1944 гг. партизанские отряды и соединения контролировали значительную часть временно оккупированной врагом советской территории, беспощадно наносили мощные удары по коммуникациям врага, в результате чего противник понес большие потери в живой силе и технике.

Важным направлением в деятельности партии по превращению страны в единый военный лагерь было руководство пере-

стройкой народного хозяйства на военный лад, развитием военной экономики. Все это приходилось осуществлять в неимоверно тяжелых условиях, одновременно с ведением ожесточенной борьбы на фронте. За первое полугодие войны наша страна утратила важнейшие экономические районы. Были нарушены экономические связи и система кооперирования между отраслями промышленности. Резко сократилось производство. Наше государство лишилось многих предприятий, оборудования, скота, крупных запасов продовольствия, десятков миллионов гектаров посевных площадей.

Коммунистическая партия, руководствуясь ленинским указанием, что «для ведения войны *по-настоящему* необходим крепкий организованный тыл» [5], возглавила титаническую работу по переводу всей экономики страны на военные рельсы, вовлекла в дело бесперебойного обеспечения Вооруженных Сил боевой техникой и оружием, боеприпасами, горючим, снаряжением и продовольствием миллионы трудящихся.

Центральный Комитет партии сосредоточил в руках все нити партийного руководства перестройкой советской экономики. Наиболее важные вопросы работы промышленности, транспорта, сельского хозяйства, производства боевой техники и оружия решались совместно Политбюро ЦК ВКП(б) и ГКО. Руководство основными отраслями военного хозяйства возглавили члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Секретари ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов партии непосредственно контролировали выполнение оборонных заказов, оказывали оборонным предприятиям помощь в налаживании новых производственных связей. Почти три четверти всех членов ЦК принимали непосредственное участие в организации военной экономики.

К середине 1942 г. перестройка народного хозяйства была завершена. Огромное количество промышленных предприятий, материальных ресурсов, значительные массы населения были перебазированы на восток. За 1941—1942 гг. в глубь страны эвакуированы более 10 млн. чел., свыше двух с половиной тысяч фабрик и заводов, тысячи тракторов, миллионы голов скота. В результате этого утраченные мощности военной промышленности были не только восстановлены, но и значительно превзойдены. К концу первого периода войны СССР имел уже налаженное военное хозяйство, которое во все возрастающем объеме снабжало фронт вооружением и боевой техникой. Выдержал суровый экзамен и доказал свою жизнеспособность наш колхозный строй. В годы Великой Отечественной войны Советское государство заготовило зерна в три с лишним раза больше, чем могла дать Россия в период первой мировой войны.

Широкий размах в годы войны получило социалистическое

---

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 408.

соревнование. К станкам встали старики, женщины и подростки. Массовый трудовой энтузиазм и героизм советских людей служили могучим источником внутренних сил нашей экономики. Преимущества социалистических производственных отношений наиболее полно проявились благодаря руководству, организаторской и воспитательной деятельности Коммунистической партии.

По призыву Коммунистической партии, партийные организации прифронтовых районов создавали истребительные батальоны для охраны военных и народнохозяйственных объектов. Партийные организации возглавляли развернувшееся по инициативе трудящихся Ленинграда и Москвы движение за создание народного ополчения. В ряды ополчения вступили почти два миллиона патриотов. Это была всенародная поддержка Красной Армии. Многие истребительные батальоны и ополченческие формирования участвовали в боях с врагом и вливались в состав регулярных соединений советских войск.

Руководствуясь ленинскими указаниями о поголовном обучении трудящихся военному делу в период войны, партия обеспечила массовую подготовку боевых резервов через Всевобуч, добровольные оборонные организации. Всего за годы войны прошли предварительную военную подготовку через Всевобуч и Осоавиахим около 18 млн. чел. Была значительно расширена сеть военно-учебных заведений, увеличен прием в них, создано свыше 200 различных курсов. Численность наших Вооруженных Сил, несмотря на потери, увеличилась за годы войны более чем вдвое. В этом ярко проявились военно-организаторские способности партии, величайшие источники силы социалистического государства.

Под руководством ЦК ВКП(б) и Советского правительства местными партийными и советскими органами была проведена огромная работа по мобилизации коммунистов и всех трудящихся на священную битву с фашизмом. Это мы видим и на примере Чувашской областной партийной организации, всю свою работу в годы войны подчинившей делу победы над врагом. Трудящиеся Советской Чувашии, как и весь советский народ, показывали беззаветную преданность социалистической Родине, высокую социалистическую сознательность и сплоченность вокруг Коммунистической партии. В первые же дни войны в военкоматы, партийные и комсомольские организации республики стали поступать заявления от добровольцев. Пример в этом показали коммунисты.

В соответствии с решением ЦК партии из Чувашии было направлено политработниками в армию 253 партийных и комсомольских работника, 500 коммунистов отбыли на фронт по партийной мобилизации в качестве политбойцов. Из областной партийной организации выбыли в Красную Армию за годы войны 7527 чел., из них 5763 коммуниста, или 59,7% состава областной парторганизации к началу войны,— в первые полтора года вой-

ны. Среди них были члены обкома ВКП(б), около 50 секретарей горкомов и райкомов партии, свыше двух третей секретарей первичных партийных организаций республики. Смертью храбрых пали в боях с врагом первые секретари райкомов партии Л. Н. Морозов, Е. Г. Григорьев, А. З. Сорокин, ответственные работники обкома ВКП(б) В. О. Осипов, К. М. Арзамасцев, В. И. Игнатьев, С. С. Степанов, В. П. Семенов [6].

В боях за советскую Родину доблестно сражались сыны и дочери чувашского народа. Можно привести много примеров, когда воины — наши земляки плечом к плечу с воинами других национальностей, не щадя своей жизни, отстаивали честь, независимость и свободу Родины. 75 храбрейшим из храбрых присвоено звание Героя Советского Союза, 53750 воинов вернулись с фронта с орденами и медалями СССР, более 90 тыс. наших земляков сложили свои головы на полях сражений.

Оставшиеся в тылу коммунисты были расставлены на решающих участках работы. Всюду, где бы ни работали, они показывали пример самоотверженного труда, соблюдения партийной, государственной и трудовой дисциплины военного времени. Вся деятельность Чувашской областной партийной организации была подчинена задачам всесторонней помощи фронту.

Преодолевая огромные трудности, труженики Чувашии своевременно выполняли все задания Государственного Комитета Обороны. Уже к концу 1941 г. 80% всей выпускаемой в Чебоксарах продукции шло непосредственно для нужд фронта. Быструю перестройку работы на военный лад обеспечили партийные организации Алатырских паровозоремонтного завода и гармонной фабрики, Канашского вагоноремонтного завода и других.

Обком партии и Чебоксарская городская партийная организация проявляли особую заботу о быстрейшем завершении строительства завода им. Чапаева. В сентябре 1941 г. вступила в строй его первая очередь, и завод постоянно наращивал темпы производства. Вместе с ростом завода росла и его партийная организация. За годы войны коллектив завода 8 раз отмечался в числе лучших предприятий Наркомата.

В тяжелых условиях войны из прифронтовых областей в Чувашию было перебазировано 28 заводов, фабрик и цехов. Самым крупным среди эвакуированных в республику предприятий является Чебоксарский электроаппаратный завод, удостоенный ордена Трудового Красного Знамени за успешное выполнение заказов фронта.

Война поставила серьезные задачи перед тружениками сельского хозяйства. В первые же месяцы войны большая часть трудоспособных колхозников ушла на фронт. В армию было призвано 70% председателей колхозов, 80% бригадиров, более

---

[6] «Очерки истории Чувашской областной организации КПСС». Чебоксары, 1974, стр. 317—318.

50% трактористов и комбайнеров. На нужды фронта была мобилизована большая часть тракторов, почти 35% лошадей и 90% автомашин. Однако труженики села, не щадя сил, работали по снабжению фронта продовольствием, а промышленность — сырьем. За годы войны республике трижды присуждалось Красное Знамя Государственного Комитета Обороны — за достигнутые успехи в сельском хозяйстве в 1942 и 1943 гг. и успешное выполнение задания по заготовке и вывозке леса для железнодорожного транспорта.

Партийные организации республики возглавили всенародное движение за создание фонда обороны Родины. Коммунисты председатель колхоза «Марс» Яльчикского района А. Гаязов внес в фонд обороны 105 тыс. руб. и 178 пудов хлеба, председатель Кольцовского колхоза Вурнарского района А. Д. Васянин внес 100 тыс. руб. Крупные суммы для приобретения военной техники внесли коллективы Канашского вагоноремонтного завода, Алатырского паровозоремонтного, Козловского и Шумерлинского авиационных, Чебоксарского электроаппаратного заводов. Всего за годы войны трудящиеся республики внесли на строительство боевой техники более 67,5 млн. руб., в фонд обороны — более 48 миллионов рублей, 41 тысячу тонн хлеба, 19 тысяч тонн мяса, много картофеля и овощей.

Многогранная деятельность областной партийной организации еще крепче сплотила тружеников республики вокруг Коммунистической партии, укрепила авторитет партии в массах.

Борьба советского народа против гитлеровских захватчиков была не только противоборством в области военной и экономической. Это было вместе с тем борьбой двух непримиримых идеологий — социалистической и фашистской. Империалистической агрессивной идеологии германского фашизма противостояла социалистическая идеология, основанная на теории марксизма-ленинизма.

В годы войны партия всю идеологическую работу в армии и в стране в целом подчинила требованиям войны. В ее основу было положено ленинское учение о защите социалистического Отечества. Важнейшим направлением идеологической работы партии на протяжении всей войны было воспитание у воинов армии и флота, тружеников тыла советского патриотизма. Постоянное внимание уделялось укреплению дружбы советских народов как одного из важнейших источников непобедимости многонационального Советского государства. Во всей идеологической работе партия руководствовалась ленинским учением, что во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливали свою кровь.

Марксистско-ленинская идеология, ставшая достоянием миллионов советских людей, превратилась в их могучее духовное оружие, одержавшее победу над человеконенавистнической

идеологией фашизма. В годы величайших испытаний проявилась непоколебимая идейная убежденность нашего народа в торжестве дела партии, справедливости социалистического общественного и государственного строя, реальные блага которого трудящиеся познали на собственном опыте. Поэтому они защищали свою Родину, не щадя сил и самой жизни.

Неотразимая сила воздействия идеологии и политики нашей партии нашла воплощение в небывалом в истории массовом героизме советских людей, самоотверженном выполнении ими своего патриотического долга.

Бессмертный подвиг 16 ноября 1941 года совершила у разъезда Дубосеково под Москвой группа истребителей танков во главе с политруком В. Г. Клочковым. В тяжелый момент боя политрук Клочков обратился к воинам своего подразделения со словами: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!». 28 воинов-панфиловцев не дрогнули: погибая один за другим, они истребили в бою 18 фашистских танков, удерживали свои позиции, не пропустили врага. Это лишь один из бесчисленного множества примеров героизма, проявленных советскими воинами, воспитанными партией. Таких примеров на всех фронтах и на протяжении всей войны были тысячи и тысячи.

История не знала такого массового героизма, какой проявил советский народ в годы Великой Отечественной войны. За выдающиеся боевые подвиги свыше 11600 человек удостоены звания Героя Советского Союза, боевыми орденами и медалями награждено свыше семи миллионов человек, среди них сыны и дочери всех народов нашей страны.

Целям защиты социалистического Отечества служила также внешнеполитическая деятельность партии и Советского правительства. Последовательная борьба Советского Союза за объединение и сплочение всех антифашистских сил привело к провалу политики единого антисоветского фронта, проводившейся правительствами капиталистических стран, и создало реальные предпосылки для образования антигитлеровской коалиции. Под давлением своих народов правящие круги западных держав были вынуждены выступить единым фронтом с СССР в войне против фашистской Германии. Образование антигитлеровской коалиции явилось выдающимся достижением советской внешней политики, всех демократических миролюбивых сил.

Народы антигитлеровской коалиции внесли значительный вклад в общую победу над врагом. В едином строю с советскими воинами сражались польские, чехословацкие и югославские войска, на заключительном этапе в войну против фашизма вступили войска ряда других стран, освобожденных Советской Армией. Но основные тяготы войны вынесли на своих плечах и сыграли решающую роль в разгроме фашизма Советский Союз и его Вооруженные Силы.

Победа над фашизмом — немеркнущая героическая страница

в истории нашего Отечества, убедительная демонстрация превосходства рожденного Октябрем нового общественного и государственного строя, социалистической экономики, идеологии марксизма-ленинизма, морально-политического единства советского общества, нерушимой дружбы народов СССР.

Решающий источник нашей победы — руководство Коммунистической партии, которая сумела полностью и наиболее эффективно реализовать экономический, морально-политический, научно-технический и военный потенциал Советского государства для полного разгрома агрессора. Партия вложила свой ум, волю, энергию в дело победы над агрессором. Она еще раз доказала беспредельную преданность своему народу, верность идеям коммунизма. В годы войны неизмеримо возрос авторитет партии, еще теснее сплотились ее ряды, прочнее стало единство партии и народа. Народ беззаветно верил партии, шел за ней и добивался успехов.

После разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии Коммунистическая партия мобилизовала советский народ на восстановление разрушенного войной народного хозяйства. За короткий исторический срок были решены чрезвычайно сложные задачи восстановления, залечивания тяжких ран войны.

За три десятилетия труда под мирным небом советский народ под руководством испытанного вождя — Коммунистической партии далеко шагнул вперед, неизмеримо приумножил экономическое, научно-техническое и военное могущество Родины. Она становится все сильнее и богаче по мере поступательного движения по пути, намеченному XXIV съездом КПСС. Ныне в нашей стране производится промышленной продукции в 1,5 раза больше, чем ее давала вся промышленность мира в 1940 году. С учетом плана 1975 года общий объем промышленного производства СССР к концу девятой пятилетки превысит уровень 1945 года в 18,4 раза, а производство средств производства — в 20,5 раза.

Значительных успехов достигло наше сельское хозяйство, валовая продукция которого в настоящее время примерно в 2,5 раза превышает довоенный уровень и в 4 раза — уровень 1945 года.

Коренные изменения произошли в жизненном уровне советского народа. За послевоенные годы реальные доходы трудящихся на душу населения возросли по сравнению с довоенным уровнем почти в 5 раз, выплаты и льготы населению из общественных фондов потребления увеличились за тот же период в 20 раз.

Совершились глубокие сдвиги и в социальном развитии нашего общества. На базе развитого социализма сложилась новая историческая общность людей — советский народ. Неуклонно продолжалось укрепление нашего многонационального го-

сударства, упрочивалась братская дружба народов Советской державы.

В борьбе за претворение в жизнь величественных планов партии труженики городов и сел проявляют неиссякаемую энергию и самоотверженность. Беззаветная преданность коммунистическим идеалам роднит их с героями Великой Отечественной войны. Это серьезное родство и преемственность героических традиций с новой силой раскрываются в борьбе за достойную встречу XXV съезда КПСС. Советский народ приходит к этому славному событию с поистине историческими достижениями в строительстве коммунистического общества, в борьбе за осуществление тех идеалов мира, демократии и свободы, за которые народы сражались против фашизма и милитаризма.

Умножая сегодня экономическую и оборонную мощь социалистического Отечества, советский народ вносит свой бесценный вклад в общее дело всего прогрессивного человечества — в борьбу за мир, демократию и социализм. Благодаря последовательной миролюбивой политике Советского Союза, стран социалистического содружества успешно завершилось общеевропейское Совещание глав государств и правительств — беспрецедентное событие в истории человечества. Претворение в жизнь документов Совещания явится новым этапом в жизни Европы, а также в развитии международных отношений во всем мире.

7580-кр.

Республиканская
библиотека
им. М. Горького
Чувашской АССР

Г. Н. Плечов

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВУЗОВ ЧУВАШСКОЙ АССР И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЛУЧШЕНИЯ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 июля 1972 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране» подчеркивается, что советская высшая школа занимает важное место в ускорении темпов научно-технического прогресса, оказывает возрастающее влияние на развитие экономики и культуры [1]. Высшие учебные заведения являются не только основными центрами подготовки кадров для науки и производства, в них сосредоточено значительное количество научных работников. В силу своей организации как учебно-научных центров с многопрофильными подразделениями они обладают определенными преимуществами и возможностями для осуществления научно-исследовательских работ.

Как указывается в названном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, в высших учебных заведениях страны занято более одной трети всех научных работников. В вузах нашей республики — Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова, Чувашском государственном педагогическом институте им. И. Я. Яковлева и Чувашском сельскохозяйственном институте — по состоянию на 1 января 1975 г. сосредоточено 81,2% всех научных кадров Чувашской АССР (см. табл. 1).

Из всех научных и научно-педагогических работников вузов на долю университета приходится 60,8%, педагогического института — 22,4% и сельскохозяйственного института — 16,8%.

За четыре года пятилетки численность научных и научно-педагогических работников в вузах увеличилась на 218 чел., или 24,5%, в т. ч. в университете — на 44,5%. С 1968 г. в университете функционирует научно-исследовательский сектор, в котором к началу 1975 г. насчитывалось 290 работников, в т. ч. 114 научных сотрудников. Аналогичное подразделение имеется в сельскохозяйственном институте с численностью 55 работников, из них научных сотрудников 37.

Количественный рост научных и научно-педагогических кад-

---

[1] «Вопросы идеологической работы КПСС». Сборник важнейших решений КПСС (1965—1972 гг.). М., 1972, стр. 497.

Таблица 1

Число научных учреждений по типам и численность научных и научно-педагогических работников в них (на 1 января 1975 г.)

Типы научных учреждений	Количество	Имеется научных и научно-педагогических работников		Из них	
		всего	в % %	доктора наук	кандидаты наук
Высшие учебные заведения	3	1106	81,2	30	384
Научно-исследовательские институты	2	177	13,0	1	29
Научные и опытные станции	1	32	2,3	—	8
Архивы	1	26	2,0	—	—
Музеи	2	21	1,5	—	—
Всего	9	1362	100,0	31	421

ров в высших учебных заведениях постоянно сопровождался качественными изменениями. В трех вузах ныне работают 30 докторов (96,8% докторов, проживающих в республике) и 384 кандидата наук (или 91,2% всех кандидатов, работающих в научных

Таблица 2

Распределение научных и научно-педагогических работников по вузам

Вузы	На 1 января 1971 г.				На 1 января 1975 г.			
	Всего работников	Из них			Всего работников	Из них		
		научн. и науч. педаг. работников	докторов наук	кандидатов наук		научн. и науч. педаг. работников	докторов наук	кандидатов наук
Чувашгосуниверситет им. И. Н. Ульянова	1064	465	14	139	1561	672	25	233
Чувашгоспединститут им. И. Я. Яковлева	504	243	2	68	539	248	3	77
Чувашсельхозинститут	413	180	2	60	413	186	2	74
Всего	1981	888	18	267	2513	1106	30	384

учреждениях). На университет приходится 83,3% докторов (25 чел.) и 60,7% кандидатов наук (233 чел.), работающих в вузах. Из общего числа научно-педагогических работников, занятых в вузах (без учета научных работников, для которых наука является их основным занятием), 81,1% профессоров и преподавателей наряду с педагогической деятельностью ведут и исследовательскую работу.

Все это привело к значительному увеличению объема научной продукции, росту ее теоретической и практической значимости. Общий объем работ, опубликованных сотрудниками трех вузов только за один 1974 г., составил более 600 листов. Ведущее место в издательской деятельности принадлежит университету. За четыре года пятилетки общий объем его изданий составил 1795 авторских листов. Если в 1970 г. издано научных трудов объемом в 330,7 листа, то в 1974 г.— 491,8 листа (увеличение произошло на 48,7%). В 1974 г. опубликовано 8 монографий, 19 сборников научных трудов, 234 журнальных статьи и 7 учебников и учебных пособий (без учета участия университетских авторов совместно с преподавателями других вузов в изданиях учебников и учебных пособий).

Крупные результативные исследования ведутся в университете в области физики неустойчивого горения (руководитель — заслуженный деятель науки Чувашской АССР, доктор физико-математических наук, профессор С. А. Абруков), фосфорорганических соединений (руководитель — доктор химических наук, профессор В. А. Кухтин), повышения экономической эффективности промышленного производства (руководитель — кандидат экономических наук, доцент Г. Н. Ахмеев), вопросов истории и историографии чувашского народа (руководитель — заслуженный деятель науки Чувашской АССР, доктор исторических наук, профессор И. Д. Кузнецов) и некоторые др.

Коллектив кафедры теплофизики во главе с профессором С. А. Абруковым в течение ряда лет изучает механизм неустойчивого горения гомогенных, гетерогенных и конденсированных систем в камерах сгорания при различных начальных параметрах горючей смеси и аппаратурных условиях. Для исследования применяются новейшие методы — теневой, интерференционный и голографический. В последние годы изучены закономерности влияния постоянных и переменных электрических полей на вибрационное распространение пламени в каналах, влияние электрических полей на процессы горения и др. Результаты исследований имеют большое научное и практическое значение и получили одобрение научной общественности.

Кафедры земледелия, растениеводства и агрохимии почвоведения сельскохозяйственного института успешно ведут исследования по темам «Изучение комплексного влияния севооборотов и удобрений на плодородие почвы и продуктивность основных полевых культур», «Сравнительная эффективность паров и способы

их обработки перед посевом озимых культур», «Селекция проса в Чувашии», «Изучение разных способов посева гороха со злакоподдерживающими культурами (овес, ячмень) с целью механизации уборки урожая», «Изучение и разработка приемов увеличения урожайности и ускорения созревания плодов томата в условиях Чувашии» и др.

В результате этих исследований опубликованы коллективная монография «Картофель в Чувашии», научные статьи и рекомендации, защищена докторская диссертация. Новейшие достижения науки внедряются в практику. По плану Совета Экономической Взаимопомощи социалистических стран сельскохозяйственный институт совместно с Липецким тракторным заводом разрабатывает новые конструкции почвообрабатывающих орудий с активными рабочими органами — движителями для эффективного использования энергонасыщенных тракторов. Здесь же разработаны методика и план мероприятий по совершенствованию племенных и продуктивных качеств животноводства учебно-опытного хозяйства института и некоторых хозяйств республики.

В педагогическом институте интересной комплексной темой «Агробиологические и физиологические закономерности формирования раннего урожая овощных культур в открытом грунте и под пленкой» руководит доктор сельскохозяйственных наук Б. Г. Русанов. Этим коллективом впервые в нашей стране разработаны для нечерноземной зоны приемы агротехники выращивания сладкого перца и баклажанов в открытом грунте и теплицах и парниках, а также технология посадки рассады и выращивания ранней капусты без полива, огурцов в полиэтиленовых стаканчиках, рассадного и безрассадного способа выращивания кормовой культуры — кольраби. Семеноводство одного из сортов кольраби развернуто на агробиологической станции института, и через государственную сортоиспытательную сеть Советского Союза ведется испытание данного сорта в различных почвенно-климатических зонах страны.

Разработаны биологические и товарные зоны овощеводства, вопросы размещения, специализации и концентрации производства овощей в республике на перспективу. За эти работы Б. Г. Русанов награжден бронзовыми и серебряной медалями ВДНХ СССР, по ним защитил докторскую диссертацию.

Повышению практической значимости научно-исследовательской работы в вузах способствует система хоздоговоров. Ими занимаются университет и сельскохозяйственный институт. Всего выполняется 156 хоздоговорных работ, из них 130 (83,3%) приходится на университет. В 1974 г. им выполнен объем таких научно-исследовательских работ на сумму 1,4 млн. руб., что в 2 с лишним раза больше, чем в 1970 г. Экономический эффект, полученный от внедрения научно-исследовательских работ в производство, составляет 5,8 млн. руб. Большой вклад внесли коллективы исследователей, руководимые профессором В. А. Кухтиным, до-

центами А. И. Кисловым, Г. Я. Таборжиным и другими учеными. За четыре года пятилетки по университету подано в Государственный комитет Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий 245 заявок на изобретение, в т. ч. в 1974 г.— 71 заявка; получено 51 авторское свидетельство, в т. ч. в 1974 г.— 18.

В 1974 г. в общей совокупности тем 84,7% разрабатывалось по тематическому плану научно-исследовательских работ. Соответственно сократилась доля тем, разрабатываемых по кафедральным и индивидуальным планам. Университет перешел на проблемный принцип планирования научно-исследовательских работ. В целом в трех вузах республики ученые заняты разработкой 415 тем.

В настоящее время более или менее четко сложились основные направления научной деятельности вузов, что очень важно для определения их возможностей и задач в развитии науки в перспективе. В качестве основных направлений деятельности научных и научно-педагогических работников университета в области естественных и технических наук выступают исследования фазовых превращений и свойств промежуточных соединений, по физике неустойчивого горения, технологических и эксплуатационных свойств титановых сплавов, проблем повышения эффективности электрометаллургических агрегатов, силового воздействия импульсного электромагнитного поля на материалы, бесконтактного электропривода и электроснабжения, теорий управления большими системами, теоретических и прикладных проблем электротехники, реакции соединений трехвалентного фосфора с различными нуклеофильными и электрофильными реагентами, синтеза и модификации высокомолекулярных соединений, по общей и частной иммунологии, физиологии и патологии сердечно-сосудистой системы, патологии органов пищеварения, научных основ гигиены труда и профессиональной патологии.

В области гуманитарных наук здесь изучается организаторская деятельность КПСС в развитии промышленности Чувашской АССР в годы строительства социализма и коммунизма, формирование нового человека и воспроизводство рабочей силы в условиях строительства коммунизма, совершенствование управления производством и хозрасчета в промышленности, повышение экономической эффективности промышленного производства, вопросы истории и историографии чувашского народа, закономерности развития, взаимодействия и взаимовлияния языков и литератур народов СССР, проблемы теории и истории русской классической, советской и зарубежной литературы.

В педагогическом институте формируются как основные направления исследования некоторые вопросы истории Чувашской областной партийной организации, развития социалистических производственных отношений и социальной структуры советского общества, проблемы активности сознания, формирования личности школьника в процессе учебной и внеучебной деятельности, ис-

тории школы и педагогической мысли народов СССР, проблемы формирования и развития русского и чувашского языков, геометрии однородных пространств и их подмногообразий и прикладных вопросов математики, изучение структуры, физических и химических свойств ряда химических соединений, агробиологических и физиологических закономерностей формирования раннего урожая, животного мира Среднего Поволжья, истории медицины и других наук, искусств народов СССР, научных основ методики преподавания общеобразовательных предметов в средней школе и некоторые другие темы.

Научно-исследовательская работа в сельскохозяйственном институте ведется по таким пяти крупным направлениям, как проблемы повышения урожайности сельскохозяйственых культур, повышения производительной способности почв, повышения продуктивности общественного скота и птицы, улучшения использования и повышения долговечности сельскохозяйственных машин, организационно-экономического обоснования рациональной системы ведения сельского хозяйства.

Однако следует признать, что научный потенциал вузов республики используется еще не в полной мере. ЦК КПСС и Совет Министров СССР в постановлении от 24 сентября 1968 г. «О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники» указывали, что общий недостаток в работе научно-исследовательских, проектных, проектно-конструкторских, технологических организаций и научных подразделений высших учебных заведений выражается в том, что их деятельность не сосредоточена в полной мере на решении важнейших научно-технических проблем и особенно вопросов, связанных с ускорением темпов роста производительности труда в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, на транспорте и в других отраслях народного хозяйства, что еще велики сроки освоения научных достижений, имеется большой разрыв во времени между проведением научных исследований, конструкторских и технологических разработок и их практической реализацией [2].

Ряд актуальных научно-технических проблем, совпадающих с профилем основной деятельности вузов, все еще остается без достаточного внимания. Отдельные исследования, особенно ведущиеся в рамках государственного бюджета, слабо связаны с главными направлениями научно-технического прогресса, не оказывают необходимого влияния на решение злободневных вопросов производства, общественного развития. Зачастую их результаты не представляют сколько-нибудь значительного интереса для последующих исследователей и практиков, не содержат соответствующих рекомендаций по реализации полученных выводов.

Отдельные публикации страдают компилятивностью, поверх-

[2] Указ. сб., стр. 413.

ностным освещением предмета. Многие из опубликованных работ остаются незамеченными другими исследователями и отраслевой печатью. Еще робко выходят наши ученые с результатами своих исследований на всесоюзную арену. Авторы некоторых работ в области общественных наук, например, обращаясь к анализу социальных явлений, ограничиваются только их простым описанием, не вскрывают противоречий в их становлении и развитии, пути дальнейшего совершенствования и преобразования. В багаже наших обществоведов мало тем, связанных с критикой буржуазных теорий, разоблачением наших идеологических противников.

Обращает на себя внимание заметная пестрота в показателях научной работы кафедр. Наряду с подразделениями, где хорошо поставлены госбюджетные и хоздоговорные научно-исследовательские работы, некоторые кафедры слабо участвуют в теоретических исследованиях, не ведут прикладных разработок, не имеют единых тематик, плохо ориентированы на научные исследования в рамках вузовских планов. Руководители ряда хоздоговорных исследований после сдачи выполненных работ заказчикам теряют связь с последними, не проявляют интереса к судьбе своих разработок и не осуществляют авторского надзора в ходе технологического использования их.

В последние годы обнаружилась нежелательная тенденция увеличения разрыва в сроках разработок и внедрения их в производство. 42% научных работ, осуществленных вузами в 1971 г., остались не внедренными в народное хозяйство. Из 162 внедренных в 1974 г. научных тем 105 (64,8%) закончены в 1971—1973 гг.

Существует закономерность: чем значительнее и сложнее выполненная учеными тема, тем важнее участие авторов в ее внедрении [3]. Но в деятельности ряда вузовских исследователей это требование реализуется слабо. Еще мало заключается в республике договоров о содружестве между коллективами ученых и предприятий по разработке и внедрению новых научных открытий, технологических процессов.

В решениях декабрьского (1974 г.) Пленума ЦК КПСС в качестве главных рычагов, с помощью которых нужно обеспечивать более высокую ступень экономического развития страны в ближайшем будущем, наряду с совершенствованием механизма и методов хозяйствования, названо ускорение научно-технического прогресса и поставлена задача направить усилия на его убыстрение. Говоря об улучшении участия вузов в научно-техническом прогрессе, должно иметь в виду все стороны их многоплановой деятельности в этой области. Здесь главным остается, бесспорно, дальнейшее обеспечение концентрации научных сил, материальных и финансовых ресурсов в первую очередь на

[3] См.: *В. М. Петров.* Вузы и научно-технический прогресс. М., 1973, стр. 86.

решении важнейших научно-технических проблем, повышении эффективности научных исследований. Так записано в Директивах XXIV съезда партии, так требует жизнь. Главным звеном в использовании научных сил должно быть общественное производство, развитие экономики. Много проблем общественного производства требует своего решения на научной основе, с участием ученых. Большое значение для народного хозяйства республики в этой и последующих пятилетках имеет и будет иметь разработка проблем повышения эффективности промышленного производства, улучшения использования существующих производственных мощностей, реконструкции отдельных предприятий и производств, модернизации оборудования, комплексной механизации, автоматизации участков, внедрения передовой технологии, повышения качества, надежности и долговечности изделий, совершенствования организации производства, труда и управления, преодоления текучести кадров, укрепления трудовой дисциплины и др.

Сложной отраслью в республике остается сельское хозяйство. Сельскохозяйственные органы ставят перед учеными темы и вопросы, связанные с научным обоснованием системы оплаты труда и форм материального поощрения механизированных звеньев и работников, занятых на возделывании овощных, технических и кормовых культур, оптимального уровня концентрации производства с определением критериев экономических взаимоотношений между хозяйствами, входящими в состав производственных объединений, с установлением экономически рассчитанных межхозяйственных цен на разные виды продукции в связи со специализацией и концентрацией сельскохозяйственного производства, разработкой дифференцированных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию с учетом бонитета земли и оснащенности производственными фондами, с улучшением технологических процессов в животноводстве и растениеводстве, с созданием новых пород скота, внедрением новых культур, совершенствованием форм и методов управления сельскохозяйственным производством.

О необходимости разработки этих проблем говорилось на пленуме областного комитета партии (ноябрь 1974 г.), обсудившем «Мероприятия по углублению специализации и концентрации сельскохозяйственного производства Чувашской АССР в свете постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР».

Большой, почти нетронутый простор для научных изысканий, в т. ч. на хоздоговорных началах, имеет в республике капитальное строительство. Строители остро нуждаются в научном решении проблем повышения эффективности капитальных вложений, ускорения ввода объектов в эксплуатацию и освоения мощностей, автоматизации и механизации технологических процессов

(в частности, штукатурных и малярных работ), разработке новых материалов, конструкций.

В социально-культурной области следовало бы усилить внимание ученых к процессам, происходящим в республике, особенно исследовать изменения в социальной структуре, формирование и развитие рабочих коллективов, последствия внедрения и использования результатов научно-технического прогресса, а также идеологические процессы, пути и средства повышения эффективности борьбы с пережитками прошлого в сознании и поведении людей и формирования передовых взглядов и убеждений. Немаловажное значение имеет разработка планов социального развития коллективов, рекомендаций по улучшению санитарно-гигиенических условий производства и быта трудящихся, охраны здоровья населения и др. С участием вузовских ученых необходимо изучить историю развития общественной мысли в Чувашии.

Разумеется, нельзя все сводить только к прикладным исследованиям. Высшие учебные заведения, особенно университет, предназначены быть центрами развития также фундаментальных исследований. Важно сосредоточить силы ученых на ведущих направлениях науки, добиваться, чтобы больше было оригинальных научных школ, разрабатывающих актуальные фундаментальные проблемы. Формирование в республике научной школы по физике неустойчивого горения и успешная работа некоторых других научных коллективов дают основание полагать, что в ближайшее десятилетие, возможно, уже в пятилетке, появятся новые научные школы.

Повышение эффективности научно-исследовательской работы и расширение ее масштабов в вузах, улучшение использования их научного потенциала требуют дальнейшего совершенствования управления наукой, решения ряда организационно-технических и социальных вопросов. Сложившиеся научные направления, думается, еще требуют своего внутреннего развития, т. к. многие темы слабо связаны между собой. Необходимо определенное усиление централизованных начал в планировании научно-исследовательских работ на кафедрах. Пока они во многих случаях складываются лишь на основе личных интересов исследователей. Планирование научно-исследовательской работы снизу, которое в настоящее время существует, надо дополнить планированием сверху: шире развивать практику специальных заказов нашим ученым со стороны партийных и советских органов по разработке конкретных вопросов науки, техники, производства и общественного развития в рамках госбюджетных работ. Это, естественно, еще больше сблизит науку с производством и жизнью, благотворно скажется на уровне самих исследований, будет способствовать углубленному изучению научных проблем.

В целях приближения исследуемых проблем к жизни целесообразно, видимо, ввести в практику обсуждения их в соответствующих республиканских министерствах и ведомствах, партийных

и советских органах, общими усилиями разработать в ближайшее время тематику актуальных научных проблем (особенно это уместно делать в связи с составлением перспективных планов исследовательской работы на десятую пятилетку), проводить встречи и совместные совещания с руководителями и специалистами министерств и ведомств, предприятий, строек, колхозов и совхозов. Последнее важно и для расширения и укрепления экспериментально-производственной и учебной базы вузов.

Дальнейшее совершенствование управления наукой в вузах связано также с внедрением комплексных научных исследований, новых организационных форм экономического взаимодействия науки и производства (создание научно-производственных или даже учебно-научно-производственных объединений).

Для проведения комплексных исследований (по общим темам, с участием нескольких кафедр) в вузах имеются благоприятные возможности. В них трудятся научные и научно-педагогические работники 165 специальностей. Только в штате университета насчитываются кадры около 20 отраслей науки и 118 специальностей. И подобное содружество ученых есть. Например, сотрудники кафедры чувашского языка и литературы университета совместно с учеными Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР участвуют в создании ряда крупных трудов, как-то: многотомной научной грамматики чувашского языка, академического чувашско-русского словаря и т. п. Ученые университета участвовали в подготовке «Очерков истории Чувашской областной организации КПСС». Межкафедральные и межвузовские связи развиваются у ученых медиков и других специалистов. Такая работа заслуживает всяческой поддержки.

Изучая социально-экономические и организационные вопросы исследовательской работы в высших учебных заведениях, необходимо обобщить опыт и разрабатывать рекомендации по дальнейшему развитию вузовской науки. Требуют научного обоснования многие вопросы, например: каким должно быть соотношение фундаментальных и прикладных, госбюджетных и хоздоговорных исследований в вузах, каковы пути оптимизации научного труда работников, которые наряду с педагогической работой ведут научные исследования и т. д. Словом, ученые должны решать и вопросы интенсификации собственного научного труда. Это тем более важно, что в ближайшие годы в республике наука должна будет развиваться интенсивными методами. В ближайшее время не произойдет какого-либо резкого увеличения численности научных и научно-педагогических кадров, как это случилось с открытием университета в 1967 г. В то же время объем предстоящих исследований увеличивается.

Сегодня как никогда остро стоит задача, чтобы выпускники вузов — будущие специалисты — со студенческой скамьи приобщались бы к творчеству, к научным поискам. Уже достигнуты

определенные успехи в вовлечении студентов в исследовательскую работу.

Таблица 3

Вузы	Всего студентов, обучавшихся на дневном отделении	Из них вели в 1974 г. науч.-иссл. работу		В том числе	
		чел.	в % %	по тематике госбюдж. ассигнований (чел.)	по тематике хоздоговоров (чел.)
Университет	4649	4299	92,5	3729	570
Педагогический институт	2133	1086	50,9	189	—
Сельскохозяйственный институт	1386	527	38,0	499	33
Всего	8168	5912	72,4	4417	603

В университете создано и работает студенческое конструкторское бюро. Ряд студенческих работ отмечен дипломами ВДНХ СССР, дипломами Всероссийской выставки-смотра научного и технического творчества студентов, грамотами Министерства высшего образования РСФСР и ЦК ВЛКСМ. Студенты являются авторами и соавторами ряда опубликованных работ и изобретений. Необходимо еще шире развивать это новое, прогрессивное явление в жизни вузов, добиваться, чтобы все студенты в стенах вузов приобрели определенные навыки исследовательской работы.

Основу научного потенциала составляют кадры, и в управлении процессами развития науки работа с людьми должна занимать главное место. Необходимо проявлять постоянное внимание к вопросам повышения квалификации научных и научно-педагогических работников, улучшения их возрастной структуры, создания резерва кадров и некот. др.

Однако в вузах в последние годы сократилась доля дипломированных специалистов высокой квалификации по таким специальностям, как химические, биологические, исторические, экономические, педагогические и медицинские науки. В то же время имеется неплохой резерв для квалификационного роста научных и научно-педагогических работников. Например, из 358 старших преподавателей, преподавателей и ассистентов университета 272 чел. (76,0%) имеют возраст не старше 40 лет.

Сила научного коллектива обнаруживается прежде всего в реальной активности, в теоретической подготовленности работников. Не секрет, что на некоторых кафедрах университета и ин-

ститутов имеются преподаватели и другие сотрудники, весьма слабо участвующие или вовсе не участвующие как в госбюджетных, так и в хоздоговорных исследованиях. Ряд сотрудников за последние годы не оформил ни одной научной разработки, не опубликовал статьи. Удельный вес этой категории работников в 1974 г. составил по всем вузам 18,9%, в т. ч. в сельскохозяйственном институте 26,3%, в педагогическом институте — 18,1% и университете — 17,1%.

Неверно мнение, что будто научная работа в вузе мешает учебно-воспитательному процессу, делу подготовки специалистов и что-де не обязательно, чтобы преподаватели занимались научно-исследовательской работой. Научную и учебно-педагогическую работу в вузах надо рассматривать как две стороны единого процесса как в плане совмещения преподавателями вузов своей педагогической работы с научно-исследовательской, так и в более глубоком, органическом слиянии указанных сторон в основной сфере деятельности вузов — в деле подготовки высококвалифицированных специалистов. К настоящей творческой работе студентов могут готовить только те преподаватели, которые сами активно занимаются творческим поиском. Наше народное хозяйство нуждается в помощи научных и научно-педагогических кадров вузов через систему хозяйственно-договорных работ. Эта система, при правильном ее использовании, может явиться и является фактором научного роста самих преподавателей, эффективной формой привлечения студентов к научному творчеству, базой для выявления талантливой молодежи. Последних впоследствии можно будет смело рекомендовать в аспирантуру, с уверенностью, что они в сроки и на качественном уровне подготовят и защитят диссертацию, не подведут вузы. «Научная работа ученых высшей школы, правильно и умело организованная и сочетаемая с учебно-воспитательным процессом,— пишет министр высшего и среднего специального образования СССР тов. Елютин В. П.,— является важнейшим средством повышения научного уровня образования и формирования научно-материалистического мировоззрения у студентов. Интенсивная научная деятельность высшей школы позволяет всесторонне использовать последние научные достижения в обучении студентов, совершенствовать учебный процесс, создает условия для постоянного повышения квалификации профессорско-преподавательского состава. Современное высшее образование стало невозможным без систематической, целенаправленной и широко развернутой научной работы университетов и институтов страны»[4].

Между научной работой и учебным процессом могут быть и противоречия — как на уровне вуза в целом, так и кафедр и отдельных работников. Важно вовремя обнаруживать и устра-

[4] *В. П. Елютин.* Развитие высшей школы в СССР. М., 1971, стр. 74.

нять их, обеспечивать оптимальное сочетание научной и педагогической работ.

Серьезной задачей в вузовских коллективах остается дальнейшее усиление работы по марксистско-ленинской мировоззренческой, методологической закалке научно-педагогических кадров, воспитанию их общественной зрелости и активности. Большую активность должны проявить ученые в распространении научных знаний среди широких масс населения. К сожалению, представители ряда отраслей наук (химических, физико-математических, биологических), не в пример своим коллегам по общественным, медицинским и некоторым другим наукам, слабо пропагандируют свои достижения.

Существенными показателями уровня организации научной работы в вузах, повышающими эффективность исследований, являются научно-информационное обеспечение работников, пропаганда передового опыта, состояние психологического «микроклимата» в научной среде, правильно организованная система морального и материального поощрения исследователей и мн. др. Думается, во всех этих областях в вузах республики есть неиспользованные резервы и нерешенные вопросы. Например, ученые нуждаются в систематическом получении информационных бюллетеней, справочников об отечественных и зарубежных изданиях по различным отраслям науки и техники. Хотя определенную часть их вузы выписывают, но зачастую эти источники информации кое-где лежат мертвым грузом и не используются в исследовательской работе. Коллективы многих кафедр, годами работая в том или ином направлении науки, не проявляют заботы о создании хотя бы простой единой картотеки по проблемам своих исследований. И другим исследователям приходится тратить массу времени в поисках нужной литературы, хотя коллеге по работе о ней известно. Необходимо полнее использовать также существующее оборудование. Даже в университете только треть из 56 кафедр в исследовательской работе пользуется имеющейся электронно-вычислительной машиной.

Руководителям подразделений, связанных с проведением социологических исследований, совместно с научной частью нужно подумать о создании в вузах банков социологической информации, что поможет лучше сохранять собранную с большими затратами информацию для последующих исследований.

Партийные организации должны выступать проводниками идей партии в научных коллективах, активно участвовать в формировании тематики исследований, работать по созданию творческой атмосферы среди ученых, совершенствованию условий их деятельности и роста, заботиться о подготовке резерва научных кадров, обеспечить максимальную реализацию научного потенциала, заложенного в вузах.

Центральный Комитет нашей партии призывает народную интеллигенцию, деятелей науки и культуры направлять уси-

лия на ускорение научно-технического прогресса, крепить связь науки с производством, быстрее внедрять в практику достижения науки, техники и передового опыта.

Коллективы научных и научно-педагогических работников вузов республики, опираясь на свой лучший опыт и традиции, должны сделать все от них зависящее, чтобы успешно выполнить наказ партии, свои социалистические обязательства, обеспечить дальнейшее развертывание научных исследований, улучшение учебно-воспитательного процесса и стать в один ряд с ведущими университетами и институтами страны.

Г. И. Иванов

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ МЕЛКОКУСТАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Проблема преобразования мелкокустарной промышленности в крупное обобществленное социалистическое производство, несмотря на ее актуальность и важность изучения, не получила сколько-нибудь значительного освещения как по Советскому Союзу в целом [1], так и по отдельным национальным автономиям. Достаточно отметить, что в исторической литературе по Чувашии нет ни одного специального исследования по этой проблеме.

В данной статье, ограниченной рамками первой пятилетки, нами сделана попытка несколько восполнить вышеуказанный пробел.

В числе основных и наиболее трудных задач, вставших перед Коммунистической партией после победы социалистической революции, были обуздание мелкобуржуазной стихии и постепенная реорганизация мелкотоварного уклада на началах социализма. При этом партия учитывала, что мелкотоварный уклад включал в себя не только крестьянские хозяйства, преобладавшие в нем, но и значительную часть кустарей и ремесленников. Укрепление Советской власти, победа новых социалистических производственных отношений зависели не только от отношения к ней крестьянства, но в определенной степени и других мелкобуржуазных слоев города и деревни.

Преобразование мелкокустарной промышленности в крупное обобществленное социалистическое производство являлось составной частью строительства материально-технической базы социализма. Здесь предстояло нанести последний удар по частному капиталу в области промышленности. При этом речь шла не только о выкорчевывании самых глубоких корней капитализма, возрождавшегося из мелкотоварного производства, но и о вовлечении в русло социалистического строительства миллионов мелких производителей — непролетарских масс трудящихся.

Кустарная промышленность в национальных районах требовало к себе особого внимания. В большинстве из них, в том числе

---

[1] См.: *А. Ф. Чумак.* К вопросу о вовлечении кустарей и ремесленников в социалистическое строительство.—«Вопросы истории КПСС», 1967, № 7; *А. И. Бузлаева,* Ленинский план кооперирования мелкой промышленности СССР. М., 1969.

и в Чувашии, она представляла собой один из основных видов промышленности и служила, наряду с государственной промышленностью, базой индустриализации. «Особое внимание при составлении пятилетнего плана,— подчеркивалось в решениях XV съезда ВКП(б),— должно быть уделено развитию мелкой и кустарной промышленности окраин, в частности национальных республик и областей» [2].

Преобразование мелкокустарной промышленности ранее отсталых национальных республик и областей в крупное обобществленное социалистическое производство являлось одним из средств их перехода в социализм, минуя капиталистическую стадию развития, создания крупной промышленности.

Кустарная промышленность в Чувашской АССР накануне первой пятилетки представляла собой крупный экономический фактор как по числу занятого населения, так и по выпуску валовой продукции и являлась важным источником дохода населения. Острое малоземелье, низкие доходы от крестьянского хозяйства, слабое развитие фабрично-заводской промышленности вынуждали население Чувашии заниматься кустарными промыслами. По приблизительным подсчетам на территории современной Чувашии насчитывалось около 30 тыс. кустарей более ста видов промыслов [3].

По развитию промыслов Чувашская АССР значительно опережала как соседние районы, так и средние показатели по РСФСР и СССР в целом. По переписи 1929 г. в кустарной промышленности занято 46186 чел., что составляло 568 кустарей на 10 тыс. населения. По числу занятых лиц и удельному весу валового оборота доминирующее положение в кустарной промышленности занимали следующие основные группы промыслов: деревообработка — соответственно 66,5% и 30,9%; производство стройматериалов—6,7% и 6,4%; швейно-трикотажное производство — 6,1% и 13,1%; текстильное—5,4% и 19,0%; кожевенно-меховое— 4,7% и 10,9%; металлообрабатывающее — 4,0% и 4,9% и пищевкусовое (без мукомолия и маслоделия) [4] — 1,2% и 12,2% [5].

Мелкокустарная промышленность республики теснейшим образом была связана с сельским хозяйством и являлась необходимым дополнением к нему. Лишь 5,6% кустарей (по обследова-

---

[2] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II. М., 1954, стр. 339.

[3] См.: ЦГА ЧАССР. ф. 210, оп. 8, д. 58, лл. 1—3.

[4] Подробнее см.: «Кустарно-ремесленная промышленность Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики в 1925 г.». Чебоксары, 1927; «Отчет правительства Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики за 1926—27 и 1927—28 годы». Чебоксары, 1929; *И. Риманов.* Кустарная промышленность и промкооперация Чувашской республики.— «Чувашское хозяйство», 1930, № 1(5), стр. 86—98.

[5] *И. Риманов.* Указ. соч., стр. 86—87; ПАЧО, ф. 1, оп. 11, д. 203, лл. 183—184.

нию 1927 г.) было занято в городах. При этом они работали, главным образом, в тех промыслах, где при незначительном числе рабочей силы вырабатывалась более ценная продукция. Продолжительность рабочего сезона городского кустаря значительно превосходила сельского. И наоборот. Чем ближе кустарные промыслы стояли к сельскохозяйственному производству, тем меньше была продолжительность рабочего сезона. В силу этих причин выработка продукции одного работающего в городах кустаря была несколько раз больше, чем на селе.

До 95% промысловых хозяйств обходилось без наемного труда. Наемные работники использовались в основном в городах. Среди кустарей чуваши составляли большинство (около 75%), русские — более 20%. Последние главным образом находились в городах и занимались в промыслах ремесленного характера. В кустарной промышленности республики, особенно в ткацком и текстильном промыслах, довольно широко привлекался труд детей (до 15 лет), подростков (15—18 лет) и женщин.

Промыслы республики работали как на местном, так и привозном сырье. Сырье привозилось для кожевенно-обувного, швейного, сапоговаляльного, металлообрабатывающего и рогоже-кулеткацкого производства [6]. По некоторым из них процент ввозимого сырья доходил до 70.

Характерной чертой всех промыслов кустарной промышленности республики, в том числе и кооперированной, накануне первой пятилетки являлся низкий технический уровень ее производственных фондов. Механическая сила лишь незначительно применялась в лесопилении, производстве стройматериалов, химических удобрений и кожевенном промысле. В остальных применялись только ручные орудия труда. По переписи 1927 г. основной капитал по всем 15965 производственным единицам кустарной промышленности составлял всего 2700,1 тыс. червонных рублей. Из них 4,5% приходилось на двигатели и 48,2% — на прочее оборудование. В целом на одну производственную единицу падало 169,9 руб., в т. ч. по сельской местности — 160,5 руб., по городской — 336,9 руб. [7].

По своему экономическому значению кустарные промыслы подразделялись на две основные группы. Одна — кулеткачество (производство рогож и кулей), смолокурение, корзиноплетение и выработка разного рода полуфабрикатов из дуба — имела общегосударственное значение, продукция в большей части реализовалась на рынках СССР и за границей. Другая группа промыслов была местного значения и удовлетворяла нужды населения республики.

---

[6] Следует отметить, что при нехватке мочалы для местного рогоже-кулеткацкого производства, она в значительном количестве вывозилась за пределы республики — *Авт.*

[7] «Отчет правительства Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики за 1926—27 и 1927—28 годы», стр. 49.

В 1927/28 г. мелкокустарной и кооперативной промышленностью (без цензовых предприятий промкооперации, мельниц, крупорушек и маслобоек) было выработано продукции на 6209,2 тыс. руб. (в ценах 1926/27 г.), что составляло 6,4% в валовом доходе народного хозяйства республики [8].

В преобразовании мелкокустарной промышленности в крупное социалистическое производство партия опиралась на основополагающие идеи В. И. Ленина. «Наша основная задача,— говорил В. И. Ленин на X Всероссийской конференции РКП(б),— восстановление крупной промышленности. А для того, чтобы нам сколько-нибудь серьезно и систематически перейти к восстановлению этой крупной промышленности, нам нужно восстановление мелкой промышленности» [9].

Политика партии по отношению к кустарям и ремесленникам в социалистическом преобразовании данной промышленности принципиально не отличалась от политики по отношению к крестьянству. Ее основу составлял ленинский кооперативный план. Но конкретная его реализация имела ряд особенностей. К началу первой пятилетки партия определила формы и методы вовлечения мелких производителей в социалистическое строительство; основным методом социалистического преобразования мелкокустарной промышленности стало кооперирование кустарей путем вовлечения их в промысловые артели. «Промысловая кооперация, —указывал В. И. Ленин,— поможет развитию мелкой промышленности, которая увеличит количество необходимых для крестьян продуктов, не требующих большей частью ни дальнего подвоза по железным дорогам, ни крупных фабричных заведений. Надо всеми мерами поддержать и развивать промысловую кооперацию, оказать ей всяческое содействие, это—обязанность партийных и советских работников...» [10]. Промысловая кооперация явилась столбовой дорогой для перевода мелкокустарной промышленности на рельсы социализма.

Промысловая кооперация, как и другие ее формы, стала развиваться в Чувашии с 1921 г., когда один за другим возникли три кооперативные организации — «Чувашкуль» (объединял кулеткацкие артели), «Кустсоюз» (объединял разного вида промысловые артели) и «Сельхозсоюз». В целях избежания распыления сил и средств, устранения параллельности в работе и создания более или менее мощного кооперативного союза они были объединены в конце 1921 г. в единый «Чувашпроизводсоюз». В 1923 г. он стал членом «Всекоопромсоюза» и «Всеколеса». Рост кустарно-промысловой, лесной и сельскохозяйственной кооперации,

---

[8] «Тезисы Госплана ЧАССР по перспективному пятилетнему плану развития народного хозяйства и культуры Чувашской Автономной Советской Социалистической республики на 1928/29—1932/33 гг.». (На правах рукописи). Чебоксары, 1929, стр. 7, 11, 27.

[9] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 306.

[10] Там же, стр. 250.

усложнившие задачи по производственному кооперированию и специализации привели к необходимости реорганизации его в конце 1927 г. на два самостоятельных объединения — «Чувашкустпромлессоюз» и «Чувашселькредсоюз». Членами «Селькредсоюза» могли являться сельскохозяйственные и кредитные товарищества, а «Куспромлессоюза» — кустарно-промысловые и лесные товарищества. Артелям со смешанными функциями допускалось двойное членство [11].

К началу первой пятилетки насчитывалось большое количество «диких», неохваченных союзной системой кооперации. Среди последних имелись и лжекооперативы.

Лжекооперативами признавались те артели, где в число их учредителей или членов выборных органов входили лица, которым это было воспрещено законом, или когда преобладающее влияние имели капиталистические элементы, использовавшие кооперацию в своих классовых интересах, или когда деятельность артелей противоречила интересам социалистического строительства [12].

«Дикие» кооперативы возникали стихийно, бессистемно, нередко в одной и той же деревне появлялось сразу несколько артелей и товариществ, подчас даже однородных. По существу они являлись капиталистическими предприятиями, действовавшими под кооперативной вывеской. Частный капитал в кустарной промышленности действовал самыми разнообразными методами, и как непосредственный организатор производства, и как посредник в снабжении кустарей сырьем и сбыте их продукции. Частник использовал финансовую и организационную слабость зарождавшейся кооперации, проявлял изворотливость, не брезговал никакими средствами для собственного обогащения, старался уйти от государственного контроля и обойти действовавшее законодательство. Кооперативная форма давала частнику возможность получать сырье в плановом порядке, пользоваться всеми другими льготами, предоставленными государством промартелям.

Частный капитал под кооперативной вывеской организовывал непосредственно и свое производство, в которых работало по найму иногда по несколько десятков человек, и широко эксплуатировался труд кустарей-надомников.

Выделение промысловой и лесной кооперации в «Чувашкуспромлессоюз» из единого «Чувашпроизводсоюза», объединявшего все виды кооперации (промысловые, лесные, сельскохозяйственные, кредитные и др.), создало благоприятные условия для дальнейшего кооперирования кустарей, увеличения числа кооперативов, усиления руководства низовыми объединениями. Только за один 1927/28 г. число кооперативов союза увеличилось в 2,3 раза

---

[11] ПАЧО, ф. 1, оп. 8, д. 13, лл. 292—294.
[12] *А. И. Бузлаева.* Указ. соч., стр. 91.

(с 33 до 76), а число членов в них — в 2,6 раза (с 3546 до 9417 чел.).

Накануне первой пятилетки «Чувашкустпромлессоюзом» было объединено 50,7% кооперативов данной системы, а 49,3% относились к «диким» кооперативам. Охват промыслов «Чувашкустпромлессоюзом» в районном разрезе был неравномерным. Северные районы республики отличались наибольшей кооперированностью. Из 76 кооперативов Чувашии 33 находились в Чебоксарском районе. 41% «диких» кооперативов также падало на Чебоксарский район. Доминирующее положение как в составе союзной системы, так среди «диких» занимали рогожно-кулеткацкие и лесозаготовительные артели (соответственно 68,4% и 41%) [13].

Большинство вырабатываемой продукции некооперированной кустарной промышленности реализовывалось непосредственно самими кустарями среди населения. По данным ЦСУ Чувашской АССР за 1927 г. частники снабжали сырьем некооперированных кустарей по кирпичному производству — 93%, мыловаренному — 99%, кузнечному и бондарному — 20%; в сбыте продукции: по рогожному — 42%, бондарному — 38%, смолокурению — 36% [14]. Тем самым видно, что участие частника в кустарно-промысловой кооперации было значительным. За I полугодие 1927/28 г. оно составило в снабжении сырьем 5,6%, сбыте продукции — 10,8% и поступлении изделий — 3,0% [15].

Таковы основные характерные моменты состояния кустарной промышленности республики накануне первой пятилетки.

Во второй половине 20-х гг. в Чувашии, как и по всей стране, созрели объективные условия для перехода к плановому ведению народного хозяйства на основе перспективных пятилетних планов, отвечающих все более возросшим задачам социалистического строительства. Это имело первостепенное значение для дальнейшего развития кустарной промышленности и ее социалистического преобразования.

В первом пятилетнем плане Чувашской АССР, несмотря на форсированный темп развертывания государственной промышленности, значительную роль в экономике республики отводилось мелкокустарной промышленности. Основное внимание обращалось на расширение кооперативного сектора, на механизацию трудоемких и рентабельных производств, базировавшихся преимущественно на местном недефицитном сырье. При плане роста общего числа кустарей на 60% (с 25987 чел. в 1927/28 г. до 41579 чел. в 1932/33 г.) намечалось довести процент кооперирования до 75 (с 9417 чел. до 31000 чел.). Валовая продукция

[13] См.: «Резолюции и постановления XIII областной партконференции (28. XII—5. I—1929 г.)». Чебоксары, 1929, стр. 55; ПАЧО, ф. 1, оп. 8, д. 8, лл. 33, 42; оп. 11, д. 232, лл. 162—163.

[14] ПАЧО, ф. 1, оп. 9, д. 1, л. 270.

[15] Там же, д. 6, л. 42.

кооперированной кустарной промышленности должна была возрастать на 372% (с 2741,7 тыс. руб. до 10200 тыс. руб.).

Рост продукции кооперированной кустарной промышленности намечался достигнуть путем поднятия производительности труда на основе увеличения производственной нагрузки кустарей, перевода их в общие мастерские и механизации труда в них, организованного снабжения сырьем. В кооперированную кустарную промышленность планировалось вложить 1300 тыс. руб., что давало возможность построить около 100 различных предприятий (мастерских). Удельный вес кустарной промышленности в валовом доходе народного хозяйства должен был возрастать до 7% в 1932/33 г. против 6,4% в 1927/28 г. [16].

В годы первой пятилетки значительно улучшилось практическое руководство кустарной промышленностью и промкооперацией со стороны партийных и советских, профсоюзных и хозяйственных органов республики. В этот период вопросы развития кустарной промышленности стояли в центре внимания на всех областных партийных конференциях. Неоднократно рассматривались они и на пленумах Чувашского обкома ВКП(б). Например, 9 апреля 1929 г. по решению обкома партии был создан специальный совет содействия кустарной промышленности, в состав которого вошли ответственные работники наркоматов и ведомств [17].

XIII областная партийная конференция (28/XII-1928 г.—5/I-1929 г.) специально рассмотрела вопрос о кустарной промышленности и промысловой кооперации. Глубоко и всесторонне проанализировав состояние этих отраслей народного хозяйства, конференция наметила как основные задачи «дальнейшее развитие кустарной промышленности, усиление ее кооперирования и вытеснение частного капитала, организационное укрепление системы промысловой кооперации и финансово-хозяйственное оздоровление деятельности ее, улучшение культурно-бытового обслуживания кустарей, массовое обобществление труда кустарей и подготовка работников для низовой сети промысловой кооперации» [18]. Развитие кустарной промышленности предусматривалось по линии расширения и укрепления существующих и организации новых трудоемких промыслов, базировавшихся на местном недефицитном сырье, а также имевших экспортное значение.

Партийная конференция подчеркнула, что «основным рычагом воздействия на кустарную промышленность является ее кооперирование» [19]. Укрепление и развитие кустарных промыслов на основе их кооперирования и улучшения техники производства

---

[16] См.: «Тезисы Госплана ЧАССР», стр. 19, 27.

[17] ПАЧО, ф. 1, оп. 10, д. 13, л. 39. В последующем совет содействия кустарной промышленности был преобразован в комитет кустарно-промысловой кооперации.

[18] «Резолюции и постановления XIII областной партконференции», стр. 56.

[19] Там же, стр. 55.

являлось одной из важнейших задач партийных, советских, хозяйственных организаций республики.

Большое внимание обращалось на четкое проведение классовой линии в промысловой кооперации, ликвидацию «лжекооперативов» и вовлечение классово-выдержанных «диких» артелей в кооперативную систему. В целях усиления вовлечения батрацко-бедняцкой части кустарей в кооперативы конференция указала на необходимость своевременного и полного использования фонда кооперирования бедноты, над расходованием которого устанавливался особый контроль. Усиление кооперирования женщин и молодежи стало не менее важной задачей промысловой кооперации. В этих целях областная конференция предлагала организовывать специальные женские артели и новые промысла, где преимущественно применялся бы женский труд.

В свете партийных решений в годы первой пятилетки основное внимание уделялось производственному кооперированию кустарей. Данные табл. 1 показывают, как из года в год возрастал охват кустарей промкооперацией, и в первые годы пятилетки (1928—1930 гг.) этот процесс шел значительно быстрее, чем в последующие. В 1931—1932 гг. наряду с ним главный упор был сделан на рационализацию и механизацию кооперированной кустарной промышленности, артели стали переводить их в общие мастерские и строить мелкие предприятия. Многие кустари вступали в колхозы, уезжали на стройки и промышленные предприятия. Для них кустарные промыслы перестали быть основным производственным занятием. Поэтому они уже исключались из состава кустарей.

Общее число кооперированных кустарей за годы первой пятилетки увеличилось почти в 4 раза, а процент кооперирования составил 67% в 1932 г. против 17,5% в 1927/28 г.

Таким образом, в конце первой пятилетки основная масса кустарей была кооперирована. Осуществление ленинского кооперативного плана в кустарной промышленности шло более быстрыми темпами, чем в сельском хозяйстве республики. При кооперировании кустарей встречалось значительно меньше трудностей, чем при коллективизации сельского хозяйства. Дело в том, что часть кустарей имела орудия труда в групповой собственности. В ряде кустарных производств труд в одиночку был невозможен. В некоторых промыслах (лесозаготовки и др.) кустари задолго до революции работали совместно, коллективно, артелями. Поэтому они быстрее убеждались в преимуществах коллективного труда, чем обыкновенные крестьяне, не занимавшиеся кустарными промыслами или для которых такой труд носил лишь подсобный характер к личному земледельческому хозяйству.

Ускорению кооперирования кустарей способствовала также передача государственных и строительство значительного количества цензовых предприятий и мастерских в системе промысловой кооперации.

Советское правительство в ряде декретов определило правовое положение и организационные формы развития промысловой кооперации, права и обязанности их членов. Большую роль в организационном укреплении промысловой кооперации, в налаживании планомерной работы в них сыграли Постановление СНК

Таблица 1[20]

Кооперирование кустарей Чувашии за годы первой пятилетки

	На 1/—1928 г.	На 1/I—1929 г.	На 1/I—1930 г.	1931 г.	1932 г.
Число кооперированных кустарей	7258*	10941**	19800	24400***	27800***
В % % к предыдущему году	—	150,7%	181%	123,2%	114%
В % % к 1/I—1928 г.	—	150,7%	272,8%	336,2%	383%
% кооперирования	17,5%	26,3%	47,7%	58,8%	67%

[20] Таблица составлена на основе данных «К XVII Чувашской областной партийной конференции. Материалы к отчету Чувашского ОК ВКП(б)». Чебоксары, 1933, стр. 19; «Резолюции XVII Чувашской областной партийной конференции (5—12 января 1934 г.)» Чебоксары, 1934, стр. 14; Итоги двух лет пятилетки. Материалы к докладу правительства ЧАССР IV (9) съезду Советов», Чебоксары, 1931, стр. 35; ПАЧО, ф. 1, оп. 11, д. 232, л. 161.

При определении процента кооперирования кустарей встречаются значительные трудности, особенно при наиболее точном установлении общего количества их, поскольку в источниках из-за различного подхода отдельные данные не всегда совпадают. В таблице использованы материалы сплошной переписи кустарной промышленности 1929 г., по которым число кустарей составляло 46186 чел. Считая, что в рогожно-кулеткацком производстве было около 6 тыс. станков и на каждом из них занято по одному несовершеннолетнему, не подлежавшему кооперированию, и что некоторые из них к концу пятилетки подлежали по возрасту кооперированию, то общее число кустарей можно считать 41,5 тыс. чел. (См., например: ЦГА ЧАССР, ф. 210, оп. 7, д. 29, 73).

* Исключая кустарей смешанной сети. Вместе с ними численность кооперированных кустарей составляла 9417 чел. Встречаются и другие данные: всего— 9457 чел. («Десять лет Чувашской Автономной Сов. Соц. Республики. 1920—1930». Чебоксары, 1930, стр. 129), или, исключая смеешанную сеть,— 7101 чел. (ПАЧО, ф. 1, оп. 8, д. 56, лл. 30—31, 42, 47).

** В материалах «Итоги двух лет пятилетки», стр. 35 указано 10541 чел.

*** В «Материалах к отчету правительства Чувашской АССР на X съезде Советов». Чебоксары, 1934, стр. 19 и в журн. «Социалистическое строительство ЧАССР», 1934, № 7—8, стр. 38 есть показатели за 1931—1934 гг. Данные за 1931—1932 гг., несколько отличаются от приведенных: в 1931 г. членов промысловой кооперации насчитывалось 22736 чел., вместе с «Коопинсоюзом»— 24024 чел., в 1932 г.— соответственно 26671 чел. и 28154 чел. В «Основных показателях итогов первой пятилетки и контрольных цифрах хозяйственного и социально-культурного строительства ЧАССР на 1933 год» (Чебоксары, 1933), стр. 9 указано 29342 чел., в том числе без артелей инвалидов — 27856 чел.

СССР от 3 мая 1927 г. «О кустарно-ремесленной промышленности и промысловой кооперации» и «Положение о промысловой кооперации» (Постановление ЦИК и СНК СССР от 11 мая 1927 г.) [21]. Они определили порядок формирования и деятельности промысловых товариществ и артелей, образования капиталов и распределения прибылей, права и обязанности членов, планового снабжения и организации заготовок сырья и материалов и т. д.

Промысловые кооперативные товарищества, или артели, создавались для ведения совместного производства, организации труда своих членов, снабжения их требующимися материалами, инструментами, сбыта продуктов их труда и т. д. Работа на предприятиях промысловой кооперации и на дому должны были выполняться личным трудом членов артели. Применение наемного труда допускалось только для выполнения работ, не являвшихся основным предметом производственной деятельности кооператива, а также требующих специальных знаний. Общее число наемных работников не должно было превышать 20% всех членов артели.

При вступлении в кооператив кустарь или ремесленник должен был вносить паевой и вступительный взносы. При этом, как правило, 50% стоимости обобществленного имущества кустаря зачислялось в паевой взнос, а 50% — в неделимые фонды кооператива. В 1930 г., в целях облегчения вступления в кооперативы бедняков и батраков, формирование паевых взносов устанавливалось на основе принципа дифференцированных процентных отчислений от затраты кустаря, которые по всей кооперативной системе СССР были установлены в среднем в размере 7%. Позднее для каждого члена артели была установлена твердая сумма паевых и вступительных взносов.

Труд в артелях регулировался законами и постановлениями правительства и кооперативных центров, Уставом, правилами внутреннего трудового распорядка и решениями правления артели, общего собрания, собрания уполномоченных.

В годы первой пятилетки неослабное внимание оказывалось и на четкое проведение классовой линии в промкооперации. Суть ее состояла в организационно-хозяйственном укреплении кооперативов, усилении их связи с социалистической экономикой, улучшении социального состава кустарей.

Был взят решительный курс на вовлечение «диких» кооперативов в союзную систему и ликвидацию лжекооперативов. Созданная в начале 1928 г. специальная комиссия для обследования промыслово-кооперативных товариществ при НКПТ ЧАССР во второй половине указанного года и в 1930 г. проводило большую работу. Обследование «диких» кооперативов показало, что большинство артелей самоликвидировалось и слилось с другими ор-

[21] «Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства», 1927, № 23, стр. 256; № 26, стр. 280.

ганизациями или подлежало слиянию. В ходе этой работы функционирующие «дикие» артели вовлекались в союзную систему, а лжекооперативы ликвидировались [22].

Принципиально важное значение имело вытеснение кулацких и других чуждых социализму элементов из промкооперации и, особенно, из руководящих ее органов. Пользуясь временными финансовыми затруднениями артелей, они вели в них антисоветскую пропаганду, выставляли рваческие требования, мешали развитию промкооперации.

5 декабря 1929 г. бюро Чувашского обкома ВКП(б) специально обсудило вопрос «О социально-классовом направлении работы «Чувашкустпромлессоюза». Было отмечено наличие некоторой засоренности членского состава низовой сети союза кулацко-чуждыми элементами, в особенности в кожевенных и лесных промыслах. В некоторых артелях эти элементы, пробравшиеся в органы управления и контроля, разными махинациями использовали кустпромкооперацию в своих эксплуататорских целях. Фонды кооперирования бедноты полностью не использовались, в некоторых кооперативах расходовались не по прямому назначению, иногда ими распоряжались кулацко-зажиточные элементы в своих интересах.

Бюро обкома партии предложило фракции ВКП(б) «Чувашкустпромлессоюза» «самым решительным образом выпрямить классовую линию в работе кустарно-промысловой и лесной кооперации, очистив членский состав и органы управления и контроля от кулацких и чуждых элементов, усилив кооперирование батрацко-беднящких и середняцких масс» [23].

С целью вовлечения классово-здоровой части «диких» кооперативов в союзную систему и ликвидации лжекооперативов райисполкомы должны были уделить серьезное внимание социальному составу членов артели при регистрации вновь возникающих кооперативов.

Редакциям газет «Канаш», «Красная Чувашия» было предложено систематически освещать вопросы социально-классового направления работы кустарно-промысловой и лесной кооперации, мобилизовать советскую общественность вокруг задач партии на селе, усилить наступление на кулацко-чуждые элементы, разоблачать конкретные проявления правого уклона в практической работе.

В ходе отчетно-перевыборных кампаний, регистраций членов и при специальных чистках кулаки решительно изгонялись из артелей. Такие организационно-хозяйственные мероприятия по укреплению кооперативов являлись массовой формой улучшения социального состава промартелей. Всего за пятилетку по приблн-

---

[22] См.: ПАЧО, ф. 1, оп. 8, д. 56, л. 33; оп. 11, д. 232, л. 163; «Десять лет Чувашской Авт. Сов. Соц. Республики», стр. 130.

[23] ПАЧО, ф. 1, оп. 10, д. 14, л. 421.

вительным подсчетам из артелей было исключено около 3,2 — 3,5 тыс. чел., что составляло 7—7,6% всех кустарей. Кроме того, регистрация кустарей в 1931 г. показала наличие значительного количества «мертвых» душ, фактически прекративших членство.

Однако следует отметить, что в ходе проведения «массовых форм» чистки промартелей допускались иногда и перегибы по отношению к отдельным кустарям, наблюдалось отнесение некоторых середняцких кустарей к кулакам и налоговое переобложение на них. Следствием этого явилось значительное сокращение мелких кустарных мастерских по производству стройматериалов и рогожно-кулеткацких станков.

Областная партийная организация своевременно реагировала на эти недостатки и принимала меры по их ликвидации. XV областная партийная конференция (20—29 мая 1930 г.) подчеркнула необходимость правильного проведения классовой политики партии в области кустарной промышленности, недопустимость ее извращения [24].

Многие кустари, неправильно отнесенные к кулакам и исключенные из промысловых артелей, впоследствии были восстановлены. Однако в целом такие «массовые формы» чистки промартелей от кулаков и других классово-чуждых элементов исторически оправданы.

С целью привлечения в промкооперативы батраков и бедняков был создан специальный фонд кооперирования бедноты (ФКБ). Средства, выделяемые на эти нужды, из года в год возрастали: в 1927/28 г.— 8925 руб., в 1928/29 г.— 16023 руб., в 1929/30 г.— 40000 руб., в 1930/31 г.— 96000 руб. [25]. Используя их, «Чувашкустпромлессоюзом» вовлечено в промкооперацию значительное количество батраков и бедняков.

Большое внимание в годы первой пятилетки обращалось на вовлечение женщин в промкооперацию [26].

В Чувашской АССР в годы первой пятилетки был создан целый ряд женских артелей: чулочные, вязальные, вышивальные и др. Среди них особое значение имели вышивки для экспорта. Женским кооперативам оказывалось значительная помощь в снабжении сырьем, в улучшении финансового состояния и т. д.

С целью вовлечения женщин в существовавшие кооперативные артели разрешались использовать 35% фонда кооперирования бедноты, в т. ч. 10% — на приобретение станков, машин и сырья для женщин-беднячек. Предусматривалось создание спе-

---

[24] См.: «Резолюции XV Чувашской областной партийной конференции ВКП(б) (20—29 мая 1930 года)». Чебоксары, 1930, стр. 13, 18, 47.

[25] ПАЧО, ф. 1, оп. 11, д. 232, л. 321.

[26] В феврале 1928 г. в Москве состоялся I Всесоюзный съезд работников женских кустарных промыслов, где представительница Чувашской АССР А. Нухрат выступила с докладом «О кооперировании кустарок национальных районов». По данному вопросу принята специальная резолюция.

циального фонда для улучшения быта женщин, подготовка специалистов и квалифицированных работниц.

По вовлечению молодежи в промкооперацию работала специальная комиссия. Вся эта работа дала значительные результаты. Если на 1 октября 1928 г. было охвачено кооперированием всего 99 женщин (1,3% кооперированных кустарей), то на 1 октября 1930 г.— 2800 женщин (14,1%). Удельный вес молодежи к указанному времени составил 13,5% (2664 чел.)[27].

В начале 1933 г. в системе «Чувашпромкооперации» женщины составляли 21,6% (6048 чел. из 28 тыс. застрахованных кустарей). Из них 1584 чел. (26,1%) были заняты вышивкой чувашских художественных узоров для экспорта и внутреннего рынка. Они были объединены в 9 артелей, каждая из которых через свои отделения охватывала от 10 до 43 селений [28].

По национальному составу работники промкооперации существенно отличались от рабочих местной фабрично-заводской промышленности. Удельный вес чувашей среди кооперированных кустарей в годы первой пятилетки составлял около 70—75%, т. е. соответствовал их доле в населении республики. Среди женщин-кустарок, занимавшихся вышивкой, чувашки в начале 1933 г. составляли 93% (1467 чел. из 1584 чел.) [29].

В связи с коллективизацией сельского хозяйства встал вопрос о взаимоотношениях между промкооперациями и колхозами, так как большинство кустарей одновременно занималось сельским хозяйством и вступало в колхозы. Одной из форм соединения кустарного и сельскохозяйственного производства являлись промколхозы. В Чувашии их начали создавать в 1930 г.

Как правило, промколхозы создавались в районах с гнездовым распространением кустарных промыслов на базе одного ведущего производства, преобладающего над сельским хозяйством (Чувашская АССР была отнесена к таким районам). Они входили непосредственно в систему промкооперации. При их создании строго учитывался ленинский принцип добровольности.

В тех районах, где кустарные промыслы не являлись преобладающим занятием местного населения, но давали значительную товарную продукцию и носили массовый характер, организовывались (наряду с сельскохозяйственными артелями) специальные куспромысловые объединения.

Промыслы, носившие подсобный характер к сельскому хозяйству и обслуживавшие нужды самого колхоза (починочно-ремонтные, производство стройматериалов и др.), а также перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию (мельницы, крупорушки, маслобойки и др.), организовывались как часть общего хозяйства колхоза.

---

[27] ПАЧО, ф. 1, оп. 8, д. 54, л. 34; оп. 11, д. 232, л. 173.
[28] «Красная Чувашия», 10 февраля 1933 г.
[29] Там же.

При создании промколхозов большое внимание обращалось на правильное сочетание интересов промысла и сельского хозяйства, что способствовало росту производительности труда и товарности продукции. Первостепенное значение имели организация и оплата труда, расстановка сил и средств в промколхозах. Оплата труда за работу в промыслах промколхоза производилась на основе сдельных расценок в денежной форме, за работу в сельскохозяйственном производстве — на основе трудодней натурой.

В Чувашии создание промколхозов развернулось после I Всесоюзного совещания колхозных работников промкооперации в январе 1931 г. Совещание рассмотрело вопросы о строительстве промколхозов, организации и оплаты труда в них, взаимоотношениях промысловой и колхозно-кооперативной системами и др. Если в начале 1931 г. в республике имелось всего 3 промколхоза, то в конце года их насчитывалось 35 (из них только 6 не были охвачены союзной системой) с 1906 хозяйствами [30]. В основном они создавались в лесоразрабатывающем, деревообрабатывающем и кулеткацком производствах, объединяли в одном хозяйстве промысловую и сельскохозяйственную деятельность. На основе правильного сочетания обоих видов производства промколхозы содействовали развитию коллективизации как в промысле, так и в сельском хозяйстве, их механизации и интенсификации, повышению товарности хозяйства и увеличению дохода кустаря-крестьянина.

Создание промколхозов явилось дальнейшим творческим развитием Коммунистической партией ленинского кооперативного плана. На его основе впервые в истории общества была найдена, возникла и развивалась социалистическая форма объединения мелких производителей, занятых в двух различных сферах материального производства.

Большая работа по коллективизации сельского хозяйства и созданию промколхозов коренным образом изменили состав промкооперации. Уже к началу 1930 г. 51,8% кустарей республики представляли пролетарские слои (рабочие, батраки, бедняки) ее населения. К концу пятилетки центральной фигурой в промкооперации стал колхозник. В городах по состоянию на 1 апреля 1931 г. основную прослойку составляли бывшие кустари, не применявшие наемного труда (71,1%, или 2139 чел.), и рабочие (14%) [31].

Если взять социально-национальный состав управления «Чувашкустпромлессоюза» и его низовой сети, то отличительной чертой является постепенное исчезновение в конце пятилетки таких

---

[30] ПАЧО, ф. 1, оп. 10, д. 179, л. 5; оп. 12, д. 173, л. 2.

[31] См.: «Чувашское хозяйство», 1930, № 1(5), стр. 90; ПАЧО, ф. 1, оп. 9, д. 186, л. 2; оп. 10, д. 179, л. 3; оп. 11, д. 203, л. 186; д. 232, л. 318.

терминов, как бедняки, середняки и кулаки. Вместо них появляются колхозники, единоличники и просто кустари.

В 1927 г. среди членов правления низовой сети «Чувашкустпромлессоюза» бедняки составляли 23,4%, середняки — 73,7%, кулаки — 2,9%. При характеристике их социального положения на 15 августа 1931 г. эти термины уже отсутствуют. В состав членов правления уже входят рабочие (2,6%), служащие (3,2%), колхозники (49,3%), единоличники (35,6%), бывшие кустари, не применявшие наемного труда (6,3%) и применявшие его (0,9%) [32].

В период первой пятилетки произошли важнейшие изменения в характере деятельности промысловой кооперации. В 1932 г. «Чувашкустпромлессоюз» был реорганизован в три самостоятельные хозрасчетные объединения: «Промсоюз», «Леспромсоюз», «Стройпромсоюз». Среди них ведущее место занимал «Леспромсоюз» (76,1% — по числу членов и 63,7% — по выпуску продукции), охватывавший 4 основных промысла: лесо-и-сокозаготовки, деревообработка и лесохимия. «Стройпромсоюз» занимался производством различных стройматериалов. «Промсоюз» являлся наиболее многопромысловой кооперативной организацией. Он охватывал металлическое, кожевенно-меховое, сапоговаляльное, текстильное, швейно-трикотажное, галантерейное, пищевкусовое и другие производства. Среднее число членов одного кооператива составляло 160 чел. в 1932 г. против 75 чел. в 1927/28 г. (в том числе по «Чувашкустпромлессоюзу» — 124 чел.) [33].

До 1931 г. низовая сеть «Чувашкустпромлессоюза» была слишком разнообразной. В начале 1931 г. она состояла из 47 производственных артелей, 37 сбыто-снабженческих и промышленно-кредитных товариществ, 4 трудовых артелей, 3 промколхозов и 6 кооперативов без устава. В первой половине 1931 г. вся низовая сеть была переведена на новые производственные уставы. В результате было создано 5 промколхозов, 75 производственных артелей и 23 сбыто-снабженческих промышленных товариществ [34]. Эти объединения подразделялись на пять производственных форм: а) промколхозы; б) цензовые предприятия; в) полумеханизированные артели, имевшие общие мастерские с обобществленным инвентарем; г) товарищества, снабжавшие своих членов сырьем, которое каждый обрабатывал дома самостоятельно, а продукцию сдавал по твердым ценам; д) товарищества, члены которых заготавливали сырье сами, но сбывали продукцию через союзную систему.

В конце пятилетки основной формой кооперирования кустарей

---

[32] ПАЧО, ф. 1. оп. 8, д. 56, лл. 34—35; оп. 9, д. 186, л. 2; оп. 12, д. 196, л. 3; «Чувашское хозяйство», 1930, № 1(5), стр. 91.

[33] «Материалы к отчету правительства Чувашской АССР на X съезде Советов», стр. 19, 21; «Резолюции и постановления XIII областной партконференции», стр. 55.

[34] ПАЧО, ф. 1, оп. 12, д. 173, л. 2.

являлась производственная артель (три первых вида производственных форм), а товарищества по заготовке сырья изжили себя.

Преобразование мелкокустарной промышленности в крупное обобществленное хозяйство диктовало необходимость большего капитального строительства. Хотя сумма капиталовложений в промкооперацию была намного меньше, чем в фабрично-заводской промышленности, она также возрастала и превзошла плановые наметки. За годы первой пятилетки в кооперативную промышленность было вложено 1830 тыс. руб. против 1300 тыс. руб., намеченных первым пятилетним планом [35].

За счет капиталовложений и собственных средств промкооперации были построены десятки цензовых предприятий и механизированных мастерских — Новинский бондарный, Шумерлинский стружечно-фанерный, Липовский лесопильный, Ибресинский, Ильинский, Напольно-Котяковский кирпичные заводы, Альгешевская и Мало-Карачкинская вышивальные мастерские, Чебоксарская и Алатырская механизированные прачечные, Хорнзорская и Чалимкасинская кулеткацкие мастерские. За годы первой пятилетки была создана собственная производственная база кустарной промышленности. Основные фонды промысловой кооперации в 1933 г. составили 3004,8 тыс. руб. [36].

За годы первой пятилетки промысловой кооперацией республики был освоен целый ряд новых производств: вышивки для экспорта, новые виды стройматериалов и предметов широкого потребления, мелкое судостроение, фанерное, стружечное, пуговичное, трикотажное, кондитерское и др. Кооперативная промышленность в значительной степени обеспечивала сельское хозяйство простейшими орудиями труда и их ремонтом. Большое значение в условиях Чувашии имели металлоремонтные мастерские, выпускавшие гвозди, скобы, подковы, замки и т. д. Население республики в значительной степени обеспечивалось кустарной промышленностью предметами домашней утвари, одеждой и обувью, а также телегами, санями, сбруей и т. п.

В указанный период удельный вес цензовых предприятий промкооперации во всей цензовой промышленности по выпуску валовой продукции возрос с 7,3% (в 1928/29 г.) до 12,5% (в 1932 г.), по среднегодовой численности рабочих — с 10,1% до 22,1%. Удельный вес основных фондов в абсолютных цифрах возрос с 181,4 тыс. руб. до 1529,0 тыс. руб.[37].

---

[35] «К XVII Чувашской областной партийной конференции», стр. 15, 19—20; «Материалы к отчету правительства Чувашской АССР на X съезде Советов», стр. 20. В различных источниках встречаются и другие данные. В современных статистических источниках данные по капиталовложениям отдельно по кустарной промышленности отсутствуют. Этим связана ссылка на указанные выше источники.

[36] «Материалы к отчету правительства Чувашской АССР на X съезде Советов», стр. 20.

[37] «Чувашия за 15 лет в цифрах», стр. 19.

Применение механической силы за годы первой пятилетки возросло в 2,1 раза — с 480 л. с. до 1007 л. с.[38]. По механовооруженности «Чувашпромкооперация» имела такие же средние показатели, как и по СССР в целом. В 1931 г. механовооруженность «Чувашкустпромлессоюза» составила 38 л. с. на 1000 чел. при 40 л. с. по СССР и 20 л. с. по Нижегородскому краю[39].

Число занятых кустарей в обобществленных мастерских и заводах составило 14900 чел. в 1932 г. (54% всех кооперированных кустарей) против 615 чел. на начало 1928 г. (6,5%)[40]. Они производили около 70% валовой продукции промкооперации. В Чувашской АССР в общих мастерских работало меньше кустарей, чем по СССР в целом, где их удельный вес в 1928 г. составил 32,5% членов промкооперации, а в начале 1933 г. — 72%[41]. Это объяснялось отчасти характером промыслов (кулеткачество, лесоразработки), отчасти слабой материально-технической базой.

Развернувшееся в значительных размерах капитальное строительство, техническое оснащение промкооперации и механизация труда постепенно превращали производственную деятельность кустаря в разновидность труда фабрично-заводского рабочего. Труд кустаря на цензовых предприятиях и обобществленных механизированных мастерских не отличался от труда индустриального рабочего. Организация и методы работы, формы оплаты труда в конце пятилетки стали такими же, как и на государственных предприятиях. По ведущим отраслям (лесоразработка и деревообработка, вышивальные, кулеткацкие производства и др.) была введена сдельно-премиальная оплата, бригадные методы работы, что способствовало значительному увеличению производительности труда. Если выработка 200 шт. рогож в месяц на один станок считалось максимальной нормой, то после введения сдельно-премиальной оплаты труда по Енешкасинской артели (68 станков) она увеличилась до 620 шт., по Вурманкас-Туруновской (7 станков) — до 355 шт. В конце 1931 г. почти 60% лесорубов были переведены на бригадные методы работы. Как поощрительная мера внедрялось премирование[42].

Техническое оснащение, механизация труда и введение сдельно-премиальной оплаты позволили уже в 1931 г. поднять выработку на одного кустаря почти в 2 раза против 1929 г.[43]. Производительность труда в 1932 г. увеличилось на 14,9% против

---

[38] ПАЧО, ф. 1, оп. 14, д. 5, л. 92.

[39] Там же, оп. 10, д. 179, л. 7.

[40] Там же, л. 4. Процент кооперирования на 1 января 1928 г. вычислен по отношению ко всем кооперированным кустарям, включая и смешанную сеть.

[41] См.: «Промысловая кооперация СССР». М., 1934, стр. 89.

[42] ПАЧО, ф. 1, оп. 10, д. 179, л. 3.

[43] Там же, л. 5.

1930 г. В соответствии с этим среднегодовой заработок кустаря возрос с 256 руб. в 1929 г. до 1088 руб. в 1933 г. Он значительно приблизился к уровню заработка рабочих государственной промышленности. Если средний заработок кустарей в 1929 г. составил всего 42% заработка рабочих, то в 1933 г. — уже 81% [44]. Несколько низкий уровень оплаты труда объяснялся меньшей производительностью труда в промкооперации, сезонностью некоторых промыслов.

Значительно возросла роль кооперативной промышленности в народном хозяйстве республики. Велика была она в выпуске предметов широкого потребления, стройматериалов, экспортной продукции (вышивки, дубовые клепки и др.). В 1932 г. «Чувашкустпромлессоюз» выработал более 10 млн. шт. кирпичей, тогда как вся государственная цензовая промышленность выпустила всего 3,2 млн. шт.

Таблица 2

Выпуск валовой продукции кустарной промышленностью (в центрах 1926/27 г.) [45]

	1927/28 г.	1929 г.	1932 г.
Вся мелкокустарная промышленность (в тыс. руб.)	6200*	7700	14200
в т. ч. промкооперация	2741,7	2806,0	12911
Удельный вес всей мелкокустарной промышленности в валовом выпуске народного хозяйства	6,4	7,3	9,7

Валовая продукция всей мелкокустарной промышленности за годы первой пятилетки увеличилась в 2,3 раза, соответственно ее удельный вес в народном хозяйстве возрос до 9,7% в 1932 г. против 6,4% в 1927/28 г. При этом выпуск продукции кооперированной промышленности увеличился почти в 5 раз, составив

---

[44] См.: «К XVII Чувашской областной партийной конференции», стр. 16, 20.

[45] Таблица составлена на основе «Тезисов Госплана ЧАССР» (стр. 7, 19, 21); «К XVIII Чувашской областной партийной конференции» (стр. 15, 16, 19); «Резолюции XVII Чувашской областной партийной конференции» (стр. 14).

* В некоторых источниках встречаются другие данные: за 1927/28 г.— 6,9 млн. руб., за 1932 г.— 14,7 млн. руб. в ценах 1926/27 г. («Социалистическое строительство ЧАССР», 1933, № 1—2, стр. 19. «Основные показатели итогов первой пятилетки», стр. 6; ЦГА ЧАССР, ф. 210, оп. 9, д. 49, л. 36; оп. 7, д. 29, л. 73). Соответственно удельный вес мелкокустарной промышленности несколько выше: 6,9% в 1927/28 г. и 10,4% в 1932 г. Автор считает совершенно неправильным увеличение удельного веса мелкокустарной промышленности в 1932 г. до 18,7% в статье М. В. Румянцева «О некоторых особенностях индустриализации Чувашской АССР». (На правах рукописи). Чебоксары, 1967, стр. 7.

в 1932 г. 12911 тыс. руб. План первой пятилетки был перевыполнен на 26,6%. Мелкая кустарная промышленность республики в конце первой пятилетки выпускала более половины (около 55%) валовой продукции государственной промышленности.

Главным социально-экономическим итогом первой пятилетки явилась ликвидация частного сектора в мелкокустарной промышленности: 67% кустарей (1932 г.) было охвачено системой промкооперации, некоторая часть некооперированных кустарей стала колхозниками; в результате рационализации и механизации кустарного производства промкооперации, перевода кустарей в общие мастерские и строительства цензовых предприятий производительность труда росла быстрее, чем в некооперированной кустарной промышленности. В 1932 г. удельный вес промкооперации в валовом выпуске всей мелкокустарной промышленности составил 91% против 44,2% в 1927/28 г. В конце пятилетки частный капитал из кустарной промышленности был почти полностью вытеснен.

Преобразование мелкокустарной промышленности в крупное обобществленное социалистическое производство потребовало усиления подготовки руководящих кадров, специалистов и квалифицированных рабочих. Их готовили как в самой республике (через техникумы, курсы «Чувашкустпромлессоюза» и другие профшколы), так и за ее пределами (в общесоюзных и федеративных техникумах, институтах, на курсах Всесоюзного совета промысловых кооперативов и в других школах общественных, федеративных и краевых органов). В сентябре 1927 г. Мариинско-Посадская школа инструкторов была преобразована в техникум кустарной промышленности. За годы пятилетки его окончили сотни человек. В 1928 г. в разные техникумы кустарной промышленности страны (в Москву, Ленинград, Бахчисарай, Н. Торжок, Козьмодемьянск) направлены 22 чел. В 1929/30 г. за пределами республики в техникумах и инструкторских школах обучались 36 чел., в вузах — 7 чел. В 1930 г. в техникумы союзного значения было командировано 43 чел., краевого значения — 19 чел. В 1929/30 г. через курсы «Чувашкустпромлессоюза» прошли 159 чел. и через курсы ВСПК и других организаций — 45 чел. [46].

С 1931 г. подготовка кадров для кустарной промышленности приобрела массовый характер: окончили разные курсы 234 чел. и обучались на них 200 чел., в профшколах — 864 чел., в техникумах и институтах страны — 239 чел. [47]. В ведение «Чувашкустпромлессоюза» было передано несколько профессиональных и инструкторских школ и учебно-производственных мастерских.

В решении задач первой пятилетки большую роль сыграло социалистическое соревнование. К 1929 г. в республике, как и во всей стране, сложились необходимые объективные и субъектив-

---

[46] ПАЧО, ф. 1, оп. 8, д. 56, л. 34; оп. 11, д. 232, л. 155.

[47] Там же, оп. 10, д. 179, л. 3.

ные условия для превращения его в массовое движение рабочего класса. Однако в Чувашии степень его развития была меньше, чем в промышленных районах страны.

Сроки возникновения, темпы и формы развития социалистического соревнования зависели от характера промышленности и социального облика рабочих. Низкий уровень механизации труда, влияние мелкобуржуазных традиций и разобщенность значительной части кустарей затрудняли организацию массового социалистического соревнования в кустарной промышленности. Как видим, оно здесь имело свои специфические особенности.

4 октября 1929 г. был заключен договор на социалистическое соревнование между «Чувашкустпромлессоюзом» и «Маркустпромлессоюзом». Основное внимание в договоре (наряду с количественным и качественным выполнением производственного плана) обращалось на кооперирование кустарей. Такие договора заключались и между отдельными промысловыми артелями самой Чувашии. Постепенно развертывалось индивидуальное соревнование в форме ударничества, в дальнейшем отдельные артели при широком участии ее членов принимали встречные промфинпланы.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что за годы первой пятилетки в Чувашии был сделан решительный шаг в социалистическом преобразовании мелкокустарного производства на основе кооперирования кустарей, ликвидированы капиталистические элементы в промыслах, зависимость кустаря от кулака и скупщика и от их идейного влияния. Кустарь превратился в активного труженика социалистического общества. Одновременно был сделан важный шаг в деле индустриализации кустарного производства и начался процесс его превращения в социалистические фабрики и заводы.

Социалистическое преобразование мелкотоварного уклада в промышленности является общей закономерностью социалистического строительства. Обобщение опыта СССР по преобразованию мелкого производства кустарей и ремесленников в крупное прежде всего важно для понимания преимуществ социалистического способа производства, избавляющего миллионы мелких производителей от разорения и нищеты.

А. В. Изоркин

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ СУББОТНИКИ 1919—1920 ГОДОВ И ИХ РОЛЬ В ТРУДОВОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ТРУДЯЩИХСЯ ЧУВАШИИ

Коммунистические субботники как одна из форм добровольной бесплатной работы советских трудящихся на благо общества прочно вошли в нашу жизнь и стали ее неотъемлемой частью.

Истокам и развитию этой новой формы общественного труда посвящено немало работ [1]. Коммунистические субботники возникли весной 1919 г., в период гражданской войны и военной интервенции, в ответ на призыв В. И. Ленина улучшить работу железных дорог. Разруха на транспорте, вызванная вначале империалистической войной, затем гражданской, начала парализовать жизнь всей Советской Республики. Тяжелая обстановка на железнодорожном транспорте, сложившаяся к концу 1918 г., потребовала от Совнаркома РСФСР принятия чрезвычайных мер. 30 ноября 1918 г. на всех дорогах было введено военное положение [2]. Железнодорожные рабочие и служащие считались призванными на военную службу с оставлением на занимаемых должностях.

Только героическими усилиями рабочего класса можно было предотвратить надвигавшуюся катастрофу. В ответ на ленинский призыв группа членов партии и сочувствующих из депо Москва-Сортировочная Московско-Казанской железной дороги на своем собрании решила: «Ввиду того, что производительность транспорта пала», работать во внеурочное время [3]. Они в ночь на субботу (отсюда название) 12 апреля 1919 г. в количестве 15 человек (из них 13 коммунистов), проработав 10 часов, отремонтировали 3 паровоза. 10 мая состоялся первый массовый (205 чел.) коммунистический субботник на Московско-Казанской железной дороге. В мае они прошли на Александровской, Николаевской, Рязано-Уральской, Московско-Виндавской, Курской железных

---

[1] *В. И. Ленин.* Великий почин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 1—29. «Коммунистические субботники в Москве и Московской губернии». Сб. документов. М., 1950; *Ю. А. Кулышев.* На заре коммунистического труда. М., 1958; *его же.* Рассказ о великом почине. М., 1963: «У истоков коммунистического труда». М., 1959; *Ю. Кукушкин, Д. Шелестов.* Первые коммунистические субботники. М., 1959 и др.

[2] «Известия», 30 ноября 1918 г.

[3] «Правда», 12 апреля 1919 г.

дорогах. Вслед за железнодорожниками коммунистические субботники провели рабочие фабрик и заводов Москвы и других городов [4].

В июне 1919 г. В. И. Ленин в статье «Великий почин» дал всесторонний анализ значения коммунистических субботников, обобщил опыт масс, начавших строительство социализма. «Это — начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину» [5], — писал он.

Историческое значение субботников Ленин видел в коммунистическом отношении рабочих к труду, в переходе их к новой дисциплине. Они явились выражением трудового энтузиазма, великим творческим почином масс, освобожденных от оков капитализма. Владимир Ильич требовал внимательного отношения к этим первым росткам коммунизма [6]. Рабочие, участвуя в них, значительно повышали производительность труда. В работе «Великий почин» Ленин показывал огромную преобразующую роль роста производительности труда, как самого главного, самого основного для победы нового общественного строя.

Изучение коммунистических субботников, состоявшихся в Чувашии в 1919—1920 гг., представляет не только познавательный, но и практический интерес. Они стали замечательными памятниками трудового героизма советских людей в первые годы пролетарского государства, являются ярким доказательством не только неутомимой работы коммунистов края по созданию новой социалистической дисциплины в рабочих коллективах, но и их активного влияния на широкие трудящиеся массы. Начиная с десятков коммунистов и сознательных рабочих, выходивших на субботники, прокладывал себе путь этот замечательный почин, стал массовым, подлинно всенародным. По примеру пролетариата Москвы, Петрограда и других городов немногочисленный рабочий класс Чувашии на деле показал способность на бесплатную работу в интересах общества, в интересах всех трудящихся.

Однако в историко-партийной литературе Чувашии специальных исследований по данной теме немного. Отдельные сведения о коммунистических субботниках 1919—1920 гг. можно почерпнуть из работ И. Е. Петрова и К. В. Калининой [7]. Деятельность

---

[4] *Д. Л. Баевский.* Рабочий класс в первые годы Советской власти (1917—1921 гг.). М., 1974, стр. 287—288; «БСЭ», изд. 3-е, т. 12, стр. 568 и др.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 18.

[6] Там же, стр. 25.

[7] *И. Е. Петров.* Чувашия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Чебоксары, 1959, стр. 283—287; *его же.* Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. Чебоксары, 1961, стр. 299—300. *К. В. Калинина.* Ленинские идеи социалистического соревнования живут и побеждают. Чебоксары, 1970, стр. 4—8.

уездных и волостных ячеек партии по организации субботников кратко изложена в «Очерках истории Чувашской областной организации КПСС» [8]. Значительное количество сведений о субботниках включено в сборник документов «Чувашия в годы гражданской войны. Образование Чувашской автономной области» [9].

Несколько подробнее освещается этот вопрос в статье М. В. Румянцева «Начало претворения в жизнь ленинского учения о коммунистическом труде» и в рукописи В. П. Климовой «Первые коммунистические субботники в Чувашии (1919—1920 гг.)» [10]. Авторы использовали не только включенные в указанный выше сборник материалы о субботниках, но и ввели в научный оборот ряд новых документов уездных и губернских комитетов партии и публикаций их органов печати. К сожалению, многие интересные и ценные факты (особенно 1920 г.), относящиеся к борьбе наиболее крупного отряда рабочих Чувашии — пролетариата Алатыря — за новую трудовую дисциплину и повышение производительности труда, в статье М. В. Румянцева не нашли отражения.

Работы В. П. Климовой и М. В. Румянцева носят обзорный характер, внимание авторов не концентрируется по узловым проблемам.

В настоящей статье рассматриваются некоторые новые аспекты данного вопроса. Первые субботники имели громадное значение как в развитии трудовой активности, так и в политическом и интернациональном воспитании масс, в укреплении союза рабочего класса с крестьянством. В этом отношении убедительные примеры дает замечательный трудовой энтузиазм широких народных масс Чувашии. В статью включено большое количество нового материала, публикаций губернских и уездных газет 1919—1920 гг.

Прежде всего хочется обратить внимание на дату зарождения первых коммунистических субботников в Чувашии. На основании воспоминаний, опубликованных спустя полвека [11], М. В. Румянцев делает вывод о том, что «первым в Чувашии явился субботник, проведенный трудящимися г. Алатыря», что «его организаторами явились большевики Алатырского депо и железнодорожных мастерских» [12]. Эту же мысль поддерживает и К. В. Калинина [13].

[8] «Очерки истории Чувашской областной организации КПСС». Чебоксары, 1974, стр. 99.

[9] «Чувашия в годы гражданской войны. Образование Чувашской автономной области». Сборник документов и материалов. Чебоксары, 1960.

[10] См.: УЗ ЧНИИ, вып. 44. «Ленин и чувашский народ». Чебоксары, 1969; НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 678, инв. № 2100.

[11] См.: «Советская Чувашия», 12 апреля 1969 г.

[12] *М. В. Румянцев.* Указ. соч., стр. 90.

[13] *К. В. Калинина.* Указ. соч., стр. 7. В ее работе название предприятия дано неправильно: железнодорожные мастерские названы «паровозоремонтным заводом».

Нисколько не умаляя вклад алатырцев в борьбу за новую дисциплину труда, в какой-то мере следует внести уточнение. Первыми в нашем крае почин москвичей по проведению коммунистических субботников поддержали ядринцы. Еще 10 мая 1919 г. правление профсоюза рабочих и служащих Ядринского маслобойного завода предложило коллективу предприятия «принять все меры к развитию производительности завода с целью увеличения выработки масел для снабжения Красной Армии; установить в своей среде железную дисциплину» [14].

В корреспонденции «По образцу коммунистической субботы» ядринская уездная газета «Красный клич» сообщала о том, что 28 мая 1919 г. Ядринским комитетом РКП(б) на маслозаводе проведен митинг с участием всех рабочих. Когда ораторы указали, что Советская Россия терпит лишения также из-за расстройства транспорта и упадка производительности на фабриках и заводах, рабочие единогласно постановили ежедневно сверхурочно работать один час «без особого вознаграждения» [15].

29 мая 1919 г. механики, слесаря и кузнецы завода на своем собрании обсудили вопрос о помощи Красной Армии. В протоколе записано: «Принимая во внимание тяжелый момент, переживаемый нашей Советской республикой и тяжелый труд, который приходится нести нашей Красной Армии, единогласно постановили: сверх 8 часов на производстве работать один час в сутки бесплатно исключительно для нужд военного ведомства» [16].

Имеющиеся сведения говорят о том, что первые субботники на транспорте на Алатырском участке пути состоялись только в середине лета 1919 г. 6 июля 1919 г. на совместном заседании Алатырской партийной организации и исполкома уездного Совета было вынесено постановление об организации субботников по погрузочно-разгрузочным работам на железной дороге. 16 июля исполком Алатырского уездного Совета принял новое постановление о записи добровольцев на проведение субботника [17]. М. В. Румянцев в своей статье приводит лишь данные о трудовой инициативе алатырских коммунистов, проявленной осенью 1919 г. при ремонте железнодорожного транспорта [18].

В работах В. П. Климовой и М. В. Румянцева содержится подробный обзор большинства субботников, проведенных в 1919—1920 гг. В связи с этим нет необходимости перечислять их. Гораздо ценнее выявление некоторых характерных особенностей

---

[14] «Чувашия в годы гражданской войны...», стр. 204—205.

[15] «Красный клич», 30 мая 1919 г.

[16] «Чувашия в годы гражданской войны...», стр. 212. О том, что почину москвичей первыми в Чувашии последовали ядринские рабочие, пишет и *В. П. Климова*.. См.: Указ. соч., стр. 6. На решение ядринских металлистов работать сверхурочно обратил внимание и *М. В. Румянцев*. См.: Указ. соч., стр. 9.

[17] *В. П. Климова*. Указ. соч., стр. 7; «Чувашия в годы гражданской войны...», стр. 262.

[18] *М. В. Румянцев*. Указ. соч., стр. 92.

этого замечательного движения применительно к условиям Чувашии.

Прежде всего следует отметить, что в чувашских уездах Казанской губернии и в Алатырском уезде Симбирской губернии субботники не сразу стали массовыми. Первоначально такая работа обычно проводилась от случая к случаю, эпизодически, участвовали в них одни только коммунисты городских организаций. Таковыми были первые коммунистические субботники, проведенные в Чебоксарах, Ядрине и Алатыре летом и осенью 1919 г. [19]. Однако по мере внедрения их в практику организация субботников стала предметом обсуждения партийных организаций городов Чебоксар, Ядрина, Алатыря, Цивильска. На повестку дня ставились вопросы проведения субботников в общегородских масштабах. В течение июня-сентября 1919 г. результаты первых субботников обсуждались на проходивших уездных партийных конференциях и совещаниях. Коммунисты высказались за вовлечение в это движение самых широких слоев беспартийной массы [20].

Первые коммунистические субботники имели большое агитационное значение. Беспартийные рабочие и служащие считали своим долгом выйти на работу во внеурочное время вместе с коммунистами. В Чебоксарах, например, 24 августа вместе с коммунистами на субботнике работало много советских служащих [21]. 2-я рабочая конференция Алатырского уезда, состоявшаяся 10 октября 1919 г., постановила «немедленно ввести во всех профессиональных производственных союзах рабочие субботники», и 16 ноября во время субботника рядом с членами РКП(б) трудилось несколько сот беспартийных [22].

К концу 1919 и началу 1920 г. в Чувашии руководство субботниками со стороны уездных партийных комитетов усилилось. Повсеместно партийные организации возглавили нарастающий трудовой подъем масс. При уездных комитетах РКП(б) создавались бюро субботников. Уже в октябре 1919 г. такой орган функционировал в Ядринском уезде [23]. Эти бюро стали определять объекты для проведения субботников, объем и продолжительность работ и т. д. В проведение субботников все более активно включались профсоюзные организации, отделы по работе среди женщин, комсомольские ячейки.

В Чувашии, как и по всей стране, организация коммунистических субботников приняла широкий размах в начале 1920 г. Прежде всего она характерна массовостью, масштабом проведенных работ. Они охватывали самые широкие слои населения,

---

[19] См.: *М. В. Румянцев.* Указ. соч., стр. 91—93; «Знамя революции», 24 сентября и 9 ноября 1919 г.

[20] *В. П. Климова.* Указ. соч., стр. 6—7.

[21] «Знамя революции», 24 сентября 1919 г.

[22] *М. В. Румянцев.* Указ. соч., стр. 92.

[23] «Красный клич», 29 октября 1919 г.

выходили за рамки случайных событий, носили организованный и целенаправленный характер. В 1920 г. трудящиеся Чувашии активно участвовали в проведении не только местных, но и всероссийских мероприятий — «трудовых недель» («Неделя фронта и транспорта», «Неделя трудового фронта», «Неделя помощи Южному фронту», «Неделя крестьянина» и др.).

Зимой и весной 1920 г. субботники проводились в основном на железных дорогах. Бюро субботников Шихранского райкома РКП(б) Цивильского уезда с 26 февраля по 14 марта провело на железной дороге 4 субботника, на них участвовали в общей сложности 250 коммунистов, 23 беспартийных, которые выполнили в итоге работу на сумму 4250 руб. В «Неделе трудового фронта», проведенной в Алатыре в апреле 1920 г., участвовало 4565 чел. Ими поднесено к линии и сложено более 1490 пог. саженей дров, выгружено 48 вагонов, поднят и спущен на скаты паровоз и т. д. [24].

В Ядринском уезде по инициативе комитета РКП(б) с 12 по 19 марта состоялась «Неделя гужевого транспорта», во время которой на вывозку топлива на железную дорогу и очистку путей были вовлечены 11531 подвода и 13222 чел. в качестве рабочих и лесорубов. Эти работы главным образом проводились в районе станции Вурнары [25].

В Чебоксарах в течение марта и апреля организовано 8 субботников с участием в общей сложности 263 коммунистов, 59 комсомольцев и 53 беспартийных. Ими выполнена работа почти на 40 тыс. руб. [26].

Идеи и цели субботников, новое, коммунистическое отношение к труду все больше и больше проникали в сознание трудящихся масс. Подытаживая пройденный год на хозяйственном фронте Советской России с момента зарождения великого почина, В. И. Ленин писал о том, что «как ни слабы еще все наши субботники, как ни велика обнаруживаемая всяким субботником бездна недостатков налаженности, организованности, дисциплинированности, а все же главное сделано», «тяжеловесная махина сдвинута с мест» [27]. Субботники за один год сделали громадный шаг вперед, «начали колебать и разрушать самые закоренелые предрассудки, самые твердые, вековые, заскоруслые привычки». «Мы будем годы и десятилетия работать над применением субботников, их развитием, распространением, улучшением, внедре-

---

[24] «Чувашия в годы гражданской войны...», стр. 408, 419.

[25] «Красный клич», 11 февраля и 17 апреля 1920 г. *И. Е. Петров* ошибочно относил эти события к Цивильскому уезду (см. «Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата», стр. 299—300).

[26] «Страда» (Чебоксары), 25 мая 1919 г. Некоторые вышеприведенные факты о массовом характере коммунистических субботников в начале 1920 г. имеются и в работе *В. П. Климовой*. См.: Указ. соч., стр. 18, 24, 25.

[27] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 107.

нием в нравы,— говорил В. И. Ленин.— Мы придем к победе коммунистического труда!» [28].

Партия видела в субботниках, в этом добровольном, сознательном труде, где возникли и развивались зачатки социалистического соревнования, могущественную силу, важный фактор подъема производительности труда. IX съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1920 г., сыграл также большую роль в дальнейшем распространении и развитии коммунистических субботников. В резолюциях съезда указывалось, что субботникам на местах должно быть уделено несравненно большее внимание, чем сейчас. Для них «нужно выбирать задачи, близкие местному населению, придавать им характер коллективного трудового усилия во имя заранее известных и всем понятных целей, вовлекать в них не только беспартийных рабочих, но и вообще местное население, мужское и женское». Для каждого субботника важно тщательно обдумывать технический план, строго и целесообразно распределить силы, экономно их использовать. «Только при этом условии субботники могут глубоко войти в жизнь, вовлекая все новые массы и оплодотворяя будничную работу новой инициативой и свежим энтузиазмом»,— говорилось в резолюции съезда [29].

IX съезд РКП(б) постановил превратить международный пролетарский праздник Первое мая, который приходил в тот год на субботу, во Всероссийский субботник [30].

Коммунисты Чувашии, широкие слои трудящихся масс активно откликнулись на призыв партии провести в день Первого мая 1920 г. повсеместно субботники. В связи с этим уездные комитеты РКП(б) развернули большую агитационную работу. Подготовка к Всероссийскому субботнику-маевке совпала со знаменательной датой — празднованием 50-летия со дня рождения В. И. Ленина. В Алатырском уезде оно прошло под знаком усиления борьбы с разрухой, подъема производительности труда и упорной работы на хозяйственном фронте.

«Хотя тов. Ленина уже давно трудящиеся Советской республики стали называть своим Ильичом, но рабочие и крестьяне Алатырского уезда, как звено Симбирской губернии, особенно должны гордиться своим земляком и не только отставать от трудящихся остальной России, но и следовать впереди всех по стопам своего вождя,— писала в те дни газета «Путь революции».— Лучшим подарком для юбиляра будет, если беспримерной и самоотверженной работой мы поможем вывести страну из разрухи и ускорить приближение счастливой жизни для трудящихся» [31].

Накануне Всероссийского субботника в Ядрине уездный ко-

---

[28] Там же, стр. 109.

[29] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 2. М., 1970, стр. 162.

[30] Там же, стр. 164.

[31] «Путь революции», 23 апреля 1920 г.

митет партии опубликовал обращение ко всем волостным организациям РКП(б), призвав всех коммунистов возглавить работу по мобилизации рабочих и крестьян на этот коллективный труд [32]. К первомайскому празднику Чебоксарский уездный комитет выпустил специальную листовку [33]. Исполком Цивильского уездного Совета направил своих членов для организации субботников в волостях [34].

1 мая в Чебоксарах в субботнике участвовало почти 1,5 тыс. чел. Работали предприятия. На пристани для отправки в села уезда погружено 3132 пуда семенного овса. Через реку Кайбулку проложен мост. Очищены и приведены в порядок складские помещения. Благоустроена набережная Волги. Произведена уборка улиц города. Заложен Первомайский парк на Красной площади, посажено множество деревьев и т. д. Чебоксарцы работали в течение 6 часов [35].

Утром 1 мая алатырцы собрались около театра «Культура». Тысячи людей запрудили площадь. Оркестр заиграл революционные песни. Колонна за колонной участники субботника двинулись на железнодорожную станцию. В этот день был заложен каменный пристрой мастерской депо, начато строительство литейной мастерской, бани, жилого дома, прачечной. Погружено 55 вагонов шпал, 20 вагонов дров, разгружено 10 вагонов. Из текущего ремонта выпущено 7 паровозов и 34 вагона, отправлено 10 поездов. На станции и на улицах города был убран мусор, выравнена дорога, устроен подъезд к дровяному складу и т. д. [36].

По инициативе ячейки РКП(б) Кирских лесных разработок на совместный субботник вместе с лесорубами вышли местные железнодорожники, рабочие лесопильного завода и все жители поселка им. Ленина. Общими усилиями погружено 20 вагонов дров, разгружено и доставлено в пекарню 900 пудов муки. Всего на субботнике на Кирской ветке Московско-Казанской железной дороги работали 135 чел. [37].

В Ядрине производилось осушение четырех болот, для чего участники первомайского субботника вырыли канавы общей длиной в 158 сажен, через них проложили три моста, отремонтировали дорогу и т. д. Всего по городу работал 1221 чел., кроме того, привлекалось 68 подвод. В двух селах — в Аликове и Ядрине — произведена закладка больниц. В селах уезда в этот день ремонтировали дороги и мосты, крыши общественных амбаров,

---

[32] «Красный клич», 24 апреля 1920 г.

[33] «Чувашия в годы гражданской войны...», стр. 427.

[34] Там же, стр. 419—420. О подготовке ко Всероссийскому субботнику в Чувашии В. П. Климовой собран еще ряд материалов. См.: Указ. соч., стр. 26—28.

[35] Там же, стр. 426—427. См. также: *В. П. Климова.* Указ. соч., стр. 28—29.

[36] «Путь революции», 4 мая 1920 г.

[37] «Путь революции», 7 мая 1920 г.

укрепляли овраги, прудили для мельниц речки, помогали семьям красноармейцев засевать поля, чинить инвентарь [38].

Доброе начинание перекинулось в деревню. Например, члены ячейки Никольской волости Чебоксарского уезда организовали первомайские субботники в деревнях Кульгеши и Картлуево. В первой из них в этот день работали 339 мужчин и женщин. В Картлуеве на ремонт размытых весенней водой улиц вышло 115 чел. Почти два дня более 50 чел. были заняты сооружением пруда. 8 мужчин работало на очистке колодцев. 12 человек чинили крышу пожарного сарая и т. д. [39].

По поводу субботников на селе газета «Канаш» опубликовала корреспонденцию «Коммунистический труд». В частности в ней говорилось: «Самое что ценное — это завершение ремонта дорог. Они стали надежными. Подремонтировали их как следует. В начале работы некоторые крестьяне ворчали на новый коммунистический обычай, а потом, глядя на результаты своего труда, не скрывали радости: «Стоило за это потрудиться!» [40].

Таким образом, благодаря субботникам сила примера впервые получила возможность оказать свое воздействие на самые широкие массы трудящихся.

Субботники сыграли важную роль прежде всего в воспитании самих коммунистов. Участие в них стало мерилом преданности члена партии делу революции. «Субботники вместе с партийными мобилизациями на фронт стали средством очистки партии от случайных и чуждых людей. В то же время они помогали воспитанию новых членов партии на революционных делах, показывая, что значит быть коммунистом не на словах, а на деле» [41].

Подчеркивая значение коммунистических субботников для чистки партии, В. И. Ленин указывал, что «чистка партии, связанная с неуклонным повышением ее требовательности насчет работы действительно коммунистической, будет улучшать аппарат государственной власти и гигантски приближать окончательный переход крестьян на сторону революционного пролетариата» [42].

Ленинское указание укрепить ряды партии, повысить авторитет коммунистов в глазах беспартийных стал боевой задачей местных партийных комитетов. Еще в августе 1919 г. Казанский губком РКП(б) дал директиву: «объявить субботники обязательными для всех членов партии и сочувствующих» [43]. В циркуляр-

---

[38] Там же, стр. 431—432. По архивным документам (ЦГА ЧАССР, ф. 238, оп. 1, д. 265, л. 134) *В. П. Климова* число участников субботника в Ядрине указывает 1246 чел.

[39] «Известия Ревкома Автономной Чувашской области», 25 июля 1920 года. *В. П. Климова* приводит и другие примеры о субботниках в деревне. См.: Указ. соч., стр. 29.

[40] «Канаш», 2 июня 1920 г.

[41] *Д. А. Баевский.* Указ. соч., стр. 289.

[42] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 28.

[43] Цитируется по указ. соч. *М. В. Румянцева,* стр. 91.

ном письме от 20 декабря 1919 г. губком указывал на огромное значение субботников для борьбы с голодом, разрухой, для помощи фронту, для усиления связи коммунистов с беспартийными, для укрепления единства партии и очищения ее рядов.

В письме подчеркивалось важное значение субботников для повышения авторитета среди беспартийных. Субботники — наглядное подтверждение того, что коммунисты на деле защищают интересы трудящихся [44].

Самое широкое участие как городских, так и сельских коммунистов Чувашии в субботниках наглядно свидетельствует, что они до глубины души восприняли призыв партии организовать труд по-новому, на коммунистических началах. Они с честью прошли проверку деловых и моральных качеств членов партии.

Если обратиться к непосредственной цели проведения коммунистических субботников — к борьбе за повышение производительности труда как на транспорте, так и в других отраслях народного хозяйства, то данный вопрос по существу не раскрыт в публикациях чувашских историков. Так, совершенно не исследован вопрос о трудовом подвиге алатырского пролетариата в годы гражданской войны. Переломным моментом в сознании сотен и тысяч людей явился их вклад в проведение «Недели фронта и транспорта» с 1 по 7 февраля 1920 г. Алатырский укком обязал всех коммунистов города принять участие в субботниках, проводимых на железной дороге. На эту же работу привлекалось 50% советских служащих. Были мобилизованы и красноармейцы Алатырского гарнизона [45].

Субботник, состоявшийся в Алатыре 3 февраля 1920 г., по сообщению местной газеты, «прошел очень удачно и продуктивно». Все работы проводились на железной дороге. Пока три группы коммунистов и советских служащих раскалывали лед и расчищали пути от снежного заноса, другая группа — 50 коммунистов — за короткое время выгрузила 5 вагонов прибывшее в Алатырь оборудование Петроградского трубочного завода — почти 3 тыс. пудов груза [46].

Администрация Алатырского участка Московско-Казанской железной дороги не ожидала такого массового выхода коммунистов и беспартийных на субботник. На 4 февраля бюро субботников заявило более 300 чел. Людей пришло больше, и железнодорожники не могли всех загрузить работой. Большинство участников снова работало «не за страх, а за совесть» [47].

Спустя три дня бюро субботников сообщило: «Субботник 5 февраля прошел лучше всех дней в смысле продуктивности работы, потому что жел. дор. администрация приготовилась во-

---

[44] «Чувашия в годы гражданской войны...», стр. 321—322.
[45] «Путь революции», 6 февраля 1920 г.
[46] Там же; «Чувашия в годы гражданской войны...», стр. 367.
[47] «Путь революции», 6 февраля 1920 г.

время к приходу групп... Все группы работали очень успешно и хорошо, так, что после работы нам сказали: «Вот сегодня поработали хорошо, спасибо...» [48].

Ежедневно на субботниках работали по 3 часа. Между группами возникло соревнование. Производительность была высока, что за такое и более короткое время справлялись с дневными нормами. 6 февраля вышло 516 чел., 7 февраля — 396 чел. [49]. Но и после «Недели транспорта и фронта» субботники не прекращались. Ввиду их успешности и продуктивности исполком Алатырского уездного Совета решил продолжать эту помощь железнодорожникам еще в течение одной недели [50]. И в течение февраля к восстановлению транспорта на Алатырском участке было привлечено, включая железнодорожников, 43,5 тыс. чел. В среднем на каждый субботник выходило до 400 коммунистов и беспартийных, столько же красноармейцев. С их помощью из текущего ремонта выпущено почти 200 паровозов и 450 вагонов, исправлено 14 верст железнодорожных путей, погружено 1200 вагонов дров, выполнено много других работ [51].

Субботники сыграли большую роль в коммунистическом воспитании алатырских железнодорожников. В годы гражданской войны Алатырский участок пути, находившийся с момента мятежа чехословацкого корпуса до разгрома Колчака в прифронтовой зоне, работал с предельной нагрузкой. Выходил из строя подвижной состав, падала производительность труда. До Октябрьской революции здесь имелся 31 исправный паровоз и 11 — требующих ремонта. В среднем в сутки к поездам подавалось 12 паровозов и столько же выходило из текущего ремонта. Ежемесячно на среднем ремонте побывало 7 паровозов и 326 вагонов, в депо и железнодорожных мастерских было занято 563 рабочих [52].

В последующем парк годных к эксплуатации паровозов сократился: в 1918 г. их насчитывалось 38, в начале 1919 г.— только 28, а к концу года — 34. За это же время резко возросло количество неисправных паровозов: их число колебалось в пределах 17—21. И под поезда с каждым годом их подавали все меньше: в 1918 г.— 10 паровозов, в 1919 г.— 8. Сильно упала производительность труда в мастерских: в месяц из среднего ремонта выходило только 5 паровозов, хотя к концу 1919 г. число рабочих по сравнению с 1917 г. увеличилось на 279 чел. и составило 842 чел. Простой паровозов в капитальном ремонте дошел до 300 дней, когда как в 1916 г. он был 117 дней, в 1917 г.— 201 день. Паровозы в среднем ремонте находились в 1916 г. 30 дней, в 1917 г.—

---

[48] «Путь революции», 7 февраля 1920 г.
[49] «Путь революции», 8 и 10 февраля 1920 г.
[50] «Путь революции», 11 февраля 1920 г.
[51] *И. Е. Петров. Чувашия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны, стр. 284.*
[52] «Путь революции», 7 ноября 1920 г.

44 дня, в 1918 г.— 76 дней. Сказывалось отсутствие необходимых для ремонта паровозов оборудования, узлов, деталей, в связи с чем объем чугунного литья на месте увеличился с 56 пудов в 1917 г. до 103 пудов в 1919 г., т. е. почти в два раза, а объем железных поковок — с 841 пуда до 1020 пудов [53].

Другой немаловажной причиной низкой производительности труда был голод. Для иллюстрации настроения железнодорожников тех лет имеются характерные примеры. 4 марта 1920 г. в честь годовщины III Коммунистического Интернационала в Алатыре состоялся грандиозный воскресник. Желание работать изъявило 1138 чел. Так как работы всем не нашлось, 320 чел. пришлось отправить до домам. 175 коммунистов и 643 беспартийных, разбившись на 15 групп, трудились на путях, в депо и железнодорожных мастерских. Ими было выполнено большой объем работ. И все участники воскресника заслужили похвалу [54].

Но в тот же день на воскресник не вышли 436 железнодорожников, многие мотивировали свой поступок тем, что они голодны, а часть рабочих пошла в церковь. «Дело в предрассудках и чисто мещанских взглядах на современные задачи,— писала по этому поводу газета «Путь революции».— Помнят ли рабочие-дезертиры о том, что красноармейцы-фронтовики, отдающие свои жизни во имя социализма, не знают ни прогулов, ни тем более праздников... Подумайте над этим, товарищи рабочие» [55].

Указывая на подобные явления среди рабочих, В. И. Ленин говорил: «Мы все хорошо знаем основное условие падения производительности труда, которое наблюдается не в одной России, а во всем свете: разорение и обнищание, озлобление и усталость, вызванные империалистической войной, болезни и недоедание. Последнее по важности занимает первое место. Голод — вот причина. А чтобы устранить голод, нужно повышение производительности труда и в земледелии, и в транспорте, и в промышленности. Получается, следовательно, какой-то порочный круг: чтобы поднять производительность труда, надо спастись от голода, а чтобы спастись от голода, надо поднять производительность труда» [56].

Далее он указывал, что «подобные противоречия разрешаются на практике прорывом этого порочного круга, переломом настроения масс, геройской инициативой отдельных групп, которая на фоне такого перелома играет иногда решающую роль» [57].

Алатырские коммунисты широко использовали массовую народную инициативу, сознательное отношение к бесплатной работе сотен активистов города и уезда для воспитания местных железнодорожников. За короткое время при каждой службе пути

---

[53] Там же.
[54] «Путь революции», 9 марта 1920 г.
[55] «Путь революции», 14 марта 1920 г.
[56] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 20—21.
[57] Там же.

были организованы коммунистические ячейки. За неделю, с 10 по 17 марта, в Алатыре и на участке состоялось 5 митингов, 7 лекций, 11 спектаклей, 8 разных собраний [58]. Результат проведенной работы подведен в корреспонденции «Сознание проясняется», опубликованной в газете «Путь революции»:

«Непонятно было некоторым железнодорожникам: как это — сначала транспорт, потом хлеб! Но они все-таки приступили к работе по-новому, по-военному... И теперь наши железнодорожники все больше и больше проникаются сознанием, что на самом деле сначала транспорт, потом хлеб, сначала труд, потом счастье. На железной дороге теперь сплошной субботник. Ежедневные сверхурочные работы на самых необходимых местах транспорта. Воскресенье по труду превращено в будни... Общая энергия, напряженность, горячка заражают революционным огнем все больше и больше сердец...» [59].

Работа по-новому внесла в труд железнодорожников новое содержание, усовершенствование. Например, в руках материальной службы было сосредоточено снабжение всех участков, чтобы «не было лишних обязанностей «самоснабжения» у отдельных служб». Паровозы к поездам стали подавать своевременно, точно в срок. Сократился время текущего ремонта паровозов. Прогулов наблюдалось все меньше и меньше (1% — в депо, 3—4% в остальных службах) [60].

Это было началом больших и важных дел. Мастеровые депо Алатыря, вдохновленные благодарностью В. И. Ленина железнодорожникам Московско-Казанской дороги за успешную борьбу с разрухой транспорта, решили отметить это событие трудовым вкладом. Они перешли с четырехсменной работы на трехсменную, сознательно удлинили себе рабочий день, а 23 специалиста, освобожденных таким образом, перешли на срочный ремонт паровозов и вагонов в мастерские [61]. В начале апреля и ремонтники обязались увеличить свой рабочий день, поднять интенсивность труда и выпускать ежемесячно из среднего ремонта не 6, а на 2 паровоза больше. «Мы будем ждать ваших 8 паровозов, товарищи! Вы обещаете — значит сделаете»,— писала в те дни алатырская газета [62].

Забегая вперед отмечу, что алатырские железнодорожники с честью сдержали свое слово. В последующие 4 месяца (апрель—июль 1920 г.) они по многим показателям, кроме общего количества исправных паровозов, поднялись к уровню 1917 г., по некоторым превзошли его. Как и три года назад, ежесуточно к поездам подавались 12 паровозов, столько же проходило через текущий ремонт. Намеченный рубеж — выпуск ежемесячно

[58] «Путь революции», 21 марта 1920 г.
[59] Там же.
[60] Там же.
[61] «Путь революции», 27 марта 1920 г.
[62] «Путь революции», 10 апреля 1920 г.

8 паровозов из среднего ремонта — был достигнут. Более чем удвоилось количество вагонов, выходивших в месяц из среднего ремонта (779 против 326 в 1917 г., а в сентябре 1920 г.— уже 1020 вагонов), улучшилась реставрация и заготовка деталей на месте: поковка железа с 841 пуда в 1917 г. увеличилась до 1514 пудов, чугунное литье до 128 пудов в месяц (на сентябрь 1920 г.). Число рабочих достигло 1058 чел.— их стало на 495 чел. больше, чем в 1917 г. [63].

Это был настоящий трудовой подвиг алатырских железнодорожников. В. И. Ленин недаром восхищался героизмом рабочих в тылу и говорил: «И вот эти голодные рабочие, окруженные злостной контрреволюционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эсеров, устраивают «коммунистические субботники», работают сверхурочно без всякой платы и достигают громадного повышения производительности труда, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием. Разве это не величайший героизм? Разве это не начало переворота, имеющего всемирно-историческое значение?» [64].

В фактах высокой производительности труда на коммунистических субботниках В. И. Ленин прозорливо видел залог неизбежной победы коммунизма над капитализмом. Он указывал, что «производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя» и что «капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда» [65].

Коммунистические субботники, проводимые для борьбы с разрухой на транспорте и в других отраслях народного хозяйства, одновременно имели важное значение и для укрепления союза рабочего класса с крестьянством. Через них партия ставила цель улучшить государственное руководство пролетариата крестьянством, укрепить диктатуру пролетариата, «приближать окончательный переход крестьян на сторону революционного пролетариата» [66]. В. И. Ленин указывал, что «именно такая пролетарская работа, которая знаменуется «коммунистическими субботниками» и проводится в жизнь ими, несет с собой окончательное укрепление уважения и любви к пролетарскому государству со стороны крестьянства. Такая работа — и только она — окончательно убеждает крестьянина в нашей правоте, в правоте коммунизма, делает крестьянина беззаветным нашим сторонником...» [67].

В условиях Чувашии первая заметная помощь рабочих сельским трудящимся была оказана весной 1920 г. Посланцы горо-

---

[63] «Путь революции», 7 ноября 1920 г.
[64] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 21.
[65] Там же.
[66] Там же, стр 28.
[67] Там же.

дов в первую очередь шли в семьи красноармейцев, помогали им в посевных работах, чинили сельскохозяйственный инвентарь. Как видно из материалов алатырской печати, члены городской организации РКП(б) годовщину первого субботника отметили по-коммунистически. Группа из 32 чел. была послана на запашку участков под огороды семей красноармейцев [68].

Летом 1920 г. по всей стране проводилась «Неделя помощи крестьянину». Правда, в Чувашии она прошла неодновременно. Например, в Алатырском уезде «исходя из соображений местных условий», «Неделя» крестьянина» началась раньше указанного губкомом времени, 13 июля. Была оказана помощь 543 семьям красноармейцев и беднейшему населению. Для них вспахано 417 десятин, скошено лугов 108 десятин, сжата часть озимых хлебов [69].

В Чувашской автономной области такая неделя по решению обкома РКП(б) была приурочена ко времени уборки хлебов и проводилась совместно с «Неделей торжеств по поводу объявления Чувашской автономной области». В передовой статье, посвященной указанному событию, «Известия Ревкома Автономной Чувашской области» писали:

«Все партийные и общественные организации и советские учреждения должны принять самое горячее участие в проведении этой недели. А рабочие заводов и мастерских наряду с партийными агитаторами поедут с инструментами в руках. Они будут ремонтировать и чинить своим товарищам крестьянам сельскохозяйственные машины и орудия. И на деле докажут, что рабочий у станка и крестьянин у сохи — единая суть, что они братья родные, их интересы одинаковы и что для окончательного торжества рабочего класса необходимо полное тождество деревни с городом и города с деревней» [70].

И действительно рабочие Чувашской автономной области приняли самое горячее участие в проведении «Недели крестьянина». Чебоксарский уезд был разделен на 5 участков. Для отправки в села было мобилизовано почти 500 чел. Для оказания помощи крестьянам из города и прокатных станций посылалось 19 жнеек, 13 веялок, 80 плугов, 38 серпов [71].

В Арабосинской волости Цивильского уезда прибывшие из Урмар рабочие в течение недели помогали семьям красноармейцев и безлошадным крестьянам убрать хлеб и свезти его на гумно. Кузнецы бесплатно чинили сохи, плуги, телеги и др. инвентарь и т. д. [72].

Из Ядрина в уезд выехала большая группа рабочих и советских служащих. Они были разбиты на несколько уборочных отря-

---

[68] «Путь революции», 14 мая 1920 г.
[69] «Чувашия в годы гражданской войны...», стр. 522.
[70] «Известия Ревкома Автономной Чувашской области», 13 августа 1920 г.
[71] «Известия Ревкома Автономной Чувашской области», 20 августа 1920 г.
[72] «Известия Ревкома Автономной Чувашской области», 2 октября 1920 г.

дов. Вместе с ними во все волости были направлены агрономы, специалисты для ремонта сельскохозяйственных машин, плотники, стекольщики. Коллектив маслобойного завода послал 6 металлистов (слесарей, кузнецов и др.). Уземотдел с 7 прокатных станций выделил в распоряжение 14 волостей 399 плугов, 12 борон, 17 сеялок, 41 веялку, 11 молотилок и одну походную кузницу с 3 кузнецами. Ими в течение недели на уборке и во время сева озимых помощь сказана 449 семьям, где работало в общей сложности 1887 рабочих и 1260 лошадей. Кузнецы и заводские рабочие помогли в ремонте уборочных машин, плугов, сох, телег. Прибывшие коммунисты на местах организовали 20 субботников с участием волостных и сельских партийных работников, советских служащих, комсомольцев. Всего по уезду в 769 нуждающихся семьях работало 5234 чел., 303 хозяйствам помощь оказана 1452 подводами [73].

Горячо откликнулись на призыв партии оказать помощь крестьянам рабочие Батыревской сельскохозяйственной мастерской [74]. Субботники по оказанию помощи крестьянам продолжались и после завершения «недели». Коммунисты Ядринской городской партийной организации, например, трижды выезжали в коммуну «Чăмăртанни» (Единство) на уборку хлебов [75].

«Спасибо рабочим», «Берите пример», «Так и нужно» — под такими заголовками газеты Чувашии освещали ход этой важной кампании. Такая связь поднимала авторитет Советской власти, а также рабочего класса как руководителя нового общества. «Ничто не помогло так повысить авторитет коммунистической партии..., так поднять уважение со стороны беспартийных рабочих к коммунистам, как эти субботники, когда они перестали быть единичным явлением...»,— указывал В. И. Ленин [76].

Субботники оказали благотворное влияние и на другие стороны жизни трудящихся Чувашии, в частности, на коммунистическое воспитание женщин. Наряду с общими субботниками женщины-коммунисты организовывали специальные работы по оказанию помощи детским домам и сиротам. Такие субботники, например, были организованы отделом по работе среди женщин Ядринского укома РКП(б) 26 и 30 сентября 1920 г. [77].

Кроме трудового вклада в строительство новой жизни, коммунистические субботники имели и другие назначения. Они сыграли также важную роль в интернациональном воспитании трудящихся. Вслед за рабочими центральных губерний Советской России алатырские железнодорожники, вдохновленные идеей всемирного освобождения пролетариата, внесли свою лепту в оказание братской помощи бастующим трудящимся Франции.

---

[73] «Красный клич», 2 октября 1920 г.
[74] «Известия Ревкома Автономной Чувашской области», 26 октября 1920 г.
[75] «Чувашия в годы гражданской войны», стр. 530.
[76] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 380.
[77] «Красный клич», 2 октября 1920 г.

В фонд помощи им мастеровые, рабочие и служащие всех служб пути отчислили свой однодневный заработок и решили провести субботник и воскресник, стоимость произведенной работы перечислить на текущий счет III Коммунистического Интернационала [78].

Алатырская уездная организация РКП(б) и местная печать стремились пропагандировать подобные начинания. Например, 24 октября 1920 г. в отделе «Рабочая жизнь» газеты «Путь революции» вышла корреспонденция, посвященная жизни и труду рабочих Алатырского отделения Петроградского трубочного завода, эвакуированного сюда в 1919 г. Алатырское уездное отделение РОСТА сообщила о том, что здоровый пролетарский революционный дух питерских рабочих проявляется и в жизни коллектива трубочников. Несмотря на то, что они ежедневно работают по 10 часов и имеют в месяц только два свободных воскресенья, посланцы питерцев решили отчислить однодневный заработок бастующему пролетариату Западной Европы, столько же — на помощь Южному фронту, работать в месяц не реже одного раза (три часа) на субботниках. «Так поступают настоящие пролетарии,— писала газета «Путь революции».— Не пустыми звуками являются последние слова их резолюции: «Наша усиленная коммунистическая, сознательная работа да будет могильщиком международной, хищнической буржуазии» [79].

Субботники интернациональной солидарности проводились и в других уголках Чувашии. 17 июля 1920 г. Чебоксарская городская организация РКП(б) в честь открытия II конгресса Коминтерна устроила субботник [80]. Международный день юношества, отмеченный 4 сентября 1920 г., весьма торжественно прошел в Чебоксарах и Ядрине. По свидетельству прессы, в указанных городах состоялись субботники в пользу Интернационала молодежи. В Чебоксарах на субботнике участвовало около 500 чел. [81]. В Ядрине на субботник вышли не только члены городской ячейки РКСМ и РКП(б), а также беспартийная молодежь, члены профсоюзов [82].

Велико значение первых коммунистических субботников в жизни нового, советского общества. Они оказали поистине огромное влияние на подъем творческой активности широких народных масс, на рост производительности труда. Неоценима их роль и в воспитании нового человека, новых взглядов на труд, новой трудовой дисциплины.

Творческая инициатива и активность масс, новое отношение к труду, борьба за неуклонное повышение производительности труда, гласность, сравнимость результатов, возможность повто-

[78] «Путь революции», 22 июня 1920 г.
[79] «Путь революции», 24 октября 1920 г.
[80] «Чувашия в годы гражданской войны...», стр. 521.
[81] «Известия Ревкома Автономной Чувашской области», 14 сентября 1920 г.
[82] «Известия Ревкома Автономной Чувашской области», 25 сентября 1920 г.

рения лучшего опыта — то есть все те основные элементы, присущие социалистическому соревнованию, уже проявились, правда, в недостаточно развитом виде, на первых же субботниках. Как указано выше, более ярко эти новшества видны в труде алатырских рабочих.

Описывая те или иные субботники, в документах и газетных публикациях неизменно подчеркивается их воспитательный характер, новое отношение людей к труду.

Славные традиции коммунистических субботников 1919—1920 гг. были продолжены и развиты советскими людьми в годы восстановления народного хозяйства, в период индустриализации и коллективизации СССР, в годы Великой Отечественной войны. И ныне они проводятся для ускорения строительства хозяйственных объектов, школ, культурно-бытовых учреждений, для уборки богатых урожаев, для благоустройства наших городов.

Вершиной трудового подъема народа, всенародным праздником вдохновенного труда стали Всесоюзные субботники, проводимые ежегодно в апреле месяце. Миллионы советских людей в этот день выходят на работу с мыслью о В. И. Ленине, о том историческом первом субботнике, в котором великий вождь увидел великий почин нового, коммунистического отношения к труду.

К. Д. Дмитриев

УЧАСТИЕ КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЧУВАШИИ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РЕФОРМЫ В ГОДЫ ВОСЬМОЙ ПЯТИЛЕТКИ

XXIII съезд КПСС, проходивший с 29 марта по 8 апреля 1966 г., призвал коммунистов уделять больше внимания деятельности первичных комсомольских организаций, повышению политической и трудовой активности юношей и девушек в связи с переводом промышленных предприятий на новые методы планирования и экономического стимулирования. В мае 1966 г., выступая на XV съезде ВЛКСМ, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал: «Хозяйственная политика партии, разработанная на мартовском и сентябрьском Пленумах ЦК и на XXIII съезде КПСС, нацелена на то, чтобы поставить управление нашим хозяйством на научные рельсы, предоставить решающее слово экономическим законам социализма, умело использовать систему моральных и материальных стимулов. Новые решения партии открывают широкий простор для развития инициативы и самодеятельности комсомольских организаций молодежи нашей страны» [1]. Коммунистическая партия поставила перед комсомолом исключительно важную задачу—активно участвовать в подготовке и проведении экономической реформы, резко усилить внимание к вопросам экономики, овладению новыми методами руководства производством, поискам путей и резервов повышения его эффективности за счет лучшего, более рационального использования всех ресурсов [2].

Комсомол и вся молодежь страны восприняли решения XXIII съезда КПСС и XV съезда ВЛКСМ как боевую программу своей деятельности на годы восьмой пятилетки.

Экономическая реформа нашла единодушную поддержку партийных и советских органов, профсоюзных и комсомольских организаций, руководителей промышленных предприятий, рабочих,

---

[1] «XV съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи». Стенографический отчет. М., 1966, стр. 23.

[2] Об осуществлении экономической реформы на предприятиях Чувашии см. нашу работу «Экономическая реформа и борьба за технический прогресс на промышленных предприятиях Чувашской АССР в годы восьмой пятилетки». Сб. «История и культура Чувашской АССР», вып. 4. Чебоксары, 1975, стр. 3—35.

служащих и инженерно-технических работников и всего советского народа.

«Партия кровно заинтересована во всемерном развитии социальной и политической активности молодежи,— подчеркнул Л. И. Брежнев, выступая на XVI съезде ВЛКСМ,— она поручала и поручает комсомолу выполнение задач общенародного масштаба. Сегодняшнему комсомолу по плечу самые сложные, самые ответственные задания» [3].

Чувашская областная комсомольская организация, насчитывавшая в своих рядах к концу первого года восьмой пятилетки более 100 тыс. чел., в своем составе имела 28489 рабочих, из них 17874 члена ВЛКСМ работали в промышленности. По отраслям промышленности эта сила распределялась следующим образом: машиностроительные и металлообрабатывающие специальности — 6052 комсомольца, в легкой и пищевой промышленности — 6869 комсомольцев, в лесной и деревообрабатывающей промышленности — 1734 комсомольца и т. д. Если взять по отдельным промышленным предприятиям, то самое большое количество комсомольцев — 5176 чел.— работало на Чебоксарском хлопчатобумажном комбинате, 2131 чел.— на электроаппаратном заводе, 1523 чел.— на заводе тракторных запасных частей, 1017 чел.— на чулочно-трикотажной фабрике и т. д.[4].

Претворение в жизнь решений XXIII съезда партии, XV съезда ВЛКСМ проходило в обстановке всеобщего политического и трудового подъема, вызванного подготовкой к таким знаменательным событиям исторической важности, как полувековой юбилей Великой Октябрьской социалистической революции, 50-летие ВЛКСМ, 150-летие со дня рождения К. Маркса, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Завершающий пятилетку год совпал с празднованием 50-летия Советской Чувашии.

В канун этих важных событий, в январе 1966 г., состоялась XXVII Чувашская областная комсомольская конференция. Она проходила в обстановке большого политического и трудового подъема, вызванного всеобщим движением молодежи за достойную встречу предстоящих съездов партии и комсомола. На конференции было отмечено, что в авангарде борьбы за технический прогресс, повышение производительности труда идут комсомольцы и молодежь предприятий Чебоксар: хлопчатобумажного комбината, электроаппаратного завода, завода электроизмерительных приборов, Канашского вагоноремонтного завода и других предприятий республики [5].

В октябре 1965 г. участники гражданской и Великой Отечественной войн, ветераны партии и труда Чувашии обратились

---

[3] «Материалы XVI съезда ВЛКСМ». М., 1970, стр. 9.
[4] ПАЧО, ф. 6, оп. 11, д. 18, л. 1.
[5] Там же, д. 2, л. 6.

с письмом ко всем комсомольцам и молодежи республики с призывом включиться в социалистическое соревнование за достойную встречу XXIII съезда КПСС и 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. VIII пленум Чувашского обкома ВЛКСМ, поддержав призыв ветеранов, объявил республиканскую комсомольско-молодежную трудовую вахту.

Призыв ветеранов труда нашел широкий отклик у молодых рабочих Чебоксар — завода электроизмерительных приборов и хлопчатобумажного комбината, которые стали инициаторами ударной комсомольской двухлетки [6]. Во всех комсомольских организациях были обсуждены решения Пленума обкома ВЛКСМ, письмо ветеранов и приняты конкретные социалистические обязательства. Основной задачей являлась борьба за выполнение и перевыполнение производственного плана, за технический прогресс, высокую организацию культуры производства, улучшение качества выпускаемой продукции. Комсомольцы и молодежь Чебоксарского хлопчатобумажного комбината взяли шефство над внедрением новой техники и технологии и развернули борьбу за повышение качества выпускаемой продукции. При активном участии комсомольцев и молодежи в короткий срок было смонтировано 17 конвейерных линий и 22 пневматических устройства, которые позволили высвободить и перевести на другие работы 217 чел. [7]. Прошел смотр под девизом «Рапортуем Ленину, рапортуем партии». 184 комсомольские группы комбината соревновались за звание группы им. 50-летия Октября.

«Трудовой подарок на каждом рабочем месте» — под таким лозунгом соревновались комсомольско-молодежные бригады Чебоксарского электроаппаратного завода. В обязательствах молодых рабочих основное внимание уделялось вопросам борьбы за коммунистическое отношение к труду. По инициативе комсомольских организаций Чебоксарского завода резинотехнических изделий по всей республике были организованы конкурсы мастерства по профессиям среди молодых рабочих. Победителями республиканского конкурса молодых токарей и фрезеровщиков стали Александр Лисин (электроаппаратный завод), Юрий Иванов (завод «Химтекстильмаш»).

Борьба за высокую производительность труда, высокое качество продукции, снижение ее себестоимости стала важнейшим делом каждого молодого производственника промышленных предприятий г. Шумерли. Около 2000 молодых рабочих участвовало в движении за коммунистическое отношение к труду. Поддерживая все передовое и прогрессивное и устраняя отжившие, не оправдавшие себя методы, больших трудовых успехов в соревновании добились комсомольцы мебельного комбината Серафим Варламов, Геннадий Колесников, Нина Максимова, Валерий Ни-

---

[6] Газ. «Советская Чувашия», 10 декабря 1966 г.
[7] ПАЧО, ф. 6, оп. 12, д. 8, л. 6.

колаев и многие другие. Каждый третий из молодых рабочих повышал свои знания в вечерних школах и техникумах [8].

Комсомольцы и молодежь заводов и фабрик республики, выполняя указания партии, данные комсомолу в связи с переводом промышленных предприятий на новые методы работы, принимали широкое участие в работе подготовительных комиссий, общественных групп и бюро экономического анализа, в разработке мер по повышению экономической эффективности общественного производства. На предприятиях наряду с совещаниями, семинарами, курсами для экономистов, плановиков, бухгалтеров и руководителей предприятий проводились различные мероприятия и для секретарей партийных и комсомольских организаций, на которых обсуждались задачи по внедрению хозяйственной реформы. Вопросы хозяйственного расчета, материального и морального стимулирования, повышения прибыли и рентабельности рассматривались на занятиях школ коммунистического труда и передового опыта, народных университетов. В республике действовало 416 школ коммунистического труда и передового опыта, 219 народных университетов, в том числе 5—технического прогресса и 26—экономических и сельскохозяйственных знаний, 48 начальных экономических школ, 298 лекториев и 105 школ женщин [9]. В числе их слушателей насчитывалось много молодежи.

В целях разъяснения молодежи решений партии и правительства по вопросам хозяйственной реформы в трудовых коллективах промышленных предприятий широко использовалась сеть комсомольского просвещения, на занятиях которой изучались материалы сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС.

Вопросы подготовки промышленных предприятий к переходу на новую систему планирования, управления и экономического стимулирования обсуждались на комсомольских собраниях, заседаниях комитетов ВЛКСМ. В своих выступлениях комсомольцы обращали особое внимание на вопросы внедрения новой техники, обновления оборудования, замены физически и морально износившихся станков и машин, широкого использования достижений научно-технического прогресса.

В деятельности заводских комитетов ВЛКСМ важное место заняли вопросы повышения экономических знаний молодых специалистов и рабочих, создания и работы экономических школ. Например, на Чебоксарской чулочно-трикотажной фабрике в экономической школе для кадров основных профессий и инженерно-технических работников по 20—30-часовой программе в 1966/67 уч. г. занималось более 2 тыс. чел. Многие молодые

---

[8] Там же, л. 7.
[9] ПАЧО, ф. 1, оп. 146, д. 6, л. 122.

рабочие фабрики повышали свой профессиональный и общеобразовательный уровень в вечерних и заочных учебных заведениях: в высших учебных заведениях училось 52 чел., в техникумах — 220 чел., в школах рабочей молодежи — 228 чел. [10].

На Чебоксарском электроаппаратном заводе комитет комсомола организовал экономическую учебу молодых рабочих по вопросам НОТ. Молодые инженеры и техники, передовики производства поднимали вопросы повышения качества продукции, борьбы с потерями и простоями, улучшения режима труда, быта и отдыха. Были созданы советы молодых специалистов, которые занимались проблемами ускорения технического прогресса, как главного источника повышения эффективности производства и распространения передового опыта работы в условиях новой реформы [11].

Вся эта политико-массовая работа была направлена на то, чтобы донести до сознания каждого рабочего, инженерно-технического работника и служащего принципы экономической реформы, чтобы теоретически и практически подготовить трудовые коллективы для перехода на новые методы работы. Комсомольские организации промышленных предприятий республики под руководством партийных организаций упорно учились хозяйствовать по-новому.

Участие комсомольцев и молодежи в подготовке промышленных предприятий для работы в новых условиях способствовало вооружению юношей и девушек знаниями экономической политики партии, закономерностей научно-технической революции и перспективных задач коммунистического строительства. В ходе подготовки промышленных предприятий к переходу на новые методы хозяйствования областной, городские и районные комитеты комсомола улучшили организаторскую и политико-массовую работу по активизации деятельности комсомольских организаций в борьбе за выполнение заданий пятилетки, внедрение прогрессивной техники и технологии, в развитии социалистического соревнования и движения за коммунистическое отношение к труду.

Вместе с тем в этот период в деятельности отдельных комсомольских организаций имелись и определенные недостатки.

В коллективах некоторых предприятий отдельные молодые специалисты проявляли слабую активность в борьбе за улучшение экономических показателей предприятия (Чебоксарский завод «Химтекстильмаш»), юноши и девушки слабо интересовались вопросами повышения эффективности производства и строжайшего соблюдения режима экономики и бережливости (Алатырский завод «Электроавтомат») [12].

В противоположность им комсомольская организация Чебок-

---

[10] ПАЧО, ф. 700, оп. 45, д. 39, л. 51.
[11] ПАЧО, ф. 6, оп. 13, д. 2, л. 20.
[12] Там же, оп. 11, д. 2. лл. 8—9.

сарского завода резинотехнических изделий под руководством партийной организации постоянно занималась вопросами внедрения новых методов планирования, управления и экономического стимулирования, повышения культуры производства. Названные вопросы часто поднимались на собраниях цеховых первичных комсомольских организаций и на заседаниях комитета комсомола завода. Комсомольцы шли во главе соревнования юношей и девушек за ускорение научно-технического прогресса, за освоение новых высокопроизводительных машин и оборудования, за внедрение эффективных средств механизации и автоматизации, прогрессивных технологических процессов. Комплексный план завода на 1968—1970 гг. по повышению культуры производства предусматривал 114 мероприятий, из которых в 1968 г. и в первом квартале 1969 г. было выполнено 63 мероприятия. Наиболее значительными из них являлись монтаж и сдача в эксплуатацию конвейерных резинотехнических линий, установок для промывки, окраски и сушки мелких деталей, изготовление и внедрение автоматов латунирования и хромирования, полуавтоматов для сварки алюминиевых баков в аргоновой среде и т. д. Осуществление их дало возможность облегчить тяжелый ручной труд и высвободило 83 рабочих [13].

Такую же рабочую смекалку, инициативу и трудовой энтузиазм проявляли молодые рабочие Чебоксарского электроаппаратного завода, перешедшего в числе первых на новую систему планирования и экономического стимулирования. Боевой авангард молодежи, насчитывавший в 1968 г. в своих рядах около 2300 комсомольцев, выступал застрельщиком всего нового и прогрессивного. Сотни молодых рабочих поддержали движение за получение личного клейма под девизом «Рабочая совесть — лучший контролер». 38 комсомольцев с трех конвейеров сборочного цеха № 2 обязались работать личным клеймом без услуг контролеров. Анализ деятельности бригад, работающих под девизом «Рабочая совесть — лучший контролер», показал, что брака стало меньше, большинство изделий принималось с первого предъявления. Пример цеха № 2 нашел широкий отклик среди комсомольцев и молодежи и других участков завода [14].

Переход завода на новые методы работы позволил повысить эффективность использования производственных фондов. Первый год восьмой пятилетки завод завершил с перевыполнением производственных планов и повышенных социалистических обязательств. План производительности труда был выполнен на 103,8%. Получена прибыль в сумме 14 млн. 594 тыс. руб. Работа по-новому позволила повысить среднюю зарплату на 8,4% [15]. В 1968 г. фактически объем реализованной продукции по

---

[13] ПАЧО, ф. 6, оп. 14, д. 17, л. 71.
[14] Там же, оп. 11, д. 2, л. 8.
[15] ПАЧО, ф. 700, оп. 45, д. 23, л. 54.

сравнению с 1965 г. возрос более чем на 46%, улучшились показатели по себестоимости товарной продукции и рентабельности производства [16]. Эти же положительные явления, вызванные экономической реформой, наблюдались в деятельности многих предприятий республики.

С большими трудовыми успехами завершили комсомольско-молодежную вахту в честь 50-летия Великого Октября комсомольские организации чебоксарских предприятий — заводов резинотехнических изделий и электроисполнительных механизмов, Шумерлинского мебельного комбината, Канашского вагоноремонтного завода, Алатырского завода «Электроприбор», Ишлейского завода высоковольтной аппаратуры и многих других предприятий. За достигнутые успехи ЦК ВЛКСМ наградил Памятным Красным знаменем комсомольскую организацию Чебоксарского хлопчатобумажного комбината. Решением бюро Чувашского обкома ВЛКСМ комсомольские организации Чебоксарского электроаппаратного завода, завода резинотехнических изделий, Шумерлинского мебельного комбината и др. были признаны победителями республиканской комсомольско-молодежной трудовой вахты. Им вручены памятные Красные знамена обкома ВЛКСМ. За успешное выполнение социалистических обязательств, принятых в честь 50-летия Великого Октября, коллективу рабочих, служащих и инженерно-технических работников завода резинотехнических изделий были присуждены и оставлены на вечное хранение юбилейное Красное знамя Чувашского областного комитета КПСС, Совета Министров Чувашской АССР и Чувашского областного совета профсоюзов и знамя Чебоксарского городского комитета КПСС и исполкома городского Совета депутатов трудящихся.

Почин горьковских комсомольцев под девизом «Ни одного отстающего рядом» также нашел широкий отклик в комсомольских организациях промышленных предприятий. Повышение авангардной роли комсомольцев, развитие товарищеской взаимопомощи и ответственности каждого молодого рабочего за результаты труда всего коллектива, организация помощи молодым рабочим в овладении производственным мастерством и другие вопросы рассматривались регулярно в комсомольских организациях предприятий Чебоксар, Канаша и других городов республики. Особое внимание обращалось на работу с молодежью, недавно пришедшей на производство, а также на шефство ветеранов труда над новичками. В результате такой работы на канашских заводах автомобильных запасных частей и электропогрузчиков, в коллективах швейной и мебельной фабрик за целый год не было ни одного комсомольца, не выполнившего сменной нормы выработки.

После перехода на новые методы хозяйствования все комсо-

[16] ПАЧО, ф. 6, оп. 14, д. 17, л. 36.

мольско-молодежные бригады Чебоксарского хлопчатобумажного комбината включились в соревнование за коммунистическое отношение к труду. 2,5 тыс. комсомольцев завоевали почетное звание ударников коммунистического труда. 270 комсомольцев выполнили план второго года восьмой пятилетки на 54 дня раньше срока, т. е. к полувековому юбилею Великого Октября. Более 600 комсомольцев участвовало в работе общественных бюро анализа, штабов и отрядов «комсомольского прожектора».

Движение за коммунистическое отношение к труду, охватившее все комсомольско-молодежные коллективы предприятий республики, ставило перед рабочими, служащими и инженерно-техническими работниками задачи по внедрению мероприятий НОТ в производство. По инициативе комитета ВЛКСМ на Чебоксарском электроаппаратном заводе прошли занятия с молодыми рабочими по научной организации труда, на которых обсуждались вопросы планирования, управления и экономического стимулирования. Молодые специалисты завода активно участвовали в осуществлении планов организационно-технических мероприятий. Созданные на общественных началах советы молодых специалистов активно участвовали во внедрении в производство новой техники и технологии, в борьбе за улучшение качества выпускаемой продукции. Совет молодых специалистов Всесоюзного научно-исследовательского института релестроения создал общественный центр технической информации, который регулярно проводил пропаганду новейшей технической литературы и тем самым способствовал внедрению технических новшеств в производство. Советы молодых специалистов предприятий занимались вопросами аттестации, повышения квалификации рабочих, служащих и инженерно-технических работников, развития рационализаторства и изобретательства [17].

Наиболее эффективными формами участия комсомольцев и молодежи в борьбе за научно-технический прогресс явились выставки, смотры технического творчества и конкурсы по профессиям. В обстановке большого творческого подъема молодежи прошел в республике смотр под девизом: «Пятилетке — мастерство и поиск молодых» в честь 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В нем участвовало около 3 тыс. юношей и девушек. В ходе смотра внедрено 2200 рационализаторских предложений, поданных его участниками, экономический эффект от которых составил 1 млн. 700 тыс. руб. в год [18].

На Чебоксарской лентоткацкой фабрике комитеты партии и комсомола совместно с фабкомом профсоюза и советом НТО провели смотр-конкурс за звание «Цех высокой культуры производства», в ходе которого были улучшены условия труда и санитар-

[17] ПАЧО, ф. 6, оп. 13, д. 2, лл. 19—20.
[18] Там же, л. 62.

но-гигиеническое состояние помещений, уделено внимание благоустройству территории фабрики, механизации и автоматизации технических процессов. Комсомольско-молодежные бригады фабрики поддержали инициативу московских и ивановских комсомольцев по досрочному выполнению пятилетнего плана, по росту производительности труда и по увеличению объема выпуска продукции. На фабрике за три года восьмой пятилетки производительность труда повысилась на 35%, объем выпуска продукции вырос более чем на 70% [19].

Продолжалась традиция «легкой кавалерии», создавались «комсомольские прожекторы» при комитетах комсомола предприятий. В начале восьмой пятилетки в республике действовали 875 штабов и отрядов «комсомольского прожектора», объединяющих около 6000 комсомольцев. Они боролись против расточительства, расхлябанности и недисциплинированности, за бережливость, экономное и разумное ведение хозяйства. Новая система планирования, управления и экономического стимулирования потребовала от трудовых коллективов снижения себестоимости продукции, ликвидации брака, экономии материалов и электроэнергии. Штаб «КП» Шумерлинского мебельного комбината выявлял причины штурмовщины в цехах, высокой себестоимости изделий. Штаб установил постоянный контроль за расходом воды, пара, сжатого воздуха и электроэнергии. Многогранную работу проводил Вурнарский районный штаб «комсомольского прожектора», объединяющий 60 местных штабов и отрядов. Комсомольцы проводили систематические рейды по изысканию и использованию резервов производства. Результаты рейдовых проверок передавались широкой гласности через газету, фотовитрины, специальные стенды [20].

Ударной силой комсомольской организации Чебоксарского завода тракторных запасных частей в борьбе с браком, бесхозяйственностью также явились отряды и посты «КП». В цехах и отделах завода действовало 14 отрядов и 105 постов комсомольского контроля. По их инициативе только в первом квартале 1968 г. проведено 163 рейда, выпущено около 200 номеров «Комсомольского прожектора». По материалам рейдовых проверок послано 250 сигналов руководителям цехов и администрации завода. Эффективной формой выявления и устранения недостатков явились фоторейды. В организации рейдов участвовало более 500 комсомольцев завода.

Штабы и отряды «комсомольского прожектора» Чебоксарского хлопчатобумажного комбината в основном свои усилия сосредоточили на сохранении социалистической собственности, были непримиримы к недостаткам и бесхозяйственности. Здесь действовало 9 штабов и 49 ударных отрядов, объединяющих 980 чел.

---

[19] Там же, оп. 14, д. 17, лл. 67, 68.
[20] ПАЧО, ф. 6, оп. 11, д. 2, лл. 27, 28.

комсомольцев и несоюзной молодежи. Проведенные рейдовые проверки вскрыли большие упущения в хранении материальных ценностей комбината [21]. Усилиями «комсомольского прожектора» в первый же год комсомольской двухлетки на комбинате сэкономлено 110 т хлопка, 40 т пряжи, 500 тыс. м суровой ткани.

Итоги комсомольской двухлетки подведены на XXVIII Чувашской областной конференции ВЛКСМ в феврале 1968 г. Было отмечено, что комсомол Чувашии проводил активную работу по выполнению заданий восьмой пятилетки, повысилась трудовая и творческая активность комсомольцев и молодежи в осуществлении экономической реформы на промышленных предприятиях республики [22].

Комсомольцы и молодежь многих предприятий добились большого успеха и в соревновании в честь 50-летия комсомола. Например, в коллективе электроаппаратного завода 500 молодых рабочих досрочно, к 29 октября (к 50-й годовщине ВЛКСМ), выполнили годовые планы. За высокие производственные показатели и успехи в общественной работе 5 комсомольским группам и 2 комсомольско-молодежным бригадам присвоено почетное звание «коллективов имени 50-летия ВЛКСМ», свыше 200 комсомольцев удостоены Почетных Грамот ЦК ВЛКСМ, обкома и горкома комсомола. Комсомольская организация завода награждена Памятным вымпелом ЦК ВЛКСМ и Почетной грамотой Чувашского обкома КПСС.

25 октября 1968 г. в Москве собрался торжественный Пленум ЦК ВЛКСМ, на котором делегация комсомола Чувашии рапортовала о выполнении своих юбилейных социалистических обязательств.

За активную работу по коммунистическому воспитанию молодежи, мобилизации ее на выполнение планов хозяйственного и культурного строительства и в связи с 50-летием ВЛКСМ Чувашская областная комсомольская организация награждена Памятным знаменем Чувашского обкома КПСС и Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

В октябре 1968 г. вышло Постановление ЦК КПСС «О 50-летии ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи». В этом документе подведены итоги деятельности ленинского комсомола за 50 лет, разработаны меры по повышению роли и ответственности комсомола в коммунистическом строительстве, выработана программа действий ВЛКСМ в современных условиях. ЦК КПСС призвал комсомольские организации всемерно повышать роль молодежи в ускорении научно-технического прогресса, повышении культуры производства.

Постановление ЦК КПСС «О 50-летии ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи» было воспринято ком-

---

[21] ПАЧО, ф. 6, оп. 14, д. 14, лл. 63—65.
[22] Там же, оп. 13, д. 2, лл. 18, 30.

комолом как документ исключительно большого политического значения. Пленум Чувашского обкома ВЛКСМ, состоявшийся в январе 1969 г., обсудил мероприятия областной комсомольской организации по выполнению Постановления ЦК КПСС, одобрил инициативу коллективов ряда заводов и фабрик по развертыванию среди комсомольцев и молодежи борьбы за повышение культуры производства. 1969—1970 гг. были объявлены годами похода комсломольцев и молодежи республики за высокую культуру производства. Повышение эффективности производства потребовало модернизации оборудования, совершенствования инструмента, внедрения передовых приемов и методов труда и технической эстетики. Решением бюро обкома ВЛКСМ был создан штаб похода [23]. В марте 1969 г. бюро Чувашского обкома ВЛКСМ приняло специальное постановление «О походе комсомольцев и молодежи республики за высокую культуру производства».

Мероприятия по организации похода за высокую культуру производства были одобрены областным комитетом партии. Бюро Чувашского обкома КПСС обязало обком ВЛКСМ, горкомы и райкомы КПСС, первичные партийные организации оказывать необходимое содействие по мобилизации всех комсомольцев и молодежи на эту борьбу.

В поход дружно включились комсомольско-молодежные бригады Чебоксарского завода электроизмерительных приборов (завод перешел на новые методы планирования и экономического стимулирования в начале 1967 г.). Для оперативного руководства были созданы заводской и цеховые штабы по культуре производства, в состав которых выдвигались технически грамотные и инициативные специалисты. Программа действий включала широкий круг мероприятий — вопросы экономии сырья и материалов, модернизации оборудования, совершенствования инструмента, благоустройства и озеленения заводской территории и наведения чистоты и порядка в цехах, повышения производительности труда и внедрения НОТ в производство. Проводились недели борьбы за чистоту на рабочих местах, комсомольские субботники по очистке цехов, участков [24]. Функционировало 12 смотровых комиссий, в состав которых были выдвинуты 187 чел. из числа секретарей и членов бюро ВЛКСМ, передовых рабочих и служащих и инженерно-технических работников. В период проведения смотра в цехах действовали комсомольские тройки. По понедельникам систематически проводились «дни качества». Участники смотра шефствовали над выпуском новых машин, модернизацией оборудования, созданием автоматических и поточно-механических линий. В итоге в ходе смотра было подано 50 предложений по улучшению культуры производства, из которых внедрено 30 с общим экономическим эффектом около 10 тыс. руб. По ини-

[23] ПАЧО, ф. 6, оп. 14, д. 17, л. 2.
[24] Там же, лл. 5, 37.

инициативе комсомольской организации завода была организована выставка под девизом «Творчество молодых».

На Чебоксарском электроаппаратном заводе в период похода по инициативе заводского комитета комсомола в цехах, технических кабинетах и на участках проведено на общественных началах более 200 лекций по культуре производства, научной организации труда, технической эстетике, показано 56 кинофильмов. Для новаторов производства, рационализаторов и изобретателей был составлен перечень нерешенных проблем по повышению эффективности труда. Эти и другие мероприятия способствовали повышению культурно-технического уровня производства, в результате которого улучшились условия труда и снабжение бригад материалами и инструментами, повысились производительность труда и профессиональная квалификация рабочих, совершенствовались приемы и методы труда [25].

На Чебоксарском хлопчатобумажном комбинате в феврале 1969 г. прошло собрание комсомольского актива, на котором был создан «Штаб технического прогресса». Участники собрания приняли обращение к комсомольцам и молодежи Барнаульского, Камышинского, Канского, Херсонского и Краснодарского хлопчатобумажных комбинатов включиться в борьбу за технический прогресс. Министерство легкой промышленности СССР рассмотрело предложение комитета ВЛКСМ Чебоксарского хлопчатобумажного комбината и одобрило его инициативу. Призыв чебоксарских текстильщиков был подхвачен коллективами крупных комбинатов легкой промышленности. За достигнутые успехи во Всесоюзном общественном смотре за высокую культуру производства и улучшение условий труда в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина Министерство легкой промышленности СССР, Центральный Комитет профсоюза рабочих текстильной и легкой промышленности, Центральное правление научно-технического общества легкой промышленности СССР наградили Чебоксарский хлопчатобумажный комбинат дипломом «За высокую культуру производства».

В ходе подготовки к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и полувековому юбилею республики среди комсомольцев и молодежи быстро росло число ударников коммунистического труда, передовиков социалистического соревнования. Более 5 тыс. комсомольцев выполнили свои пятилетние планы к 22 апреля 1970 г. В числе победителей социалистического соревнования были десятки комсомольско-молодежных бригад хлопчатобумажного комбината, электроаппаратного завода, заводов электроизмерительных приборов, резинотехнических изделий и др. Более 3 тыс. юношей и девушек удостоились награждения юбилейными медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» [26].

[25] Там же, л. 14, лл. 40, 41.

[26] «Советская Чувашия», 24 октября 1970 г.

Одновременно с решением производственных задач, с подготовкой молодых квалифицированных кадров, с воспитанием подлинных мастеров своего дела в комсомольских организациях промышленных предприятий республики уделялось серьезное внимание подготовке всесторонне развитых, высокообразованных юношей и девушек, стойких и самоотверженных борцов за победу коммунизма, способных управлять делами общества и производства. При этом на переднем плане стоял вопрос о формировании у молодежи марксистско-ленинского мировоззрения, высоких моральных качеств, глубокой идейной убежденности.

В соответствии с решениями XXIII съезда КПСС комсомол совершенствовал систему политического образования молодежи, методику идеологического воспитания. Новая система комсомольского политпросвещения, введенная в 1965/66 уч. г., предусматривала осуществление принципов приближения тематики занятий к особенностям молодежной аудитории и дифференцированного подхода к возрастным особенностям, образовательному уровню слушателей. Основными формами политической учебы явились комсомольские кружки, семинары, политические клубы. Прежде всего в политическую учебу вовлекались юноши и девушки, которые не учились в вечерних, заочных школах, техникумах, вузах. Комсомольцы, не имеющие среднего образования, стали заниматься в кружках «Кругозор», а молодежь, готовящаяся вступить в члены ВЛКСМ, посещала занятия кружков «Наш Ленинский комсомол». Юноши и девушки, готовящиеся к вступлению в партию, учились в кружках «Беседы о партии». Кружки «Беседы о нравственности», «Беседы о производственном коллективе» были созданы для изучающих проблемы морали или конкретной экономики. Для имеющих среднее образование работали семинары «Молодежь и общественный прогресс», а для молодых специалистов с высшим или незаконченным высшим образованием — «Университеты молодого марксиста». В целях удовлетворения запросов всех категорий молодежи и привлечения ее к активной общественной деятельности были созданы политические клубы «Прометей», «Глобус», «Родина», «Орбита», «Радуга», «Эврика», «Родная земля», «Олимп».

На занятиях комсомольцы изучали вопросы экономической политики КПСС, принципы хозяйственной реформы, направленные на улучшение системы планирования, управления и экономического стимулирования. Например, на Чебоксарском хлопчатобумажном комбинате работали 63 кружка политического просвещения молодежи, в которых занималось более тысячи комсомольцев и молодежи [27]. И если взять в целом по республике, то только в одном 1968/69 уч. г. для молодежи было создано 946 кружков с охватом 36442 чел. Кроме того, 10691 чел. повышали

---

[27] ПАЧО, ф. 6, оп. 14, д. 23, л. 72.

свои политические знания в системе партийного просвещения [28]. Вовлекая молодой рабочий класс в различные формы комсомольского просвещения, комитеты ВЛКСМ промышленных предприятий стремились повышать общеобразовательный, политический и культурно-технический уровень юношей и девушек. Всестороннее изучение марксистско-ленинской теории способствовало правильному пониманию политики партии и правительства по осуществлению хозяйственной реформы.

Комсомольские комитеты держали в центре внимания вопросы воспитания у молодежи идейной убежденности, классового подхода к явлениям общественной жизни. В годы восьмой пятилетки много сделали для воспитания молодежи ветераны войны и труда, партии и комсомола И. Е. Ефимов, Е. Я. Орлова, А. З. Орленко, А. В. Сомов, А. С. Сымокин, П. И. Иванов, А. Ф. Кошечкин, А. П. Лбов, И. Д. Кузнецов, Герои Советского Союза Ф. Н. Орлов, А. В. Кочетов, Н. М. Дудецкий, Герой Социалистического Труда фрезеровщик Н. А. Королев и многие др. [29]. Они часто встречались с молодыми рабочими, делились опытом жизни, прививали юношам и девушкам чувства советского патриотизма и пролетарского интернационализма, братской дружбы, любви и преданности к социалистической Родине. Юноши и девушки учились у прославленных ветеранов партии и комсомола не только скромности, честности и душевному богатству, но и преданности делу Коммунистической партии, партийной и комсомольской принципиальности, умению отдавать себя рабочему делу до конца.

Так, очень интересно, на высоком идейно-теоретическом уровне прошел один из вечеров под девизом «Мы верны заветам Ильича» в красном уголке Чебоксарского завода тракторных запасных частей. На нем выступили ветераны партии и комсомола, было организовано прослушивание речей и любимых песен В. И. Ленина по грамзаписям. К нему была приурочена книжная выставка «Над Лениным время не властно, он вечен, как жизнь». Накануне прошла читательская конференция «Марксизм-ленинизм — живое развивающееся учение».

Среди большого разнообразия форм и методов идеологической работы комсомольских организаций промышленных предприятий по формированию научного мировоззрения молодежи важное место занимали Ленинские уроки и Ленинские зачеты. На Ленинских уроках идейно-теоретическое наследие великого вождя изучалось в тесной связи с практикой коммунистического строительства. В комсомольских организациях города Канаша при проведении Ленинских зачетов оформлялись специальные книжки, куда заносились названия изученных на занятиях кружков,

---

[28] Там же, д. 14, л. 43.
[29] ПАЧО, ф. 6, оп. 12, д. 8, л. 12.

семинаров и клубов трудов В. И. Ленина [30]. Зачет принимали специальные комиссии, включающие ветеранов партии, комсомола, секретарей партийных и комсомольских организаций. Организованно и интересно прошли Ленинские зачеты в комсомольских организациях предприятий Новочебоксарска и Вурнарского и других районов [31]. Комсомольцы и молодежь, изучая произведения В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти», «Великий почин», «Задачи союзов молодежи» еще глубже осознали, что в условиях осуществления новой экономической реформы необходимо повседневно воспитывать в себе дисциплинированность, организованность, коллективизм, коммунистическое отношение к труду, добиваться всемерного повышения производительности труда и улучшения качества продукции, настойчиво овладевать научно-техническими знаниями.

На Чебоксарском заводе резинотехнических изделий состоялись ленинские чтения по теме «Всегда живой», цикл лекций по историко-революционной тематике, диспут молодежи «Дорогой отцов». Для молодых рабочих были организованы в заводском клубе два киноуниверситета по темам «Широка страна моя родная», «Борьба за великое дело» и устный журнал «Судьбы огненных лет».

В деятельности комсомольских комитетов промышленных предприятий большое внимание уделялось вопросам развития физкультуры и спорта, расширения военно-спортивных и оздоровительных мероприятий, подготовки комсомольцев и молодежи к защите социалистической Родины. Улучшению военно-патриотического воспитания рабочей молодежи, например, способствовало установление в октябре 1965 г. шефских связей комсомола Чувашии с гвардейской мотострелковой Синельниковско-Будапештской Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизией им. В. И. Чапаева. Делегации воинов прославленной дивизии неоднократно побывали на промышленных предприятиях, встречались с молодыми рабочими. Гости и хозяева делились опытом патриотического воспитания молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях партии, народа [32]. В строю воинов-чапаевцев несли верную службу посланцы многих чувашских комсомольских организаций, молодые представители рабочего класса республики. Образцы отличной службы показывали чапаевцы — бывший столяр Шумерлинского мебельного комбината рядовой Ю. Кошкин, бывший электрик Чебоксарского электроаппаратного завода рядовой В. Григорьев и многие др. [33].

Партийные организации промышленных предприятий система-

---

[30] ПАЧО, ф. 6, оп. 14, д. 2, лл. 50, 64.
[31] Там же, ф. 1, оп. 149, д. 21, л. 50.
[32] ПАЧО, ф. 6, оп. 12, д. 13, лл. 119, 127.
[33] Там же, оп. 113, д. 4, л. 50.

тически направляли свои усилия на повышение уровня руководства комсомольскими организациями в соответствии с требованиями времени и задачами коммунистического воспитания молодежи. На партийных собраниях, заседаниях комитетов предприятий и бюро райкомов и горкомов КПСС часто обсуждались вопросы воспитания молодежи, укрепления партийной прослойки в комсомольских организациях, что помогало комсомолу определять основные направления в идеологической работе, обобщать положительный опыт [34]. Повседневная политико-воспитательная работа с комсомольцами и молодежью активно способствовала дальнейшему росту инициативы юношей и девушек, формированию у молодого рабочего класса трудолюбия и добросовестности, организованности и высокого сознания, коммунистического отношения к труду, беспредельной преданности делу партии и монолитной сплоченности комсомола и всего молодого поколения Советской Чувашии вокруг КПСС, ее ленинского Центрального Комитета.

Трудящиеся Чувашской республики, претворяя в жизнь решения XXIII съезда КПСС, досрочно завершили план восьмой пятилетки по производству промышленной продукции. Переход на новую систему планирования и экономического стимулирования благотворно сказался на развитии всей промышленности республики, дал огромный толчок развитию творческой и трудовой активности всего рабочего класса, в т. ч. и комсомольцев и молодежи, позволил молодым рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим заводов и фабрик проявить больше инициативы и самостоятельности в решении хозяйственных задач. Она еще выше подняла роль ВЛКСМ как массовой, самодеятельной организации молодежи, резерва партии и ее ближайшего помощника в строительстве коммунистического общества в нашей стране.

---

[34] ПАЧО, ф. 1, оп. 149, д. 20, л. 80.

П. П. Фокин

СЛЕДЫ МАТРИЛОКАЛЬНОСТИ БРАКА У ЧУВАШЕЙ

Изучение бесписьменного прошлого в истории человечества в значительной степени основывается на материалах археологии и этнографии, с определенной осторожностью могут быть привлечены данные фольклористики. С позиций исторического материализма, опираясь на теорию единства исторического развития, можно предпринять попытку объяснения ряда генетически связанных с более древним укладом пережиточных элементов, зафиксированных у того или иного народа. Так, в семейно-брачных обрядах и обычаях чувашей еще в прошлом веке были зафиксированы отдельные моменты, не соответствовавшие тому уровню исторического развития, на котором находился данный народ. Их определенная часть уходит генетическими корнями в допатриархально-родовую организацию, и понимание этих моментов возможно при принятии теории материнского рода.

В последние десятилетия в советской этнографической литературе появились труды по проблеме материнского рода [1]; на страницах ряда изданий, в том числе журнала «Советская этнография», идет дискуссия по этому вопросу [2]. Несомненно, чуваш-

[1] См. например: *М. О. Косвен.* Матриархат. История проблемы. М.-Л., 1948; *С. П. Толстов.* К вопросу о периодизации истории первобытного общества.— «Советская этнография». 1946, № 1; *М. О. Косвен.* Переход от матриархата к патриархату.— «Родовое общество. Этнографические материалы и исследования». М., 1951; *его же.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1957; *Ю. И. Семенов.* Как возникло человечество. М., 1966; *Н. А. Кисляков.* Некоторые брачные церемонии у народов Средней Азии и проблема материнского рода. М., 1964; *К. И. Козлова.* История первобытного общества и основы этнографии. М., 1972; *А. М. Решетов.* Об использовании данных фольклора для изучения ранних форм семейно-брачных отношений.— «Фольклор и этнография». Л., 1970; *А. Х. Магометов.* Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.) Орджоникидзе, 1974 (глава «Пережитки матриархата» и др.).

[2] См. например: *Ю. И. Семенов.* Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа).— «Советская этнография», 1970, № 5; *его же.* Проблема исторического соотношения материнской и отцовской филиаций у аборигенов Австралии (по поводу статьи М. А. Членова «Можно ли считать австралийскую контрверзу разрешенной»).— «Советская этнография», 1971, № 6; *его же.* О материнском роде и оседлости в позднем палеолите.— «Советская этнография», 1973, № 4; *А. М. Хазанов.* Природно-хозяйственные различия в каменном веке и проблема первичности материнского рода.— «Советская этнография», 1973, № 1.

ский материал не может быть непосредственно применен к достаточному аргументированию того или иного направления, но, тем не менее, игнорировать его не следует.

В данной статье предпринята попытка выявления тех элементов, которые могут свидетельствовать о бытовании матрилокальности брака у этнических компонентов, участвовавших в этногенезе чувашского народа. При ее написании в основном привлекались сведения, содержащиеся в литературе по чувашской этнографии и фольклористике, материалы этнографического характера, хранящиеся в Научном архиве Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР, а также собственные полевые записи.

В чувашской этнографической литературе данный вопрос в указанном аспекте специально не рассматривался. В некоторой степени он затронут в двух ранних небольших сообщениях популяризаторского характера Н. Р. Романова. В первой с названием «У чувашей был матриархат» [3] он излагает взгляды эволюционистов о материнском роде, в некоторых случаях иллюстрируя чувашским фольклорным и отчасти этнографическим материалом. Категорическое утверждение в названии статьи было несколько неуместным, ибо на той стадии развития, к которому относится существование материнского рода, о чувашах говорить слишком рано. Второе сообщение, название которого условно можно перевести как «Институт посаженого отца начался в период перехода от матриархата к патриархату» [4], затрагивает некоторые пережиточные моменты, могущие быть отнесенными к отражающим следы смены матрилокального поселения патрилокальным. В ней автор уже гораздо шире оперирует чувашским этнографическим материалом.

В монографии о дохристианских религиозных верованиях чувашей П. В. Денисов уделил определенное внимание ряду пережитков матриархата [5]. Лингвист В. Г. Егоров в «Этимологическом словаре чувашского языка» [6] в некоторых статьях связывает бытование некоторых терминов с материнским родом. Чувашские исследователи В. Я. Канюков и И. И. Одюков в своих работах по фольклору выявили некоторые отголоски материнского рода и переходного к отцовскому роду этапа [7].

---

[3] *Н. Р. Романов.* Чăвашсен матриархат пулнă.— «Сунтал», 1927, 9-мĕш №.

[4] *Его же.* Хăйматлăх матриархатран патриархата куçнă вăхăтра пуçланнă.— «Сунтал» 1928, 2-мĕш №.

[5] *П. В. Денисов.* Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959.

[6] *В. Г. Егоров.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

[7] *В. Я. Канюков.* От фольклора к письменности. Очерк литературно-фольклорных отношений. Чебоксары, 1971; *И. И. Одюков.* Чувашские сказания об Улпах.— «Вопросы русской и чувашской филологии». Чебоксары, 1973; *В. Я. Канюков, И. И. Одюков.* Классикăлла чăваш литературинчи халăхлăхпа фольклор сыхăнăвĕсем. I пайĕ. Фольклорта халăхăн сăнарлă шухăшлавĕ йĕркеленни. Шупашкар, 1973.

К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что вместе с возникновением рода начинается история человеческого общества.

Как показывал Морган, «существовало первобытное состояние, когда внутри племени господствовали неограниченные половые связи, так что каждая женщина принадлежала каждому мужчине и равным образом каждый мужчина — каждой женщине» [8].

Развитие общества посредством полового табу, вызванного производственными условиями, породило экзогамию внутри рода. Дальнейшая динамика социальных норм привела к тому, что в раннем родовом обществе охотников, рыболовов и собирателей бытовала первая, наиболее древняя форма брака — групповой брак, действовавший на началах дуальной экзогамии, при котором каждые мужчина и женщина одного коллектива являлись соответственно потенциальными партнерами для членов другого коллектива. Внутри одного рода мужчины и женщины считались кровными родственниками, и браки между *ними абсолютно* исключались. При групповом браке каждый супруг оставался в своем роде, и брачные контакты не имели постоянной локализации, то есть отсутствовало совместное поселение супругов. «Супружеские отношения должны были быть случайными, эпизодическими, кратковременными» [9]. Поэтому отец ребенка был неизвестен. Функции родителя (в социальном плане) им не выполнялись, и на этом этапе развития человеческого общества «признавать родной можно лишь мать, при невозможности с уверенностью знать родного отца...» [10].

Дети всегда оставались в роде матери, они прекрасно знали мать и ее родственников, и именно последние выступали в роли кормильцев, воспитателей.

Как показывает наука, отношения, существовавшие между людьми, нормы социальной жизни в видоизмененной *форме* отчасти переносились и на богов и мифических предков. Исчезнувши из жизни, следы былого сохранялись в религиозных мировоззрениях, в мифологии. И эти области сознания могли зафиксировать следы группового брака. Обратимся к чувашскому материалу.

Божеством, породившим Вселенную, считалась *ама* [11]. Именно о такой функции ама говорится в нижеприводимом тексте языческой молитвы: «Эй, пĕтĕм тĕнчене çуратнă ама! Санран пурте усăллă, пурте аван; çавăнпа сана эпир яланах тивĕçлине чӳклетпĕр» (О мать, сотворившая всю Вселенную! Все, что от тебя произошло, полезно и хорошо, поэтому мы всегда по долж-

---

[8] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 37.

[9] *А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев.* История первобытного общества. М., 1968, стр. 100.

[10] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 52.

[11] *Н. И. Ашмарин.* Словарь чувашского языка, т. 1, стр. 186.

ному приносим тебе жертвы) [12]. Термин *ама,* по В. Г. Егорову, у чувашей «в древнейшее время было в исключительном употреблении в значении мать» [13].

Почти все божества у чувашей имеют матерей, лишь редкие — отцов. Наличие последних есть переосмысление, ибо тогда логичнее молиться отцу, как более старшему по сравнению с самим божеством (а в период патриархата — главе, властелину).

Так, у бога *«тора»* есть только мать *«тор амыш»* [14]. Она имеется также у *«аслă ырă»*—старшего духа-хранителя [15], *«кебе»* — бога, управляющего судьбами человеческого рода [16], *«пӳлĕх»* — предписывающего судьбу людей [17]. В ряде молений упоминаются и мать и отец земли, молнии, но иногда отец не упоминается.

Одной из первых форм семьи являлась материнская семья. «Это — довольно большая группа ближайших родственников по женской линии, состоящая из женщин и мужчин с потомством первых, в четырех — пяти поколениях» [18]. Если же Вселенную породила *ама,* то все божества — и гром, и молния, и ветер, и земля — суть ее дети, т. е. их мать — она сама. Но при наличии у некоторых из них отцов (что является, как выше отмечалось, *поздним напластованием*), *их матери* — ее дочери или внучки. Однако нужно заметить, что на иерархической лестнице божества женского пола, за исключением *ама,* не занимают по сравнению с их сыновьями выдающегося места, тексты молитв не содержат данных, позволяющих утверждать об их главенстве, авторитете перед сыновьями — богами. Скорее всего, патриархальные отношения общества сумели принизить роль женщин-матерей богов, но даже эта «реформа» оставила главенство *ама.*

В чувашском фольклоре немалое место занимают легенды об *Улыпе* — исполине, мифическом предке чувашского народа. В этих сказаниях, как отмечают исследователи чувашского фольклора В. Я. Канюков и И. И. Одюков, наличествуют некоторые отголоски материнского рода. В то же время легенды не содержат прямых свидетельств о материнском роде.

Так, род Улыпов занимается охотой и скотоводством, ведет полукочевой образ жизни. «В большинстве вариантов земледелие улыпам совершенно не знакомо: землепашество они принимают как злостное нарушение естественного покрова земли, разрушение пастбищных луговых угодий» [19], и проявляют недоволь-

---

[12] *П. В. Денисов.* Указ. соч., стр. 19.

[13] *В. Г. Егоров.* Указ. соч., стр. 25.

[14] *В. Магницкий.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881, стр. 48, 62, 84, 88, 94, 112.

[15] Там же, стр. 86, 112.

[16] Там же, стр. *85, 87, 89.*

[17] *Н. В. Никольский.* Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань, 1919, стр. 90.

[18] *М. О. Косвен.* Очерки истории первобытной культуры, стр. 125—126.

[19] *И. И. Одюков.* Указ. соч., стр. 104.

ство по отношению к занимающимся земледелием обыкновенным маленьким людям. А при материнском роде основой хозяйства, как правило, было земледелие, которым первоначально занимались в основном женщины. На них лежали заботы по ведению домашнего хозяйства. Потому в сказаниях об Улыпах мать своему сыну, принесшему в кармане землепашца и его лошадь с сохой, говорит, что нужно их отнести обратно, и что именно земледельцы будут в дальнейшем жить на земле, а Улыпам суждено вымереть [20].

В легенде о родословне Улыпов «совершенно отсутствуют сведения об отце улыпов», в них подчеркивается кровнородственная связь сына-улыпа с матерью [21]. Улыпы «во всем слушаются матери» [22]. Лишь в некоторых, менее распространенных сказаниях (скорее всего по желанию рассказчика, а не согласно традиции) появляется отец Улыпов. Сказания об Улыпах подчеркивают большой авторитет матери. «...Высокое уважение к женщинам, то есть к матерям» [23], характерно для материнского рода и матрилокального поселения.

Из этих сказаний вытекает, что чуваши божествам и мифическим предкам обычно приписывали главенство женщины, а также матрилокальность поселения.

Науке не известен ни один народ, у которого был бы зафиксирован групповой брак. Архаические формы группового брака ряд исследователей восстанавливает по пережиткам, к каковым часть этнографов относит левират, сорорат и др.[24]. Левират — обычай выхода вдовы замуж за брата или другого родственника покойного мужа — до принятия христианства бытовал и у чувашей [25]. Правда, ко времени фиксации левират связывали со стремлением сохранить хозяйство покойника, не тратиться на проведение свадьбы его младшего брата. Неоднократно зафиксирован и сорорат [26] — первоначальное право мужчины жениться на нескольких сестрах по мере вступления их в брачный возраст — «остаток общности мужей для целой группы сестер» [27], позднее — обычай женитьбы вдовца на сестре умершей жены. Полагаю, что с институтом сорората связан и запрет жениться двум братьям на двух сестрах [28], чтобы оставить своеобразный

---

[20] «Чăваш халăх юмахĕсем». Шупашкар, 1949, 248-мĕш стр.

[21] *И. И. Одюков.* Указ. соч., стр. 97.

[22] Там же, стр. 93.

[23] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 52.

[24] *К. И. Козлова.* Указ .соч., стр. 21; *М. О. Косвен.* Очерки истории первобытной культуры, стр. 126—127.

[25] *В. Сбоев.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856, стр. 76; *Н. И. Ашмарин.* Словарь чувашского языка, т. 1, стр. 97.

[26] *В. Сбоев.* Указ. соч., стр. 76; *Н. И. Ашмарин.* Словарь чувашского языка, т. VIII, стр. 154.

[27] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 54.

[28] *В. Сбоев.* Указ. соч., стр. 75.

«резерв». У чувашей сохранение бытования сорората объясняется тем, что сестра жены будет лучше заботиться о племянниках, а также экономическими причинами: при таком браке свадьба была менее пышной, сокращались расходы по уплате калыма и составлению приданого ввиду уменьшения того и другого.

По мере развития производительных сил меняется и форма брака — происходит переход от группового к парному браку, при котором соединяется одна определенная пара, но это соединение недолговечно, легкорасторжимо. Такая форма брака не ведет к совместному поселению супругов, каждый остается в составе своей материнской семьи, то есть бытует дислокальность.

Парный брак легко «может быть расторгнут по желанию каждого из супругов» [29]. На последующих этапах развития общества, в частности, при господстве патриархальных норм семейной жизни, инициатива развода, как правило, исходила только от мужчины. Но есть свидетельство того, что у чувашей до принятия христианства и женщина сама могла потребовать его. Для оформления развода женщине нужно было, как утверждали чувашки, одним махом разорвать сурпан (женское головное полотенце) вдоль пополам [30].

При дислокальном поселении мужчина навещал женщину время от времени. По Н. А. Кислякову, у таджиков после празднества, в целом как бы соответствующего помолвке в общераспространенном значении этого понятия, наступал длительный период, предшествовавший собственно свадьбе, жених систематически приходил в дом невесты тайком. При этом считалось, что будто бы отец об этих свиданиях не знает. В отдельных случаях свидания переходили в фактическое сожительство [31]. Несомненно, это является пережитком дислокальности.

В дальнейшем, на мой взгляд, могла произойти такая трансформация этого обычая.

Во-первых, запрет на встречу с родителями невесты (избегание) приводило к тому, что жених вообще не должен был видеть родителей невесты. Во-вторых, в новых условиях — при господстве патриархальных отношений, главенстве отца (старших) в семье — выбором супруги для сына занимался отец. И как результат этого — у чувашей жених на сватовство не ездил [32], а невесту мог видеть на молодежных гуляниях. Но после сватовства во время зимних молодежных гуляний жених с товарищами приезжал в селение невесты и катал невесту и ее подружек на

---

[29] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 52.

[30] НА ЧНИИ, ф. 1, т. 210, стр. 218—219; *В. К. Магницкий.* Указ. соч., стр. 218; *К. Прокопьев.* Брак у чуваш.— «ИОАИЭ», т. XIX, вып. I. Казань, 1903, стр. 42.

[31] *Н. А. Кисляков.* Указ. соч., стр. 3.

[32] *Н. И. Ашмарин.* Словарь чувашского языка, т. XII, стр. 265; *К. Прокопьев.* Указ. соч., стр. 3.

санях, угощая при этом орехами и сластями [33]. Возможно, это есть отголосок «тайных» визитов, когда в толпе катающейся молодежи жениха и невесту вместе «могли» не увидеть.

Несколько видоизмененным отголоском таких посещений женихом невесты представляется сообщение С. М. Михайлова. Он пишет: «После сватовства, через три дня, жених один, верхом, едет к невесте с вином и положенным в такмак (кожаная сумка вроде русской кисы) гостинцами чыгыт и сюпю, то есть сырниками из творога и печеными на сковороде в масле лепешками из кислого теста... Эта поездка жениха называется кумул сиол, то есть «приветная дорожка» или «приветствие» [34].

Возникновение ранних форм религии относится ко времени материнского рода. Отголосками того исторического периода являются некоторые культы у чувашей, связанные с семьей, браком, жилищем.

Так, у чувашей духом-покровителем домашнего очага считался *хёрт-сурт*. Этот дух, в отличие, например, от старичка-домового у русских, «имеет вид женщины, живет она постоянно на печи и занимается пряжей, причем кольцо, надеваемое обыкновенно прядильщицами на веретено для тяжести, у нее серебряное» [35]. *Хёрт-сурт* — «домовой», «покровительница домашнего очага»; *хёрт-сурт* представляется чувашами в образе девушки в самотканой белой рубахе, всегда сидящей за прядением кудели или льна. Образ этого духа, вероятно, восходит к эпохе материнского родового строя, это как бы мифическая праматерь рода. Чув. *хёрт-сурт* соответствует тюркскому *умай* — мифическому духу рода. Слово неясного происхождения. *Сурт* этимологически, возможно, связано с арабским *сурет* «вид», «образ», «фигура», а *хёрт*<*хёр* «девушка» (*т* появилось под ассимилятивным влиянием конечного *т* второго компонента); следовательно, *хёрт-сурт* — «образ девушки», «облик девушки» [36]. По возвращению из гостей жена всегда приветствовала *хёрт-сурт*, наделяла небольшими кусочками принесенного угощения [37].

И в наши дни можно наблюдать, как по возвращении из гостей пожилые женщины, войдя в дом и обратившись лицом к печке, с поклоном произносят: *«Тавси, хёрт-сурт»* (*тавси* в аналогичных случаях означает пожелание любому приветствуемому разделить удовольствие по случаю оказанного произносящему приветствие человеку гостеприимства и обильного уго-

---

[33] *Т. Акимова.* Чуваши с. Казанлы, Вольского уезда, Саратовской губернии.— «Труды Нижне-Волжского научного общества краеведения. Этнографический сборник», вып. 34, ч. IV. Саратов, 1926, стр. 14.

[34] *С. М. Михайлов.* Труды по этнографии и истории чувашского, русского и марийского народов. Чебоксары, 1972, стр. 49.

[35] *В. Магницкий.* Указ. соч., стр. 50.

[36] *В. Г. Егоров.* Указ. соч., стр. 229—300.

[37] G. Mèssaros. A csuvas ösvallas emlekei. Budapest, 1909, p. 20.

щения в гостях; так было принято приветствовать каждого, кто повстречался при возвращении из гостей).

В честь *хёрт-сурт* чуваши каждый год, а в некоторых селениях раз в 3—5 лет глубокой осенью устраивали моления, пекли лепешки на молоке и варили кашу [38]. По прочтении молитвы, в которой подчеркивалось, что *хёрт-сурт* — хозяйка дома, часть жертвенной пищи клала на печь жена (а не муж, тогда как во время остальных семейных молений жертвенную пищу обычно подносил божествам и духам мужчина). При этом женщины располагались у печи, ближе к месту обитания хёрт-сурт, а мужчины усаживались за столом [39].

Вообще печь как место обитания духа-покровительницы дома играет немаловажную роль в брачных обрядах и церемониях чувашей.

После первой брачной ночи молодая, войдя из амбара в избу, кланялась печи, касалась ее руками или же прислонялась спиной. По приготовлении обрядового «супа молодой» устраивалось моление *хёрт-сурт*. Молодая ставила на стол миску с супом, наливала всем пива. Присутствующие клали на печь гостинцы, заранее принесенные для *хёрт-сурт*. Перед началом потребления еды и пива жрец молился *хёрт-сурт*. Текст содержит и такие слова: «Çак кинĕн хёрт-сурчĕ çак киле-çурта килсе выръан йышăнтăр» [40] (Пусть *хёрт-сурт* этой новой снохи переселится в этот дом). По сообщению В. П. Вишневского, «девица по выходе замужество через несколько времени непременно должна для счастия в супружеской жизни приехать родительский дом с гостинцами для *хирт-сорта*» [41].

У чувашей нынешнего Чебоксарского района бытовало убеждение, что если молодые супруги после свадьбы не навестят родителей молодой, то *хёрт-сурт* из дома родителей жены не переселится в дом молодоженов [42].

После родов, обмыв и перепеленав ребенка, укладывали в корыто, а корыто ставили в печь, «иначе пристает злой дух» [43].

Вслед за П. В. Денисовым придерживаюсь предположения, что «происхождение образа духа-покровителя семьи и хозяйства, «хёрт-сурт», по всей вероятности, восходит к эпохе матриархально-родового общества» [44].

Почитание духа-покровителя домашнего очага и двора, как места локализации семьи, должно было начаться при матрило-

---

[38] G. Mèssaros. Указ. соч., стр. 20; *Т. Акимова.* Указ. соч., стр. 29; *Н. В. Никольский.* Краткий курс по этнографии чуваш. Чебоксары, 1920, стр. 43.

[39] *В. Магницкий.* Указ. соч., стр. 51.

[40] НА ЧНИИ, ф. III, т. 152, № 1353, лл. 179(об) — 180.

[41] *В. П. Вишневский.* О религиозных поверьях чуваш. 1846, стр. 24.

[42] НА ЧНИИ, ф. III, т. 8, № 3696, л. 18.

[43] НА ЧНИИ, ф. 1, т. 31, № 3076, л. 2.

[44] *П. В. Денисов.* Указ. соч., стр. 31.

кальном поселении. Дух-покровитель защищал дом. У чувашей, как мы видим, этот дух был женского рода, с ярко выраженными женскими атрибутами. Так как при матрилокальном поселении ребенок принадлежал роду матери, именно этот дух заботился о нем и брал под свою защиту. Ребенку, родившемуся в доме отца, все еще угрожал злой дух, возможно, дух рода отца. Здесь наблюдается конфликт двух начал — отцовского и материнского родов.

Представляется довольно любопытная, но вполне объяснимая картина. Главой семьи у чувашей был, как правило, мужчина. При патрилокальном поселении женщина являлась представительницей чужого рода. Казалось бы, именно добрые духи и божества мужнина рода должны были заботиться о благополучии людей своего рода. Но *хёрт-сурт* — хранительница домашнего очага — у чувашей женского пола, чаще из чужого рода (рода жены), и тем не менее счастье супружеской жизни, семейное благополучие в немалой степени зависят от нее. И только женщины приносили ей жертвы, в честь ее творили молитвы.

После первого разделения труда — по полу — приготовление пищи, забота о сохранении огня стали обязанностями женщины. Возникновение религиозных представлений эпохи материнского рода коснулось и очага; матрилокальное поселение предопределило, что божество (или дух), заботящееся о домашнем очаге, благополучии материнской семьи, должно быть женского пола. При дислокальном поселении оно не «забывало» о женщине — представительнице своего рода, а с наступлением патрилокального поселения оно переселялось в новый дом, в чужой для него род, и, проявляя заботу о своей подопечной, в то же время проявлял заботу о представителях чужого для него рода, брал (при соответствующей демонстрации) под свое покровительство новых членов семей—снох, жен сыновей своей подопечной. Новая социальная обстановка трансформировывала представления о духе-покровительнице домашнего очага, сохраняя у чувашей остаточные следы о былой матрилокальности брака.

Победа патриархально-родового строя привела к соответствующей этому явлению трансформации представлений о другом семейно-родовом божестве. Это — покровитель своего рода, проявляющий враждебность к людям из чужого рода, а в случае непочтительного отношения к нему насылающий на них болезни — *йёрёх* [45].

В. К. Магницкий, Н. И. Ашмарин, П. В. Денисов уделили значительное внимание культу *йёрёх*. В преобладающем большинстве случаев *йёрёх* представляет собой куклу, изображающую женщину, одетую в чувашскую одежду. Ее в молитвах почтительно называли *«кинемей»* (старшая тетка), *«мăнакка»* (старшая сестра матери), *«ват акай»* (старшая сестра) *«йёрёх акай»*

[45] *П. В. Денисов.* Указ. соч., стр. 33—38.

(старшая сестра *йĕрĕх*) [46]. При выходе замуж девушка брала с собой *йĕрĕх* из родительского дома [47]. Мать невесты, укладывая *çӳпçе* (короб с одеждой), на его дно вроде бы тайком от дочери укладывала *йĕрĕх*, а иногда и пару — изображавших мужчину и женщину[48] (у чувашей Саратовского Правобережья только в случае выхода замуж в другое селение [49]). Вероятнее всего, поначалу функцией *йĕрĕх* была защита представительницы своего рода — молодой супруги. Потому оно переселялось с представительницей покровительствуемого им рода для ее защиты в другой род. Постепенно первоначальные представления о нем забываются, и во II половине XIX в. невеста везет с собой кузовок или корзиночку, содержимое которых составляют предметы жертвоприношения *йĕрĕх*.

Материалы, которыми я располагаю, свидетельствуют о том, что после насильственной христианизации функцию покровителя и защитника невесты в доме жениха начинает выполнять икона с изображением богородицы. И именно перед этой иконой зажигали свечу при родах [50]. Обычай передачи иконы из родительского дома выходящей замуж дочери у чувашей бытует иногда и в настоящее время.

После выдела молодых из родительского дома они брали с собой икону жены (а в прошлом, вероятно, *йĕрĕх*).

При выходе замуж за нечуваша икону дочери не передавали [51].

В трактовке культа *йĕрĕх* более убедительной является предположение П. В. Денисова, считающего, что это божество ведет свое происхождение с времен материнского рода. На изменении отношений к нему в определенной степени отразилась смена локальности брака. Исходя из этого, невозможно согласиться с таким категорическим утверждением, как это делает Г. И. Дзенискевич, что «страх перед болезнями и наивная попытка найти защиту от них послужили суеверным чувашам причиной для создания этого культа» [52]. Корни *йĕрĕх* глубже, его функции первоначально имели иное основное направление.

В. Г. Егоров приводит описание связанного с материнским родом обряда *«хĕр аки»*. «Обряд опахивания селений весной с целью предохранить якобы их от повальных болезней скота и эпизоотических заболеваний людей. Обряд этот состоял в том, что

---

[46] Там же, стр. 35—36.

[47] *В. Магницкий.* Указ. соч., стр. 24; *Н. И. Ашмарин.* Словарь чувашского языка, вып. XIV, стр. 225; *П. В. Денисов.* Указ. соч., стр. 37.

[48] НА ЧНИИ, ф. III, ед. хр. 177, стр. 646.

[49] *Т. Акимова.* Указ. соч., стр. 28.

[50] НА ЧНИИ, ф. III, ед. хр. 149, № 1184, л. 35(об).

[51] Полевые записи 1971 г.

[52] *Г. И. Дзенискевич.* К вопросу о культе йереха у чувашей.— «Из культурного наследия народов России». Сборник МАЭ, вып. XXVIII. Л., 1972, стр. 221.

взрослые девушки деревни впрягались в деревянный плуг или соху и с распущенными косами, беспоясые и с непокрытой головой в таинственной тишине ночи проводили борозду вокруг своей деревни, захватывая и принадлежащие ей поля радиусом в 1,5—2 километра. В это время по дороге никого не пропускали— ни из деревни, ни в деревню. По окончанию обряда путем трения дубовых плах добывали огонь, варили яйца и закусывали, потом разносили по домам. Обряд хёр-аки первоначально, по-видимому, не был приурочен к борьбе с эпидемиями и эпизоотиями, а имел другое назначение. В нем можно видеть скорее имитацию древнейшего социального уклада жизни — матриархата, когда занятие земледелием было исключительно обязанностью женщин, и такой социальный уклад, по мнению народа, якобы вполне одобрялся богами и признавался ими нормальным явлением. И вот народ каждый раз после ряда неурожайных годов, чтобы заслужить себе милость богов, вернуть земле плодородие и предохранить посевы от засухи и градобития, символически возвращался к первобытному, угодному богам правопорядку — к обработке земли женщиной» [53].

Это вообще-то достаточно исчерпывающее описание *хёр аки* нужно дополнить следующими уточнениями: а) девушки впрягаются в соху, «сняв с себя предварительно йим» (штаны); б) два татарина вздумали было потешиться над впрягшимися в соху девушками, ударяя их кнутами, как лошадей, за что сами были жестоко избиты, и пролежали в постели по месяцу [54].

То, что обряд в определенной степени связан с материнским родом, не вызывает сомнений. Но в данном случае это вряд ли было связано с необходимостью имитировать первоначальный уклад.

Развязывание пояса, простоволосие, отсутствие обуви и нижнего белья есть не что иное, как имитация обнажения. Аналогично поступали русские, чехи при опахивании [55], племена баронга в Африке, некоторые народы Индии, сербы, болгары, румыны, греки, грузины при совершении обряда магического вызывания дождя [56].

К данному примеру можно применить трактовку Ю. И. Семенова аналогичных обрядов. В *хёр аки* налицо следы материнского рода. Но они проявляются не в имитации первоначального уклада, а в отображении работы тех времен, когда земледелием в основном занимались женщины, и именно материнская семья владела территорией (в том числе и обрабатываемой землей), посему лишь женщины могли отогнать злых духов. Для этого ими призывались, по С. А. Токареву, фигура круга (круг,

---

[53] *В. Г. Егоров.* Указ. соч., стр. 298—299.
[54] *В. Магницкий.* Указ. соч., стр. 136.
[55] *Ю. И. Семенов.* Как возникло человечество, стр. 483.
[56] Там же, стр. 482—483.

охватывающий селение), металл (сошник) и женская половая сила [57]. Так как в историческом прошлом поселения были матрилокальными, только девушки, как наследницы в материнских семьях, могли привлечь на свою сторону добрых духов для отражения болезней.

Дополнить объяснение этого явления можно, опираясь на реконструкцию Ю. И. Семенова пережитков оргиастических нападений женщин [58] (в данном случае, как мы видим у чувашей: нападение на мужчин и нанесение телесных повреждений).

Отголоском матрилокальности В. Г. Егоров считает термин «вступать в брак, жениться» — *авлан*. Этимологию этого термина он развивает, в частности, от хакасского *«иблен»* (обзаводиться домом), монгольского *«гэрлех»* (получить юрту), калмыцкого *«гер авх»* (взять дом) [59]. Но вполне возможно, что в данном случае не имеем дело со следом матрилокальности — ведь все это говорит «получить, взять, обзаводиться» а не «перейти, войти, уйти». Приводимые В. Г. Егоровым параллели связаны с юртой (кибиткой), из этого можно сделать предположение, что термин *«авлан»* мог означать жениться, привести жену и получить отдельную юрту.

Ф. Энгельс писал: «В то время как семья продолжает развиваться, система родства окостеневает, и пока последняя продолжает существовать в силу привычки, семья перерастает ее рамки... С... достоверностью можем мы по исторически дошедшей до нас системе родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи» [60]. При материнском роде счет родства велся по материнской линии. Следы матрилинейной филиации проявляются в ряде терминов родства и свойства у чувашей.

Термин *«ăру»* (1. род, племя; 2. потомство; 3. поколение) В. Г. Егоров ведет, в частности, от киргизского *«урук»*, каракалпакского *«урык»*, *«уру»* (семя, род, поколение, потомство), уйгурского *«урук»* (семя > род, племя > потомство, дитя, дочь), тувинского *«уруг»* (девочка, ребенок, девушка). Путь семантического развития термина *уруг* представляется в следующем виде: «семя, «зерно» > «род», «племя» > «родственник», «поколение», «родня», «потомство» > «дитя», «дочь» [61].

Как проявляется, термин *ăру* восходит к понятиям «потомство», «дочери», т. е. термин, обозначающий в чувашском языке род, исторически возник во времена существования кровнород-

---

[57] *С. А. Токарев.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX веков. М., 1957, стр. 132; *П. В. Денисов.* Указ. соч. стр. 131.

[58] *Ю. И. Семенов.* Как возникло человечество, стр. 478—490.

[59] *В. Г. Егоров.* Указ. соч., стр. 21.

[60] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 36.

[61] *В. Г. Егоров.* Указ. соч., стр. 42.

ственных объединений дочерей, внучек и правнучек — материнского рода со счетом родства по материнской линии.

Приблизительно аналогичного характера термин для обозначения матери (бабушки со стороны матери) *«кукамай»*. Его этимология, по В. Г. Егорову, такова: «составлено из двух слов: кăк ≈ кук «корень», «род» + «ама» «мать»; -ай — аффикс звательной формы, следовательно, *кукамай* — «родовая мать» «мать нашего рода» [62]. Дед с материнской стороны *«кукаçи»* — отец нашего рода, а дядя по матери «кукка» — дядя нашего (материнского) рода [63].

Термин для обозначения жен старших родственников — *«инке»* — В. Г. Егоров рекомендует сравнивать с персидским *«йенге»* — «подружка невесты» [64]. Со значительной осторожностью можно предположить, что этот термин также связан с матрилокальностью. При матрилокальности девушки, сверстницы из рода вступившей в брак женщины, были и родственницами — подругами последней. Состоящих в брачной связи женщин подруги могли выделять в определенную категорию и называть специальным термином. С переходом к патрилокальности брака этот термин мог быть перенесен уже для означения замужней женщины, пришедшей из другого рода. Отсюда все состоящие в браке родственницы — жены старших родственников — суть одной категории.

Рост производительных сил предопределил переход к новой организации родового общества — отцовскому, или патриархальному роду. «Этот переход представляет собой в целом в известной мере переход от одного общественного порядка к другому, от одной формы первобытного общества к другой. Естественным образом, такой процесс обладает не только значительной сложностью, но, происходя отнюдь не «моментально», имеет и известную протяженность во времени, протяженность историческую. Это, таким образом, особый исторический период» [65].

Отражение этого переходного периода можно выявить в области семейно-брачных отношений у чувашей.

Превалирование таких занятий в хозяйственной жизни рода, как плужное земледелие, скотоводство и т. п., приведших к тому, что мужской труд стал играть преобладающую роль по результатам производительности, расшатывали традиционную материнскую семью. Уход мужчины, главного производителя средств производства (орудий труда) и средств существования, становился для материнской семьи нежелательным явлением. Постепенно это приводило к дислокальности поселения супругов. Если при матрилокальном поселении эпохи материнского рода пред-

---

[62] *В. Г. Егоров.* Указ. соч., стр. 115.
[63] Там же.
[64] Там же, стр. 70.
[65] *М. О. Косвен.* Переход от матриархата к патриархату, стр. 92.

почтительно было рождение девочки, то при дислокальности преобладало предпочтение мальчикам. На начальных этапах мужчина навещал женщину по месту ее локализации, успевая выполнять хозяйственные работы в двух местах. Но с ростом доли отдачи мужского труда материнская семья, вырастившая и воспитавшая мужчин, стремилась закрепить его в своей локализации. В свою очередь, уменьшение ярко выраженной доли продуктов женского труда принижало экономическую и социальную значимость женщин. Парный брак по этой же причине прочнел, становясь более зависимым от мужчины, ибо последний мог прекратить свои связи, что нанесло бы ущерб экономике материнского рода. Первичная дислокальность с преобладанием локализации у женщин постепенно сменилось преобладанием локализации у мужчины.

Пережитком дислокальности брака у чувашей является обычай возвращения молодой с супругом к ее родителям спустя некоторое время после свадьбы. «Недели через три или через месяц после этого пира (через четыре-пять недель после свадьбы — *П. Ф.*) ездят они (молодые — *П. Ф.*) также к тестю с пивом. Поездка сия называется поза сыры, то есть «посконное или пеньковое пиво», потому что в это время, летом, поспевает пенька на полях, и чувашские женщины начинают собирать ее, в том числе и новобрачная у своих родителей» [66]. Молодые супруги посещают родителей жены в течение года после свадьбы четыре раза. Обязательное участие молодых в хозяйственной жизни семьи родителей жены есть не что иное, как пережиток тех времен, когда супруг периодически навещал свою жену и работал в ее материнской семье.

Все еще существующая материнская семья может примириться с потерей одной женщины, но не желает терять ее детей, как в силу традиции, так и по экономическим причинам, особенно мальчиков. Возникает особый комплекс отношений между материнской семьей и детьми (сыновьями) ушедшей в другой род женщины. В связи с тем, что воспитанием мальчиков занимаются мужчины — родственники матери, именно дядя по матери становится первым близким человеком племянника.

Авункулат (от латинского avunculus «дядя по матери») представляет собой следствие былой дислокальности брака, что прослеживается у чувашей.

Ребенок ушедшей женщины первоначально принадлежал роду ее матери. От этого явления сохранился обычай рожать детей в доме ее родителей и воспитывать подростков до определенного возраста у родственников матери. У чувашей оставалась традиция рожать первого (а иногда и второго) ребенка в доме родителей жены. Роженица с ребенком в дом родителей мужа возвра-

---

[66] *С. М. Михайлов.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов, стр. 68—69.

щалась через неделю после родов в сопровождении матери [67].

При матрилокальности наследование шло по женской линии. В материнской семье собственность являлась коллективной, а развитие производительных сил приводило к образованию личной собственности с преобладанием продуктов мужского труда. «По мере того как богатства росли, они, с одной стороны, давали мужу более влиятельное положение в семье, чем жене, и, с другой стороны, порождали стремление использовать это упрочившееся положение для того, чтобы изменить традиционный порядок наследования в пользу детей» [68]. Стремление мужчины передать принадлежащее ему своим непосредственным близким, то есть своим детям, вступало в конфликт с нормами обычного права. Выходом из этого положения первоначально явились кросскузенные браки — брак на дочери брата матери и брак на дочери сестры отца. «При кросскузенных браках, несмотря на близость родственных отношений вступающих в брак лиц, не нарушается родовая экзогамия, поскольку они принадлежат к различным родам. У многих народов из кросскузенных браков отдают предпочтение браку на дочери брата матери, ...брак в группе или роде своей матери считался ортодоксальным, и все мужчины данной группы уже в силу своего рождения имели брачные права на дочерей брата своей матери» [69]. При таком браке личная собственность наследовалась дочерью — не нарушался порядок наследования женщинами своего рода. В то же время зять — племянник, поживший некоторое время у своего фактического отца, считался как бы чужим. У чувашей это сказалось и на брачных ограничениях: женитьба на двоюродной сестре со стороны матери — дочери брата матери считался нормальным явлением [70].

Ряд пословиц и поговорок чувашей также подчеркивает особые отношения между дядей по матери и племянником.

Так, у ядринских чувашей бытовала поговорка: «Аланиччин кокки, алансан — хоньякасси» [71] (До женитьбы—дядя по матери, после женитьбы — селение тестя), то есть в некоторой степени намекает на то, что дочь дяди по матери может стать (а в данном случае вроде бы и становится) женой племянника. Пословица «Охмах ача коккăшне пайтах çитернĕ» (Дурной мальчик доставлял много неприятности дяде) говорит об ответственности дяди за поведение и поступки племянника, материальной ответственности дяди за племянника. А следующие высказывания чува-

---

[67] Полевые записи 1968—1969 гг.

[68] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 59.

[69] *Н. А. Кисляков.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, Л., 1969, стр. 56—57.

[70] НА ЧНИИ, ф. III, т. 177, стр. 18; *Н. И. Ашмарин.* Словарь чувашского языка, вып. 1, стр. 96—97; вып. VIII, стр. 154.

[71] *Н. Р. Романов.* Чăвашсен матриархат пулнă, стр. 28. Приводимые далее пословицы и поговорки взяты из этой работы, стр. 28—29.

шей Чебоксарского района «Кокки пулсан, ан кулян» (Не печалься, если есть дядя) и «Кокки пойтарнă, инки илтернĕ» [(Дядя помогает богатеть (деньгами), а его жена приобретать (на них)] отражают отголоски порядка наследования при переходном периоде от материнского рода к отцовскому.

В развитом патриархальном обществе нормы обычного брачного права не допускали (в частности, у чувашей) браков с односельчанами как родственниками, ибо селение в основном представляло собой (в историческом прошлом) патронимическое поселение. Дети вышедших замуж дочерей принадлежали другому коллективу, и, по логике, именно последний должен был заниматься их воспитанием, передавать их сыновьям свои духовные ценности, в частности, религиозного порядка. При передаче таких ценностей селение основное внимание обращало на мальчиков. Мальчики и подростки принимали самое непосредственное участие в проведении ряда обрядов, например, в моления о дожде *«çумăр чӳкĕ», «çерçи чӳкĕ»*. Но текст одной молитвы, записанной Н. И. Ашмариным, сообщает о том, что мальчики чужого рода тоже участвовали в моления: «Хăйсем кавча кайса пĕтчĕр. Кавча кайсан, сак тулли ачасем пулччăр. Ачисем çерçи чукне килччĕр, çерçипеле»[72] [Сами они (т. е. девушки нашего селения — *П. Ф.*) пусть все выйдут замуж. В замужестве пусть у них будет много детей. Дети их пусть приходят на (наше) моление, с воробьем (для жертвоприношения)]. Обряд для вызова дождя и увеличения урожая, возможно, раньше совершался женщинами, преобладавшими в занятии земледелием на начальных этапах развития последнего. В последующем это перешло мужчинам. Но так как в период угасания дислокального и победы патрилокального поселения при бытовании авункулатных отношений дети (особенно мальчики) возвращались в род матери, то последний занимался их воспитанием и привлекал к полноправному участию в проведении религиозных обрядов рода. Остаточным элементом этого является пожелание девушкам, чтобы их будущие сыновья участвовали в обрядовой жизни того рода, откуда они сами происходят.

О бытовании у чувашей остаточных следов переходного периода от матрилокальности к патрилокальности свидетельствуют также другие данные, приводимые Н. Р. Романовым. По его предположению, при бракосочетании происходила имитация обычаев матрилокального поселения. Для этого в селении жениха выбирался пожилой семейный человек, который играл роль отца невесты — *«хăйматлăх»*. В Бугурусланском уезде Самарской губернии невеста со своими подружками перед началом свадьбы переходили в дом этого человека. В день свадьбы женихова сторона невесту вывозила из его дома.

Посаженый отец *«хăйматлăх»* относился к невесте как к своей

[72] *Н. И. Ашмарин.* Словарь чувашского языка, вып. XII, стр. 90.

дочери, и ему оказывали почести, положенные действительному отцу невесты, дети молодых звали его дедушкой со стороны матери *«кукаçи»*, а дети *«хăйматлăх»* молодого супруга называли *«йысна»* (зять) [73]. Иными словами, имитировалось, что невеста по замужеству не покидала родную деревню, оставалась в ней же.

Выходящая замуж и переселяющаяся к мужу женщина во время пребывания в семье мужа сохраняла здесь некоторую самостоятельность и изолированность, имела отдельное помещение [74]. Возможность для определенной самостоятельности предоставлялась ей приданым, которое у чувашей включала живность — птицу, овец, корову, а в редких случаях и лошадь. У чувашей мы находим и следы изолированности. А. Фукс пишет, что один из амбаров представлялся в распоряжение молодухи [75]. До последнего времени первую брачную ночь молодые проводили в амбаре. Правда, это имело и связь магического характера: сусеки, наполненные зерном, должны были способствовать как плодовитости молодой пары, так и плодородию, хозяйственному благополучию.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что ряд элементов в области семьи и брака у чувашей сохранили следы матрилокальности брака и смены ее патрилокальностью; фольклорный и лингвистический материал дополняет эти данные. Наличие этих следов показывает, что этнические компоненты, участвовавшие в этногенезе чувашского народа, прошли стадию материнского рода.

---

[73] *Н. Р. Романов.* Хăйматлăх матриархатран патриархата куçнă вăхăтра пуçланнă, стр. 23—24. Некоторый материал аналогичного характера содержится в моих полевых записях.

[74] *М. О. Косвен.* Очерки истории первобытной культуры, стр. 133.

[75] *А. Фукс.* Указ. соч., стр. 19.

С. Н. Хаймулин

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВОПРОСАМ ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РАБОЧЕГО КЛАССА В ЧУВАШИИ

(Краткий историографический обзор)

В результате осуществления ленинской национальной политики за годы Советской власти на бывших окраинах царской России в исключительно короткие сроки была проведена социалистическая индустриализация и созданы национальные кадры промышленных рабочих. Эти отсталые национальные окраины превратились в республики с высокоразвитой индустрией, что имело, наряду с другими социалистическими преобразованиями (коллективизация сельского хозяйства, осуществление культурной революции и т. д.), исключительное значение в ликвидации фактического неравенства между народами СССР.

Такой же путь прошли и трудящиеся Советской Чувашии. Уже в годы довоенных пятилеток в республике была создана развитая индустрия, представленная предприятиями машиностроительной, металлообрабатывающей, деревообрабатывающей, торфодобывающей, химической, легкой, пищевой и других отраслей промышленности. В 1940 г. производство валовой продукции крупной промышленности возросло по сравнению с дореволюционным уровнем в 9,5 раза при увеличении за этот же период в целом по СССР в 8,5 раза.

В годы Великой Отечественной войны и послевоенных пятилеток промышленность республики сделала крупный шаг вперед. Произошли положительные сдвиги в отраслевой структуре промышленности. Чувашская АССР из аграрно-индустриальной республики превратилась в индустриально-аграрную, она стала одним из высокоразвитых промышленных районов страны. В настоящее время промышленность Советской Чувашии выпускает свыше 1200 видов изделий, которые поставляются во все республики СССР и почти в 80 зарубежных стран.

Вместе с бурным развитием промышленности, а также и других отраслей экономики произошли коренные изменения в социальной структуре населения. За годы Советской власти выросли и окрепли кадры рабочего класса. В промышленности Чувашии ныне трудится 150-тысячный отряд рабочих. Это составляет

более четверти занятого населения. Десятки тысяч рабочих-чувашей сегодня строят машины, управляют сложнейшими механизмами, создают тончайшие приборы, варят сталь и чугун. Это — величайшее достижение Советской власти, результат ленинской национальной политики Коммунистической партии.

В данной статье вкратце рассмотрены наиболее значительные публикации чувашских историков, посвященные истории промышленности и рабочего класса.

К большому сожалению, важность и необходимость изучения истории промышленности и рабочего класса в Чувашии долгое время недооценивались. Даже после XX съезда КПСС, когда были созданы благоприятные условия для развития общественных наук, исследователями обращалось недостаточное внимание на эту тему. В этом отношении историки Чувашии значительно отстали от ученых многих братских республик. Как известно, в ряде автономных республик, не говоря уже о союзных, проводится большая работа по изучению актуальных проблем истории рабочего класса *. Издан ряд крупных монографий в Москве, Ленинграде, Новосибирске и других научных центрах страны.

В Чувашии же лишь в последние годы наметился известный поворот к исследованию актуальных проблем истории промышленности и рабочего класса. Кафедры общественных наук университета и других вузов подготовили и выпустили несколько сборников, в которых содержатся статьи, посвященные истории рабочего класса, его трудовой и политической активности. Отдельными авторами издан ряд брошюр и монографий. Историками Чувашского государственного университета подготовлена история одного из крупных предприятий республики — Чебоксарского электроаппаратного завода. Члены кафедр истории СССР и истории КПСС работают над созданием истории ряда других предприятий. Наконец, сдвинулось, можно сказать теперь, с мертвой точки дело по подготовке истории промышленности и рабочего класса Чувашии, которое возглавил отдел истории и археологии Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР.

Вопросы истории промышленности и рабочего класса Чувашии получили освещение в той или иной мере в ряде статей, монографий и брошюр, изданных в основном в послевоенные годы. Они могли бы служить некоторой базой для написания обобщающих трудов по данной теме. Однако многие важные стороны и аспекты этой большой проблемы еще не освещены или освещены крайне недостаточно, что видно из нижеследующего обзора литературы. Анализ исследований показывает, что степень изученности отдельных вопросов, а также отдельных этапов развития промышленности и истории рабочего класса неодинакова.

* Почти все союзные республики опубликовали историю своего рабочего класса. Особенно успешно работают башкирские историки, издавшие первый том истории рабочего класса Башкирской АССР и подготовившие второй том.

Для удобства анализа я рассматриваю названную литературу следующим образом. Она сгруппирована в соответствии с периодизацией истории промышленности и рабочего класса Чувашии, т. е. по историческим этапам. Кроме того, в отдельных случаях выделена литература по определенной тематике. Но в основном тематический подход имеет место внутри исторических этапов.

Итак, предлагаемая периодизация включает следующие этапы (периоды):

Период дореволюционный (эпоха капитализма). Вступление Чувашии на путь капиталистического развития. Процесс формирования чувашской буржуазной нации. Развитие фабрично-заводской промышленности. Начало формирования пролетариата в Чувашии и его национального отряда и т. д.

Эпоха социализма содержит несколько разделов. Здесь обзор исследований дается по историческим этапам:

1) годы гражданской войны и восстановления народного хозяйства (1917—1927 гг.);

2) период довоенных пятилеток (1928—июнь 1941 гг.);

3) период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.);

4) завершающий этап строительства социализма (1946—1958 гг.).

Прежде чем приступить к анализу литературы, следует оговориться: в основном будет рассмотрено изучение состояния и развития фабрично-заводской промышленности. Главное внимание будет уделено советскому периоду, поскольку лишь после Великого Октября развернулось мощное индустриальное развитие Чувашии. Это, конечно, вовсе не означает, что в дореволюционной Чувашии не было фабрично-заводской промышленности. Речь идет о степени ее развития, что непосредственно связано с общим уровнем экономического (капиталистического) развития, и наоборот. Однако среди чувашских историков по вопросу об уровне развития капитализма в пореформенной Чувашии нет еще единой точки зрения. Как показал проф. И. Д. Кузнецов в своей недавно вышедшей статье [1], существует даже три концепции по этому вопросу. Поскольку в статье дан обстоятельный обзор основной литературы по данной теме, ограничимся выражением своего отношения к ней. Несмотря на имеющиеся расхождения по отдельным вопросам, историки Чувашии к настоящему времени пришли к следующим общим выводам. Во-первых, находясь на главной водной и железнодорожной магистралей России, пореформенная Чувашия не могла быть не втянутой в орбиту капиталистического развития. Это положение убедитель-

---

[1] *И. Д. Кузнецов.* Три концепции развития капитализма в чувашской деревне.— В сб.: «Вопросы истории и историографии чувашского народа», вып. 2. Чебоксары, 1973.

но доказано всеми историками-марксистами, изучающими историю пореформенной Чувашии [2].

Итак, пореформенная Чувашия вступила на путь капиталистического развития. В этом отношении она опередила многие нерусские народы национальных окраин царской России. Однако до сих пор еще встречаются, как показано в статье проф. И. Д. Кузнецова, исследователи (правда, из других республик), которые считают, что чуваши, как и некоторые другие нерусские народы, «совершили скачок от феодализма к социализму, минуя мучительную стадию капитализма». (См.: К. Х. Ханазаров. Сближение наций и национальные языки в СССР. Ташкент, 1968, стр. 36). В то же время нельзя допускать и преувеличения уровня капиталистического развития дореволюционной Чувашии. Наша точка зрения в этом вопросе полностью совпадает с выводами большинства исследователей: Чувашия до Великой Октябрьской социалистической революции вступила на путь капиталистического развития. Однако она не достигла уровня зрелого, развитого капитализма, сложились лишь начальные формы капиталистических производственных отношений. Этим положением определяются и уровень развития промышленности, а также процессы формирования буржуазной нации и пролетариата.

Благодаря исследованиям старшего поколения историков республики за послевоенные годы, а также созданию крупных трудов по истории Чувашии, на сегодня мы имеем вполне определенную картину развития промышленности края в эпоху капитализма, ее состояния накануне Октябрьской революции. Сжатый очерк развития промышленности Чувашии содержится в «Истории Чувашской АССР» (в 2-х томах), а также в «Очерках истории Чувашской областной организации КПСС». Кроме того, этот вопрос освещен в ряде статей общего характера в различных сборниках, изданных главным образом к юбилейным датам [3].

---

[2] *П. Г. Григорьев.* Чувашия в период разложения крепостного строя и зарождения капиталистических отношений.— «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. I. Чебоксары, 1958; *его же.* Рабочее движение в Чувашии в период первой русской революции 1905—1907 годов.— «Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР» (УЗ ЧНИИ), вып. XIII. Чебоксары, 1956; *его же.* Некоторые данные об экономическом развитии Чувашии в пореформенный период.— «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. II. Чебоксары, 1956; *его же.* Экономическое развитие Чувашии в пореформенный период.— «Ученые записки Чувашского государственного педагогического института им. И. Я. Яковлева» (УЗ ЧГПИ), вып. 3. Чебоксары, 1956; *И. Д. Кузнецов.* Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963; *П. Н. Николаев.* Чувашия в конце XIX и начале XX века (1895—1904 гг.).— «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. II и др.

[3] «20 лет Чувашской автономной советской социалистической республики». Чебоксары, 1940; «В братской семье народов СССР». Чебоксары, 1950; «Чувашская АССР к 40-летию Советской власти». Чебоксары, 1957; «Развитие экономики и культуры Чувашской АССР», Чебоксары, 1960; «Чувашской АССР — 50 лет». Чебоксары, 1970; *М. А. Андреев.* Чувашская АССР. Чебоксары, 1957; *В. Н. Любимов.* Очерки по истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1961 и др.

Глубокое и подробное освещение вопроса дано в работах исследовательского характера. Рассмотрим некоторые, наиболее значительные из них. В названной монографии проф. И. Д. Кузнецова интерес представляет глава V — «Деревня на путях капиталистического развития», в которой рассмотрены, наряду с другими, такие вопросы, как «Развитие промышленности и кадры местного пролетариата. Формирование местной буржуазии» (стр. 256—291). Опираясь на данные «Первой Всеобщей переписи населения Российской империи, 1897 г.», а также используя многочисленные архивные и другие источники, автор сумел показать состояние местной фабрично-заводской промышленности в конце XIX и начале XX в., начало формирования пролетариата в Чувашии. В конце XIX в. в уездах края находилось около 4 тыс. промышленных и мелких промысловых предприятий, в которых было занято 11775 рабочих. Более 10 тыс. из них работали в мелких промысловых предприятиях, и не все они были наемными рабочими[4].

На фабрично-заводских предприятиях был занят в 1881 г. (в 8 чувашских уездах) 2471 рабочий. Проф. И. Д. Кузнецов дает списочный состав предприятий. Такой метод использования статистических данных самый надежный, а потому и наиболее убедительный. Подобный метод применяется и другими исследователями. Например, П. Г. Григорьевым в одной из работ [5] приведен список предприятий, расположенных на территории Чувашии, который дает нам цельное представление о состоянии фабрично-заводской промышленности края в начале XX в. (данные относятся к 1903—1904 гг., они взяты из официальных источников: «Адресной книги фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России». СПб., 1903; «Перечня фабрик и заводов». СПб., 1897; книги А. В. Погожева «Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда». СПб., 1906). При этом указаны даты основания промышленных заведений. Они рассмотрены автором по отраслям. Ценность таких сведений, которые являются наиболее достоверными (в источниках использованы данные фабрично-заводской инспекции), для характеристики состояния и развития промышленности трудно переоценить.

К сожалению, при характеристике развития промышленности и рабочего класса в последующий период никто из исследователей не привел подобных сведений. В результате этого почти каждый исследователь дает свои показатели о количестве промышленных предприятий и численности рабочих накануне Октя-

---

[4] См.: *И. Д. Кузнецов.* Указ. соч., стр. 261.

[5] См.: *П. Г. Григорьев.* Рабочее движение в период первой русской революции 1905—1907 годов. Эти данные использованы и проф. И. Д. Кузнецовым в упомянутой монографии (стр. 266—267).

бря 1917 г.[6]. В целом эти поиски дали положительные результаты. Благодаря им в настоящее время историки республики пришли к следующим выводам: к 1917 г. на территории нынешней Чувашии имелось 38 фабрик и заводов; наиболее крупными из них были железнодорожные мастерские в Алатыре (число рабочих 500—700 чел.), лесопильный завод в Чебоксарах, фабрики гнутой мебели в Урмарах (по 200—250 рабочих); в промышленности и на транспорте было занято более 6 тыс. рабочих; валовая продукция промышленности (1913 г.) составила 13,2 млн. руб. (в ценах 1926/27 г). Однако новые исследования могут внести некоторые коррективы в эти показатели. Очевидно, необходимо дать полный список предприятий промышленности по состоянию на предреволюционные годы с указанием числа рабочих, выпуска продукции, мощности механических двигателей и других сведений. В этих целях крайне недостаточно используются материалы переписей промышленных предприятий.

Важной задачей историков республики остается освещение вопросов формирования местного отряда пролетариата в условиях дореволюционной Чувашии. До сих пор у нас нет специального исследования, посвященного этой теме. С другой стороны, историки еще не пришли к единому мнению по ряду вопросов данной проблемы. Так, И. Д. Кузнецов, П. Н. Николаев и другие полагают, что накануне революции в Чувашии уже сформировался «местный индустриальный пролетариат», представлявший органическую часть общероссийского пролетариата[7]. Такой точки зрения придерживается сейчас большинство исследователей республики. Они единодушны также и в том, что основным источником пополнения национального отряда пролетариата была масса разорившихся местных крестьян.

Несколько иную позицию занимает по отдельным вопросам Т. Г. Григорьев. В своих статьях, написанных в середине 50-х гг.,

---

[6] Так, у проф. И. Д. Кузнецова количество предприятий к 1916 г. достигло 37, на которых работало 4238 чел. (см. Указ. соч., стр. 268); И. Е. Петров считает, что «вся промышленность дореволюционной Чувашии ограничивалась двумя десятками небольших капиталистических предприятий с числом рабочих около 7 тысяч человек». («Чувашия в период иностранной интервенции и гражданской войны», вып. I. Чебоксары, 1954, стр. 9.). По подсчетам П. Н. Николаева число кадровых рабочих в начале XX в. достигло 5232 чел. (См.: «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. II, стр. 115). Сначала В. Н. Любимов (см.: «УЗ ЧНИИ», вып. VI, стр. 151), затем В. Л. Кузьмин (см.: «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. I, стр. 228, 229) стали указывать: количество цензовых предприятий к началу 1917 г.— 38, число постоянных рабочих — 5 тыс. (с рабочими транспорта — до 7 тыс.), валовая продукция — 5,1 млн. руб. в довоенных ценах. Эти данные впоследствии стали приводить и другие исследователи.

[7] См.: *И. Д. Кузнецов.* Указ. соч., стр. 269; «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. II, стр. 115.

он вовсе не затрагивает проблем формирования пролетариата [8]. *Лишь в последней работе* [9] *эти вопросы получили более конкретное* и подробное освещение. Автор на фактическом материале, почерпнутом из официальных источников, рассматривает здесь динамику фабрично-заводской промышленности Чувашии за два десятилетия (с 1897 по 1917 г.). Из сводной таблицы, составленной исследователем, видно, что количество фабрично-заводских предприятий за этот период возросло с 16 до 94, а число рабочих на них — с 827 до 3140 человек. Мощность паровых машин увеличилась почти в 5 раз (с 421 до 2059 л. с.), валовая продукция — в 4 раза (с 914 тыс. до 3655 тыс. руб.) [10]. Правда, в другом месте той же статьи он дает иные цифры: «До Великой Октябрьской социалистической революции только четыре десятка преимущественно мелких заводов в общей совокупности и составляли машинную индустрию Чувашского края... На них было занято всего 2,5 тыс. рабочих, а мощность паровых машин не превышала 1700 л. с., и сумма производства приближалась только к 2 млн. руб.» [11]. (Здесь автор имеет в виду, по-видимому, цензовую промышленность). Кроме того, указывает исследователь, «на водном и железнодорожном транспорте было занято 3 тыс. постоянных рабочих и много отходников» [12]. В работе содержится ценный материал о развитии транспорта (водного и железнодорожного) на территории Чувашии, включая сюда вопросы развития судостроения и строительства железных дорог. Эти вопросы ранее были изучены недостаточно. Как и в других исследованиях об экономическом развитии пореформенной Чувашии, статья богата описанием состояния промыслов как сельского населения, так и городского. Не останавливаясь на обзоре литературы о развитии кустарно-ремесленной промышленности в дореволюционной Чувашии, хочется отметить, что в этой области историки республики имеют определенные успехи (как старшего поколения, так и молодые. Оригинальную работу опубликовала недавно, например, молодой исследователь И. И. Демидова[13], рассматривая отхожие промыслы как фактор распространения материальной культуры русского народа на хозяйство чувашей в пореформенный период).

В данной статье Т. Г. Григорьева нас интересует эволюция кустарной промышленности в том отношении, что автору удалось,

[8] См.: *Т. Г. Григорьев.* Некоторые данные об экономическом развитии Чувашии в пореформенный период. «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. II; *его же.* Экономическое развитие Чувашии в пореформенный период.— «УЗ ЧГПИ», вып. 3.

[9] *Т. Г. Григорьев.* Промышленность и транспорт Чувашии в период империализма.— «История и культура Чувашской АССР», вып. I. Чебоксары, 1971.

[10] *Т. Г. Григорьев.* Промышленность и транспорт Чувашии..., стр. 133.

[11] Там же, стр. 120.

[12] Там же, стр. 121.

[13] См.: *И. И. Демидова.* Влияние материальной культуры русского народа на хозяйство чувашей в пореформенный период.—«Вопросы истории и историографии чувашского народа», вып. 2. Чебоксары, 1973.

на мой взгляд, проследить два параллельных процесса: выделение в кустарной промышленности мелких капиталистов и постепенное превращение их предприятий в мануфактуру; с другой стороны, развитие кустарной промышленности было тесно связано с формированием местного пролетариата, в том числе и его национального отряда. На отдельных предприятиях деревообрабатывающей промышленности, как справедливо заметил автор, стали работать кустари и ремесленники — чувашские крестьяне. На предприятиях Курбатова и на лесопильных заводах, построенных в сельской местности, в составе рабочих преобладали уроженцы чувашских селений (например, на Коптарском, Сюктерском и некоторых других лесопильных заводах) [14].

Однако по отдельным, в том числе и коренным вопросам позиция автора остается нечеткой. Так, с одной стороны, весь фактический материал, использованный им, а также основные выводы его доказывают, что пореформенная Чувашия вступила на путь капиталистического развития. С другой стороны, не совсем ясно отношение автора к высказыванию, например, Р. М. Раимова в статье «Революция 1905—1907 гг. Среднем Поволжье и Приуралье» о том, что чуваши, а также мари, мордва, удмурты (!) «еще не имели своей промышленности, а, следовательно, и промышленного пролетариата» [15].

В нашей исторической литературе по отдельным периодам широко представлены исследования, посвященные политической деятельности рабочего класса, его активному участию в революционной борьбе. Особенно значителен вклад историков Чувашии в изучение рабочего движения накануне и в период революции 1905—1907 гг. [16].

Однако еще мало исследований, относящихся к последующему периоду революционного движения рабочего класса Чувашии, его политическому воспитанию, а также укреплению союза рабочих и трудящихся крестьян в дореволюционные годы. Недостаточно работают по разработке этих проблем и историки партии. Так, по истории рабочего движения в условиях наступившей после поражения революции 1905—1907 гг. реакции, например, нет ни одной специальной статьи. В таком же положении находится и освещение борьбы рабочего класса Чувашии за освобождение в годы нового революционного подъема. Лишь в работе

[14] *Т. Г. Григорьев.* Указ. соч., стр. 101—119.

[15] См.: «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России». Сб. статей. М., 1949, стр. 672.

[16] *П. Г. Григорьев.* Рабочее движение в Чувашии в период первой русской революции — «УЗ ЧНИИ», вып. XIII, 1956; *Т. Г. Григорьев* и *П. Н. Николаев.* Рабочее и крестьянское движение в Чувашии в конце XIX—начале XX веков.— Там же; *П. Ф. Ермолаев.* Маевки в Чувашии в период революции 1905—1907 гг.— Там же; *И. В. Лепко.* Русский рабочий класс и чувашское крестьянство в 1905—1907 гг.— Журн. «История СССР», 1964, № 2; *П. Н. Николаев.* Революционное движение в Чувашии в 1905—1907 гг. Чебоксары, 1956; *его же.* Чувашия в годы первой русской революции 1905—1907 гг.— «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. II и др.

В. Н. Любимова [17] в значительной мере освещены эти вопросы, хотя и она носит общий характер (т. е. специально не посвящена рабочему движению). Рабочие Чувашии в годы первой мировой войны (вопрос даже не поставлен по-настоящему нашими историками), а также периода Февральской буржуазной-демократической революции рассмотрены лишь в одной статье (также общего характера) В. Л. Кузьмина [18]. Такое же положение и с освещением вопроса об участии рабочих Чувашии в Октябрьской социалистической революции. В имевшихся статьях основное внимание уделено крестьянскому движению [19].

Поскольку нет объекта для историографического обзора (крайне мало исследований), хотелось бы обратить внимание историков, в том числе и молодых, на необходимость ликвидации этих пробелов — развернуть изучение истории рабочего класса, особенно его революционной борьбы накануне и в период Октябрьской революции.

Историческая наука Чувашии отстает и в изучении истории социалистической промышленности, формирования и развития советского рабочего класса в республике. Мало защищалось по этим темам и диссертаций. Не проводилось и специальных экспедиций. При тщательной проверке наших ценностей обнаружилось, что отдельные периоды истории промышленности и рабочего класса Чувашии почти не изучены. Основное внимание в прежние годы обращалось на изучение крестьянства, сельского населения. И в этой области, надо сказать, достигнуты значительные успехи.

Конечно, основные направления развития социалистической промышленности уже определены по крайней мере с начала индустриализации республики. Сведения об этом можно почерпнуть в таких исследованиях, как «История Чувашской АССР» (том второй), юбилейные сборники, а также в отдельных монографиях и статьях наших ученых. В последних отражены отдельные аспекты и периоды истории промышленности Советской Чувашии. Что же касается специальных работ, то их очень мало, особенно по истории рабочего класса.

Рассмотрим эту литературу по историческим периодам.

В изучение истории промышленности и рабочего класса в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны наи-

---

[17] *В. Н. Любимов.* Чувашия в период столыпинской реакции и в годы нового революционного подъема. —«Материалы по истории Чувашской АССР», вып. II.

[18] *В. Л. Кузьмин.* Чувашия в период первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции.— «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. II.

[19] *В. Л. Кузьмин.* Чувашия в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.— Там же, вып. III, 1957; *Я. К. Павлов.* К вопросу о социально-экономических предпосылках Октябрьской революции в Чувашии.— «УЗ ЧНИИ», вып. XI. Чебоксары, 1968.

больший вклад внес И. Е. Петров[20]. В его исследованиях, созданных на основе изучения и обобщения большого количества архивных и других источников, подробно раскрыта экономическая политика Коммунистической партии в условиях военного коммунизма и ее осуществление в Чувашии. В них рассмотрены такие важные мероприятия партии в области промышленности, как установление рабочего контроля над производством (и распределением), национализация промышленных предприятий, банков, деятельность уездных совнархозов по налаживанию производства, работа партийных, советских и хозяйственных органов по мобилизации материальных ресурсов, по организации помощи фронту и т. д. Автор приводит многочисленные примеры героического труда рабочих Чувашии в годы гражданской войны, участия их в управлении производством, в строительстве социалистического государства. К весне 1919 г., как указывает автор, в Чувашии были национализированы в основном все частные капиталистические предприятия и банки[21].

Автор уделяет должное внимание и кустарной промышленности, которая занимала значительный удельный вес в экономике края, подчеркивает ее большую роль в снабжении Красной Армии обмундированием и снаряжением.

В исследованиях И. Е. Петрова имеются также важные сведения об участии рабочих в борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем, в деятельности продовольственных отрядов. Так, весной 1919 г. только из Алатыря было направлено для подавления контрреволюционного мятежа три отряда рабочих в Карсунский уезд и два — в Ардатовский[22]. Представители рабочего класса Чувашии вошли в состав Симбирской рабочей бригады. Первый полк ее был укомплектован из рабочих Буинского, Алатырского и Курмышского уездов (1919 г.). Они вошли также и в состав Симбирского коммунистического полка и т. д.[23].

Однако нас должны интересовать в данном случае вопросы хозяйственного строительства, состояния и развития промышленности, трудовой и политический подъем рабочего класса в условиях завоевания политической власти пролетариатом. В работах И. Е. Петрова по этим отдельным вопросам содержатся весьма ценные сведения. Но они отрывочны и не всегда полны, очень часто приводятся по отдельным предприятиям и коллективам,

---

[20] См. труды *И. Е. Петрова:* Чувашия в период иностранной интервенции и гражданской войны, вып. I. Чебоксары, 1954; вып. 2, 1919—1920 гг. Чебоксары, 1959; Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. Изд. I. 1961, изд. II, 1968; Чувашия в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.).— «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. III; Хозяйственное строительство в Чувашии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны.— «УЗ ЧГПИ», вып. V. Чебоксары, 1956.

[21] *И. Е. Петров.* Чувашия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны, вып. 2, стр. 43—44.

[22] Там же, стр. 63.

[23] Там же, стр. 87.

в лучшем случае — по уездам. Из-за отсутствия сводных данных читатель не получает цельного представления о состоянии промышленности края в этот период. Весьма скудны сведения о рабочем классе, его составе и численности, источниках пополнения, материальном положении, деятельности профсоюзов и т. п. Недостаточно освещены вопросы о проведении первых коммунистических субботников на промышленных предприятиях и городах Чувашии, месте и роли их в мобилизации и организации рабочих и служащих, в повышении производительности труда и т. д.[24]. Кстати сказать, вопросы хозяйственного строительства освещены в последнем (посмертном) издании беднее, чем в первых. В этом отношении выгодно отличается второй выпуск (1919—1920 гг.) его монографии, изданный при жизни автора, где один из крупных разделов посвящен хозяйственному строительству[25]. В опубликованной в 1956 г. статье «Хозяйственное строительство в Чувашии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны»[26] вопросы состояния промышленности почти не затрагиваются. Тема раскрыта не полностью.

Из данного краткого обзора видим, что эти проблемы еще ждут своих исследователей.

Несколько исследований наших историков посвящено одному из сложных этапов в истории Советского государства — периоду восстановления народного хозяйства, в которых значительное внимание уделено и борьбе рабочего класса Чувашии за восстановление и дальнейшее развитие промышленности. Этот вопрос освещен в работах историков А. П. Николаева, И. Е. Петрова, В. Н. Любимова, экономиста М. А. Андреева и некоторых других исследователей. К сожалению, он рассматривается, как бы сказать, попутно. Что, например, можно сказать о статье И. Е. Петрова, опубликованной в «Ученых записках» Чувашского государственного педагогического института, в которой вопрос о восстановлении промышленности изложен на трех страничках[27]. Так же сжато освещен он и в другом сочинении указанного автора (вопрос занял 7 страниц[28]). Такое же отношение проявил к этой теме и А. П. Николаев[29]. Между тем богатейший

---

[24] См.: *И. Е. Петров.* Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. Изд. 2, стр. 44—53. Мало что дополняет и небольшая статья *М. В. Румянцева*, опубликованная в юбилейном сборнике «В. И. Ленин и чувашский народ», хотя она и посвящена специально этой теме (называется «Начало претворения в жизнь ленинского учения о коммунистическом труде»). (См. «УЗ ЧНИИ», вып. 44. Чебоксары, 1969, стр. 86—97).

[25] См.: *И. Е. Петров.* Чувашия в период иностранной интервенции и гражданской войны, вып. 2, стр. 198—291.

[26] См.: «УЗ ЧГПИ», вып. V. Чебоксары, 1956, стр. 3—44.

[27] «УЗ ЧГПИ», вып. XVII, стр. 175—178.

[28] *И. Е. Петров.* Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата, стр. 113—120.

[29] *А. П. Николаев.* Советская Чувашия в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). — «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. III, стр. 113—156.

материал для исследования имеется не только в архивах, но и в многочисленных опубликованных источниках (в статистических справочниках, отчетах правительства, в решениях и отчетах областного комитета партии и т. д.), которые использованы названными авторами совершенно недостаточно. В порядке самокритики следует сказать, что история рабочего класса данного периода осталась в тени.

Несколько глубже, в целом тоже недостаточно, освещены эти вопросы в трудах экономиста М. А. Андреева и историка В. Н. Любимова. Такое положение привело к тому, что до сих пор у нас не установлены хронологические границы восстановления народного хозяйства, в том числе и промышленности. Вопрос об окончании периода восстановления промышленности и начале индустриализации Чувашии трактуется историками республики по-разному. Многие исследователи, главным образом историки партии, подошли к этому вопросу шаблонно, применив в своих трудах общесоюзную схему. Фактический же материал восстает против нее. В Чувашии были свои особенности и трудности, которые задержали восстановление народного хозяйства республики, в том числе и промышленности. Их следует раскрыть на основе глубокого анализа всего хода развития экономики Чувашии. Отсутствие подобного анализа привело к тому, что отдельные исследователи видят особенность индустриализации Чувашии только в отставании республики в сроках ее осуществления [30]. Между тем последнее является лишь производным от ряда объективных факторов, которые определяют особенности осуществления индустриализации в условиях Чувашии.

В то же время неправильно было бы акцентировать все внимание на этих особенностях. При изучении вопросов социалистического строительства в любой национальной республике историки должны исходить из общих закономерностей развития советского общества по пути коммунизма, учитывая при этом их проявления в специфических условиях исследуемого региона. В осуществлении задач социалистического строительства Советская Чувашия шла в одной шеренге со всеми народами нашей страны. Уже в ходе социалистического строительства благодаря ленинской национальной политике Коммунистической партии было достигнуто фактическое равенство социалистических наций в экономическом и культурном развитии. Это наглядно видно и на примере Советской Чувашии, которая уже в годы довоенных пятилеток превратилась в аграрно-индустриальную республику.

Более подробно освещены в исторической литературе вопросы осуществления социалистической индустриализации и развития

---

[30] *М. В. Румянцев.* О некоторых особенностях индустриализации Чувашской АССР. Чебоксары, 1967.

промышленности Чувашии в годы довоенных пятилеток [31]. Рассмотрим наиболее значительные из этих исследований. Взаимно дополняя друг друга, они дают довольно подробный анализ развития промышленности республики. Авторы правильно определили основные тенденции индустриального развития Чувашии, а также попытались подчеркнуть особенности этого процесса. Они единодушны в том, что создание социалистической промышленности в Чувашской АССР есть результат претворения в жизнь ленинской национальной политики Коммунистической партии, огромной помощи братских народов, прежде всего русского рабочего класса. Историки особо подчеркивают выдающуюся роль рабочего класса и всех трудящихся Горьковского края, в составе которого находилась Чувашская АССР в 1929—1936 гг. [32].

Авторы рассматриваемых исследований внесли существенный вклад в дело изучения истории промышленности и рабочего класса республики. На основе анализа и обобщения большого фактического материала они установили ряд бесспорных положений. Во-первых, восстановление промышленности в Чувашии, ввиду объективных условий, несколько задержалось по сравнению с промышленными центрами страны, что предопределило сроки развертывания индустриализации республики. При этом исследователи исходят из решений XII Чувашской областной партийной конференции (ноябрь 1927 г.). В директивах конференции по составлению пятилетнего плана Чувашской АССР указывалось, что в течение ближайшего пятилетия должен быть осуществлен решительный сдвиг в сторону индустриализации хозяйства ЧАССР с максимальным использованием местных источников производительных сил [33]. Оно было связано с тем, что

---

[31] *В. Д. Димитриев.* Чувашия в год великого перелома.— «УЗ ЧНИИ». вып. XI. Чебоксары, 1955; *В. Л. Кузьмин.* Чувашия в годы упрочения и развития социалистического общества (1938—июнь 1941 гг.).— «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. IV. Чебоксары, 1960; *В. Н. Любимов.* Социалистическое преобразование Советской Чувашии. Чебоксары, 1955; *его же.* Борьба трудящихся Советской Чувашии за развитие социалистической промышленности республики (1926—1940 гг.)— «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. III; *Г. И. Шумилов.* Развитие социалистической промышленности Чувашии в годы первой пятилетки — «Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук», вып. 2. Казань, 1959 и др.

[32] *Т. Г. Гусев.* Помощь трудящихся Горьковского края Чувашской АССР в социалистическом строительстве (1929—1936 гг.).— «УЗ ЧГПИ», вып. XIII. Чебоксары, 1961; *Н. П. Никитин.* Из истории руководства Нижегородской краевой партийной организации развитием промышленности Чувашской АССР в годы первой пятилетки (1929—1932 гг.) — «УЗ ЧНИИ», вып. XXIX. Чебоксары, 1966; *его же.* Сила великой дружбы. Чебоксары, 1966. См. также: *М. Л. Бичуч.* Интернациональное воспитание строителей Горьковского автозавода в 1931—1932 годах.— «УЗ ЧНИИ», вып. XXXI. Чебоксары, 1966; *его же.* Чувство семьи единой. Горький, 1972.

[33] См.: *В. Д. Димитриев.* Указ. соч., стр. 117; *В. Н. Любимов.* Социалистическое преобразование Советской Чувашии, стр. 33; *Г. И. Шумилов.* Указ. соч., стр. 55 и др.

«к 1927 г., когда определились первые успехи индустриализации страны, промышленность Чувашии еще только достигла довоенного уровня» [34], удельный вес ее в валовой продукции всего народного хозяйства республики «был очень незначительным: в 1927—1928 гг. удельный вес цензовой промышленности составлял 7,2 проц., кустарно-кооперативной промышленности — 10,6 проц., а удельный вес сельского хозяйства—82,2 проц.» [35] и «задача состояла в том, чтобы превратить Чувашию в республику с развитой промышленностью» [36].

Разумеется, эти выводы исследователей не следует понимать так, что создание социалистической индустрии в Чувашии началось только в связи с первой пятилеткой. Здесь речь идет лишь о масштабах и темпах индустриализации. Г. И. Шумилов и В. Д. Димитриев, например, справедливо указывают, что «политика индустриализации страны способствовала завершению восстановления промышленности Чувашии и вместе с тем дала возможность сделать первые шаги в индустриализации республики [37], что «с 1926 г., в связи с переходом к политике индустриализации страны, промышленность республики стала получать более значительные капиталовложения, чем в период восстановления народного хозяйства» [38]. Так, в 1926—1928 гг. капитальные вложения в промышленность республики составили около 2 млн. руб. При этом значительная часть их (74,5%) шла на реконструкцию предприятий, а не на капитальный ремонт, как это было в период восстановления народного хозяйства. В результате был реконструирован ряд предприятий еще накануне первой пятилетки, заново создана полиграфическая промышленность [39].

А новое промышленное строительство в Чувашии по существу еще не было развернуто. Почти не изменилась по сравнению с дореволюционным периодом и структура промышленности. Оно началось лишь в годы первой пятилетки. Таким образом, индустриализация Чувашии осуществлялась в специфических условиях. Своеобразие заключалось в том, что начало индустриализации совпало с завершением восстановления промышленности, что привело к слиянию этих процессов.

Во-вторых, заслугой историков является и то, что они правильно вскрыли основные трудности в осуществлении индустриализации в условиях Чувашии, в выполнении задач первого пятилетнего плана в области промышленности. Слабая материально-техническая база экономики республики объяснялась длительным

---

[34] *Г. И. Шумилов.* Указ. соч., стр. 54.
[35] *В. Д. Димитриев.* Указ. соч., стр. 114.
[36] Там же.
[37] *Г. И. Шумилов.* Указ. соч., стр. 54.
[38] *В. Д. Димитриев.* Указ. соч., стр. 112.
[39] См.: М. А. Андреев. Чувашская АССР. Чебоксары, 1957, стр. 12; *В. Д. Димитриев.* Указ. соч., стр. 112—113; *Г. И. Шумилов.* Указ. соч., стр. 54—55.

отставанием и чрезвычайно низким уровнем промышленного развития края. Подавляющее большинство предприятий имело устаревшее и изношенное оборудование. Крайне мало было квалифицированных кадров в промышленности и строительстве, а местная избыточная рабочая сила в подавляющем большинстве не имела рабочих специальностей. Особенно острый недостаток испытывала промышленность Чувашии в инженерно-технических работниках, командирах производства. Подобные трудности объективного характера явились одними из факторов, определивших указанные выше специфические условия, в которых осуществлялись социалистическая индустриализация и формирование советского рабочего класса в Чувашии. Кроме того, были трудности и субъективного характера. Отдельные работники, в том числе и некоторые местные руководители, недостаточно глубоко разобрались в сущности политики индустриализации страны. Не обошлось без проявления местничества, а правые капитулянты и буржуазные националисты открыто выступили против курса партии на индустриализацию. Все это особенно остро проявилось, как правильно указывают многие авторы, в период подготовки первого пятилетнего плана республики. Они подчеркивают, что областная парторганизация с помощью Центрального Комитета партии своевременно разоблачила эти вылазки капитулянтов и националистов и дала им решительный отпор.

Исследователи освещают ход подготовки и утверждение пятилетних планов, раскрывают их основные задачи, подробно останавливаясь на перспективах развития промышленности республики.

В-третьих, наибольшее внимание исследователей привлекли вопросы трудовой активности рабочего класса, организации и развертывания социалистического соревнования на предприятиях и стройках республики в годы первых пятилеток. И это вполне закономерно, ибо решающие успехи в индустриальном развитии республики были достигнуты прежде всего благодаря самоотверженному труду рабочего класса. Этой проблеме посвящены также специальные работы [40].

Исследования содержат обильный фактический материал, отображающий трудовой подвиг рабочих. В них обстоятельно показаны возникновение и развитие социалистического соревнования в промышленности республики, многообразие его форм, деятельность партийных организаций по мобилизации масс на выполнение и перевыполнение плановых заданий первых пятилеток, авангардная роль коммунистов и комсомольцев в этой все-

---

[40] См.: *С. С. Степанов.* Социалистическое соревнование в промышленности Советской Чувашии в первые годы второй пятилетки.— «УЗ ЧНИИ», вып. XI; *его же.* Социалистическое соревнование в промышленности Советской Чувашии в 1935—1937 гг.— Там же, вып. XIV.

народной борьбе, творческая инициатива рабочего класса. При этом авторы не скрывают трудностей и недостатков в организации соревнования.

Особенно подробно освещен в литературе начальный этап социалистического соревнования. Впервые этот вопрос был поднят в исследованиях В. Д. Димитриева (в указанной статье) и В. Н. Любимова (в книге «Социалистическое преобразование Советской Чувашии»), изданных в 1955 г. Они установили такие важные исторические факты, как возникновение первых ударных бригад, развертывание социалистического соревнования на отдельных предприятиях Чувашии в начале 1929 г., на конкретных примерах показали, как росло и ширилось, становясь массовым, это патриотическое движение. Уже в 1929 г. соревнование развернулось между предприятиями, цехами, бригадами и отдельными рабочими. Большое внимание уделяют авторы деятельности партийных и профсоюзных организаций, вопросам развертывания социалистического соревнования, подведения его итогов, работе конференции и слетов ударных бригад, борьбе за выполнение промфинпланов, шефству ударников над отстающими и т. д.

В этих замечательных фактах немеркнущей трудовой славы первых ударников чувствуется свежесть, живое дыхание эпохи, хотя они изложены сухим научным языком.

К сожалению, последующие этапы социалистического соревнования не получили столь подробного и глубокого исследования. Развитие соревнования в промышленности республики в годы первой пятилетки в целом получило значительное освещение лишь в работе Г. И. Шумилова. Однако многие содержащиеся в ней факты уже известны читателю из сочинений его предшественников *. В целом же исследование Г. И. Шумилова является одним из немногих, посвященных развитию промышленности Чувашии в годы первой пятилетки, и безусловно заслуживает положительной оценки. Оно содержит ряд интересных фактов о развитии и о новых формах социалистического соревнования (встречные планы, общественный буксир, сквозные бригады, хозрасчетные ударные бригады, борьба за экономию и т. д.).

Отдельные недостатки по конкретным вопросам присущи также сочинениям ряда других авторов и сводятся к следующему. Во-первых, по опубликованным источникам невозможно определить динамику численности участников соревнования, его основные этапы, тенденции развития. Как правило, сведения о количестве участников этого движения отрывочны, приводятся лишь по отдельным предприятиям и в лучшем случае — по отраслям, а чаще всего авторы ограничиваются отдельными примерами. При этом показатели приводятся, в большинстве слу-

---

* Несколько смущает читателя то обстоятельство, что они приведены автором без ссылки на опубликованные ранее исследования (см. стр. 58—67 и некоторые другие указанного сочинения).

чаев, на случайные даты. Нечетко определены различные формы соревнования и степень их распространения на предприятиях республики. В работе Г. И. Шумилова отсутствуют сквозные показатели о развитии социалистического соревнования в промышленности Чувашии, хотя трудно предполагать, как удалось обойти этот вопрос в исследовании под таким названием.

В работах С. С. Степанова также недостаточно четко прослеживается развитие социалистического соревнования на предприятиях и стройках республики, хотя они и посвящены этой проблеме и содержат большой фактический материал. Здесь тоже имеются лишь отрывочные обобщенные показатели: например, охват рабочих соревнованием в целом по промышленности республики показан лишь за 1933 г., что ничего не значит без сравнения с другими данными [41]. В другом месте показатель приводится только по 16 предприятиям, причем динамика дана за очень короткий срок [42], что также не отражает основной тенденции развития соревнования. Работа в целом страдает серьезными недостатками: нет четкого, последовательного изложения материала; структура статьи, видимо, не продумана. К тому же статья не совсем тщательно отредактирована.

Вне поля зрения исследователей остались вопросы о предпосылках возникновения социалистического соревнования в промышленности республики, об основных этапах его развития.

В ряде исследований недостаточно раскрыта руководящая роль партийных организаций в развертывании социалистического соревнования. Специальных работ, посвященных данной теме, почти и нет. Статья Н. П. Никитина [43], охватывающая период первой пятилетки, незначительная по своему объему, конечно, не раскрывает полностью эту важную тему, хотя и представляет определенный интерес.

Все это настоятельно требует дальнейшего углубления исследования вопросов развития социалистического соревнования в промышленности Чувашии.

Наконец, следует отметить слабое освещение некоторых узловых вопросов, непосредственно связанных с историей промышленности и рабочего класса периода довоенных пятилеток. Прежде всего, недостаточно показано развитие профсоюзного движения в республике. В исторической литературе не получила достаточного освещения деятельность профсоюзов по мобилизации рабочих на выполнение и перевыполнение производственных планов, руководству социалистическим соревнованием, развитию творческой инициативы масс и т. д. Можно сказать, совершенно

---

[41] См.: «УЗ ЧНИИ», вып. XI, стр. 190.

[42] Там же, стр. 197.

[43] *Н. П. Никитин.* Коммунисты Чувашии — организаторы социалистического соревнования в годы первой пятилетки.— «Рабочий класс Чувашии в период строительства социализма и коммунизма». Чебоксары, 1972, стр. 50—63.

упущены такие вопросы, как забота профсоюзов об улучшении материального положения, жилищных условий рабочего класса, повышения его общеобразовательного и культурно-технического уровня в рассматриваемый период.

Как известно, одной из важнейших форм развития трудовой активности и творческой инициативы трудящихся, участия их в управлении производством являются производственные совещания и комиссии, возникшие по инициативе самих рабочих. Именно в период первых пятилеток они развернули активную работу. К сожалению, их деятельность почти не отражена в исторических исследованиях. Лишь в отдельных работах они упомянуты вскользь.

Такое же положение и с движением рационализаторов и изобретателей, которое особенно широко развернулось, в том числе и в промышленности Чувашии, уже в начале первой пятилетки, особенно после известного постановления ЦК ВКП(б) о массовом изобретательстве (26 октября 1930 г.).

В годы первых пятилеток ускоренными темпами шел процесс формирования советского рабочего класса. Если численность рабочих цензовой промышленности в 1928 г. увеличилась по сравнению с 1913 г. в 2 раза, то за годы первой пятилетки — почти в 4 раза. Примерно также возрастало число рабочих и в годы второй и третьей пятилеток. Этот период характеризуется наиболее высокими темпами роста численности рабочих в промышленности республики. Эти темпы были выше, чем в целом в стране и РСФСР. Именно в тот период сложился национальный отряд советского рабочего класса в Чувашии. Указанное выдающееся историческое явление общественной жизни, оказывавшее решающее влияние на дальнейшее экономическое, политическое, социальное и культурное развитие республики, не получило должного освещения в литературе. Ни историки и экономисты, ни философы и социологи Чувашии до настоящего времени не занимались специально исследованием этой крупной проблемы. Она впервые была поставлена В. Н. Любимовым в одной из его первых монографий. В ней имеется параграф, посвященный созданию национальных кадров квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников в годы довоенных пятилеток [44]. На большом фактическом материале им показаны разнообразные формы подготовки кадров рабочего класса и инженерно-технических работников из представителей местного населения (курсы, школы фабрично-заводского обучения, профтехшколы, обучение на ведущих предприятиях страны, рабфаки, техникумы, вузы и т. д.). Некоторое внимание автор уделяет также вопросам ликвидации текучести кадров, уравниловки в оплате труда, росту численности рабочих и инженерно-технических работников, их националь-

[44] См.: *В. Н. Любимов.* Социалистическое преобразование Советской Чувашии, стр. 77—91.

ному составу, улучшению материального положения. Все же указанные вопросы не стали предметом углубленного изучения в последующих работах автора, а также в исследованиях других историков. Лишь в самое последнее время были сделаны первые шаги в этом направлении молодыми исследователями, подготовившими ряд кандидатских диссертаций, посвященных истории рабочего класса Чувашии.

Тем не менее опубликованных работ еще мало. Формированию рабочих кадров в годы первой пятилетки посвящена небольшая статья А. М. Симулина[45], написанная в историко-партийном плане. В ней вкратце рассмотрены вопросы подготовки квалифицированных рабочих, главным образом через систему фабрично-заводского ученичества, зарождения организованного набора рабочих, а также показаны изменение удельного веса чувашей и женщин в составе рабочего класса республики, его количественный рост (в государственной цензовой фабрично-заводской промышленности) в годы первой пятилетки. Других задач автор, по-видимому, перед собой и не ставил, т. к. многие важные вопросы формирования и развития советского рабочего класса в условиях Чувашии им не затронуты. Кроме того, хронологические рамки исследования не позволили автору дать глубокий, всесторонний анализ сложного процесса, показать его в динамике, выявить закономерности и основные тенденции, а также особенности формирования советского рабочего класса в конкретных условиях Чувашии.

Вызывает беспокойство и другое обстоятельство. Во многих исторических исследованиях, посвященных истории промышленности этого периода, крайне низок уровень экономического анализа. Большинство работ не содержит обобщенных показателей итогов развития промышленности в годы довоенных пятилеток, в них даны лишь отрывочные сведения по годам или отдельным отраслям, предприятиям и т. д.

Этапы развития промышленности республики изучены не в одинаковой степени. Особенно мало исследований по периоду третьей пятилетки (лишь две работы[46]), в которых вопросы развития промышленности рассматриваются в очень сжатом виде, как часть общей проблемы о состоянии экономики республики накануне Великой Отечественной войны.

---

[45] *А. М. Симулин.* Партийное руководство формированием рабочих кадров в Чувашии в период создания фундамента социализма в стране (1928—1932 гг.).— «Рабочий класс Чувашии в период строительства социализма и коммунизма». Чебоксары, 1972, стр. 35—49.

[46] *В. Л. Кузьмин.* Чувашия в годы упрочения и развития социалистического общества (1938—июнь 1941 г.) — «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. IV. Чебоксары, 1960; *П. М. Михайлов.* Чувашская АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму в предвоенные годы.— «УЗ ЧГПИ», вып. XIII. Чебоксары, 1961.

Одним из самых героических периодов истории Советского государства и его славного рабочего класса является Великая Отечественная война. Рабочий класс Страны Советов не только активно участвовал в вооруженной борьбе против фашистских захватчиков, но и самоотверженно трудился в тылу, приближая час великой победы над озверелым врагом. Достойный вклад в это общенародное дело внес и рабочий класс Советской Чувашии.

В годы Великой Отечественной войны произошли крупные изменения в промышленности республики, в численности и составе рабочего класса. В послевоенные годы, особенно после XX съезда партии, историки и экономисты Чувашии посвятили этим вопросам немало исследований. Изучение развития промышленности и рабочего класса шло по трем основным направлениям: перестройка промышленности на военный лад и работа по размещению и пуску в эксплуатацию эвакуированных в республику предприятий; трудовой подвиг рабочего класса, развертывание социалистического соревнования на предприятиях; участие рабочих Чувашии в восстановлении промышленных предприятий в освобожденных от фашистской оккупации районах страны. Другие вопросы (изменения в составе рабочего класса, источники и формы пополнения его рядов, материальное положение рабочих, их общеобразовательный и культурно-технический уровень, участие в управлении производством, творческая инициатива и т. п.) во многих работах почти не затронуты или освещены недостаточно.

Уже в первых работах общего характера вопросы перестройки промышленности на военные рельсы, размещение эвакуированных из западных районов страны предприятий в городах республики, деятельность партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских организаций по мобилизации масс на самоотверженный труд во имя победы в начальный период войны получили значительное освещение. Среди них первой по времени издания является работа М. А. Андреева [47], написанная по горячим следам военных событий. В ней специальный раздел посвящен труженикам тыла и в первую очередь — рабочим Чувашии. Автор отмечает резкое увеличение выпуска продукции, неуклонный рост производительности труда на предприятиях республики, на отдельных примерах показывает героический труд рабочих в годы войны. Несмотря на малый объем брошюры, в этом разделе имеются некоторые факты и о работе тружеников железнодорожного транспорта, предприятий местной промышленности, промысловой кооперации. Являясь работой пропагандистского характера, брошюра не содержит обобщений, итоговых показателей развития промышленности, что вполне понятно, по-

[47] *М. А. Андреев.* Чувашия в Великой Отечественной войне. Чебоксары, 1945.

сколько в условиях того времени доступ к такого рода материалам был закрыт.

Наибольший вклад внесли в изучение истории развития промышленности и рабочего класса Чувашской АССР в годы войны Т. А. Ахазов, А. Ф. Ижойкин, Н. М. Мурышкин. Благодаря их исследованиям период Великой Отечественной войны стал наиболее изученным этапом истории промышленности Чувашии. В них собран и обобщен огромный фактический материал. Они дали подробное освещение проблемы по указанным выше направлениям.

Большинство исследований указанных авторов относится к историко-партийной литературе. Есть и работы общеисторического характера [48]. Используя широкий круг источников, авторы сумели подробно осветить ряд вопросов перестройки промышленности на военный лад в первый год войны, показали поистине героический труд рабочих, их высокую сознательность и преданность Коммунистической партии, верность социалистической Родине, рассмотрели изменения в развитии промышленности и транспорта, а также участие рабочих во всенародном движении по оказанию помощи фронту.

Авторами правильно подчеркнуто, что перестройка промышленности на военный лад проходила в труднейших условиях. Трудности были вызваны, прежде всего, уходом значительной части квалифицированных рабочих и транспортников на фронт. Предстояло в кратчайшие сроки подготовить новые кадры. Кроме того, предприятия испытывали острую нехватку сырья, топлива, электроэнергии, оборудования, инструментов и т. п. Наконец, перестройка промышленности на военный лад потребовала коренного изменения технологических процессов на многих предприятиях, т. к. они должны были освоить новые виды продукции, предназначенной для армии и оборонной промышленности. Были и другие трудности, вызванные военной обстановкой.

Работа по перестройке промышленности и транспорта в республике происходила по следующим направлениям: 1) перевод промышленных предприятий на выпуск продукции оборонного значения и выполнение заказов фронта, 2) пуск в эксплуатацию

---

[48] *Т. А. Ахазов.* Перестройка народного хозяйства Чувашской АССР на военный лад в начальный период Великой Отечественной войны советского народа 1941—1945 гг.— «УЗ ЧНИИ», вып. 40. Чебоксары, 1968; *его же.* Все для фронта, все для победы. Чебоксары, 1970; *А. Ф. Ижойкин.* Рабочий класс Чувашии в годы Великой Отечественной войны. Чебоксары, 1961; *его же.* Развитие промышленности и транспорта в годы Великой Отечественной войны.— «УЗ ЧНИИ», вып. XIX. Чебоксары, 1960; *его же.* Подготовка кадров рабочих и повышение их квалификации в Чувашии в годы Великой Отечественной войны.— «УЗ ЧНИИ», вып. XXIX. Чебоксары, 1965; *Н. М. Мурышкин.* Патриотизм трудящихся Чувашии в годы Великой Отечественной войны. Чебоксары, 1959; *его же.* Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны Советского Союза (июнь 1941—1945 гг.).— «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. IV. Чебоксары, 1960.

эвакуированных предприятий в сжатые сроки и выполнение ими производственных заданий, 3) обеспечение работы железнодорожного и водного транспорта в соответствии с требованиями военного времени [49]. Все эти вопросы, хотя не в равной степени и одинаковой последовательности, довольно подробно рассмотрены в указанных исследованиях. На мой взгляд, более четкое изложение материала дано Т. А. Ахазовым. Он же внес некоторые коррективы, уточняющие сроки завершения перестройки промышленности и транспорта на военный лад, определив его серединой 1942 г. (ранее этот срок относили к августу—сентябрю) [50].

Объективно и довольно подробно освещены вопросы размещения в Чувашии эвакуированных из прифронтовой полосы предприятий, восстановление и пуск в эксплуатацию их в кратчайшие сроки. При этом авторы приводят многочисленные примеры героического труда рабочих и инженерно-технических работников, борьбу партийных и хозяйственных органов по преодолению трудностей в налаживании работы указанных предприятий на новом месте.

В исследованиях большое внимание уделено развитию социалистического соревнования на предприятиях республики в условиях войны. В них раскрыты основные формы и направления социалистического соревнования, показаны многочисленные факты проявления творческой инициативы рабочими ведущих предприятий республики. Так, в монографии Н. М. Мурышкина на примере Чебоксарского электроаппаратного завода показаны наиболее распространенные в годы войны формы социалистического соревнования: за получение звания лучшего стахановца и право быть занесенным на цеховую и заводскую доску почета, за звание лучшего мастера завода, лучшего наладчика-установщика, соревнование рабочих за звание лучшего по профессиям, соревнование комсомольско-молодежных бригад за звание фронтовой, соревнование коллективов цехов, участков и отделов за достижение наилучших результатов и завоевание переходящего Красного знамени заводоуправления, партбюро и завкома профсоюза и т. д. [51], а также конкретные условия соревнования и ход выполнения взятых обязательств.

В названных исследованиях содержатся интересные сведения о развертывании движения рационализаторов и изобретателей на отдельных предприятиях, прослеживаются его основные направления: освоение новых видов изделий, экономия материалов и сырья, улучшение качества и совершенствование оборудования, уменьшение брака и т. д.

Большое место занимает материал, рассказывающий о распространении патриотического движения двухсотников под

---

[49] *Т. А. Ахазов.* Перестройка народного хозяйства..., стр. 40.
[50] Там же, стр. 38—39, 67.
[51] См.: *Н. М. Мурышкин.* Патриотизм трудящихся Чувашии..., стр. 58.

лозунгом «Работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт!», а также трехсотников, пятисотников и т. д. Исследования густо населены представителями рабочего класса: авторы называют имена передовиков, раскрывают их трудовой подвиг.

Много внимания уделяют исследователи возросшей роли комсомольцев и молодежи, их самоотверженному труду в промышленности и на транспорте в эти суровые годы. Данному вопросу посвящен специальный раздел изданной в 1972 г. монографии П. М. Михайлова «Комсомол Чувашии в годы Великой Отечественной войны». Автор приводит интересный материал, значительно дополняющий другие исследования новыми фактами и сведениями о патриотизме рабочей молодежи, подготовке квалифицированных кадров для промышленности и транспорта, о работе фронтовых комсомольско-молодежных бригад, об участии комсомольцев и молодежи во Всесоюзном социалистическом соревновании и т. д.

Трудовым подвигам рабочей молодежи Чувашии в годы войны посвящена статья М. В. Румянцева [52], которая также содержит ряд интересных фактов и сведений. В частности, автором приводятся сведения, характеризующие рост количества фронтовых комсомольско-молодежных бригад на предприятиях республики (их число к концу войны достигло 650). Наряду с этим в статье немало разрозненных сведений и незначительных фактов. Иные, известные из ранее опубликованных работ других авторов данные повторяются, что снижает ценность исследования. В работе допущены некоторые неточности (в названиях предприятий, школ ФЗО, фамилиях передовиков и т. п.). Во многих случаях необходимые выводы, обобщение и анализ подменяются деталями, не соблюдается логическая последовательность изложения. Статья неряшливо отредактирована. Многие общие положения, выдвинутые автором, слабо аргументированы, они не подтверждаются фактическим материалом, а часто приводятся лишь единичные примеры. Например, автор пишет, что комсомольцы завода «Большевик» приняли обязательства организовать краткосрочные курсы по производственному обучению молодежи, решили прикреплять молодых рабочих к опытным мастерам и кадровым рабочим, и этим же ограничивается [53]. Читателя же, естественно, интересуют результаты выполнения этих обязательств. В другом случае провозглашается следующее: «Как правило, после окончания технического кружка молодые рабочие работали намного лучше, производительнее, чем раньше». Вместо обобщения и анализа итогов технической учебы автор ограничился при-

---

[52] *М. В. Румянцев.* Трудовые подвиги комсомольцев и рабочей молодежи Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны.—«УЗ ЧНИИ», вып. XXII. Чебоксары, 1963.

[53] См. там же, стр. 79.

ведением лишь одного примера [54]. По такой схеме написана вся статья, а промежутки между ними заполнены общеизвестными положениями. Например, читателю известно, что основная масса квалифицированных кадров рабочих подготовлялись в учебных заведениях Главного управления трудовых резервов (что не совсем верно), что в них молодежи прививались профессиональные знания и навыки, что государство взяло на себя затраты, связанные с подготовкой молодых рабочих, что юноши и девушки поступали в эти учебные заведения и т. д. [55]. Изложение некоторых вопросов можно было сократить.

Встречаются места, где нет никакой логической связи между отдельными частями сочинения. Сравните абзацы на многих страницах: на стр. 81, например, речь идет сразу, без всякого перехода, о подготовке кадров рабочих в училищах и школах ФЗО, о проявлении особой заботы о молодых рабочих, прибывших на работу, о пропаганде среди молодежи боевых и трудовых традиций рабочего класса, об увеличении потребности в электроэнергии, причем без всякой аргументации. Или взять стр. 86, где автор пишет о том, что комитет ВЛКСМ Козловского комбината решил создать десять комсомольско-молодежных фронтовых бригад. Тут же, прервав ход мыслей, приводит пример из жизни коллектива электроаппаратного завода, и лишь затем возвращается к Козловскому комбинату.

Подобные погрешности значительно снижают научную ценность исследований. В то же время важнейшие вопросы темы не раскрываются полностью.

К сожалению, подобные случаи не единичны. Серьезными недостатками многих исследований являются: неоднократное повторение известных фактов, отсутствие обобщающих показателей по итогам развития промышленности за годы войны, количества участников социалистического соревнования и других патриотических движений в целом по республике, численности рационализаторов и изобретателей, количества их предложений, внедренных в производство, и условной экономии, динамики рабочего класса и изменений в его составе по возрасту, полу, уровню образования и т. д. Недостаточно изучены пока и такие важные вопросы, как материальное положение рабочих, их общеобразовательный и культурно-технический уровень. Лишь в монографии А. Ф. Ижойкина затрагиваются вопросы жилищно-бытовых условий рабочих и служащих, снабжения их продовольствием, удовлетворения культурных запросов в трудных условиях войны [56]. Хорошо зная условия жизни трудящихся того периода, исследователь обратил внимание на такие «мелочи», как организация подсобных хозяйств на предприятиях, развитие индивидуаль-

---

[54] Там же.
[55] Там же, стр. 80.
[56] См.: *А. Ф. Ижойкин.* Указ. соч., стр. 86—89.

ного и коллективного огородничества, которые явились серьезным подспорьем в деле улучшения питания рабочих и служащих в условиях жесткого режима снабжения их продовольствием (карточная система).

Продолжительное время историки Чувашии недостаточное внимание уделяли проблеме подготовки кадров рабочих в годы войны. До середины 60-х гг. у нас не было специальных исследований, посвященных этой теме. За последние десять лет появилось две статьи [57]. В обстоятельной статье А. Ф. Ижойкина, написанной на широкой источниковедческой базе, раскрыты следующие основные вопросы темы: источники пополнения рабочего класса, привлечение женщин и подростков, а также пенсионеров в промышленное производство, строительство и транспорт, формы подготовки рабочих кадров, повышения их квалификации, шефство новаторов производства над молодыми рабочими, работа партийных организаций по подготовке рабочих кадров и их закреплению на предприятиях, по идейно-политическому воспитанию рабочих и служащих. Автор правильно указывает, что основным видом подготовки рабочих кадров для предприятий промышленности и транспорта в первый период войны являлось индивидуально-бригадное обучение, т. е. практическое обучение непосредственно у рабочего места и теоретическая подготовка на курсах.

Такого же мнения придерживается и П. М. Михайлов. При этом авторы на конкретных примерах показывают процесс производственного обучения на предприятиях республики, его разнообразные формы (курсы технического минимума, стахановские школы, курсы повышения квалификации, различные кружки и т. д.). Другим важным источником пополнения рядов рабочего класса была подготовка квалифицированных кадров специалистов в училищах и школах системы Государственных трудовых резервов. В указанных работах содержатся сведения о росте сети этих учебных заведений и количестве выпускников, основная часть которых использовалась на местных предприятиях промышленности, транспорта и строительства. Много внимания уделяют авторы деятельности отдельных школ и училищ фабрично-заводского обучения.

В исследованиях показано также осуществление мероприятий Коммунистической партии и Советского правительства по обеспечению промышленности и транспорта рабочей силой, закреплению кадров на предприятиях. Авторы подчеркивают большое значение и таких форм пополнения рабочего класса, как моби-

---

[57] *А. Ф. Ижойкин.* Подготовка кадров рабочих и повышение их квалификации в Чувашии в годы Великой Отечественной войны.— «УЗ ЧНИИ», вып. XXIX; *П. М. Михайлов.* Подготовка и воспитание кадров рабочих в Чувашии в период Великой Отечественной войны.— «Рабочий класс Чувашии в период строительства социализма и коммунизма».

лизация трудоспособного неработающего населения для работы на производстве и строительстве, патриотическое движение женщин, подростков, пенсионеров за переход на производство. При этом приводятся примеры и сведения по некоторым предприятиям и отдельным городам, свидетельствующие о проявлении патриотизма и высокой сознательности трудящимися республики. Однако они не приведены к общим показателям. Точно также возрастание роли женщин в промышленности и на транспорте, увеличение их удельного веса в отраслях народного хозяйства республики показано без соответствующего подтверждения статистическими данными. В статье А. Ф. Ижойкина приведены общесоюзные сведения о повышении удельного веса женщин, а по Чувашской АССР — только по отдельным предприятиям и отраслям [58]. А между тем такие данные в целом по республике в архивных источниках имеются. Используя их, П. М. Михайлов показал изменения состава рабочего класса Чувашии по полу за период с января 1939 по январь 1945 г. (причем отдельно по промышленности, транспорту, связи и строительству, что очень ценно) [59].

В указанных статьях содержится еще ряд других важных сведений (рост численности рабочих, количество мобилизованных на производство и строительство за 1943 и 1944 гг., повышение производительности труда в промышленности республики, рост валовой продукции и некоторые другие). Все же многие другие показатели изменения состава рабочего класса (например, возрастной и национальный состав, профессиональная структура) еще не отражены в исследованиях историков и экономистов. Требуют специального изучения и такие важные проблемы, как участие представителей рабочего класса в защите Родины, деятельность профсоюзов в годы войны. Необходимо более полное освещение участия рабочих Чувашии в восстановлении промышленности и транспорта в освобожденных районах, трудового вклада женщин в развитие промышленности и транспорта республики в годы Великой Отечественной войны и т. д. Эти вопросы нашли свое отражение в сборнике документов и материалов «Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны (июнь 1941—1945 гг.)».

Важным и не менее сложным этапом в истории промышленности и рабочего класса Чувашии был послевоенный период (1946—1958 гг.).

Развитию промышленности и рабочего класса в годы четвертой пятилетки посвящено несколько исследований. Это прежде всего опубликованные в 1960—1961 гг. работы историков А. П. Николаева и С. Ф. Васильева, экономиста М. А. Андре-

---

[58] См.: *А. Ф. Ижойкин.* Указ. соч., стр. 87.
[59] *П. М. Михайлов.* Указ. соч., стр. 161.

ева [60]. Последний не выделяет годы четвертой пятилетки, анализирует весь период 1946—1958 гг.

В своей статье А. П. Николаев рассматривает в основном три узловых вопроса: перестройку промышленности на выпуск мирной продукции, развитие социалистического соревнования на предприятиях промышленности и транспорта, итоги выполнения планов четвертой пятилетки в этих отраслях экономики Чувашии. Изложение материала дается по годам.

Рассматривая переход промышленности к работе в условиях мирного времени, автор считает, что он происходил болезненно и вызвал некоторый спад в выполнении производственного плана первого года пятилетки (как известно, план не был полностью выполнен и в последующем году). Для объяснения такого положения автор приводит материалы собрания республиканского партийно-хозяйственного актива промышленности и транспорта (июнь 1947 г.), на котором были вскрыты причины отставания многих предприятий республики в выполнении производственного плана. Они сводились к следующему. Во-первых, отмечалось, что хозяйственные и партийные организации не сумели использовать производственный и политический подъем рабочих, инженерно-технических работников и служащих промышленности, вызванный развернувшимся соревнованием в честь 30-летия Октябрьской революции. Во-вторых, руководители многих предприятий не приняли должных мер по своевременной перестройке фабрик и заводов для работы в мирных условиях; они недостаточно занимались вопросами использования всех внутренних резервов, снижения себестоимости, допускали бесхозяйственность.

Все это правильно. Но нам кажется, что участники собрания, обсуждая текущие вопросы сугубо делового характера, конечно же, не стали рассматривать их с точки зрения историка: у них не было еще ни материала, ни времени для глубокого анализа происходящих явлений, широких обобщений и выводов. Они делали свое кровное дело — боролись за выполнение пятилетки. Но через десять-пятнадцать лет (статья вышла в 1960 г.) автор мог тщательно проанализировать и дать более глубокое объяснение этого явления. На наш взгляд, были и другие причины спада промышленности. На этом вопросе мы остановимся ниже, в связи с рассмотрением исследований других авторов.

---

[60] *А. П. Николаев.* Рабочий класс Чувашской АССР в борьбе за выполнение послевоенной пятилетки (1946—1950 гг.) — «УЗ ЧГПИ», вып. X. Чебоксары, 1960; *его же.* Чувашская АССР в период послевоенного восстановления и развития народного хозяйства (1946—1952 гг.).— «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. IV; *С. Ф. Васильев.* Борьба за повышение производительности труда в промышленности Чувашии в годы четвертой пятилетки (1946—1950 гг.). Чебоксары, 1961; *М. А. Андреев.* Развитие промышленности Чувашии.— «Развитие экономики и культуры Чувашской АССР». Чебоксары, 1960 (разделы «Промышленность республики в послевоенные годы» и «Важнейшие отрасли промышленности»).

Далее А. П. Николаев прослеживает развитие социалистического соревнования на предприятиях республики. Наряду с примерами образцового выполнения производственных планов отдельными предприятиями, ударниками и стахановцами, бригадами, в исследовании приведены некоторые обобщенные показатели о количестве соревнующихся, достижениях передовых коллективов.

Вместе с тем автор показывает трудности и недостатки в организации соревнования, работе отдельных предприятий. Так, он отмечает неритмичную работу ряда предприятий республики. Между прочим, другие исследователи прошли мимо этого вопроса.

В отличие от других авторов, А. П. Николаев уделил некоторое внимание и таким вопросам, как материальное положение рабочих, их жилищные условия.

В заключение работы подведены основные итоги выполнения пятилетки в области промышленности, а также даны сведения о росте численности рабочих и инженерно-технических работников за исследуемый период, о подготовке кадров квалифицированных рабочих.

Определенное внимание автор статьи уделяет деятельности партийных, профсоюзных и комсомольских организаций промышленных предприятий.

Во второй работе (в разделе «Народное хозяйство Чувашской АССР в годы четвертой пятилетки») А. П. Николаев также показал борьбу трудящихся республики за дальнейшее развитие промышленности и транспорта. Она написана на основе первой с незначительными дополнениями и изменениями. Поэтому нет смысла рассматривать ее специально. В отличие от первой она лучше отредактирована и имеет более четкую структуру. Ценным дополнением следует считать показ деятельности созданного в 1948 г. Чувашского областного совета профсоюзов, что способствовало, как правильно подчеркивает автор, улучшению профсоюзной работы в массах. Отмечая работу фабрично-заводских комитетов и постройкомов по развертыванию социалистического соревнования, автор на конкретных примерах показывает трудовые успехи коллективов. Но далеко не все стороны деятельности профсоюзных организаций получили освещение в указанных работах. Автор даже не упоминает о производственных совещаниях, в работе которых профсоюзные организации всегда принимали деятельное участие. Слабо показана в исследованиях А. П. Николаева творческая инициатива рабочих. Вне его поля зрения осталось, например, движение рационализаторов и изобретателей — один из важных факторов успешного выполнения производственых планов. Во второй работе изменены хронологические рамки исследования (рассматривается период 1946—1952 гг., хотя речь идет здесь тоже о послевоенной пятилетке), в чем не было, думается, особой необходимости. Это, скорее всего,

желание автора использовать имеющийся фактический материал полностью. Поэтому, не предъявляя претензий к автору, отмечаем этот случай для восстановления истинного положения в общепринятой периодизации.

В изучение рассматриваемого периода ощутимый вклад вносит брошюра С. Ф. Васильева, опубликованная Научно-исследовательским институтом при Совете Министров Чувашской АССР. Она посвящена конкретной теме — повышению производительности труда в промышленности республики в годы четвертой пятилетки. Однако она выходит за рамки этой темы и дает обширный материал о развитии промышленности вообще, т. е. исследуемая тема раскрывается на общем фоне, что очень ценно и важно. В брошюре дано развернутое освещение таких крупных, узловых вопросов, как значение технического прогресса, роли социалистического соревнования в повышении производительности труда, а также в развитии промышленности. Кроме того, специальные параграфы посвящены массово-политической работе, задачам и итогам пятилетки в области промышленности. Некоторое внимание уделено и вопросам подготовки кадров рабочих.

Все же, оценивая исследование С. Ф. Васильева в целом положительно, следует отметить, что оно содержит ряд недостатков, характерных, впрочем, и для некоторых других работ. Не всегда можно проследить общую картину развития промышленности республики в целом. Правда, основные обобщающие показатели приведены (рост выпуска валовой продукции, повышение производительности труда и некоторые другие). В то же время многие сведения отрывочны (так, развитие рационализации и изобретательства показано лишь по некоторым предприятиям, многие другие показатели даны только по отдельным годам и т. д.). При этом многие сведения почерпнуты из газет, которые представляют, как известно, лишь текущую, оперативную сводку, и, как правило, уточняются впоследствии. Автором недостаточно использован ценный и достоверный материал статистических органов.

Недостаточно показаны представители рабочего класса — передовики и новаторы производства, а также инженерно-технические работники.

В разделе о массово-политической работе большинство показателей (о количестве прочитанных лекций, о демонстрации кинофильмов, о числе агитаторов и некоторые другие сведения) относятся ко всей республике, включая и сельские населенные пункты, что не раскрывает конкретного, истинного положения в этой области на промышленных предприятиях.

Заканчивая рассмотрение первых работ, посвященных развитию промышленности в годы четвертой пятилетки, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, их авторы внесли, с одной стороны, ценный вклад в изучение истории промышленности республики. С другой, они уделили крайне недостаточное внима-

ние рабочему классу. Во-вторых, необходимо было продолжить дальнейшее углубленное изучение этого периода истории промышленности и рабочего класса Чувашии, учитывая как положительный опыт, так и упущения и недостатки предыдущих исследователей.

Такую попытку предприняли одновременно два исследователя — Г. Ф. Муравьев и М. В. Румянцев, опубликовавшие свои статьи в одном сборнике [61], вышедшем в 1972 г. под редакцией последнего. В скромной по названию и объему статье Г. Ф. Муравьева содержится ряд новых сведений, дополняющих материал предыдущих исследователей. Автор несколько расширил вопрос о развертывании социалистического соревнования в промышленности республики, более подробно рассмотрев основные его формы и итоги развития за исследуемый период. Ценным дополнением является также освещение вопросов о возобновлении с 1947 г. практики заключения коллективных договоров администрации предприятий и рабочих коллективов, о деятельности партийных и профсоюзных организаций по улучшению работы производственных совещаний на предприятиях республики. Однако в статье исследование отдельных вопросов не завершено. Некоторые сведения (число участников соревнования, стахановцев, ударников, рационализаторов и изобретателей) как и у многих других авторов отрывочны, поэтому читатель не может представить тот или иной процесс в динамике, следовательно, и определить тенденции его развития. Часто автор ограничивается перечислением отдельных примеров, фактов вместо обобщения итогов. Например, при освещении движения рационализаторов и изобретателей просто напрашивается таблица (с указанием роста их численности, количества поданных и внедренных в производство рацпредложений, суммы условной годовой экономии от них), которая не только заменила бы пространные рассуждения автора, но и дала бы наглядное и цельное представление о развитии творческой инициативы рабочих в годы пятилетки. Статья М. В. Румянцева дана под многообещающим названием. На деле, оказывается, как признает это и сам автор, всего лишь «освещает некоторые моменты из истории рабочего класса Чувашской АССР послевоенного периода» [62]. Поэтому непонятно и странно, зачем понадобилось автору такое широкое по теме и хронологическим рамкам название. Разве период завершения строительства социализма ограничивается 1946—1950 гг.? Гораздо точнее отражало содержание работы название тезисов

---

[61] *Г. Ф. Муравьев.* Некоторые вопросы борьбы рабочего класса Чувашии за выполнение четвертого пятилетнего плана.— «Рабочий класс Чувашии в период строительства социализма и коммунизма», стр. 109—123; *М. В. Румянцев.* Развитие рабочего класса Чувашской АССР, рост его трудовой и общественно-политической активности в период строительства социалистического общества в СССР.— Там же, стр. 182—215.

[62] См.: Указ. сб., стр. 185.

доклада на научной конференции, состоявшейся в марте 1971 г. («Из истории промышленности и рабочего класса Чувашской АССР в годы восстановления и развития народного хозяйства СССР в 1946—1950 годах»). Попутно можно отметить (поскольку автор данной статьи одновременно является и редактором сборника), что и название книги, мягко говоря, слишком громкое. Оно может ввести в заблуждение читателя, незнакомого с содержанием статей. Во-первых, ряд статей не имеет никакого отношения к истории рабочего класса Чувашии. Например, статьи В. Е. Егорова, А. В. Космовского, М. В. Румянцева и А. П. Носова. Это, конечно, не значит, что их работы не имеют научной ценности. Наоборот, авторы вполне справились с поставленной задачей и сумели раскрыть тему. Только они не вписываются в сборник под таким названием. Некоторые статьи имеют лишь косвенное отношение к этой большой проблеме. В интересной статье А. Ф. Ижойкина речь идет об интернациональном воспитании трудящихся республики в годы Великой Отечественной войны. Вполне естественно, что история рабочего класса рассматривается здесь лишь в определенном аспекте, исходя из темы исследования, и занимает по объему незначительное место (2 страницы из 16). Такое же отношение имеют к названию сборника статьи С. В. Владимирова, В. И. Макаревского, Г. Г. Можарова, написанные в историко-партийном плане. Поэтому мы здесь их не рассматриваем.

В то же время в сборнике содержится, как уже отмечалось, ряд интересующих нас статей, посвященных рабочему классу Чувашии. К ним относится и названная работа М. В. Румянцева. Рассмотрим ее по существу.

Автор подробно освещает ход перестройки промышленности на мирный лад, вскрывает трудности послевоенного периода, причины отставания ряда предприятий в первые годы четвертой пятилетки. К ним он относит: недостатки в планировании, материально-техническом снабжении, организации и оплате труда, изношенность оборудования на многих предприятиях, нехватку электроэнергии и топлива, недостаточную заботу о бытовых и культурных нуждах рабочих и служащих, текучесть кадров и т. д. Все это свидетелыствует о том, что автором предпринята попытка дать более подробный анализ этих отрицательных явлений послевоенной перестройки промышленности по сравнению с его предшественниками. И с этой задачей автор в основном справился.

Однако ему, как и другим исследователям, не удалось показать своеобразие реконверсии индустрии в условиях Чувашии как тылового района. Восстановление промышленности в тыловых районах имело свои особенности по сравнению с освобожденными районами страны. Они сводятся к следующему. Во-первых, промышленность тыловых районов позже встала на путь пере-

стройки на мирный лад [63], хотя данный процесс начался еще до окончания войны (наибольший выпуск военной продукции промышленность Чувашии, например, дала в 1944 г., после которого ряд предприятий переводится на производство мирной продукции). Во-вторых, если в освобожденных районах прирост валовой продукции обеспечивался путем ввода в строй восстановленных производственных мощностей, то в тыловых районах это осуществлялось путем перевода предприятий на выпуск новой (гражданской) продукции при имевшихся мощностей, что не могло сразу обеспечить рост производства. Поэтому восстановление индустрии здесь сопровождалось снижением уровня промышленного производства. В то же время в освобожденных районах в этот период происходит неуклонный рост валовой продукции промышленности.

Многие наши исследователи ограничиваются перечислением отдельных объективных факторов, отрицательно повлиявших на развитие промышленности в первые послевоенные годы. Хотелось бы обратить их внимание и на факторы субъективного характера. Например, не менее важно было людям перестроиться внутренне, психологически, чтобы быстро и в полной мере использовать возможности мирного развития. Надо иметь ввиду также следующее обстоятельство. Современная война, как известно, является всесторонним испытанием не только физических, но и духовных сил народов. «Война,— как указывал В. И. Ленин,— есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации» [64]. Это еще более повышает значение морально-политического фактора в определении хода и исхода войны. Рабочий класс, как и весь советский народ, выдержал в минувшей войне огромное напряжение, величайшие трудности и лишения, сохраняя мужество и волю к победе.

Такое состояние не могло продолжаться бесконечно, тем более в условиях наступившего мира. Его можно было бы сравнивать примерно (ибо всякое сравнение относительно) с состоянием металла, находившегося под многократным воздействием однозначных нагрузок, которое в технике называется усталостью металлов. А при чрезмерном продолжении нагружения в результате усталости металлов наступает разрушение изделия. Нечто подобное происходило и с людьми, выдержавшими тяжелейшую в истории человечества войну. Необходимо было сохранить людские ресурсы страны для мирного строительства. Вскоре после окончания войны предприятия перешли на нормальный режим

---

[63] Массовый перевод предприятий на выпуск гражданской продукции осуществлялся в плановом порядке в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны от 26 мая 1945 г. «О мероприятиях по перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружения».

[64] *В. И. Ленин.* Полн. собр., соч., т. 39, стр. 321.

работы, т. е. были отменены законы и нормы войны (восстановление восьмичасового рабочего дня, отпусков и т. д.).

Статья М. В. Румянцева содержит ценный фактический материал, который дополняет рассмотренные выше исследования по некоторым вопросам. Автор более подробно показывает, например, изменения в численности и составе рабочего класса республики за 1945—1950 гг., подготовку кадров рабочих, основные источники пополнения рядов рабочего класса. По другим вопросам (развертывание социалистического соревнования, итоги выполнения пятилетки и т. д.) в статье повторяются известные факты и примеры, ранее приведенные другими авторами, в том числе и в статье Г. Ф. Муравьева, опубликованной в том же сборнике. Кстати, читателя вообще немного смущает то обстоятельство, что в одном сборнике напечатаны две статьи почти одинакового содержания.

Что касается освещения идеологической работы, то здесь речь идет о деятельности партийных организаций среди всего населения республики. Поэтому трудно судить о состоянии работы по политическому воспитанию рабочего класса (например, сведения об изучении марксистско-ленинской теории, о сети партийного просвещения даны в целом по республике). Общественно-политическая активность рабочего класса сведена автором, по сути дела, к двум фактам: 1) в 1946—1950 гг. городские жители (а они представляют не только рабочий класс) выкупили облигации государственных займов на 184 млн. руб.; 2) к концу 4 мая 1949 г. 99,9% работников Чебоксарского электроаппаратного завода были охвачены подпиской. Думается, что понятие «общественно-политическая активность» значительно шире. Создается впечатление, что отдельные вопросы М. В. Румянцевым недостаточно продуманы или не изучены.

В заключение хочется сказать несколько слов в целом о данном сборнике. Выход его был положительным моментом в деле изучения истории промышленности и рабочего класса республики, но при воплощении в жизнь этой ценной инициативы были допущены спешка, недостаточная требовательность к отдельным авторам и редакторам, что привело к досадным погрешностям. В ряде статей вместо глубокого исследования дается поверхностное описание без анализа и обобщения. В сборнике допущен ряд неточностей, приводятся разноречивые сведения и т. п.

Подобные недостатки имеют место и в сборниках некоторых других кафедр университета.

Из всего сказанного вытекает один вывод: необходимо повысить требовательность к качеству выпускаемых кафедрами общественных наук университета сборников. Для этого следовало бы организовать обсуждение рукописей, рецензирование их не только членами кафедр, но и при участии исследователей других вузов и научных учреждений. Необходимо принять меры по повышению ответственности рецензентов, т. к. довольно часто

еще попадаются отзывы, написанные необъективно, формально. Они наносят большой вред науке, исследовательской работе. Рецензент должен быть настоящим другом и советчиком автора, оказывать ему всяческую помощь в улучшении рукописи, чтобы она отвечала требованиям современного уровня развития науки.

Последний период завершающего этапа строительства социализма характеризуется новым крупным шагом вперед в индустриальном развитии республики. Большие изменения произошли в эти годы и в самом рабочем классе. По степени своей интенсивности, как отмечает проф. В. Е. Полетаев, эти изменения были одними из самых значительных за всю историю советского рабочего класса [65]. Поэтому исследователи страны уделили указанной проблеме большое внимание [66]. В то же время следует отметить, что история промышленности и рабочего класса республики данного периода еще недостаточно изучена. Здесь можно назвать лишь две статьи С. Г. Руссакова [67], освещающие отдельные аспекты этой проблемы, и по одной работе В. Л. Кузьмина [68] и А. П. Николаева [69], носящие общий, обзорный характер. Последние рассматривают развитие всей экономики и культуры Чувашии за весь указанный период. Значительное место занимают в работах В. Л. Кузьмина и А. П. Николаева и вопросы дальнейшего развития промышленности. Авторы собрали и обобщили большой фактический материал, что позволило им показать трудовой подвиг рабочего класса, размах социалистического соревнования на предприятиях и стройках республики, подвести итоги развития промышленности.

В. Л. Кузьмин значительное внимание уделил и вопросам совершенствования управления промышленностью и строительством. С. Г. Руссаков подробно проанализировал деятельность Чувашского совнархоза и пришел к выводу, что «создание Чувашского экономического района и совнархоза сыграло положительную роль в улучшении организации управления промышленностью и строительством, ликвидировало ведомственные барьеры и приблизило руководство к производству, позволило в более широких масштабах использовать имеющиеся внутренние резер-

---

[65] *В. Е. Полетаев.* Основные направления в изучении советского рабочего класса послевоенной эпохи.— «Вопросы историографии рабочего класса СССР». М., 1970, стр. 254.

[66] Обзор литературы см. в указ. книге.

[67] *С. Г. Руссаков.* Реорганизация управления промышленностью и строительством в Чувашии в 1957 году и ее первые результаты.— «УЗ ЧНИИ», вып. XXIII; *его же.* Борьба рабочего класса Чувашии за повышение производительности труда (1953—1968 гг.) — «УЗ ЧГПИ», вып. XXI.

[68] *В. Л. Кузьмин.* Чувашская АССР в период борьбы за мощный подъем народного хозяйства, за завершение строительства социализма (1953—1958 гг.)— «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. IV.

[69] *А. П. Николаев.* Чувашская АССР в борьбе за новый мощный подъем экономики и культуры, за строительство коммунизма (1953—1959 гг.). — «УЗ ЧГПИ», вып. XIII.

вы, подтянуть отставание некоторых отраслей промышленности и строительства». Были созданы также, отмечает автор, благоприятные условия для осуществления специализации и кооперирования внутри экономического района [70].

Думается, что в основном автор правильно оценивает деятельность совнархоза, если иметь в виду первые годы его существования. Действительно, совнархозы сыграли некоторую положительную роль в развитии промышленности и строительства на определенном этапе, особенно в подъеме экономики бывших национальных окраин, т. к. им была оказана огромная помощь государства. Все же было бы неправильно все успехи в области промышленности и строительства объяснять созданием и деятельностью совнархозов, как это рассматривают указанные авторы. Неверно было бы также переоценивать роль совнархозов вообще и не видеть в их деятельности отрицательных сторон. Как известно, эти преобразования в системе управления экономикой страны в целом привели к нарушению централизованного руководства отраслями промышленности, хозяйственных связей между районами и не дали желаемых результатов.

В другой статье С. Г. Руссаков исследует вопросы повышения производительности труда в промышленности в 1953—1958 гг. Статья содержит весьма ценный фактический материал о трудовой и творческой деятельности рабочего класса. Автор значительное внимание уделяет социалистическому соревнованию, развитию движения изобретателей и рационализаторов, новаторов производства, повышению культурно-технического уровня рабочих, как важных факторов повышения производительности труда. Ценным является показ деятельности производственных совещаний.

Все названные исследования, таким образом, вносят определенный вклад в изучение вопросов развития промышленности, в этом их научная значимость. Однако авторы их, как и исследователи других периодов развития промышленности, не затронули проблем истории самого рабочего класса.

Изучение вопросов истории рабочего класса начато у нас, можно сказать, лишь с периода развитого социализма, т. е. в последние годы. Несмотря на короткий срок появился ряд интересных работ, посвященных изменениям состава и численности рабочего класса республики, источникам и формам его пополнения, подготовке квалифицированных кадров, повышению культурно-технического уровня рабочих и т. д. Плодотворно работают в этой области Г. П. Петров, А. Ф. Ижойкин, Ю. П. Смирнов, С. Ф. Жарков, К. В. Калинина, В. Г. Шарков, В. А. Васильев и некоторые другие.

Рассмотрение исследований указанных авторов вылилось бы в самостоятельную статью. К тому же они относятся к следующе-

---

[70] См.: «УЗ ЧНИИ», вып. XXIII, стр. 139.

му, новому этапу истории промышленности и рабочего класса Чувашии — периоду развитого социализма и постепенного перехода к строительству коммунистического общества, который имеет ряд специфических черт. Поэтому здесь не рассматриваются такие важные вопросы, как развитие отдельных отраслей промышленности, союз рабочего класса и колхозного крестьянства и некоторые другие, хотя им посвящен ряд исследований историков и экономистов Чувашии (см. работы М. А. Андреева, П. И. Иванова, Г. П. Петрова, П. Т. Тимофеева, М. В. Шибаева, П. А. Чичикина, С. В. Владимирова, К. Е. Евлампьева, В. Н. Калашникова и др.). Оставляя надежду в недалеком будущем вернуться к этим вопросам, данное исследование ограничивается рамками эпохи капитализма и социализма.

Каковы же некоторые итоги настоящего обзора? В ходе рассмотрения отдельных периодов и вопросов уже были сделаны некоторые выводы, а также высказаны конкретные предложения. Поэтому ограничимся общими итогами и определением основных направлений дальнейшего изучения проблем истории промышленности и рабочего класса республики рассматриваемого периода.

Во-первых, следует отметить большую плодотворную работу отдельных исследователей в данной области, благодаря которой стало возможным приступить к созданию крупных трудов по истории промышленности и рабочего класса. В то же время отдельные периоды и проблемы освещены пока не в одинаковой степени. Особенно много белых пятен, как уже отмечалось, по периоду капитализма. Некоторые периоды эпохи социализма также нуждаются в глубоком исследовании, поскольку имеются работы лишь по отдельным вопросам развития промышленности (периоды гражданской войны и восстановления народного хозяйства, годы второй и третьей пятилеток, период 1953—1958 гг.). По имеющейся литературе невозможно иметь цельное представление о динамике развития промышленности, проследить изменение ее структуры, удельного веса отдельных отраслей за весь период социализма.

Во-вторых, далеко не полностью раскрыты особенности и тенденции индустриального развития республики. Неплохо было бы посвятить специальное крупное исследование проблемам индустриализации нашего края.

В-третьих, большое научное и практическое значение имело бы изучение совершенствования управления производством на всех этапах социалистического строительства, начиная с возникновения и развития первых хозяйственных органов социалистической промышленности (экономические совещания, совнархозы, тресты, управления, наркоматы, главки и т. д.).

В-четвертых, необходимо продолжить изучение истории заводов и фабрик. Глубокая разработка истории ведущих предприятий республики значительно облегчила бы создание крупных

научных исследований по истории промышленности и рабочего класса Чувашии.

Наконец, особо следует сказать о состоянии изучения истории рабочего класса республики. Как видно из обзора, наибольшее внимание уделили исследователи трудовой деятельности рабочего класса. Но и здесь нет обобщающих трудов. Поэтому весьма желательно посвятить специальную работу этой проблеме. В связи с этим большую ценность имело бы исследование основных этапов и форм развития социалистического соревнования в промышленности и на транспорте в условиях Чувашии.

Многие же другие стороны деятельности рабочего класса, его ведущая роль в государственной и общественной жизни (творческая инициатива и формы ее проявления, общественно-политическая деятельность рабочих, участие их в управлении производством и т. п.) освещены совершенно недостаточно.

Одной из важнейших проблем является пока слабо изученная тема — формирование и развитие рабочего класса Чувашии в процессе индустриализации республики и строительства социализма. Необходимо привлечь внимание исследователей к созданию такого крупного обобщающего труда. В связи с этим возникает необходимость изучения проблемы взаимосвязи развития промышленности и изменений, происходящих в рабочем классе, которая до сих пор недостаточно разработана в нашей исторической литературе. Эти крупные проблемы могут расчленяться на отдельные самостоятельные темы (например, изменение источников и форм пополнения рабочего класса; изменение профессионального состава рабочего класса в связи с изменением структуры промышленности и т. д.).

Видимо, наступило время подготовки и создания истории профсоюзов Чувашии. Для этого необходимо будет объединить усилия ряда исследователей (создать рабочую группу). Предварительно можно было бы разработать отдельные ее темы (например, изучить историю производственных совещаний; деятельность профсоюзов по развитию движения рационализаторов и изобретателей; эти темы разработаны крайне недостаточно).

Здесь названы лишь некоторые узловые проблемы.

Желательно более углубленное исследование таких вопросов, как помощь русского и других братских народов в развитии промышленности Чувашии, интернациональные связи рабочего класса, роль и место промышленности республики в экономическом потенциале страны. Совершенно не изучены темы о материальном положении рабочих, недостаточно исследовано изменение национального, возрастного, полового состава и т. д.

В заключение хочется внести еще одно предложение. Необходимо усилить координацию исследований как по истории рабочего класса и промышленности, так и по другим проблемам. Отсутствие ее привело к тому, что отдельные работы дублируют друг друга. В результате много сил тратится впустую. Надо на-

править усилия исследователей на изучение неразработанных проблем, на создание капитальных трудов.

В целях повышения качества исследований необходимо улучшить дело рецензирования и редактирования. Этому способствовало бы также усиление внимания к историографии. Пока у нас чрезвычайно редко появляются историографические работы, особенно по истории рабочего класса.

Таким образом, несмотря на значительные сдвиги в изучении истории промышленности и рабочего класса, многие существенные ее проблемы еще ждут своих исследователей.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. С. Бажайкин

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ ПО ИХ ОТНОШЕНИЮ К АТЕИЗМУ И РЕЛИГИИ
(По материалам конкретного исследования)

Атеистическое воспитание трудящихся является одной из актуальных и важных задач формирования коммунистического сознания. Для более глубокого изучения причин существования религиозных пережитков и особенностей их проявления в условиях развитого социалистического общества в последнее десятилетие сравнительно широко применяются конкретные исследования. Они содержат дополнительную (нередко — основную) информацию и дают возможность более четко представить себе каналы воспроизводства религии. Более полное представление о причинах и каналах воспроизводства религии позволяют теоретикам и практикам атеистического воспитания успешнее решать задачи совершенствования средств и форм идейно-воспитательного воздействия на верующих.

В нашей республике конкретные исследования неоднократно проводились Чувашским опорным пунктом Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС, Научно-исследовательским институтом при Совете Министров Чувашской АССР и некоторыми районными комитетами партии.

В основу данной статьи положены отчеты районных и городских организаций и материалы конкретного исследования, проведенного в Канаше, Шумерле, Аликовском и Красноармейском районах весной 1971 г. Анкетирование проводилось в двух городах и в двух районах республики, имеющих существенное различие в уровне религиозности взрослого населения. При таком географическом определении придерживались следующих принципов: показатели экономического и культурного развития городов и районов должны быть примерно равными; внутри районов анкетирование проводить в населенных пунктах с различным удалением от действующих церквей; фамилии при анкетировании не указывать. Как объект исследования селения Красноармейского района, например, взяты из следующих соображений: в районе нет действующей церкви, из года в год

здесь фиксируется самый низкий в Чувашии уровень религиозной обрядности. Предполагалось выяснить связь между уровнем религиозности и уровнем религиозной обрядности.

Всего в Красноармейском районе было опрошено 1403 чел. в возрасте 18 лет и старше (10% численности взрослого населения, насчитывавшегося к концу 1970 г.), в Аликовском районе — 1566 чел. (9,09%), в Канаше — 1912 чел., в Шумерле — 2013 чел. Для проверки годности используемых анкет и методов исследований были опрошены по особым вопросникам 88 экспертов (по 20—25 в каждом городе и районе), представляющих собой наиболее подготовленных и активных атеистов. Изучение их мнения позволило более полно представить причины религиозности местного населения и пути ее преодоления.

Прежде чем приступить к характеристике типологических групп населения по их отношению к атеизму и религии, рассмотрим вопрос об определении самой типологии. Данная проблема является одной из сложных и не решенных до настоящего времени. В научной литературе она освещается многими авторами, но единая точка зрения еще не сложилась. Каждый исследователь религиозности населения из-за этого вынужден или соглашаться с имеющимися по данному вопросу различными интерпретациями, или выдвигать свою типологию. В результате мы имеем более десяти различных вариантов деления населения на типологические группы, а последних — на подгруппы [1]. Каждый из этих вариантов имеет, несомненно, некоторые свои достоинства, т. к. в той или иной мере дополняет, конкретизирует характеристики типологических групп. В то же время, на мой взгляд, они имеют те или иные недостатки, затрудняющие разработку единой научной типологии. Рассмотрим некоторые из этих вариантов.

Е. М. Байков в своей статье «Изменение ценностных отношений личности» [2] и Г. Н. Плечов в работе «Объективные условия изживания религиозности» [3] делят опрошенное население по его отношению к атеизму и религии на две основные типологические группы — неверующих и верующих. Однако первый из этих авторов, хотя и не всегда последовательно, рассматривает и третью

---

[1] См.: «Вопросы научного атеизма», М., вып. 3, стр. 135; вып. 4, стр. 133—134; вып. 5, стр. 101—102; вып. 7, стр. 146—147; «Строительство коммунизма и преодоление религиозных пережитков». Сб. статей. М., 1966, стр. 157—166; «Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания». М., 1969, стр. 17; «Индивидуальная работа с верующими». М., 1967, стр. 98—112; «К обществу, свободному от религии». Сб. статей. М., 1970, стр. 91—116, 135—139; 184, 221, 225, 232—241 и др.; «Атеистическое воспитание — на научную основу». Чебоксары, 1972, стр. 40—84, 99—130 и др.

[2] *Е. М. Байков.* Изменение ценностных отношений личности.— Сб. «К обществу, свободному от религии». М., 1970, стр. 221, 225, 232—241.

[3] *Г. Н. Плечов.* Объективные условия изживания религиозности.— Сб. «К обществу, свободному от религии», М., 1970, стр. 91.

группу — колеблющихся. Г. Н. Плечов обе группы в свою очередь делит на подгруппы: неверующих (нерелигиозных) — на убежденных атеистов и на неверующих, но участвующих в религиозных праздниках и обрядах; религиозных — не колеблющихся и верующих.

Не вызывает возражения деление населения на две основные группы — нерелигиозную и религиозную. Однако при этом имеется существенный недостаток: выпадают из поля зрения колеблющиеся между верой в бога и неверием. По-моему, прав Е. М. Байков, который анализирует опрошенное население в разрезе трех групп. Г. Н. Плечовым же в делении нерелигиозных упущена подгруппа индифферентных (неверующих, но и не ведущих атеистическую работу, безразличных). Кроме того, нет достаточного основания для включения колеблющихся в группу религиозных, т. к. по своим признакам и отдельным сторонам характеристики они, по данным нашего исследования, стоят ближе к неверующим, чем верующим. Включение колеблющихся в группу верующих искажает действительную картину религиозности населения.

В. Г. Пивоваров, В. А. Смирнова, Г. Е. Кудряшов, Ю. С. Гуров, В. А. Сапрыкин и Л. Н. Ульянов предлагают свою типологию из четырех групп: убежденных атеистов, неверующих, колеблющихся и верующих [4]. Полагаю, что первые две группы можно объединить в одну общую — неверующих, т. к. обе они отрицательно относятся к религии и религиозной практике, но проявляется это качество у них не в равной степени. При дифференцированном подходе к группам верующих и неверующих допустимо условное деление на две или более подгруппы.

По пять групп содержат типологии М. К. Тепляковa и венгерского исследователя И. Варга. Первый из них достаточно подробно изложил свою интерпретацию и анализ типологических групп в статье «Победа атеизма в различных социальных слоях советского общества» [5]. Он разделил изучаемое население на следующие группы: атеистов, безразличных, колеблющихся, убежденных верующих и фанатиков. Но деление неверующих на атеистов и «безразличных», а религиозных — на «убежденных верующих» и «фанатиков» проводится без достаточного обоснования. Общеизвестно, что и атеисты, и безрелигиозные являются неверующими в бога, т. е. в их сознании не возникает вера

[4] *В. А. Сапрыкин.* Роль субъективного фактора в преодолении религии в условиях социализма; *Л. Н. Ульянов.* Изменение характера религиозности.— Сб. «К обществу, свободному от религии». М., 1970, стр. 116, 184; *В. Г. Пивоваров, В. А. Смирнова.* Конкретные социальные исследования на службе индивидуальной работы с верующими.— Сб. «Индивидуальная работа с верующими». М., 1967, стр. 45; *Г. Е. Кудряшов.* Практике атеистического воспитания — научно-обоснованные материалы; *Ю. С. Гуров.* Атеистическое воспитание молодежи.— Сб. «Атеистическое воспитание — на научную основу». 1972, стр. 42, 101—111.

[5] См.: «Вопросы научного атеизма», вып. 4, стр. 133—137.

в сверхестественные силы и потусторонний мир, а поведение, как правило, свободно от религиозной практики.

Вызывает возражения определение, данное М. К. Тепляковым, группы «безрелигиозных». В указанной статье он пишет: «Безрелигиозные — довольно многочисленная группа неверующих, равнодушных к религии и к атеизму. Таких людей характеризует индифферентное отношение к проблемам мировоззрения вообще. Это часто их приводит к непротивлению старым традициям, к примирению с религиозностью родных и близких» [6]. Из определения видно, что автор по существу эту типологическую группу отождествил с той частью неверующих, которые безразличны к вопросам атеизма и религии. Если принять точку зрения автора, то за пределами этой группы остаются все те неверующие, которые участвуют в религиозных праздниках и обрядах. По материалам нашего исследования они составили 15,98% от общего числа неверующих. Пренебрегать и не считаться с такой значительной частью неверующих из состава опрошенного населения — это значит отступить от всестороннего объективного отражения действительности. Если же автор, определяя группы безрелигиозных, подразумевал в ее составе и неверующих, но участвующих в религиозных праздниках и обрядах, то необходимо было это оговорить.

В то же время он, рассуждая о религиозных, выделил как особую типологическую группу фанатиков, составляющих сравнительно незначительную часть верующих. И сам автор в таблице № 1 рассматривает лишь первые четыре группы (не указывая фанатиков как особую группу) [7].

Другой сторонник деления населения на 5 типологических групп, И. Варга, несколько иначе определил структуру типологии. Он указал следующие группы: традиционно религиозные, нетрадиционно религиозные, индифферентные к религии, неверующие, сознательные атеисты [8]. В данной типологии, на мой взгляд, имеется также ряд слабых сторон: нечеткость определения групп, отсутствие группы колеблющихся и не отражены соотношения качеств сознания и поведения.

Ж. Базарбаев в своей докторской диссертации считает целесообразным деление населения на ряд групп [9]. В его типологию включены убежденные верующие, верующие по традиции, колеблющиеся, неверующие, но исполняющие неосновные обряды ислама под влиянием близких, атеисты. Автор, обосновывая

---

[6] Там же, стр. 133.

[7] Там же, стр. 137.

[8] См.: *И. Варга.* Процесс секуляризации среди венгерской молодежи.— «Вопросы научного атеизма», вып. 5, стр. 101—102.

[9] *Ж. Базарбаев.* Характер религиозности сельского населения Каракалпакской АССР и пути ее преодоления. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Ташкент, 1973, стр. 9—16.

свою типологию, пишет, что она «построена на конкретных аспектах проявления религиозного сознания и религиозного поведения: глубина и прочность религиозных убеждений, отношение к религиозному учению, к различным обрядам и праздникам» [10].

Из определения и перечисления групп видно, что Ж. Базарбаев не выделил в особые группы фанатически верующих и убежденных атеистов (хотя убежденно верующие выделены). Его типология (судя по автореферату) недостаточно отражает и характер отношений групп к мировоззрению и практической стороне научного атеизма. Поэтому, полагаю, данная типология, несмотря на многочисленность групп, имеет некоторую ограниченность в раскрытии отношения населения к атеизму и религии.

Еще большим количеством групп характеризуется типология, предложенная А. А. Лебедевым в статье «Секуляризация населения социалистического города» [11]: убежденных верующих, распространяющих религиозные взгляды; убежденных верующих; колеблющихся первого порядка; колеблющихся второго порядка; индифферентных атеистов; атеистов, распространяющих атеистические взгляды.

Из дальнейшего рассуждения автора видно, что в свою типологию он включает еще одну группу — «нерелигиозных», «отрицающих веру в бога (сверхестественное) и совершенно не участвующих в религиозной практике или участвующих в ней эпизодически, но без религиозной мотивации». В шкале указанная группа проходит между «колеблющимися второго порядка» и «индифферентными» [12].

Думается, что предложенная шкала не лишена недостатков хотя бы уже потому, что третья и четвертая, шестая и седьмая группы недостаточно содержат существенных отличительных признаков для разъединения их и образования самостоятельных основных типологических групп. Дополнительная группа по своим признакам почти полностью совпадает с группой «индифферентных».

Со своей стороны считаю более приемлемым и целесообразным деление населения по его отношению к атеизму и религии на три основные группы: неверующих, колеблющихся и верующих. Такая точка зрения совпадает со взглядами Н. П. Алексеева, Т. Г. Гайдуровой, Е. С. Проскошиной и Ю. В. Гагарина. Первый из них в статье «Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (На материалах Орловской области)» делит все опрошенное население на три основные группы, а верующих и неверующих — на активных и пассивных и все три

---

[10] Там же, стр. 9.

[11] См.: *А. А. Лебедев.* Секуляризация населения социалистического города.— Сб. «К обществу, свободному от религии», стр. 135—139.

[12] Там же, стр. 137.

группы — на последовательных и непоследовательных [13]. Однако полностью согласиться с автором трудно, т. к. понятия «активность», «пассивность», «последовательность», «непоследовательность» весьма относительны. В поведении каждого человека проявление этих свойств зависит от влияния целого комплекса непрерывно изменяющихся условий личной жизни и его индивидуальных особенностей, от характера и степени воздействия окружающих лиц.

Т. Г. Гайдурова делит все опрошенное население на типологические группы в зависимости от характера ответа на вопрос «Верите ли вы в бога?» [14]. Автор не идет дальше выделения трех основных групп. Я считаю, что к каждой из них необходимо подходить дифференцированно, в каждой вскрывать и анализировать особые свойства сознания и поведения опрошенных и соответственно определять специфические подгруппы.

Е. С. Прокошина, отмечая колеблющихся как особую группу типологии, по-моему, достаточно убедительно показывает необходимость такого выделения. На основе материалов конкретного исследования она пришла к выводу, что у этой группы населения наблюдаются (в силу традиций и привычек) лишь внешние проявления религиозности: соблюдение обрядов, наличие икон. Учитывая сложный и противоречивый характер процесса отхода от веры в сверхестественное к неверию, Е. С. Прокошина пишет: «Наличие колеблющихся представляет собой закономерное явление; цифровые данные, полученные при обследовании, позволили показать эту закономерность [15].

Ю. В. Гагарин обходится без деления основных типологических групп на подгруппы [16].

В составе неверующих, как мне думается, необходимо различать следующие подгруппы: убежденных атеистов; неверующих, но участвующих в религиозных праздниках и обрядах; индифферентных. Убежденные атеисты — это те, которые негативно относятся к религии и к любым формам ее проявления, не только твердо стоят на позициях диалектико-материалистического мировоззрения, но и отстаивают свои убеждения, доказывают несостоятельность антинаучных взглядов на мир. Они негативно относятся к религиозной практике, позитивно — к проведению безрелигиозных праздников и обрядов и активно участвуют в пропаганде атеистических взглядов.

---

[13] *Н. П. Алексеев.* Методика и результаты изучения религиозности сельского населения.— Сб. «Вопросы научного атеизма», вып. 3, стр. 135.

[14] *Т. Г. Гайдурова.* Зависимость обыденного религиозного сознания верующих от условий их жизни.—Сб. «Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания». М., 1969, стр. 17.

[15] *Е. С. Прокошина.* Из опыта исследования религиозности населения в Белорусской ССР.— Сб. «Конкретные исследования современных религиозных верований». М., 1967, стр. 76.

[16] См.: *Ю. В. Гагарин.* Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление. Сыктывкар. 1971, стр. 13—14, 183.

Неверующие, но участвующие в религиозных праздниках и обрядах — это те, которые негативно относятся к религии, не верят в сверхестественное, в потусторонний мир, способны правильно объяснить явления природы и общества. Они осуществляют атеистическое воспитание детей и позитивно относятся к новым, безрелигиозным праздникам и обрядам. Но иногда в дни наиболее распространенных религиозных праздников и при совершении основных религиозных обрядов под влиянием временных факторов (уговора и примера близких, силы традиций) они совместно с другими принимают участие в их проведении.

А индифферентные—это люди, негативно относящиеся к религии, ее догматам и практике, но еще не осознавшие необходимости борьбы против религиозных пережитков. Их безрелигиозное сознание формируется под влиянием социалистической действительности и на основе общественно-исторической практики. Материалы конкретного исследования свидетельствуют о том, что несмотря на такую специфику сознания, они могут участвовать как в проведении безрелигиозных, так и религиозных праздников и обрядов.

В группу колеблющихся включены те, которые испытывают колебание между верой в бога и неверием. Их сознание и поведение постоянно внутренне противоречивы и при определенных условиях они могут пополнить ряды верующих или неверующих. Состав группы неоднороден и по сознанию, и по отношению к религиозной и атеистической практике. Они не уверены в существовании богов, духов и прочих сверхестественных сил, но и не отрицают их; не убеждены в наличии «чудодейственных» свойств у предметов культа, но иногда совершают поклонения им («на всякий случай», по традиции и т. п.). Колеблющиеся в той или иной мере принимают участие в атеистических мероприятиях и религиозной практике. Материалы конкретного исследования свидетельствуют о том, что некоторая часть колеблющихся стоит по ряду признаков ближе к неверующим, другая— ближе к верующим, а третья — примерно в равной степени относится позитивно и негативно к атеизму и религии.

Даже такая общая оценка колеблющихся служит достаточным основанием для выделения их в отдельную типологическую группу, и прежде всего методологически. Известно, что в философии были и имеются два основных направления — материализм и идеализм. Но история философии свидетельствует и о существовании третьего, хотя не основного, но самостоятельного направления — дуализма. В решении основного философского вопроса в той или иной степени он связан и с материализмом, и с идеализмом, признает равноправное существование материальной и духовной субстанций. Некоторая аналогия наблюдается и в сознании колеблющихся. Их мировоззренческая позиция основывается и на научно-материалистическом, и на религиозно-идеалистическом миропонимании.

Резкой и четкой границы между сознанием и поведением неверующих в бога и прочее сверхестественное и верующих нет. Процессы отражения действительности в головах людей и формирования их духовной жизни — явления сложные и противоречивые. Формирование научного мировоззрения или переход от религиозно-идеалистического к материалистическому миропониманию совершается не мгновенно, а в процессе длительного воздействия на сознание человека целого комплекса объективных и субъективных (нередко и противоречивых) факторов и явлений общественной жизни.

Кроме этих методологических соображений, необходимость выделения колеблющихся в самостоятельную группу диктуется и политическими интересами объективного отражения действительности. Включение их в группу верующих извращает действительный уровень религиозности населения социалистической страны и дает буржуазным идеологам и апологетам религии дополнительный материал для новой фальсификации теории и практики атеистического движения в СССР. Искусственное завышение уровня религиозности населения несомненно оказывает определенные моральные воздействия и на верующих, и на атеистов.

В третью группу предлагаемой типологии вошли верующие, т. е. те, кто в той или иной степени позитивно относится к религии, признает наличие сверхестественных сил (богов, духов), загробного мира и бессмертия души и негативен к атеизму. В такой же мере они принимают участие в религиозной практике по религиозным мотивам (некоторая часть — по традиции, привычке) и связывают с богом осуществление целей, стоящих перед человеком. Их основная масса посещает богослужения, молится (дома или в молитвенном здании), имеет дома иконы, участвует в религиозных праздниках и обрядах. Незначительная часть этой группы соблюдает посты, осуществляет религиозное воспитание детей, читает (слушает) религиозную литературу. Большинство негативно относится к атеизму, к атеистическим мероприятиям. В их сознании и поведении, следовательно, доминируют существенные элементы религиозности, нередко эти люди участвуют в воспроизводстве религии. У некоторой части современных верующих религиозное сознание и поведение непоследовательны в своем проявлении (Об этом свидетельствуют материалы конкретного исследования).

Среди верующих имеются фанатики (их число незначительно), убежденно верующие (сравнительно многочисленная подгруппа), традиционно верующие и участвующие в религиозной практике (их число также значительно) и те, сознание и поведение которых содержит противоречия и непоследовательность к религиозному учению и практике (их число незначительно). Так как в вопросниках, использованных при анкетировании, шкала типологических групп не содержала эти подгруппы, группа

верующих будет рассматриваться в целом согласно характеристике, присущей указанным подгруппам.

Предлагаемую типологию считаю как один из вариантов условного деления населения по его отношению к атеизму и религии. Если же говорить о делении основных типологических групп на подгруппы, то число последних может быть две, три и больше (в зависимости от критериев деления и аспектов исследования).

* * *

Не претендуя на всесторонний анализ и исчерпывающее изложение всех материалов конкретного исследования, здесь предпринята попытка показать состав и признаки названных выше групп, степень их социальной активности, уровень культуры и различные аспекты отношения к атеизму и религии, осветить условия и факторы, сдерживающие процесс секуляризации населения.

Сводные данные исследования читатель найдет в табл. 1.

Для удобства анализа и освещения количественных и качественных характеристик групп они рассмотрены в той же последовательности, в какой представлены в таблице. Как видно, группа неверующих составляет подавляющее большинство опрошенного взрослого населения. Если учесть молодежь, среди которой верующие в бога — редкое явление, то можно заключить, что уровень безрелигиозности всего населения еще выше.

В этой группе многочисленной и наиболее последовательной по отношению к религии является подгруппа убежденных атеистов. В Аликовском районе (в селениях, где проводилось анкетирование) такая подгруппа составила 18,97% от числа неверующих, в Красноармейском районе (в селениях, где проводилось анкетирование) — 25,94%, в Канаше — 23,16%, в Шумерле — 31,79%.

В количественном отношении каждый обследованный пункт насчитывает достаточное количество убежденных атеистов для осуществления систематической воспитательной работы среди населения и проведения индивидуального воспитания верующих. Организаторам атеистической работы на местах для более успешной борьбы против религиозных предрассудков необходимо учитывать эту количественную сторону, целенаправленно и правильно использовать кадры убежденных атеистов.

Определенный интерес представляет и соотношение в указанной подгруппе численности мужчин и женщин. По нашим данным их количество, примерно, одинаково. Например, в Канаше из 443 убежденных атеистов мужчин насчитывалось 213, женщин — 230, в Шумерле из 640 чел.— соответственно 333 и 307, в Аликовском районе из 297 чел.— соответственно 155 и 142, в Красноармейском из 364 чел.— соответственно 193 и 171. Тем самым выясняется возможность более широкого участия атеисток

Таблица 1

География исследования / Группы населения	Города				Районы				Всего	
	Канаш		Шумерля		Аликовский		Красноармейский			
	абсол. число	в % к числу опрошен.	абсол. число	в % к числу опрошен.	абсол. число	в % к числу опрошен.	абсол. число	в % к числу опрошен.	абсол. число	в % к числу опрошен.
Опрошено	1912	100	2013	100	1566	100	1403	100	6894	100
Из них:										
неверующие	1410	73,74	1527	76,18	1079	68,90	1096	78,11	5112	74,15
колеблющиеся	118	6,17	133	6,60	132	8,42	133	9,47	516	7,48
верующие в бога	380	19,87	314	15,59	330	21,07	147	10,47	1171	16,98
неверно заполнили анкеты	4	0,20	15	0,74	10	0,63	7	0,49	36	0,52
не дали ответа	—	—	24	1,19	15	0,95	20	1,42	59	0,85

в воспитательной работе среди религиозных женщин. В массовой и индивидуальной работе с верующей неверующая женщина быстрее чем мужчина, найдет общий язык, взаимопонимание и установит доверительное отношение. Интересы тружениц, домашних хозяек, матерей-воспитательниц, вопросы семейно-бытовых отношений, труда, отдыха и гигиены женщин, определенная общность их психологии могут стать исходным пунктом и основой установления и поддержания доверительных связей между ними.

В атеистической литературе внимание читателей обычно акцентируется на то, что среди верующих преобладают женщины. Это повсеместное явление характерно и для верующих Чувашской АССР. Но почему-то социологи не анализируют тот факт, что и среди убежденных атеистов немало женщин. Не этим ли объясняется пассивное привлечение атеисток к работе среди верующих женщин. Зная социально-демографические характеристики последних, круг их интересов и запросов, нетрудно будет определить средства, методы и формы атеистической работы с ними.

Возрастная структура этой подгруппы характеризуется тем, что убежденные атеисты в возрасте 18—29 лет составляли в Канаше 28,65%, в Шумерле — 29,20%, в Аликовском районе — 28,95%, в Красноармейском районе — 26,36%; в возрасте 30—50 лет в Канаше — 52,36%, в Шумерле — 51,87%, в Аликовском районе — 55,20%, в Красноармейском — 54,82%. Таким образом, основная масса атеистов имеет возраст наибольшей социальной активности для участия в атеистической работе. Эти возрастные группы среди опрошенных убежденных атеистов составили в Канаше 81,01%, в Шумерле — 81,07%, в Аликовском районе — 84,15%, в Красноармейском районе — 81,18%. В возрастной структуре подгруппы убежденных атеистов преобладают лица молодого возраста. Доля лиц в 51—60 лет и старше колеблется в пределах 16—19%. Особенности данной подгруппы надо учитывать при организации и проведении атеистического воспитания населения. Они содержат возможность использования атеистов в работе с религиозными любого возраста.

Данные об уровне образования лиц этой подгруппы читатель найдет в табл. 2.

Приведенные цифры свидетелыствуют о том, что значительная часть (от 20 до 35%) убежденных атеистов имеет высшее и незаконченное высшее образование, от 41,74 до 57,78% — среднее. Отсюда видно, что лица с указанными уровнями образования среди убежденных атеистов составляют большинство (от 69,90 до 86,08%). Для организации и проведения атеистической работы среди верующих это обстоятелыство имеет немаловажное значение. Убежденные атеисты не только располагают достаточным уровнем общеобразовательной подготовки, необходимой для овладевания знаниями по научному атеизму, но и способны правиль-

Таблица 2

Уровень образования верующих и убежденных атеистов

Имеют образование	Канаш		Шумерля		Аликовский район		Красноармейский район	
	атеисты	верующие	атеисты	верующие	атеисты	верующие	атеисты	верующие
Всего в группе (чел.)	443	380	640	314	297	330	364	147
Из них имеют (в %%)								
— высшее и незаконченное высшее	20,08	0,26	35,01	0,94	29,99	0	26,64	2,04
— среднее (общее, специальное, незаконченное)	57,78	11,30	51,09	10,17	41,74	3,93	43,26	8,16
— 7—8-летнее	13,31	18,94	9,22	10,51	19,86	16,36	17,58	13,60
— начальное, малограмотные и неграмотные	8,79	69,57	5,17	78,37	5,40	78,47	12,35	76,19

но воспринимать происходящее явление в природе и обществе и объяснять их верующим. Лишь незначительное число (от 5,17 до 12,35%) имеет начальное образование, или малограмотно, или неграмотно. Все это свидетельствует о том, что уровень образования убежденных атеистов городов и сел значительно выше уровня образования верующих.

Данные исследования подтверждает также обоснованность выводов социологов о том, что убежденные атеисты проявляют высокую трудовую и общественную активность. По нашим материалам из общего числа (1744 чел.) опрошенных убежденных атеистов 1621 чел., т. е. 81,74%, занят в общественном производстве; рабочие и служащие составили 77,63%, колхозники — 12,55%, студенты и учащиеся (профтехучилищ, ФЗО) — 2,29%. Почти 93% работающих выполняет и перевыполняет производственную норму, каждый четвертый повышает квалификацию. Из них 15,79% участвовало в рационализаторской и изобретательской работе, 72,90% принимало участие в управлении производством.

Из числа городских атеистов, опрошенных в Канаше и Шумерле (1083 чел.), 229 чел. заявили о том, что общественная работа расширяет их духовные запросы. 210 чел. ответили, что общественные поручения у них развивают чувство коллективизма,

278 чел. получают моральное удовлетворение, 265 атеистам такая работа помогает овладевать навыками руководства, общественными делами. По собранным нами данным подавляющее большинство из них (9 из 10 чел.) действительно активно и сознательно участвует в общественной работе.

Социальная активность лиц этой подгруппы обусловлена рядом причин, среди которых не последнюю роль играет негативное отношение к религии и религиозной практике и сравнительно высокий уровень их культуры. О содержании последнего признака говорят следующие данные. Из общего числа опрошенных убежденных атеистов в указанных городах и районах в 1971 г. в различных учебных заведениях учились 594 чел. (34,05%), читателями библиотек являлись 1198 чел. (68,69%). 1356 чел. (77,75%) имели личную библиотеку. Среди лиц этой подгруппы ежедневно читают газеты 1516 чел. (86,92%) и два-три раза в неделю читают журналы 860 чел. (49,31%), ежедневно слушают радио 1380 чел. (79,12%), смотрят телевизионные передачи 1187 чел. (68,09%). Из них лекциями и беседами по радио и телевидению интересовался 661 чел. (37,90%), в 1970 г. посетили театр 845 чел. (48,45%) и смотрели кино 1352 чел. (77,52%).

Все это говорит о том, что атеисты широко используют все возможности для расширения своего кругозора, повышения культурного уровня и социальной активности.

Для идеологических работников и всех организаторов атеистической работы представляет определенный интерес и отношение лиц этой подгруппы к лекционной пропаганде. По материалам исследования видно, что 1331 убежденный атеист (76,31%) с той или иной частотой посещал лекции по месту работы и жительства. Однако это не должно успокаивать, а, наоборот, насторожить. Во-первых, тем, что каждый четвертый из убежденных атеистов вообще не посещает лекций. Значит, для них существует опасность отставания от достижений современной науки, техники, общественной практики, от возросших требований аудитории и лекционной пропаганды. В результате этого вполне возможно снижение активности и эффективности их атеистических выступлений. Во-вторых, сам факт наличия такого отношения некоторой части убежденных атеистов к проводимым лекциям отрицательно влияет на окружающих, и это, в свою очередь, ослабляет действенность лекционной пропаганды.

Завершая характеристику этой подгруппы опрошенных, отмечу, что бытовые условия убежденных атеистов не имеют существенных различий в сравнении с условиями других подгрупп и групп. Не останавливаясь на характеристике сельских жителей (имеющих свои дома, сады, огороды и т. п.), рассмотрим данные о быте атеистов и религиозных жителей г. Канаша (табл. 3).

Как видно, лишь одна (первая) группа атеистов имеет более лучшие условия быта, а остальные живут примерно в равных условиях или даже уступают верующим. Идентичны показатели

Таблица 3

Жилищные условия и размеры денежных доходов на каждого члена семьи верующих и убежденных атеистов г. Канаша (в %%)

	Жилищные условия		Размеры денежных доходов	
	убежденные атеисты	верующие	убежденные атеисты	верующие
Всего в группе	443	380	443	380
Из них:				
— живут в отдельных изолированных квартирах со всеми удобствами	39,72	20,52		
— в отдельных квартирах	13,31	13,16		
— в 1—2 комнатах общей квартиры	14,21	19,73		
— имеют собственный дом	18,96	37,63		
— в домах с несколькими семьями	5,41	6,31		
— на частной квартире	4,96	1,84		
— живут в общежитии	5,41	1,60 *		
— имеют на члена семьи 20—30 руб.			17,60	39,47
» 31—50 руб.			37,69	38,68
» 51—75 руб.			25,73	13,68
» 76—100 руб.			12,18	1,60
» свыше 100 руб.			3,16	0,52
не дали ответа			3,63	6,00

тех и других групп, живущих в домах с несколькими семьями. Если же сопоставить данные о живущих на частной квартире или в общежитии, то среди них атеистов в несколько раз больше, чем верующих. Следовательно, определенная часть атеистов имеет более худшие жилищные условия, чем верующие этого го-

* Незначительное превышение этими показателями 100% объясняется тем, что часть опрошенных неверно заполнила анкету (указала по два сходных условия).

рода. Конечно, это не исключает возможностей возникновения жилищных трудностей у тех или других групп опрошенных, но сам факт сравнительно равного удовлетворения их потребностей в жилье несомненен.

Переходя к анализу ежемесячных денежных доходов в расчете на каждого члена семьи, отметим различие в показателях у верующих и убежденных атеистов (см. табл. 3). Имеющееся различие в уровнях доходов обусловлено тем, что среди атеистов занята в общественном производстве их основная масса (88,03%), а среди верующих — лишь не многим более половины (54,21%), остальные живут за счет пенсии и других непроизводственных источников (иждивение, заработки от промыслов, сады, огороды и пр.). В городе 17,60% атеистов имели сады, 14,22% — огороды, 20,54% — участки в коллективном саду. Эти же показатели среди верующих выражаются соответственно 19,21%; 33,94%; 7,89%. Среди верующих почти в три раза меньше (в процентном отношении) пользующихся участками в коллективном саду, что объясняется, по-моему, пожилым возрастом людей, с состоянием их здоровья, оторванностью от производственных коллективов, через которые, обычно, получают право на участок.

Для сравнения наличия предметов культурно-бытового назначения в семьях атеистов и верующих используем данные по Канашу и селу Раскильдино Аликовского района, в которых есть действующие церкви (см. табл. 4).

Таблица 4

	Канаш		Раскильдино	
	Число имеющих в % %		Число имеющих в % %	
	Убежд. атеисты	Верующие	Убежд. атеисты	Верующие
Репродуктор, радиоприемник	86,68	82,10	76,40	85,43
Телевизор	81,03	61,84	30,33	17,47
Швейная машина	68,39	67,36	43,82	48,54
Стиральная машина	60,04	37,36	22,47	8,73
Холодильник	42,66	15,26	4,49	0,97
Патефон, магнитофон	11,73	5,26	16,85	5,82
Кино- и фотоаппараты	18,73	4,73	17,97	4,85
Музыкальные инструменты	21,67	8,68	20,22	6,89
Велосипед, мотоцикл	34,98	17,36	62,92	34,95

Как показывают приведенные цифры, несмотря на близость показателей как атеистов, так и верующих по наличию отдельных предметов (репродукторов, радиоприемников, швейных машин), есть существенные различия в пользовании ими предметами быта (телевизорами, стиральными машинами, холодильниками, кино- и фотоаппаратами и др.). Эти различия обусловлены не только низким уровнем расходов у верующих, но и ограниченностью их культурных запросов и низким уровнем образования. В процентном отношении число сельских жителей, имеющих в пользовании велосипед или мотоцикл, почти в два раза больше, чем городских, эта особенность характерна и для атеистов и для верующих. Очевидно, здесь сказываются постоянные возможности горожан в использовании общественного транспорта.

Определенный практический интерес представляет социологическое исследование подгруппы неверующих, но отмечающих религиозные праздники и обряды. Их общая численность сравнительно невелика. В Канаше они составили 180 чел. (9,41% опрошенных), в Шумерле — 179 чел. (8,89%), в Аликовском районе — 222 чел. (14,24%) и в Красноармейском районе — 236 чел. (16,82%). Из них городские отмечают религиозные праздники и участвуют в церковных обрядах значительно меньше, чем сельские. Видимо, различие обусловлено тем, что в городах шире внедряются безрелигиозные обряды и праздники, имеется больше возможностей для культурного отдыха в праздничные дни, выше уровень бытового обслуживания и как следствие этого — иная структура и продолжительность свободного времени расходуемого на удовлетворение культурных потребностей. Отметим также, что традиции прошлого (в том числе и религиозные) более живучи в сельской местности.

Выявилось, что эта подгруппа участвует в религиозных обрядах в два-три раза меньше (особенно в городах), чем в церковных праздниках. Так, например, в Канаше из общего числа опрошенных отмечающие церковные праздники составили 7,58%, а участвующие в религиозных обрядах — лишь 1,83%, в Шумерле — соответственно 6,60% и 2,28%.

Материалы исследования свидетельствуют о том, что среди неверующих, но отмечающих религиозные праздники, женщины составляют 58,52%, а среди участвующих в обрядах — 54,52%. Следовательно, в составе этой подгруппы женщины имеют лишь незначительное большинство. Поэтому разъяснение о происхождении, сущности и вреде религиозных праздников и обрядов необходимо вести среди всех взрослых жителей.

Если же присматриваться к возрастной структуре подгрупп, то в основном они являются людьми в возрасте 30—60 лет. Среди неверующих, но отмечающих религиозные праздники, они составили 73,15% и среди участвующих в обрядах — 63,98%, в возрасте 18—29 лет — соответственно 17,72% и 18,64%. Остальную часть составляют люди в возрасте старше 60 лет.

Полагаю, что в той или иной мере неверующие этой группы всех возрастов (речь идет о взрослом населении) могут быть участниками в проведении разных религиозных праздников и обрядов, тем самым они объективно тормозят процесс секуляризации населения, негативно влияют на атеистическое воспитание молодежи. Их непоследовательность в вопросах религии и атеизма может повлиять на некоторую часть подрастающего поколения и вызвать у него такое нежелательное для коммунистического воспитания явление — допустимость и возможность компромисса с пережитками прошлого.

Во-вторых, участвуя в мероприятиях религиозного содержания, эти неверующие поддерживают устаревшие традиции. А между тем традиция — одна из важнейших причин существования религиозных предрассудков. Тем самым эти лица объективно способствуют сохранению каналов воспроизводства религиозных предрассудков и традиций, морально воздействуют на остальную часть неверующих людей.

В-третьих, как участники религиозных праздников и обрядов, они вопреки своему миропониманию усиливают средства и возможности материальной поддержки для содержания служителей культа и актива религиозных общин, затрудняют процесс освобождения сознания и поведения людей от религиозных пережитков, осложняют решение вопросов коммунистического воспитания.

Вызывает сожаление тот факт, что среди неверующих, так непоследовательно относящихся к религии и атеизму, есть лица с высшим и средним образованием. В общем числе опрошенных неверующих, но участвующих в религиозных праздниках и обрядах, 33 чел. (4,04%) имели высшее и незаконченное высшее образование, 223 чел. (27,29%) были со средним (общим, специальным и незаконченным) образованием. Следовательно, почти одна треть этой категории опрошенных—люди с высшим и средним образованием.

Подобную непоследовательность можно было бы допустить по отношению к остальной части опрошенных, имеющих сравнительно низкое образование, хотя уже лица, окончившие 7—8 классов, имеют определенный запас научных знаний для участия в борьбе против религиозных предрассудков и традиций. Лиц с таким образованием в данной подгруппе насчитывалось 229 чел. (28,02%).

В составе подгруппы лиц с начальным образованием и малограмотных сравнительно много — 323 чел. (39,53%). Полагаю, что их отношение к религиозным праздникам и обрядам в основном зависит от незнания ими сущности и вреда последних, от влияния существующих традиций и мнения окружающих верующих. В данном случае необходим дифференцированный подход как в групповой, так и в индивидуальной атеистической работе с подобными неверующими.

Представляют некоторый интерес и данные об их семейном

положении. Из общего числа опрошенных этой подгруппы (817 чел.) холостых (незамужних) насчитывается 100 чел. (12,24%), женатых (замужних) — 595 чел. (72,82%), вдовых — 79 чел. (9,67%), а остальные — разведенные и матери-одиночки. В этих цифрах должно насторожить то, что в религиозных обрядах принимают участие значительное число холостых (незамужних) и вдовых. Очевидно они участвуют в проведении обрядов под влиянием верующих и в силу традиций, так как они сами не имеют необходимости в крещении своих детей (их нет) или в венчании (холосты или вдовы). Организаторам атеистической работы необходимо добиваться того, чтобы вдовые и холостые (незамужние) не только не участвовали по просьбе верующих в крещении, в венчании и в церковном поминании, а сами вели с ними воспитательную работу и добивались вытеснения религиозных обрядов и праздников безрелигиозными. Разумеется, при этом должна быть им оказана помощь (теоретическая, методическая, организационная) со стороны убежденных атеистов, работников идеологических учреждений.

В составе неверующих, но участвующих в религиозных праздниках и обрядах, насчитывается 290 рабочих (35,39% от общего числа), 266 колхозников (32,55%), 157 служащих (19,21%), остальные — учащаяся молодежь.

В сельских населенных пунктах среди опрошенных аналогичной подгруппы рядовых колхозников насчитывается 153 чел. (33,40%), трактористов, шоферов и комбайнеров — 42 чел. (9,17%), доярок, свинарок, телятниц, птичниц — 20 чел. (4,36%), строителей — 14 чел. (3,05%). Как видно, в общем числе анализируемой подгруппы с проведением религиозных праздников и обрядов в основном связаны рабочие и колхозники, так как представителей этих классов значительно больше, чем представителей других социальных групп. Если же взять только сельских опрошенных, то среди участвующих в религиозных праздниках и обрядах преобладают рядовые колхозники (более одной трети). В них сравнительно мало принимают участие механизаторы и животноводы.

Среди неработающих неверующих в религиозных праздниках и обрядах в основном участвуют пенсионеры. Таковых в данной подгруппе насчитывается 95 чел. (10,62%), а домохозяек — 24 чел. (ок. 3%). Следовательно, в группе неработающих атеистическая работа должна проводиться прежде всего среди пенсионеров и домохозяек, не имеющих связей с производственными коллективами и общественными организациями.

Для правильной организации и проведения атеистической работы с этими неверующими важно знать и мотивы их участия в религиозных обрядах и праздниках. Сводные данные о мотивах участия в религиозных обрядах и праздниках читатель найдет в табл. 5, 6.

Таблица 5

Мотивы участия неверующих в проведении религиозных праздников

	Города		Районы		Всего
	Канаш	Шумерля	Аликовский	Красноармейский	
Абсолютное число	145	133	155	148	581
Мотивы:					
— по традиции	85	77	70	85	317
— по настоянию родственников	12	3	8	4	27
— привлекает торжественность	2	15	—	4	21
— из любопытства	11	11	8	12	42
— на всякий случай	7	8	1	5	21
— считает необходимым	3	1	5	—	9
— затрудняется ответить	25	18	63	38	144

Таблица 6

Мотивы участия неверующих в проведении религиозных обрядов

	Города		Районы		Всего
	Канаш	Шумерля	Аликовский	Красноармейский	
Абсолютное число:	35	46	67	88	236
Мотивы:					
— по традиции	17	21	27	52	117
— по настоянию родственников	2	5	4	3	14
— привлекает торжественность	—	4	—	—	4
— из любопытства	1	3	4	5	13
— на всякий случай	2	1	6	5	14
— считает необходимым	—	—	1	—	1
— затрудняется ответить	4	6	8	11	29

Из общего числа неверующих, но участвующих в праздниках, (таковых всего 581 чел.) 317 чел. (54,56%) сослались на тради-

ции. По количественному показателю данная причина преобладает над всеми другими вместе взятыми. Для преодоления этой причины, видимо, следует систематически разъяснять указанной группе неверующих не только происхождение и сущность этих праздников, но и нежелательность связанных с ними традиций. На конкретных местных примерах надо раскрывать тот вред, который наносят религиозные празднества нашему социальному развитию, культуре и воспитанию подрастающего поколения. С другой стороны, надо всемерно содействовать внедрению в быт советских людей новых, безрелигиозных праздников и традиций. При этом не следует ограничиваться лишь пропагандой новых праздников и обрядов, а необходимо постоянно поддерживать контакт с общественными организациями в решении практических задач по проведению безрелигиозных праздников (подготовка соответствующих кадров, материальное обеспечение мероприятий, обогащение и пропаганда опыта их внедрения и др.). Изучив методы и средства, формы, используемые служителями культа для поддерживания религиозных празднований и традиций, противопоставить им свои методы и формы. За годы Советской власти у нас родилось и закрепилось немало безрелигиозных праздников (историко-революционных, юбилейных и пр.). В проведении их важную роль играют богатое содержание, торжественность, разнообразие форм (литературное, музыкальное и пр. оформление). Не случайно часть неверующих призналась, что в иных религиозных праздниках они участвуют из-за их торжественности и любопытства. Эти мотивы указали 63 чел. (10,84%). Таким образом, каждый десятый из опрошенных принимает участие в религиозных праздниках под влиянием внешних форм или тех или иных элементов их ритуала.

Настораживают и другие данные. Почти каждый двадцатый взрослый человек, считающий себя неверующим, отмечает религиозные праздники под влиянием родственников. Думаю, что это обусловлено недостаточной степенью идейной убежденности и миропонимания, а также отсутствием отрицательного отношения к этим праздникам. Здесь отражаются соотношение и степень воздействия на сознание данного неверующего, с одной стороны, атеистов и, с другой стороны,— верующих. Нельзя не учитывать при этом влияние микроклимата семьи, коллектива по месту жительства и работы. Обращает на себя внимание и то, что незначительная часть (единицы опрошеных), идя вразрез своему безрелигиозному в целом сознанию, считает свое участие в религиозных праздниках необходимым. В таких случаях, как полагаю, сказывается незрелость и непоследовательность взглядов в отношении этих опрошенных к религиозным праздникам. Они не нуждаются в воздействии на сознание со стороны верующих, так как сами, без влияния извне, принимают участие в этих праздниках. Чтобы помочь им освободиться от этих заблуждений, необходимо

воздействие убежденных атеистов, производственного коллектива, организаторов антирелигиозной работы.

Почти каждый четвертый (24,78%) из числа этих опрошенных затруднялся указать мотивы своего участия в религиозных праздниках, что также вызывает тревогу. Можно лишь предполагать, что такая неопределенность вызвана наличием нескольких равнодействующих причин или нежеланием указать какую-то одну, наиболее действенную. Данное обстоятельство обязывает всесторонне анализировать мотивы участия каждого конкретного неверующего в религиозных праздниках и оказать ему соответствующую помощь в освобождении от этой непоследовательности сознания и поведения.

По материалам исследования, из общего числа неверующих, но участвующих в религиозных праздниках, 31 чел. (5,33%) сам является организатором проведения безрелигиозных праздников и обрядов, 363 чел. (62,47%) участвуют в их проведении, 30 чел. (5,16%) пропагандируют среди населения необходимость их внедрения. 102 чел. (17,55%) в таких мероприятиях не участвуют и 7 чел. (1,20%) их не одобряют, отрицательно относятся к ним. Среди неверующих, но участвующих в религиозных обрядах, таковых оказалось соответственно — 15 чел. (6,35%), 100 чел. (42,28%), 11 чел. (4,66%), 37 чел. (15,67%) и 1 чел. (0,42%). Следовательно, 560 чел. (67,31%) подгруппы или почти семь человек из десяти принимают участие во внедрении безрелигиозных праздников и обрядов.

Поэтому в равной мере их можно назвать и неверующими, и отмечающими религиозные и безрелигиозные праздники. Такое отношение данной подгруппы говорит о том, что в их сознании сосуществуют два противоположных представления об этой стороне быта. Полагаю, что подобное явление содержит в себе опасность перехода людей этой категории с позиций неверующих на позиции колеблющихся между верой в бога и неверием и даже в ряды верующих. Эта опасность будет возрастать по мере ослабления атеистического воздействия на их сознание и усиления влияния со стороны верующих.

Противоречивые свойства и непоследовательность сознания и поведения характерны и для тех, кто не верит в бога, но участвует в религиозных обрядах.

Как видно, большинство указывает на традиции как на мотив своего участия в религиозных обрядах. Почти каждый второй (49,67%) вопреки своему безрелигиозному сознанию участвует в церковных обрядах. Эти неверующие во время совершения крещения, венчания, очного отпевания, исповеди и прочих таинств испытывают религиозное воздействие на свои чувства и разум. Вполне понятно, что при систематическом участии в обрядовой деятельности служителей культа и влиянии соответствующей обстановки на их сознание постепенно в психологии и идеологии могут произойти качественные изменения в сторону сближения

с религией. Подобные превращения возможны и потому, что 45 чел. подгруппы (19,49%) указали мотивы, не связанные с традицией. Около 6% объяснили свое участие в религиозных обрядах по настоянию родственников, столько же — по принципу «на всякий случай» (!), почти столько же (5,5%) — любопытством и 1,69% — их торжественностью.

Перечисленные мотивы говорят о том, что более глубокому религиозному воздействию подвергаются прежде всего чувства людей, участвующих в обрядах. Очевидно, это психологическое воздействие на сознание данной категории людей необходимо вытеснять торжественностью, глубокой эмоциональностью и богатством содержания советских безрелигиозных обрядов. Такая возможность является вполне реальной. Из общего числа опрошенных (236 чел.) в безрелигиозных праздниках и обрядах в той или иной форме участвуют 126 чел. (53,39%), то есть более половины.

В данной подгруппе преобладают рабочие со стажем 10 и более лет. Тем самым напрашивается практический вывод: в борьбе за вытеснение религиозных праздников и обрядов из быта опрошенных важную роль призваны сыграть производственные коллективы. Именно они, как основные воспитатели каждого работника производства в духе требований коммунистической морали и идеологии, должны решать и задачи атеистического воспитания. Полагаю, что коллективы могут успешно их решить, так как эти неверующие в своем большинстве проявляют определенную производственную активность. Материалы нашего исследования показывают, что из их числа 419 чел. (51,28%) выполняют и перевыполняют нормы выработки, участвуют в той или иной форме в общественном управлении производством 222 чел. (27,17%) и повышали в 1970 г. свою квалификацию 70 чел. (8,56%). Следует учесть и то, что из числа подгруппы 310 чел. (37,94%) являются ударниками (членами коллектива) коммунистического труда или борются за это звание. Ясно, что на этих неверующих коллектив может оказать идейное воздействие по многим каналам, используя разнообразные средства и формы воспитания.

О реальной возможности вытеснения из быта этой подгруппы опрошенных всех религиозных праздников и обрядов говорят данные об оценке ими самими роли религии в жизни людей. Из общего числа этих неверующих 153 чел. (18,72%) считают религию вредной, 263 чел. (32,19%) — не приносящей ни вреда, ни пользы и 283 чел. (34,63%) не имеют по данному вопросу четкого представления. Так что почти каждый пятый из подгруппы считает религию вредной в жизни людей. А их мнения о будущем религии разделились следующим образом: 212 чел. (25,94%) считают, что она отомрет, 424 чел. (51,90%) не имеет четкого представления по данному вопросу и 53 чел. (6,48%) полагают, что она сохранится. Определенная часть этих опрошенных правиль-

но понимает будущее религии и без каких-либо оговорок считает, что она отомрет. Их позиция последовательна. Ответы других настораживают: значительная часть опрошенных по рассматриваемым вопросам не имеет четкого представления и затрудняется ответить на них. Есть и такие, которые считают, что религия сохранится.

Подобные взгляды на религию, на ее будущее говорят об отсутствии у некоторых неверующих убежденности в истинности безрелигиозного сознания, о непоследовательности его проявления и о недостаточности уровня естественно-научных и атеистических знаний.

Думается, что факторами дальнейшего развития безрелигиозного сознания этих групп опрошенных могут служить их участие в атеистических мероприятиях, проводимых по месту жительства и работы. По собранным данным, из лиц указанной подгруппы в 1970 г. 251 чел. (30,72%) слушал атеистические передачи по радио, 138 чел. (16,89%) — по телевидению; 82 чел. (10,03%) смотрели фильмы и спектакли в учреждениях культуры; 76 чел. (9,30%) участвовали на различных антирелигиозных вечерах, 76 чел. (9,30%) — на лекциях и беседах по этой тематике; 60 чел. (7,34%) читали или слушали книги и статьи атеистического содержания, а 7 чел. (0,85%) посетили музей и выставки по данной тематике.

Как видно, эти неверующие принимают участие в различных атеистических мероприятиях. Но все-таки по ним можно судить, что в антирелигиозной работе некоторые формы и средства атеистического воспитания (вечера, использование литературы, фильмов и спектаклей, посещение музеев) крайне мало применяются. Тем самым организаторы их обедняют возможности активного идейного воздействия на население.

Если взять лекции, то среди лиц этой категории наибольший интерес проявлялся к темам о международной жизни, к общественно-политическим и медицинским вопросам. Лекции по естественно-научной и атеистической тематике посещали из числа неверующих, но отмечающих религиозные праздники, 42 чел. (7,24%) и 17 чел. (7,2%) из числа участвующих в обрядах. Еще меньше интерес проявляли они к лекциям по военно-патриотическим, экономическим и научно-техническим темам.

В то же время нас должно насторожить то, что в этой категории опрошенных три из каждых четырех не посещают лекции. Следовательно, значительная часть их систематически не испытывает идейного воздействия лекторов. Тем самым организаторы атеистической работы ограничивают свои возможности эффективного использования устной пропаганды в борьбе против религиозных предрассудков. Анализ причин непосещения лекций опрошенными показывает, что во многом они обусловлены недостатками в организации атеистической работы. Из общего числа подгруппы 246 чел. (30,01%) указали такие причины, как:

«Никто не приглашал» и «Такие мероприятия по месту жительства и работы не проводились». На отсутствие времени сослались 127 чел. (15,55%).

Не останавливаясь на жилищно-бытовых условиях опрошенных этой подгруппы (они в основном аналогичны с условиями других подгрупп), рассмотрим наличие в их домах икон и отношение данных неверующих к этим предметам культа.

Из числа подгруппы в доме имеют по одной-две иконы 400 чел. (48,98%), по три-четыре—18 чел. (2,08%) и только трое (0,36%) — пять и более икон. Держит их по традиции 228 чел. (54,28%) по воле родителей — 72 чел. (17,14%), на всякий случай — 13 чел. (3,08%). Из тех, кто имеет иконы, не верит в их силу 55 чел. (5,85%), не знают названий имеющихся икон — 96 чел. (12,39%) и знают названия — 30 чел. (3,60%).

По данной подгруппе в целом можно сделать следующие выводы. Неверующих, но участвующих в религиозных обрядах, насчитывается в четыре раза меньше, чем неверующих, но отмечающих религиозные праздники. В обеих категориях неверующих женщины несколько преобладают. В основном это люди в возрасте 30—60 лет (6—7 чел. из каждой десяти). По уровню образования эти категории неверующих существенных различий не имеют. Из каждой десяти опрошенных 6—7 чел.— рабочие и колхозники. В сельской местности преобладают рядовые колхозники. Неверующие этой подгруппы имеют высокие показатели по трудовой и социальной активности. Религиозные праздники и обряды совершают в основном по традиции (каждый второй). В то же время проявляют определенную активность и в проведении безрелигиозных праздников и обрядов.

Эти и другие характеристики свидетельствуют о том, что указанная подгруппа неверующих, несмотря на некоторую противоречивость и непоследовательность их сознания и поведения, имеет потенциальные возможности для полного отрыва от религиозных пережитков и приобщения к активной атеистической работе.

* * *

Значительный интерес для теории и практики научного атеизма представляет подгруппа индифферентных (неверующих, но и не ведущих атеистическую работу, безразличных к религии и атеизму). Учитывая сложность и важное практическое значение этого социального явления в атеистическом воспитании населения, подробнее рассмотрим характеристику данной подгруппы. По существу они безразличны к борьбе, происходящей между наукой и религией, к решению задач атеистического воспитания населения. В определении индифферентизма можно согласиться с мнением исследователя религиозности населения Чувашии Г. Е. Кудряшова. В статье «Практике атеистического воспита-

ния — научно обоснованные материалы» он пишет: «Индифферентизм — это специфическая форма отношения человека к атеизму и религии. Незрелость научно-атеистического мировоззрения, некритическое, безразличное, порой примиренческое отношение к религии, особенно к суевериям и предрассудкам, равнодушие к научному атеизму и атеистической пропаганде — характерные признаки проявления индифферентизма человека» [17].

Глубокий анализ и всестороннее освещение характерных черт индифферентизма содержится в исследовании Н. П. Андрианова «Эволюция религиозного сознания». Его оригинальный научный подход к объекту исследования и правильные выводы имеют немаловажное значение в атеистическом воспитании населения.

Анализируя специфические черты индифферентизма, как социального явления, он пишет: «При более глубоком проникновении в суть данного явления оказывается, что такое безразличие имеет место, скорее, в субъективной самооценке, т. е. на словах». Когда же возникает такая ситуация, в которой возможно решение «или-или», такое безразличие исчезает, уступая место ответам либо в пользу одного, либо другого мировоззрения... Не случайно поэтому мировоззренческий индифферентизм всегда был и остается постоянной мишенью, на которое нацелено острие идеологической борьбы. Диалектика и логика идейной борьбы таковы, что они не оставляют места для равнодушных. Поэтому индифферентизм является объектом критики «справа» и «слева», представляя собой арену противоборствующих идейных сил» [18].

Данная подгруппа опрошенных неверующих, проявляя мировоззренческий индифферентизм, весьма противоречива в своих практических действиях. Как показали материалы конкретного исследования, эти неверующие иногда проявляют беспринципность в решении практических задач атеистического характера. Анализируя эту сторону свойств индифферентизма, Н. П. Андрианов верно отметил двойственную природу сознания и поведения индифферентных людей и наличие двух возможных аспектов эволюции их мировоззрения. В указанном исследовании он пишет: «Индифферентность к религии потенциально содержит в себе предпосылку приближения личности к атеизму, а равнодушие к атеизму чревато обращением к вере в бога, если рассматривать подобные состояния с точки зрения динамики изменения мировоззрения человека. Многие специалисты, анализируя мировоззренческий индифферентизм, в качестве точки отсчета берут религию, т. е. движение только в направлении перехода от веры к неверию и атеизму. Но правомерно также в качестве рубикона брать атеизм, от которого возможен отсчет обратного порядка» [19].

---

[17] *Г. Е. Кудряшов.* Указ. соч., стр. 45.

[18] *Н. П. Андрианов.* Эволюция религиозного сознания. Л., 1974, стр. 157.

[19] Там же, стр. 161—162.

Согласившись в основном с мнением Н. П. Андрианова по данному вопросу, отмечу лишь то, что точнее было бы указание возможного движения индифферентных неверующих к колеблющимся между верой в бога и неверием, а затем — к верующим. Несомненно то, что в зависимости от характера и направленности воздействия на них различных субъективных факторов они могут стать резервом или убежденных атеистов, или верующих. В нашем исследовании люди этой подгруппы суммарно составили 36,99% от общего числа опрошенных. Следовательно, 37 чел. из каждой сотни опрошенных индифферентны к делам и заботам атеистов. Сравнительно высокий уровень индифферентности характерен как для сельских, так и для городских опрошенных неверующих. От общего числа опрошенных в Канаше они составили 41,15%, в Шумерле — 35,11%, в Аликовском районе — 35,75%, в Красноармейском районе — 35,34%. Количество мужчин и женщин в их составе как в городе, так и в селениях указанных районов значительных расхождений не имеет. Так, например, в Канаше насчитывалось 379 мужчин и 408 женщин, в Шумерле — соответственно 342 и 356 чел., в Аликовском районе — 261 и 299 чел., в Красноармейском районе — 218 и 288 чел. Число женщин несколько преобладает, причем в сельской местности их больше, чем в городах. Такое соотношение можно объяснить по двум причинам: женщины, особенно в сельской местности, меньше приобщены к общественным делам, сравнительно меньше испытывают атеистическое воздействие общественных организаций. Вследствие этого у них отсутствует, или проявляется ограниченность интересов к процессам духовного обогащения советских людей. Кроме того, они в силу большей занятости домашними делами (в сельской местности — особенно), а также специфики их психологии могут под влиянием возникающих затруднений и тяжелых испытаний в личной жизни быстрее, чем мужчины, перейти от безразличия к религии и атеизму к колебаниям между ними и даже стать верующими в бога. Подобный переход может быть ускорен при отсутствии необходимой и своевременной поддержки со стороны атеистов, а также при усилении воздействия на этих женщин со стороны религиозных людей.

Индифферентность к религии и атеизму имеется у лиц различных возрастов. Из общего числа опрошенных индифферентных (2550 чел.) лица в возрасте 18—29 лет составили 27,1%; 30—50 лет — 53,7%; старше 50 лет — 18,7%.

Приведенные данные обращают на себя внимание прежде всего тем, что большинство состава этой подгруппы — люди, родившиеся и воспитывавшиеся в годы строительства социализма. Они составили более 80% опрошенных индифферентных. В эти годы, как правило, люди проявляют наибольшую социальную активность. Полагаю, что вскрыть причины индифферентности к атеизму и религии поможет анализ данных, характеризующих различные стороны их жизнедеятельности. Определенный интерес

представляют данные об уровне их образования (см. табл. 7).

Таблица 7

Уровень образования индифферентных

Уровень образования	Кол-во опрошенных	В %% к общему числу индифферентных
— высшее и незаконченное высшее	228	ок. 9
— среднее (общее, специальное и незаконченное)	1203	47,1
— 7—8-летнее	573	22,4
— начальное, малограмотные, неграмотные	505	19,8

Образовательный уровень большинства неверующих этой категории (78,5%) достаточно высок для активного участия в борьбе против религиозных предрассудков и для преодоления индифферентизма. Лишь у незначительной части (у двух из десяти) низкий образовательный уровень может быть причиной индифферентизма.

Небезынтересно сопоставить показатели уровня культуры опрошенных этой подгруппы. Например, в Канаше и Шумерле, насчитывающих в общей сложности (из числа опрошенных) около 1000 неверующих индифферентных, в 1971 г. заняты были различными видами учебы (в основном в вечерних учебных заведениях) — 298 чел. (19,9%). Лица этой подгруппы проявляют сравнительно меньшую активность в повышении своего образовательного уровня, чем убежденные атеисты (у последних таковые составляют 32,22%).

В тех же городах 70,5% неверующих индифферентных являются читателями библиотек или пользуются книгами других читателей. Это свидетельство того, что большинство их путем чтения в какой-то мере повышает свой культурный уровень. Кроме того, интерес к знаниям подтверждается и другими данными: ежедневно слушают радио 1216 чел. (81,1%), смотрят телевизионные передачи 1043 чел. (69,5%), читает газеты 1021 чел. (68,1%) и два-три раза в неделю читают журналы 403 чел. (26,8%). Из числа данной подгруппы не читают газет 52 чел. (3,5%), журналов — 111 чел. (7,4%). В то же время настораживает и другое. Из числа индифферентных в 1970 г. совсем не посещали театры 708 чел. (47,2%) и кинотеатры 256 чел. (17,1%). В некоторой степени это объяснимо наличием у многих опрошенных телевизоров, хотя в определенной степени данное отрицательное явление обусловлено именно их индифферентизмом.

Почти каждый шестой из неверующих и не ведущих атеистическую работу и каждый четвертый из безразличных оторваны от лекционной пропаганды. Причинами тому служат и ограниченные возможности для посещения лекций (условия труда и отдыха, структура свободного времени, ограниченность интересов из-за низкого образовательного уровня некоторой части опрошенных и др.) и недостатки в организации лекционной пропаганды (неудовлетворительный выбор темы, места и времени, а также и лектора для чтения лекций и пр.). В Шумерле и Канаше, например, в 1970 г. из числа индифферентных неверующих 326 чел. (21,7%) указали, что «такие мероприятия не проводились», 209 чел. (около 14%) ответили, что «их никто не приглашал», 192 чел. (12,8%) — «не было времени» и 240 чел. (16,0%) признались, что «не интересуются такой тематикой».

Таким образом, более одной трети подгруппы индифферентных не посетили указанные мероприятия по вине организаторов атеистической работы. При систематической и четко налаженной работе последних индифферентность опрошенной подгруппы может быть значительно ниже. Почти каждый восьмой из опрошенных сослался на отсутствие времени, Очевидно, оно обусловлено как спецификой структуры их свободного времени, так и недостаточной продуманностью атеистической работы, в т. ч. о месте и времени проведения антирелигиозных мероприятий. По собранным данным, лекции по вопросам естествознания и научного атеизма из числа городских неверующих этой подгруппы в 1970 г. прослушали лишь 74 чел. (4,9%).

В то же время к лекциям по некоторым другим тематикам эти же опрошенные проявляют значительный интерес. В 1970 г. прослушали лекции на международные темы 771 чел. (51,4%), на медицинские — 262 чел. (17,4%) и на общественно-политические — 230 чел. (15,3%). Следовательно, они далеко не безразличны к лекциям. Организаторам атеистической работы необходимо полнее учитывать их желания и лекционную программу. Очевидно, данный вопрос решается не просто, преодоление их индифферентности зависит от ряда условий: от знания организаторами атеистической работы запросов местного населения, конкретности и наступательности пропаганды научного атеизма, умения заинтересовать и убедить слушателей в несостоятельности и реакционности религиозного мировоззрения и необходимости бороться с ним. Полагаю, что преодоление индифферентности в области духовной жизни — задача сложная, но вполне разрешимая.

Среди городских опрошенных индифферентных не заняты в общественном производстве лишь 108 чел. (7,2%). В своем большинстве они проявляют активную трудовую деятельность — выполняют нормы выработки более чем на 100%. Кроме того, в 1970 г. в целях повышения своей квалификации учились 242 чел. (16,1%). Из общего числа городских индифферентных 436 чел. (29,1%) являются ударниками (членами коллектива)

коммунистического труда, 457 чел. (30,4%) борются за получение этого звания, 216 чел. (14,4%) не участвуют в этом движении потому, что оно не организовано.

В общей сложности в составе подгруппы индифферентных указанных городов в той или иной форме принимали участие в управлении производством 730 чел. (48,7%). Как видим, большинство из них проявляет активность как в самой трудовой деятельности, так и вне производственной деятельности. Многие в этом видят определенный смысл жизни. Говоря о своей общественной работе, опрошенные отмечали, что она привлекает их возможностями духовного обогащения.

Лица анализируемой подгруппы, в частности, далеко не индифферентны к тем сторонам духовной жизни, которые имеют определеное атеистическое содержание. Об этом свидетельствуют цифры табл. 8.

Таблица 8

Отношение индифферентных к атеистическим мероприятиям

Атеистические мероприятия	*Кол-во опрошенных*	*В %% к общему числу индифферентных*
— слушали атеистические передачи по радио	854	33,5
— слушали телевизионные передачи по этой же тематике	606	23,7
— смотрели атеистические фильмы и спектакли	321	12,6
— участвовали в проведении различных вечеров по этой тематике	323	12,7
— слушали лекции и беседы по вопросам научного атеизма	350	13,7
— читали книги и статьи в газетах и журналах на атеистические темы	325	12,7
— посещали музеи и выставки атеистического содержания	61	2,4

Из подгруппы индифферентных значительное число опрошенных в той или иной форме принимало участие в атеистических мероприятиях, не оставалось совершенно безразличным к религии и атеизму.

Организаторам атеистической работы в своей деятельности следовало бы учесть эти особенности поведения опрошенных ана-

лизируемой подгруппы, добиваться в перспективе ее сближения с подгруппой убежденных атеистов путем систематического участия в тех или иных атеистических мероприятиях, расширяя возможность постепенного преодоления индифферентности если не всех, то большинства состава этой подгруппы. Тем самым убежденные атеисты могли бы значительно расширить свой состав и иметь больше возможностей для идейного воздействия на верующих. К тому же, из числа этих неверующих 903 чел. (35,4%) считают религию вредной; 727 чел. (28,5%) полагают, что она не приносит ни пользы, ни вреда; 520 чел. (20,4%) не имеют по данному вопросу четких представлений.

По отношению же к тем опрошенным, которые не имеют четких представлений о роли религии в жизни человека, организаторы атеистической работы должны занять несколько иную позицию. На первых порах они должны помочь им понять реакционную сущность, вред религии как в личной, так и в общественной жизни. Затем помочь им осознать необходимость активной борьбы против этого пережитка. Реальная возможность такого качественного изменения сознания и отношения к религии значительной части опрошенных подтверждается другими данными нашего исследования. Так, из их общего числа на вопрос: «Отчего зависит, по вашему мнению, осуществление целей, стоящих перед человеком?» — 1432 чел. (56,1%) ответили: «От людей и самого себя», 212 чел. (8,3%) — «От бога и людей», 389 чел. (15,2%) затруднялись ответить. В среднем каждый второй из опрошенных правильно понимает роль личности и коллектива в осуществлении целей человеческой жизни. Лишь незначительная часть подгруппы ставит достижение целей в зависимость от бога. Немало и таких, которые считают, что у религии нет будущего, она отомрет. Из общего числа индифферентных такой ответ получен от 1133 чел. (52,67%).

Совокупность всех приведенных данных может служить основой для некоторых практических выводов и определения задач приобщения индифферентных к активной борьбе против религии. Этим неверующим присущи не только индифферентизм, но и активность во многих областях духовной жизни, так или иначе связанных с борьбой против религии. Очевидно, организаторам атеистической работы следует внимательно подходить к выявлению индифферентности и активности конкретной личности в тех или иных конкретных обстоятельствах к различным сторонам духовной жизни. По сравнению с убежденными атеистами у индифферентных (в процентном отношении) ниже уровень образования, среди них меньше читающих газеты, журналы и книги. Они значительно реже посещают лекции. У них больше людей, не занятых в общественном производстве. Безразличные меньше участвуют в общественной работе, в атеистических мероприятиях, во внедрении безрелигиозных обрядов и праздников. Каковы же причины некоторой индифферентности этих опрошенных к опре-

деленным сторонам духовной жизни? Здесь не может быть однозначного ответа, так как кроме общих для всей подгруппы причин есть, несомненно, и причины частного характера. К последним можно отнести события в личной жизни — болезнь, горе, семейные неурядицы, которые человек перенес без поддержки производственного коллектива и общественных организаций, а также особенности воспитания в семье, недостаточный уровень образования и сознания.

В третьих, к общим причинам, как думается, относятся недостаточное приобщение этих неверующих к активному участию в решении задач экономического и культурного развития родного села, города, района; отсутствие или слабость связей местных убежденных атеистов и общественных организаций с людьми этой подгруппы в решении задач коммунистического воспитания трудящихся; слабость и недостаточная эффективность использования пропагандистами и агитаторами массовых средств идейного воздействия; отсутствие у лиц этой подгруппы ясности взглядов на природу и общество и представлений об актуальности и социальном смысле борьбы против религии; отсутствие у некоторой части организаторов атеистической работы представлений об особенностях типологических групп по их отношению к религии и атеизму и, как следствие этого, абстрактность борьбы против религии и стандартность форм атеистического воздействия.

* * *

Важное теоретическое и практическое значение в атеистическом воспитании населения имеет всестороннее исследование типологической группы колеблющихся между верой в бога и неверием. Из общего числа опрошенных во всех населенных пунктах она составила 7,48% (516 чел.). В сельских районах этот показатель несколько выше, чем в городах. Например, в Аликовском районе колеблющиеся составили 8,42%, в Красноармейском районе — 9,47%, в то время как в Канаше — 6,17% и в Шумерле — 6,6%. В составе колеблющихся женщин оказалось 402 (78%).

Таблица 9

Возрастной состав колеблющихся

Возрастные группы	Кол-во опрошенных	В % % к общему числу колеблющихся
18—29 лет	58	11,24
30—40 »	139	26,93
41—50 »	105	20,34
51—60 »	104	20,15
Старше 60	110	21,31

Опрошенные этой группы имели различные показатели по уровню образования. Среди них лишь единицы имели высшее и незаконченное высшее образование: 6 чел. в Шумерле, по 2 — в Канаше и районах. Среднее образование имеют 117 чел. (22,67%), семилетнее-восьмилетнее — 137 чел. (26,55%). Почти половину данной группы (49,03%) составили люди, имеющие начальное образование и малограмотные.

Таким образом, данная типологическая группа в основном состоит из лиц среднего и старшего возрастов, со сравнительно низким уровнем образования. По этим показателям группа колеблющихся близка к группе верующих. Образование, полученное в начальных и восьмилетних школах, очевидно, не всегда является достаточным основанием для формирования атеистической убежденности, для выработки иммунитета против религии, и тем более, если они к 30—40 годам больше не пополнили свои научные знания.

Группа колеблющихся не имеет существенных различий по семейному положению и роду занятий. Из общего числа сельских колеблющихся 265 чел.— колхозники. Занятые на рядовых работах составили 40,75% (108 чел.), механизаторы, животноводы, строители — 7,54% (20 чел.). Из всей группы колеблющихся 372 чел. (72,09%) заняты в общественном производстве. Из 144 неработающих 99 чел.— пенсионеры и 31 чел.— домохозяйки. Занятые производственной деятельностью в большинстве своем имеют стаж более 10 лет и выполняют нормы выработки. Этот показатель выше, чем в группе верующих (60,7%), но ниже, чем у убежденных атеистов (92,47%).

Из общего числа колеблющихся в той или иной форме повышали свою квалификацию 32 чел., что составляет 6,2% (почти на уровне верующих и в четыре раза ниже, чем у убежденных атеистов). 133 чел. (25,77%) являются ударниками (членами коллектива) коммунистического труда или участвуют в соревновании за это звание. В различных общественных формах управления производством принимали участие 125 чел. (24,22%). Все это свидетельствует о том, что опрошенные нами колеблющиеся не отличаются активностью в решении производственных вопросов, а по ряду показателей (участие в рационализаторстве и изобретательстве, в общественных формах управления производством) они находятся примерно на уровне группы верующих. Группа колеблющихся имеет свои особенности и по уровню и по запросам духовной культуры. Эта сторона их жизни более полно отражена в материалах по Канашу и Шумерле. В этих городах из 251 колеблющегося 20 чел. (7,97%) учились в различных вечерних и заочных учебных заведениях, в системе партийного и комсомольского просвещения, 61 чел. (24,3%) — читатель библиотеки и 43 чел. (17,12%) пользовались книгами других читателей. Из их общего числа 184 чел. (73,3%) ежедневно слушали радио и 159 чел. (63,34%) смотрели телевизионные передачи,

111 чел. (44,22%) каждый день читали газеты, 33 чел. (17,17%) два-три раза в неделю читали журналы. В сравнении с данными группы убежденных атеистов эти показатели ниже, однако они выше, чем у группы верующих.

Между характером отношения различных групп населения к религии и степенью воздействия на них массовых средств научной информации есть определенная связь. Использование возможных источников и каналов научной информации является фактором, влияющим на формирование сознания и поведения людей. Круг вопросов, интересующих колеблющихся, весьма разнообразен: они интересуются радио- и телепередачами, концертами, фильмами, спектаклями, спортивными новостями, лекциями и беседами на разные темы. Из лекций, прослушанных в 1970 г. по месту жительства и работы, 210 чел. (40,69%) интересовались международными, 119 чел. (23,05%) — медицинскими, 86 чел. (16,6%) — общественно-политическими, 82 чел. (15,89%) — педагогическими и воспитательными, 48 чел. (9,3%) — естественно-научными и атеистическими, 30 чел. (5,81%) — экономическими и научно-техническими, 11 чел. (2,13%) — молодежными и 30 чел. (5,81%) — другими темами.

Эти цифры в основном аналогичны с показателями других групп и не нуждаются в особых комментариях. Как и другие опрошенные, колеблющиеся проявляют наибольший интерес к лекциям на международные, медицинские и общественно-политические темы. Правда, в процентном отношении посещение лекций ниже, чем в подгруппах неверующих. Естественно-научными и атеистическими лекциями они интересуются больше, чем верующие (у последних — 3,07%), но меньше, чем убежденные атеисты (у них 20,12%). Отметим также, что процент посещений лекций на естественно-научные темы у колеблющихся выше, чем у индифферентных. Не является ли этот факт показателем их колебаний между религией и атеизмом, отражением поисков правильных ответов на возникающие вопросы?

По материалам, полученным в городах, из 251 колеблющегося в той или иной форме 88 чел. (35,06%) участвуют в общественной работе. Большинство из них (59 чел.) находит в ней моральное удовлетворение и средство развития чувств коллективизма.

Для правильного понимания психологии и идеологии опрошенных этой группы небезынтересны и следующие данные. Из тех же городских опрошенных (251 чел.) 12 считают религию вредной в жизни человека, 79 чел. утверждают, что она не приносит ни вреда, ни пользы и лишь 9 чел. оценивают ее полезной. Остальные признают, что они не имеют по данному вопросу четких представлений. На вопрос: «От чего зависит, по вашему мнению, осуществление целей, стоящих перед человеком?» лишь 18 чел. (из них двое — из Канаша) ответили: «От бога и людей». Основная масса — 240 чел. (95,61%) считает, что достижение целей зависит от людей и от самого себя. На вопрос «Каково ваше

мнение о будущем религии?» 35 чел. ответили: «Отомрет». 165 чел. не имели четкого представления по данному вопросу, а 28 чел. заявили, что она сохранится.

Полученные ответы и другие показатели духовной жизни свидетельствуют о том, что эта группа опрошенных действительно колеблется между верой в бога и неверием. Во многих отношениях она ближе к атеизму, чем к религии. Например, по нашим данным, 107 чел. (20,73%) колеблющихся регулярно отмечают религиозные праздники и участвуют в исполнении соответствующих обрядов, 174 чел. (33,72%) отмечают их нерегулярно, 133 чел. (25,77%) не участвуют в их проведении, а остальные (102 чел.) не ответили на вопрос. Следовательно, лишь один из пяти колеблющихся регулярно отмечает религиозные праздники и участвует в обрядах регулярно, один из трех — не регулярно, один из четырех не участвует в них.

Говоря о мотивах участия этих опрошенных в религиозных праздниках и обрядах, выясняется, что подавляющее большинство из них не связывает этих действий со своими убеждениями.

Таблица 10

Отношение колеблющихся к безрелигиозным и религиозным праздникам и обрядам (в %%)

Отношения, мотивы	К безрелигиозным праздникам и обрядам	К религиозным	
		праздникам	обрядам
Отношение к безрелигиозным праздникам и обрядам:			
— участвует в их организации и проведении	2,4		
— участвует в проведении	44,84		
— пропагандирует среди населения о необходимости их проведения	3,48		
— не участвует	19,76		
— не одобряет	1,74		
Мотивы участия в религиозных праздниках и обрядах:			
— считает необходимым		2,4	2,9
— по традиции		47,86	37,59
— по настоянию родственников		1,93	1,55
— на всякий случай		4,45	3,1
— привлекает торжественность		1,55	2,71
— из любопытства		2,4	2,4

Как видно, основная масса колеблющихся далека от сознательного и регулярного участия в религиозных праздниках и обрядах. Наиболее распространенным мотивом являются традиции. Очевидно, организаторам атеистической работы необходимо постоянно учитывать это обстоятельство и добиваться, опираясь на общественные организации, постепенной замены религиозных традиций безрелигиозными. О реальной возможности решения этой задачи говорит не только социалистическая действительность с ее новыми, безрелигиозными традициями, обрядами и праздниками, но и отношение к ним самих колеблющихся. Более половины из числа опрошенной группы принимает в той или иной форме участие в атеистических бытовых мероприятиях и лишь незначительная часть (меньше двух процентов) не одобряет их проведение.

Определенный интерес в характеристике колеблющихся представляют и данные о наличии у них икон и их отношении к ним, так как служители культа придавали и придают им огромное значение в поддержании религиозности населения. Наличие иконопочитания считается важным показателем принадлежности к последователям христианства.

Материалы исследования говорят о том, что из всей группы колеблющихся иконы имеют 275 чел. (53,29%), из них 8 чел.— по 3—4 и 2 чел.— 5 и больше икон. У остальных по одной-две иконы. 46,71% лиц данной группы вообще не имеет икон. Последний показатель в среднем в два раза выше, чем у группы верующих, но такой же, как у неверующих, но участвующих в религиозных праздниках и обрядах. Из числа имеющих иконы лишь 12 чел. (4,36%) колеблющихся заявили, что они верят в их «чудодейственную силу», 19 чел. (6,9%) этому не верят, 34 чел. (12,36%) знают названия икон, 88 чел. (32%) не знают. 157 чел. (57,09%) ответили, что в их домах иконы держат по традиции, 31 чел. (11,27%) — «по воле родителей», 23 чел. (8,36% — «на всякий случай». Следовательно, среди них преобладают отрицательные ответы по отношению к иконам, и лишь незначительная часть колеблющихся относится к ним как к предметам культа. Выходит, что колеблющиеся по одним показателям близки к верующим, по другим — к неверующим, в то же время по ряду показателей значительно отличаются от убежденных атеистов и от верующих. Однако к атеистам они ближе, чем к верующим. К такому же выводу пришли исследователи религиозности населения Е. С. Прокошина (по материалам Белоруссии) и Ж. Базарбаев (по материалам исследования, проведенного в Каракалпакии) [20]. Е. С. Прокошина в указанной работе пишет: «Колеблющиеся по своим убеждениям, поведению

[20] См.: *Е. С. Прокошина.* Из опыта исследования религиозности населения в Белорусской ССР.— Сб. «Конкретные исследования современных религиозных верований». М., «Мысль», 1967, стр. 76; *Ж. Базарбаев.* Некоторые итоги изучения религиозности населения Каракалпакии.— Там же, стр. 198.

в быту, чувствам близки к атеистам. Но их нельзя относить к атеистам главным образом в силу их большей или меньшей приверженности к внешним проявлениям религиозности: соблюдению обрядов, наличию икон...» Данная особенность свидетельствует о том, что группа колеблющихся содержит определенные возможности для полного отхода от религии.

Таковы основные количественные и качественные характеристики типологической группы колеблющихся.

* * *

Большой теоретический и практический интерес представляет типологическая группа верующих, ее социально-демографические данные, степень участия в социальных связях, мотивы и особенности проявления религиозности, условия и пути отхода от религии.

Вопрос о признаках религиозности в научной литературе до сих пор не имеет единого решения [21]. Думаю, что один из исследователей религиозности населения — Е. К. Арнаут, методологически верно определив подход к решению этого вопроса, справедливо отмечает: «...При поисках критериев религиозности учитывать: 1) содержание и уровень религиозного сознания, включающего религиозные представления, чувства и настроения индивида; 2) религиозное поведение индивида, к которому относятся: соблюдение религиозных обрядов, членство и участие в жизни и деятельности общины, участие в религиозных праздниках, чтение религиозной литературы, распространение религиозных взглядов и т. п.» [22]. Исходя из этого, в той же работе им указаны объективные критерии религиозности: совершение молитвы, исповедь, пропаганда религии среди окружающих.

Нет никакого сомнения в том, что степень и характер проявления религиозности у верующих различных социально-демографических групп имеют определенные черты общности и своеобразия. При этом у одной группы верующих могут четче проявляться одни признаки религиозности, у других — иные. Относя определенную часть опрошенных к данной типологической группе, в исследовании прежде всего учтены их самооценка («считают себя верующими») и указанные выше критерии религиозности.

---

[21] См.: *Е. К. Арнаут.* О критериях религиозности молодежи.—Сб. «Молодежь и религии». М., 1971; *Ж. Б. Базарбаев.* Некоторые итоги изучения религиозности населения Каракалпакии. — Сб.: «Конкретные исследования современных религиозных верований». М., 1967; *Е. Дулуман, Б. Лобовик, В. Танчер.* Современный верующий. М., 1970; «Информационный бюллетень № 2 Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС». М., 1968; *Д. М. Угринович.* О критериях религиозности и их применение в социологических исследованиях.— «Вестник МГУ. Философия». 1967, № 4; *Р. Б. Тагиров.* Критерии религиозности и типология современного верующего. Автореферат диссертации. Казань, 1972; *Л. Н. Ульянов.* Указ. соч. и др.

[22] *Е. К. Арнаут.* Указ. соч., стр. 35.

Из общего числа опрошенных верующие составили в Канаше 19,87% (380 чел.), в Шумерле — 15,59% (314 чел.), в Аликовском районе — 21,0% (330 чел.), в Красноармейском районе — 10,47% (147 чел.) Эти данные читатель может найти в табл. № 1.

Зарегистрирован сравнительно низкий уровень религиозности взрослых жителей селений Красноармейского района. Это явление как бы нетипично для сельских мест и вносит коррективы в утвердившееся мнение о том, что среди сельского населения уровень религиозности выше, чем городского. Данные об уровне религиозности жителей селений этого района подтверждаются следующим образом. Сплошное анкетирование взрослого населения проводилось в селениях Красноармейское (районный центр) и Янгихово-Челлы, в Большешатьминском «кусте», куда вошли деревни Большая Шатьма, Дворики, Кожары, Четрики и Оба-Сирма. Общее число опрошенных составило 10% взрослого населения района. Объекты исследования выбраны согласно принятых для такого случая принципов и методики. Наши данные об уровне религиозности взрослого населения указанных пунктов подтвердились и материалами конкретного исследования (с более широким и глубоким охватом селений), проводившегося по рекомендации Института научного атеизма по анкете, предложенной им в январе 1973 г.

Низкий уровень религиозности взрослых жителей указанных селений Красноармейского района говорит о необходимости конкретного подхода к изучению вопроса об отношении населения к религии и атеизму. Истина конкретна, как конкретны сами объекты исследований, носители религиозных предрассудков, их деятельность и условия воспроизводства религии. Поэтому, каждое явление необходимо изучать всесторонне, во взаимосвязи и динамике всех компонентов причин его существования. В селениях этого района, где проводилось анкетирование, сравнительно низкий уровень религиозности жителей обусловлена как общими, так и специфическими причинами. Так, например, для селений Большешатьминского «куста» (верующие там составили 8,73% от числа опрошенных), кроме общих причин отхода от религии, содержащихся в социалистической действительности, характерна исторически сложившаяся традиция отрицательного отношения к религии.

Характеризуя признаки и особенности типологической группы верующих, следует отметить, что, как и в других областях и автономных республиках страны, большинство ее составили женщины: в Канаше — 81,58%, в Шумерле — 85,35%, в Аликовском районе — 82,72%, в Красноармейском районе — 78,23%.

Подобно другим группам (неверующих и колеблющихся) она имеет сложную возрастную структуру с некоторыми особенностями в расположении ее элементов. В группе преобладают лица в возрасте 51 года и старше. Такой показатель характерен как для городских, так и сельских верующих. Например, в Канаше из

числа опрошенных верующие этого возраста составили 62,36%, в Шумерле — 64,96%, в Аликовском районе — 68,27% и в Красноармейском районе — 74,15%. В возрасте 18—29 лет верующих сравнительно мало: в Канаше — 4,73%, в Шумерле — 2,85%, в Аликовском районе — 3,93% и в Красноармейском районе — 4,08%. Возрастные данные свидетелыствуют о том, что носителями религиозных представлений, понятий и традиций в основном являются люди пожилого возраста. Именно через них осуществляются основные процессы воспроизводства религии.

Служители культа умело используют социальные, семейно-бытовые связи верующих пожилого возраста и всячески стремятся омолодить состав религиозного населения. Эта тенденция характерна для всех религиозных объединений Чувашской республики и страны в целом. Об этом свидетелыствуют многочисленные конкретные исследования, проведенные атеистами, и выступления идеологов и практиков современных религиозных объединений.

Анализируемая группа характерна не только преобладанием в ней лиц пожилого возраста, но и низким общеобразовательным уровнем (см. табл. 2). Верующие, имеющие высшее и среднее (общее, специальное и незаконченное) образование в Канаше составили 11,57% от общего числа, в Шумерле — 11,11%, в Аликовском районе — 3,93% и в Красноармейском районе — 10,2%. В то же время этот показатель среди подгруппы убежденных атеистов в указанных городах и районах был соответственно — 77,86%; 86,10%; 75,06%; 69,90%. Верующие, имеющие начальное образование и малограмотные, в Канаше составили 69,57% от числа группы, в Шумерле — 78,37%, в Аликовском районе — 78,47% и в Красноармейском районе — 76,19%.

Преобладание лиц с низким уровнем образования в значительной степени обусловило индивидуальные и общественные стороны сознания и поведения верующего. Оно имеет целый ряд взаимосвязанных последствий в жизни каждого религиозного человека. К этим последствиям следует отнести неумение материалистически объяснить явления природы и общества, неспособность правильно воспринять и оценить социальный смысл достижений научно-технической революции и всей общественной практики, замедленный процесс вытеснения из их сознания элементов религиозной психологии и идеологии, большая консервативность в практике семейно-бытовых отношений (в воспитании детей, соблюдении религиозных обрядов и т. п.), участие в воспроизводстве религии и ее борьбе против научного мировоззрения, новых, безрелигиозных обрядов, праздников и традиций.

Среди опрошенных этой группы в Канаше холостые (незамужние) составляли 7,37%, женатые (замужние) — 58,15%, разведенные, вдовые и матери-одиночки — 32,63%. Аналогичные показатели получены и в других анкетированных местах. В дан-

ной группе разведенных, вдовых и матерей-одиночек в 5—6 раз больше, чем в подгруппе убежденных атеистов. В Шумерле, Аликовском и Красноармейском районах они составили соответственно 39,49%; 40,3%; 30,61%.

В связи с этим значительный интерес представляет анализ мотивов религиозности опрошенных нами людей. Из всей группы верующих (по всем пунктам географии исследования) 39 чел. ответили, что основной причиной их религиозности явилось личное или семейное горе, 40 чел. указали на болезнь, 15 чел.— на семейные неурядицы. Таким образом, эти явления личной жизни были основными причинами веры в бога для 94 чел., т. е. 8,02% верующих.

Если бы неверующие люди, окружающие этих лиц, или производственные коллективы, оказали им своевременную необходимую моральную и материальную помощь, то многие из них не связали бы свою жизнь с религией и церковью. Следует учесть и то, что даже при отсутствии тяжелых жизненных переживаний определенная часть людей испытывает религиозное влияние со стороны верующих. О степени влияния этого канала воспроизводства религии говорят следующие данные: из числа опрошенных как на основную причину своей религиозности указали на религиозное воспитание в семье 319 чел. (26,28%), а на влияние верующих вне семьи — 124 чел. (10,58%), на обучение в старой школе — 106 чел. (9,05%).

Отсюда следует, что религиозная семья была и остается основным воспитателем последователей и носителей религии, основным каналом ее воспроизводства. Такого же мнения придерживается и ряд других исследователей религиозности [23]. Сами семейные отношения, традиции и обстановка в религиозной семье оказывают постоянное эмоциональное и идейное воздействие на сознание и поведение членов семьи.

Распространенной причиной религиозности является влияние верующих вне семьи. Оно сказывается тем сильнее, чем тяжелее жизненные испытания объекта религиозного воздействия, чем оторваннее эта личность от своего производственного коллектива. Бесспорно, не все зависит от воздействия внешних факторов. Существенным фактором в этом процессе является степень сопротивляемости личности религиозному воздействию. Сопротивляемость в свою очередь зависит от глубины научного мировоззрения, умения отстаивать собственные взгляды на окружающий мир и свое место в нем, от особенностей индивидуальной психологии. Убежденный атеист в любых жизненных случаях не поддается воздействию религиозных людей, наоборот, сам будет

---

[23] См. *Е. Дулуман, Б. Лобовик, В. Танчер.* Указ. соч., стр. 83—86. *Ю. В. Гагарин.* Указ. соч., стр. 182—183; *А. А. Ерышева.* Опыт конкретно-социологических исследований религиозности населения на Украине.— Сб. «Конкретные исследования современных религиозных верований». М., 1967.

оказывать воздействие на верующих своими научными доводами и примером поведения в личной и общественной жизни.

Говоря о такой причине религиозности, как воспитание религии в старой школе, отмечу, что она действует лишь среди верующих преклонного возраста. Анализируя причины религиозности, необходимо учитывать и то обстоятельство, что нередко они выступают во взаимодействии: т. е. на конкретного человека влияет одновременно или последовательно ряд причин. Так, например, в Канаше среди опрошенных людей под влиянием трех или более причин стали религиозными 9 чел., в Шумерле — 14 чел., в Аликовском районе — 8 чел. и в Красноармейском районе — 7 чел. Значительно больше насчитывается верующих, ставших религиозными под влиянием двух причин. По данным нашего исследования две-три и более причин религиозности указали 164 верующих (14%). Для практики атеистической работы это обстоятельство имеет немаловажное значение. Ведь каждый седьмой верующий стал религиозным под влиянием двух и более причин. Поэтому в атеистическом воспитании населения (особенно в индивидуальной работе с верующими) необходимо учитывать причины религиозности и их соотношение и взаимовлияние. При этом не следует упускать из поля зрения, что в комплексе причин важнейшей является религиозное воспитание в семье. О сложности структуры этого комплекса говорит и такой факт: значительная часть верующих не имеет никакого представления и не может объяснить причин своей религиозности. Такая категория людей насчитывает 314 чел. (26,81% опрошенных верующих).

С другой стороны, решая задачи отрыва верующих от религии и церкви, необходимо полнее учитывать и положительный опыт и факторы, способствующие атеистическому воспитанию. Среди убежденных атеистов (из числа опрошенных нами) 371 чел. ранее был религиозным. Это 21,27% подгруппы (1744 чел.). Они назвали такие причины изменения отношения к религии: 110 чел.— влияние социалистических условий жизни, 31 чел.— семейное воспитание, 65 чел.— обучение и воспитание в школе, 56 чел.— активное участие в строительстве социализма и коммунизма, 15 чел.— влияние производственного коллектива, 25 чел.— идейно-воспитательное воздействие партийных и комсомольских организаций, 16 чел.— несостоятельность и вред религиозных догматов, 31 чел.— чтение естественно-научной и научно-атеистической литературы, 26 чел.— события в личной и общественной жизни, полностью опровергшие учение церкви о смысле человеческой жизни, о дружбе, любви и счастье.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в атеистическом воспитании трудящихся еще слабо участвуют производственные коллективы, не на должном уровне находится и критика религиозных догматов. Задача атеистов — полнее использовать возможности, содержащиеся в социалистических условиях жизни, деятельности школ и общественной практике, и выше поднять

воспитательную роль производственного коллектива и других субъективных факторов общества.

Продолжая характеристику группы верующих, отмечу степень их социальной активности. Если среди убежденных атеистов подавляющее большинство проявляет активность в общественном труде, то среди верующих таковых оказалось 6 чел. из десяти опрошенных. В этом также заключается своеобразие и трудности атеистической работы с этой группой. На работающих верующих можно в той или иной форме оказывать идейно-воспитательное влияние через производственные коллективы и отдельных атеистов. А в атеистической работе с 40% религиозных, не занятых общественным трудом, необходимо выяснить их круг интересов и занятий, определить общественные силы, методы и формы, которые наиболее целесообразны для их воспитания по месту жительства. При этом следует всесторонне учитывать данные о возрасте, уровне образования и общей культуры, особенности индивидуальной психологии и идеологии и семейно-бытовых условий. Необходимо также знать окружающую среду и каналы религиозного воздействия на конкретного верующего. Целесообразно направлять для атеистической работы с этой категорией верующих тех пропагандистов и воспитателей, которые ближе к ним по социальному положению, возрасту, прежней совместной работе или службе в рядах Советской Армии. В рассматриваемых материалах среди 471 верующего, не участвующего в общественном труде,— 149 домохозяек, 293 пенсионера, 9 инвалидов труда и 6 инвалидов войны. Остальные 14 чел. не работают по другим причинам. Как видно, основная масса неработающих верующих— это пенсионеры. Организаторам атеистической работы надо обратить внимание на возможность использования производственных коллективов в атеистическом воспитании бывших их членов. Необходимость повышения ответственности коллектива за судьбу и поведение каждого своего члена (особенно в период его производственной деятельности) диктуется и тем, что верующие труженики не проявляют той социальной активности, которая характерна для неверующих. В числе опрошенных жителей Каната и Шумерли оказалось 1083 убежденных атеиста и 694 верующих. Из числа первых 949 чел. по роду занятий являются рабочими и служащими, а в числе вторых таковых 294 чел. В общей сложности среди атеистов производственной деятельностью занимаются 956 чел., а среди верующих — 303 чел.

В группе убежденных атеистов, как уже отмечалось, подавляющее большинство выполняет нормы выработки, в группе верующих таковых оказалось менее 88%. Из числа первых в той или иной форме повышал квалификацию 241 чел. (25,2%), а из числа вторых — лишь 19 чел. (6,23%). Также незначительное участие принимали верующие в рационализаторстве и изобретательстве (5,28%), в управлении производством (26,4%), в общественной работе (9,79%).

Каждый атеист, ведущий воспитательную работу, должен учесть пассивность большинства верующих к общественно-полезным делам. А тем, кто проявляет некоторую социальную активность, на этой основе помочь постепенно освободиться от религиозного сознания и поведения, полностью и навсегда порвать с религией. Такие возможности существуют. В группе верующих, опрошенных в указанных городах и районах, в 1971 г. учились в различных учебных заведениях 22 чел. (1,87%), являлись читателями библиотек 117 чел. (9,99%) и имели личную библиотеку — 219 чел. (18,7%), ежедневно читали газеты — 297 чел. (25,36%) и 2—3 раза в неделю читали журналы — 83 чел. (7,09%). Незначительный уровень показателей обусловлен, на мой взгляд, отсутствием у большинства верующих необходимого образовательного уровня, соответствующей помощи со стороны общественных организаций, оторванностью от производственных коллективов, определенными трудностями, связанными с пожилым возрастом и идейно-психологическим воздействием со стороны религиозной общины.

Общеизвестно, что радио- и телевизионные передачи, кино и театры, прослушивание естественно-научных, атеистических и других лекций, посещение выставок, участие в художественной самодеятельности духовно обогащают человека. К сожалению, данные средства информации и формирования культурного облика человека не в полной мере используются для воздействия на религиозную часть населения. По собранным данным, в группе верующих ежедневно слушают радио 666 чел. (56,87%) и смотрят телевизионные передачи 347 чел. (29,63%). Из них лекциями и беседами радио- и телевизионных передач интересовались 169 чел. (14,43%). Тем самым видно, что значительная часть религиозных людей нерегулярно слушает радио и смотрит телевизионные передачи, а из числа тех, которые слушают и смотрят эти передачи, лишь немногие интересуются лекциями и беседами.

Приведенные данные говорят о том, что содержание программ важнейших средств массовой пропаганды и атеистической воспитательной работы не доходит до большинства религиозной части населения.

Для работников идеологических учреждений и организаторов атеистической работы небезразлично и отношение верующих к лекционной пропаганде. По ответам опрошенных видно, что в этой группе 1—2 раза в год посещают лекции по месту работы и жительства 137 чел. (11,7%), 1—2 раза в квартал — 96 чел. (8,19%), и 1—2 раза в месяц — 76 чел. (6,49%), всего 309 чел. (26,38%). Среди верующих, слушающих лекции, лишь незначительная часть интересуется естественно-научной и атеистической тематикой. Ответы о причинах непосещения ими лекций и бесед в 1970 г. распределились так: 97 чел.— «На работе и по месту жительства не проводились такие мероприятия», 134 чел. — «Никто не приглашал», 83 чел.— «Не было времени», 112 чел. прямо

заявили, что «не интересовались такой тематикой», 39 чел. указали, что эти мероприятия «противоречат его религиозным убеждениями», поэтому они их не посещают. Ответы 231 чел. (29,72%) свидетельствовали, что успех атеистических мероприятий зависит от организаторов. Многие верующие не посещают лекций и по военно-патриотической, экономической, научно-технической темам.

Приведенные данные еще раз подтверждают справедливость вывода исследователей о том, что задачей организаторов атеистической работы и всей лекционной пропаганды является оживление интереса местных религиозных жителей к этим мероприятиям. Достигнуть этого, по-моему, можно путем четкого планирования проведения лекций, улучшением их качества, знанием и учетом жизни и запросов конкретных верующих, постоянной подготовкой лекторских кадров и повышением мастерства каждого из них. Тем более что верующие проявляют интерес к лекциям на общественно-политические, международные и медицинские темы. Так, например, в 1970 г. из числа опрошенных верующих по месту работы посетили лекции по первой тематике 88 чел. (7,5%), по второй — 251 (21,4%) и третьей — 153 чел. (13,0%). Чтобы повысить интерес к естественно-научным и атеистическим лекциям необходимо (при составлении тематики и определении времени их проведения) учитывать особенности проявления религиозного сознания и поведения современных верующих и структуру их свободного времени.

Из числа верующих (1171 чел.) на вопрос о роли религии в жизни человека 313 опрошенных ответили, что она полезна, 218 чел.— «не приносит ни вреда, ни пользы», 37 чел. — «вредна» и 348 чел. признались, что не имеют о роли религии никакого представления. Таким образом, лишь 26,72% опрошенных твердо считают, что религия полезна в жизни человека, 18,61% — колеблется между положительной и отрицательной оценкой, а остальные далеки от положительной оценки. На вопрос «Каково ваше мнение о будущем религии» лишь 320 верующих (27,32%) ответили, что она сохранится, 474 чел. (40,47%) признались, что не имеют четкого представления, а 105 чел. (8,96%) даже заявили, что она отомрет. На вопрос: «Если вы верующий, то какую роль играет религия в Вашей жизни?» 401 чел. ответил, что она «утешает и помогает переживать трудности», 157 чел.— «учит добру, помогает быть высоконравственным», 39 чел.— «помогает воспитывать детей» и 24 чел. заявили, что религия «дает ответы на вопросы о происхождении и сущности явлений природы и общества». Следовательно, лишь немногим больше половины опрошенных (53,03%) считает, что религия приносит какую-то пользу в личной жизни человека. Фактически число верующих с таким пониманием роли религии меньше, т. к. некоторая часть этой группы считает, что религия и «утешает», и «учит добру», и «помогает воспитывать детей».

На вопрос: «От чего зависит, по Вашему мнению, осуществление целей, стоящих перед человеком?» 116 чел. (9,9%) ответили «От бога» и 190 чел. (16,22%) — «От бога и людей». Выходит, лишь немногим более четвертой части (26,12%) верующих в той или иной форме связывает достижение своих целей с волей бога.

Одним из центральных догматов религиозного мировоззрения является вера в существование бессмертной души, рая и ада. Общеизвестно, что почти все стороны религиозной практики верующих связаны с их стремлением «очистить душу от греха», «спасти душу» и заслужить ее пребывание в раю. Социалистическая действительность и общественная практика (атеистическая по своей сущности и по направлению развития) обусловили значительное изменение сознания верующих и во взглядах на «рай» и «ад». На наш вопрос: «Если Вы верите в существование рая, то как себе его представляете?» из общего числа группы 84 чел. (7,17%) ответили: «Место в потустороннем мире, где удовлетворяются материальные потребности человека», 70 чел. (5,95%) — «Место в потустороннем мире, где удовлетворяются духовные потребности человека». Почти половина группы — 584 чел., т. е. 49,87% ответила, что не имеет ясного представления о рае. 412 верующих (35,18%) остались безразличными к этому вопросу и не дали никакого ответа.

На вопрос: «Если Вы верите в существование ада, то как себе его представляете?» 147 чел. (12,55%) ответили: «Место в потустороннем мире, где грешники мучаются физически», 50 чел. (4,27%) — «Место в потустороннем мире, где грешники испытывают муки совести». 309 чел. (25,53%) признались, что в существование ада верят, но никак его не представляют, а 131 чел. (11,18%) заявил, что вообще не верит в существование ада. Из общего числа этой группы 476 чел. (40,64%) на вопрос не дали никакого ответа.

В сознании современного верующего много противоречий и непоследовательности и оно у многих претерпело и претерпевает значительное изменение. Из числа опрошенных верующих лишь 218 чел. (18,61%) посещают богослужение, только 202 чел. (17,25%) соблюдают посты, а в бессмертие души верят и того меньше — 137 чел. (11,7%). Из общего числа этой группы опрошенных лишь 192 чел. (16,39%) считают для себя необходимостью участие в совершении обрядов и 197 чел. (16,82%) — участие в религиозных праздниках. По традиции в совершении обрядов участвуют 289 чел. (24,68%) и отмечают религиозные праздники 463 чел. (39,53%). Это значит, что почти каждый четвертый из верующих совершает религиозные обряды и отмечает соответствующие праздники по традиции. Остальные указали следующие мотивы своего участия в религиозных обрядах и праздниках: «воля родителей», «торжественность», «любопытство», даже «на всякий случай».

Не претендуя на исчерпывающую характеристику особенностей проявления религиозного сознания современного верующего, отмечу также отношение этой группы к иконам по собранным данным в г. Канаше и с. Раскильдино Аликовского района. В этих населенных пунктах функционируют церкви, которые, несомненно, оказывают значительное влияние на поддержание иконопочитания (богослужениями и праздниками в честь святых, продажей икон, совершением обрядов и другими средствами и формами эмоционального и идейного воздействия). Но далеко не все верующие имеют иконы. Например, в Канаше из 380 чел. верующих 86 чел. (22,63%) не держат дома икон, по 1—2 иконы имеют 239 чел., по 3—4 иконы — 39 чел., по 5 и более — 16 чел. В Раскильдине также почти каждый пятый верующий (20 чел. из 103 верующих) не имеет дома икон.

Среди тех верующих, которые имеют иконы, лишь незначительное число верит в их чудодейственную силу. Например, в Канаше из 294 верующих, имеющих иконы, только 78 чел. (26,53%) верят в их силу, знают название икон — 109 чел. (37,07%). Многие держат иконы по традиции. Таких верующих в городе зафиксировано 155 чел. (52,72%), а в с. Раскильдино — 56 чел. (67,47%). Следовательно, для многих религиозных людей иконы не являются предметом культа.

Таким образом, группа верующих весьма неоднородна по своему составу, возрасту, уровню образования, культуры и участия в общественной жизни. В группе преобладают лица старших возрастов. Большинство верующих — женщины, имеющие низкий уровень образования. Для большей части группы характерна социальная пассивность, оторванность от производственных коллективов и общественных организаций. Последнее является одной из основных причин существования связей лиц этой группы с религиозными объединениями и их участия в религиозной практике.

Если сравнить группы верующих и неверующих, то первые значительно уступают вторым по духовному богатству личной и общественной жизни.

Группа верующих неоднородна и по проявлению религиозности. Они отличаются друг от друга как «молящиеся богу» (дома или в молитвенном помещении), «соблюдающие посты», «отмечающие религиозные праздники и обряды», «читающие и слушающие религиозную литературу», «поклоняющиеся дохристианским божествам и духам». Всесторонний анализ каждой из перечисленных и других категорий верующих представляет собой сложную задачу, требует специальной разработки и выходит за рамки этой статьи. Поэтому я ограничился анализом признаков, присущих всей группе верующих в целом.

Обобщая характеристики всех групп, можно сделать следующие выводы: уровень религиозности взрослого населения в республике не везде одинаков. В селе Аликове и в деревнях Красно-

армейского района религиозность колеблется в пределах 8,7—11,5% % от числа опрошенного взрослого населения, что почти в 2 раза ниже, чем в Канаше, Шумерле и деревнях Аликовского района (без райцентра). Хотя эти данные не типичны, но они представляют определенный научный и практический интерес. Они вносят некоторую поправку в утвердившееся среди атеистов мнение о повсеместной сравнительно высокой религиозности сельского населения и указывают на необходимость дифференцированного подхода к изучению данного вопроса.

Наличие или близость действующей церкви и степень распространенности иконопочетания (как показали данные по Канашу и Аликовскому району) несомненно оказывают значительное влияние на уровень религиозности и отношение местного населения к религиозным праздникам и обрядам. Они способствуют сохранению сравнительно высокого уровня религиозности.

Грани между некоторыми типологическими группами весьма условны и подвижны. У подгрупп неверующих много общих черт по их демографическим данным, по трудовой деятельности и социальной активности, по их отношению к религиозным и безрелигиозным праздникам и обрядам. У группы колеблющихся имеются некоторые сходные черты с подгруппой убежденных атеистов и верующих.

Сознание не только колеблющихся между религией и атеизмом, но и верующих в бога крайне противоречиво и непоследовательно в своем проявлении. Социалистическая действительность, достижения науки и техники, всей материальной и духовной культуры, участие в строительстве коммунизма значительно изменили социальные качества большинства верующих людей. Несомненно, указанными обстоятельствами обусловлен современный модернизм служителей культа как в проповеднической, так и обрядовой деятельности.

Для повышения эффективности атеистической работы необходимо полнее использовать объективные условия преодоления религии, содержащиеся в экономической, политической и культурной жизни советских людей. Нужна систематическая, конкретная и наступательная воспитательная работа производственных коллективов, общественных организаций, групп атеистов и каждого атеиста. Основное внимание следует уделять индивидуальной работе не только с верующими, но и колеблющимися, а также с неверующими, но участвующими в религиозных праздниках и обрядах. Определенная работа по приобщению к борьбе против религии должна проводиться с индифферентными неверующими.

СООБЩЕНИЯ

В. А. Васильев

РОСТ ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА ЧУВАШИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ УПРОЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В СССР (1946—1958 гг.)

Социалистическое соревнование вошло в плоть и кровь советского народа, стало мощным рычагом развития народного хозяйства страны, важным средством роста трудовой и политической активности масс, воспитания их в духе коллективизма. Соревнование при социализме служит интересам развития производительных сил, способствует все более широкому привлечению трудящихся к управлению производством.

«Социализм,— указывал В. И. Ленин,— не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применить его действительно *широко,* действительно в *массовом* размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты...» [1].

На XXIV съезде партии и в ее документах, в обнародованном 4 января 1975 года Обращении Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу [2], в постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О Всесоюзном социалистическом соревновании работников промышленности, строительства, транспорта за досрочное выполнение народно-хозяйственного плана на 1975 год и успешное завершение девятой пятилетки» [3] выдвинуты задачи дальнейшего развертывания этого всенародного движения современности. Тем самым представляет большой интерес и рост творческой активности рабочего класса Чувашской АССР — одного из боевых отрядов рабочего класса страны на завершающем этапе упрочения и развития социализма в СССР.

В последние годы появился ряд работ А. П. Николаева, С. Ф. Васильева, С. Г. Руссакова, М. В. Румянцева, Г. Ф. Му-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 195.
[2] «Правда», 4 января 1975 г.
[3] «Правда», 11 января 1957 г.

равьева, П. И. Иванова, А. И. Калинина и К. В. Калининой [4], в которых авторы стремятся дать характеристику и раскрыть особенности социалистического соревнования в промышленности республики в 1946—1958 гг. Ценные сведения о героической борьбе рабочего класса Чувашии за досрочное выполнение планов послевоенных пятилеток можно почерпнуть из изданных Научно-исследовательским институтом при Совете Министров Чувашской АССР четвертого выпуска «Материалов по истории Чувашской АССР» (Чебоксары, 1960) и второго тома «Истории Чувашской АССР» (Чебоксары, 1967).

В названных работах авторы, используя широкий круг источников, извлеченных из фондов Партийного архива Чувашского обкома КПСС и Центрального государственного архива Чувашской АССР, а также из периодической печати и других источников, сумели отразить многие формы массового новаторского движения, присущие социалистическому соревнованию в промышленности республики в 1946—1958 гг.

Социалистическое соревнование, рожденное Великой Октябрьской социалистической революцией и ставшее могучей движущей силой развития советского общества, в послевоенные годы приобретало невиданный до сих пор размах, охватывая миллионы рабочих. Удельный вес участвующих в соревновании за годы четвертой пятилетки в промышленности СССР возрос с 81,2 до 90,1% [5].

---

[4] *А. П. Николаев.* Рабочий класс Чувашской АССР в борьбе за выполнение послевоенной пятилетки (1946—1950 гг.) — УЗ ЧГПИ им. И. Я. Яковлева, вып. X. Чебоксары, 1960; *его же.* Чувашская АССР в борьбе за новый мощный подъем экономики и культуры, за строительство коммунизма — УЗ ЧГПИ им. И. Я. Яковлева, вып. XIII. Чебоксары, 1961; *С. Ф. Васильев.* Борьба за повышение производительности труда в промышленности Чувашии в годы четвертой пятилетки (1946—1950 гг.). Чебоксары, 1961; *С. Г. Руссаков.* Борьба рабочего класса Чувашии за повышение производительности труда (1953—1958 гг.) — УЗ ЧГПИ им. И. Я. Яковлева. Серия общественных наук, вып. XXI. Чебоксары, 1965; *его же.* Борьба рабочего класса Чувашской АССР за развитие промышленности в годы четвертой пятилетки.— УЗ Тираспольского государственного педагогического института, вып. XXI. Кишинев, 1969; *М. В. Румянцев.* Развитие рабочего класса Чувашской АССР, рост его трудовой и общественно-политической активности в период строительства социалистического общества в СССР.— В кн. «Рабочий класс Чувашии в период строительства социализма и коммунизма». Чебоксары, 1972; *Г. Ф. Муравьев.* Некоторые вопросы борьбы рабочего класса Чувашии за выполнение четвертого пятилетнего плана.— В кн.: «Рабочий класс Чувашии в период строительства социализма и коммунизма». Чебоксары, 1972; *П. И. Иванов.* Бригады коммунистического труда на предприятиях Чувашии. Чебоксары, 1961; *А. И. Калинин.* Коммунизмăн аслă юхăмĕ. Чебоксары, 1962; *К. В. Калинина.* Ленинские идеи социалистического соревнования живут и побеждают. Чебоксары, 1970 и др.

Указанная литература рассматривается в историографическом обзоре *С. Н. Хаймулина* «Исследования по вопросам истории промышленности и рабочего класса» (см. настоящий сб., стр. 103—140).— *Ред.*

[5] «Социалистическое соревнование в СССР». Документы и материалы профсоюзов. М.,1965, стр. 166.

В промышленности Чувашской АССР социалистическим соревнованием в конце четвертой пятилетки было охвачено 91,2% рабочих [6]. По отдельным предприятиям удельный вес соревнующихся был значительно больше. Так, например, на Чебоксарском ордена Трудового Красного Знамени электроаппаратном заводе в конце четвертой пятилетки этим движением было охвачено 97—98% рабочих [7], Козловском домостроительном заводе—98%, Канашском вагоноремонтном заводе — 95,4% [8].

Лучшие формы социалистического соревнования, возникшие в довоенные годы, в рассматриваемый период обогатились уже новыми, более совершенными формами. В ходе борьбы за досрочное выполнение плана четвертой пятилетки в промышленности и на транспорте Чувашской АССР широко развернулись и внедрились в практику движение многостаночников, стахановский труд шоферов-стотысячников, движение за увеличение среднесуточного пробега локомотивов, за экономию сырья, материалов, топлива и электроэнергии, за рентабельную работу предприятий, за высокую культуру производства, а также соревнования по профессиям. Опираясь на творческую инициативу масс, партийные, профсоюзные и комсомольские организации изживали факты формализма и шаблона в организации массового социалистического соревнования рабочих, служащих и инженерно-технических работников.

Одной из наиболее популярных форм социалистического соревнования в промышленности Чувашии в эти годы стало движение *за звание бригад отличного качества*, которым было охвачено свыше 90% рабочих [9]. В 1950 г. в республике имелось более 250 *бригад отличного качества* [10], в т. ч. на Чебоксарском хлопчатобумажном комбинате — 50 бригад с количеством рабочих 412 чел. [11], на электроаппаратном заводе — свыше 70 бригад [12]. В результате соревнования значительно увеличился выпуск первосортной продукции. Так, на хлопчатобумажном комбинате только в 1950 г. выработано сверх плана 262,4 тыс. м ткани первого сорта [13].

На ряде предприятий республики бригады отличного качества боролись и за право выпуска продукции за своим клеймом, без приемки ОТК. Инициатором такого почина на Алатырском паровозоремонтном заводе выступила буксовая бригада, руководимая Ф. С. Степанашкиным. Инициаторов поддержали мастер

---

[6] ЦГА ЧАССР, ф. 179, оп. 12, д. 346, л. 75.
[7] ПАЧО. ф. 1, оп. 103, д. 103, л. 67.
[8] ЦГА ЧАССР, ф. 179, оп. 12, д. 346, л. 75.
[9] «Очерки истории Чувашской областной организации КПСС». Чебоксары, 1974, стр. 379.
[10] Там же.
[11] ПАЧО, ф. 1, оп. 103, д. 103, л. 28.
[12] Там же, д. 104, л. 61.
[13] Там же, л. 28.

автоматной бригады С. Я. Мошкин, токари В. А. Семенов, С. С. Обеткин, А. М. Курчатов, Н. И. Нефедов, Т. С. Сидоров, слесари В. В. Морозов, Н. Г. Тонин, Л. Г. Райкин, кузнец И. А. Сидоров и др. Всего 29 рабочих получили право выпуска продукции с личным клеймом [14].

Наиболее массовой формой социалистического соревнования в промышленности стало движение стахановцев. К концу послевоенной пятилетки в республике насчитывалось 7968 стахановцев и 6977 ударников труда [15], из них на Козловском домостроительном заводе — 702 стахановца и 312 ударников труда [16], на Чебоксарском электроаппаратном заводе — более 1100 стахановцев и 469 ударников труда [17]. На Шумерлинском мебельном комбинате в 1950 г. 50% рабочих являлись стахановцами [18].

Стахановцы и ударники добивались рекордных показателей в труде, многие из них несколько раз перевыполняли свои пятилетние планы. На Чебоксарском электроаппаратном заводе 30 чел. выполнили 3 пятилетних, 120 чел.— 2 пятилетних задания [19]. На Канашском вагоноремонтном заводе из 943 стахановцев 179 перевыполнили свои пятилетние, 307 чел.— более 7 годовых плана, 302 чел.— более 8 годовых норм, 95 чел.— 9 и более *годовых норм* [20]. *Передовики* производства заносились на доску почета завода, города, республики. Лучшие рабочие отмечались правительственными наградами. Например, фрезеровщик Чебоксарского электроаппаратного завода Н. А. Королев, выполнивший с начала пятилетки более трех пятилетних планов, был отмечен высшей наградой страны — орденом Ленина [21].

Получило развитие и соревнование по профессиям, способствовавшая прежде всего повышению технического уровня рабочих и производительности труда. Непросто было стать победителем в этом соревновании, ибо оно требовало как высокого производственного мастерства, так и глубокого знания технологии производства и техники, соблюдения рабочей чести. Например, условия социалистического соревнования по профессиям на Шумерлинском мебельном комбинате предусматривали следующие требования: высокой производительности труда, выполнения нормы выработки выше средних показателей по данной профессии в целом по комбинату; отличного качества выпускаемых деталей и безусловного отсутствия брака в течение всего месяца; содержания в образцовом порядке рабочих мест; бережного от-

---

[14] ЦГА ЧАССР, ф. 1941, оп. 1, д. 61, л. 20; ПАЧО, ф. 1, оп. 103, д. 104, л. 62.
[15] ЦГА ЧАССР, ф. 179, оп. 12, д. 346, л. 75.
[16] Там же, л. 77.
[17] ПАЧО, ф. 1, оп. 103, д. 103, л. 67.
[18] Там же, оп. 102, д. 1, л. 8.
[19] ЦГА ЧАССР, ф. 179, оп. 1, д. 346, л. 79.
[20] Там же.
[21] ПАЧО, ф. 1, оп. 103, д. 103, л. 67; ф. 1, оп. 102, д. 1, л. 7.

ношения к инструментам и оборудованию; передачи своего опыта молодым рабочим; соблюдения технологического процесса и его совершенствования (рацпредложения) и т. д. [22]. При первом подведении итогов соревнования по профессиям на комбинате в числе победителей оказались 36 рабочих, при втором — 46, при следующем — 64 рабочих. Здесь соревновались по 20 профессиям [23].

Среди шоферов Чебоксарской автотранспортной конторы по почину водителя К. П. Семенова, совершившего пробег на своей машине без капитального ремонта 138 тыс. км, развернулось движение «стотысячников» [24]. В годы четвертой пятилетки также широкую известность получила инициатива рабочих-стахановцев Канашского вагоноремонтного завода, предложивших соревноваться за выполнение сменного задания за 7 часов. Выполняя сменное задание на 160—170%, вагоноремонтники показывали отличный пример борьбы за рост производительности труда. Отличных показателей они добивались за счет рационализации нагрева заготовок, сокращения вспомогательных работ и лучшей загрузки молота [25].

По итогам последнего года четвертой пятилетки во Всесоюзном социалистическом соревновании Козловский домостроительный завод занял первое место среди родственных предприятий [26], а коллектив Чебоксарского электроаппаратного завода пять кварталов подряд выходил на вторые места во Всесоюзном социалистическом соревновании среди предприятий Министерства электротехнической промышленности СССР [27].

Коллектив Шумерлинского мебельного комбината — инициатор Всесоюзного социалистического соревнования мебельщиков страны в годы первой послевоенной пятилетки также с честью справился со взятыми обязательствами [28].

Четвертый пятилетний план по выпуску промышленной продукции Чувашская АССР выполнила за 4 года и 3 месяца [29]. Перевыполнены плановые задания по производству электроаппаратуры, мебели, стандартных домов, кирпича, хлопчатобумажных тканей, по выработке электроэнергии, ремонту вагонов, по заготовке и вывозке леса. Значительно выросла производительность труда в промышленности. Во всем этом немаловажную роль сыграла правильная организация соревнования. XXIII областная партийная конференция подчеркнула, что больших «успехов

---

[22] «Знамя стахановца» — многотиражная газета Шумерлинского мебельного комбината, 8 марта 1946 г.

[23] «Знамя стахановца», 24 декабря 1946 г.

[24] ЦГА ЧАССР, ф. 179, оп. 12, д. 346, л. 77—78.

[25] ПАЧО, ф. 1, оп. 115, д. 132, л. 33.

[26] Там же, оп. 103, д. 103, л. 73.

[27] Там же, л. 67.

[28] Там же, оп. 102, д. 1, л. 8.

[29] «История Чувашской АССР», т. 2. Чебоксары, 1967, стр. 130.

промышленность республики достигла благодаря широко развернувшемуся социалистическому соревнованию» [30].

В годы пятой и шестой пятилеток трудовая деятельность рабочего класса Чувашии, как и раньше, характеризовалась многообразием и богатством форм проявления творческой активности и новаторской инициативы. Его усилия были направлены на ускорение технического прогресса, лучшее использование внутренних резервов производства для дальнейшего роста производительности труда и улучшение качества продукции.

Немалую роль в дальнейшем расширении массовости социалистического соревнования в промышленности республики сыграло учреждение Советом Министров Чувашской АССР и областным советом профсоюзов 15 переходящих знамен по различным отраслям промышленности, которые присуждались победителям ежеквартально [31].

Более зрелые формы социалистического соревнования, появившиеся в эти годы, успешно сочетались испытанными временем проявлениями творческой активности рабочих. Все больше усиливалось соревнование за выпуск продукции отличного качества. В третьем году пятой пятилетки только на одном Чебоксарском электроаппаратном заводе в соревновании за выпуск продукции отличного качества участвовало 204 бригады с охватом свыше 820 рабочих [32]. Брак снизился до 0,89% против 1,14% в 1952 г.[33]. Заметные успехи в выпуске продукции высокого качества и в сокращении потерь от брака были достигнуты на Канашском вагоноремонтном заводе и на Шумерлинском мебельном комбинате. В 1953 г. по Канашскому вагоноремонтному заводу брак составил 0,43%, а в первом квартале 1954 г. снизился до 0,35%[34]. На Шумерлинском мебельном комбинате он соответственно снизился с 0,27 до 0,16% [35].

В ряды стахановцев вливались тысячи новых рабочих. Во главе лучших производственников республики шли рабочие Н. А. Королев, И. Д. Виноградова, А. Чапурина, А. П. Николаева, В. Г. Григорьева, А. К. Кубарева, Г. А. Васильева, Е. Е. Егорова, М. С. Степанов, Д. А. Балашов, Н. И. Корнилов, М. Ф. Филиппова, В. Я. Мытиков, В. Ф. Иванова, В. Л. Пастухов, В. Ф. Самойлов, П. Н. Назаров и десятки других стахановцев многих предприятий, строек и транспорта. Высоким авторитетом среди рабочих пользовался знатный фрезеровщик Чебоксарского электроаппаратного завода коммунист Н. А. Королев. Коммунисты цеха избрали его парторгом. Ткачиха Чебоксарского хлопчатобумажного комбината В. Г. Григорьева, встав на стахановскую

[30] ПАЧО, ф. 1, оп. 102, д. 1, л. 7.
[31] ЦГА ЧАССР, ф .179, оп. 12, д. 347, л. 89.
[32] Там же, л. 90.
[33] Там же.
[34] ПАЧО, ф. 1, оп. 118, д. 32, л. 25.
[35] Там же.

вахту в честь XIX съезда партии, стала выполнять плановые нормы на 125—136% и всю продукцию выпускала лишь первым сортом. Ткачиха Е. Е. Егорова вместо 4 станков обслуживала 6 станков. Бригадир каменщиков коммунист М. С. Степанов, переняв передовые методы труда на стройках страны, добился выполнения своей бригадой дневных заданий на 150%. На Шумерлинском мебельном комбинате прославился столяр В. Я. Мытиков, поднявший выработку на 270—370%. Знатный машинист-стахановец депо Канаш коммунист П. Н. Назаров одним из первых в республике подхватил почин машинистов-пятисотников [36]. Газета «Красная Чувашия» так писала о нем: «Канашский машинист-пятисотник депутат Верховного Совета СССР П. Н. Назаров перевыполняет норму среднесуточного пробега на 19 километров, а технической скорости — на 3,8 километра. Тов. Назаров провез десятки тяжеловесных поездов и перевез сверх плана десятки тысяч тонн грузов» [37].

Даже ограничиваясь приведенными примерами, являющимися характерными чертами в жизни всего рабочего класса Чувашской АССР, можно наглядно представить возросший трудовой энтузиазм рабочих республики в годы пятой и шестой пятилеток.

Хорошую инициативу проявили коллективы Канашского вагоноремонтного завода и Чебоксарского хлопчатобумажного комбината, где началось соревнование за достойную встречу знаменательной даты в жизни советского народа — 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции [38]. Более 1200 вагоноремонтников досрочно завершили план 1957 г., а более 500 чел. начали работать в счет 1959 г. [39]. План 1957 г. завод выполнил к 5 декабря [40]. С честью справились со взятыми обязательствами и чебоксарские текстильщики. В 1957 г. на комбинате 243 бригады заслужили высокие звания «Бригад отличного качества», 3000 рабочих — звания «Лучший по профессии» [41]. Коллективу было присвоено звание «Предприятие отличного качества» [42].

XX съезд КПСС подчеркнул, что «построение коммунистического общества стало непосредственной практической задачей советского народа» [43]. Как и по всей стране, среди трудящихся Чувашии зародилось новое замечательное движение за звание

---

[36] Данные о стахановцах составлены по материалам ПАЧО, ф. 1, оп. 107, д. 81, лл. 145—148.

[37] «Красная Чувашия», 3 февраля 1951 г.

[38] Центральный архив ВЦСПС, ф. 1, оп. 32, д. 754, лл. 38—39; «Советская Чувашия», 22 января 1957 г.

[39] ПАЧО, ф. 1, оп. 128, д. 171, л. 100.

[40] Там же, л. 9.

[41] ЦА ВЦСПС, ф. 1, оп. 32, д. 1967, л. 11.

[42] «История Чувашской АССР», т. 2, стр. 147.

[43] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1967, стр. 62.

бригад и ударников коммунистического труда, девизом которого стало «Учиться, работать и жить по-коммунистически». В середине декабря 1958 г. прошел общереспубликанский слет первых участников этого замечательного движения. Участники слета обратились с горячим призывом к трудящимся Чебоксар и Чувашской республики широко развернуть соревнование за звание бригад и ударников коммунистического труда [44].

В авангарде соревнования за коммунистическое отношение к труду шли коммунисты и комсомольцы Чебоксарского электроаппаратного завода, Шумерлинского мебельного комбината, Чебоксарского завода железобетонных изделий и Чебоксарского хлопчатобумажного комбината, в коллективах которых нашлось много последователей этого великого почина современности. С каждым днем в республике это движение разрастало и набирало силу. О быстром росте рядов «разведчиков будущего» ярко свидетельствуют следующие цифры: уже к маю 1959 г. на промышленных предприятиях Чебоксар за звание коллектива коммунистического труда боролись 126 бригад, 2 участка и 17 смен [45]. В целом по республике в конце 1958 г. за это высокое звание соревновались 542 бригады [46].

В январе 1959 г. решением бюро Чебоксарского горкома ВЛКСМ первым трем комсомольско-молодежным коллективам электроаппаратного завода было присвоено высокое звание «Бригады коммунистического труда» [47].

Движение коллективов и ударников коммунистического труда стало всенародным. На XIII съезде советских профсоюзов о его значении было сказано следующее: «Наша партия высоко оценила его как могучий ускоритель непрерывного роста и совершенствования социалистической экономики, процесса формирования коммунистических общественных отношений и воспитания нового человека» [48].

Действительно, это движение, явившись качественно новым, высшим этапом социалистического соревнования, связало воедино борьбу трудящихся масс за высокопроизводительный труд с учебой, совершенствованием общественных отношений и быта. Рожденное в среде рабочего класса страны, оно охватило и все другие слои трудящихся. Новое движение завоевало широкое признание и глубокое уважение всего советского народа.

Социалистическое соревнование в промышленности Чувашской АССР в исследуемый период явилось мощным рычагом

---

[44] «Советская Чувашия», 20 декабря 1958 г.
[45] ПАЧО, ф. 1, оп. 127, д. 36, л. 27.
[46] Там же.
[47] ПАЧО, ф. 6, оп. 9, д. 266, л. 11.
[48] «Правда», 28 октября 1963 г.

дальнейшего стремительного подъема экономики республики. Производительность труда по сравнению с 1950 г. в 1956 г. выросла на 170% [49], в 1958 г.— на 207% [50]. В пятой пятилетке из общей суммы прироста валовой продукции 75% было достигнуто за счет роста производительности труда [51].

Таким образом, социалистическое соревнование, превратившееся в эти годы во всенародное движение, постоянно развиваясь, совершенствуясь и обогащаясь, превратилось в могучую созидательную силу в подъеме промышленности Чувашской республики.

---

[49] ПАЧО, ф. 1, оп. 124, д. 376, л. 7.

[50] «Советская Чувашия» за 45 лет (в цифрах)». Статистический сборник. Чебоксары, 1965, стр. 23.

[51] ПАЧО, ф. 1, оп. 116, д. 581, л. 7.

Б. В. Каховский

ТОЛИКОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Могильник «Кивĕ çăва» (Старое кладбище) у д. Толиково впервые упоминается в статье известного казанского археолога В. Ф. Смолина об археологических разведках в Чувашской республике в 1926 г. [1]. К сожалению, в работе не были указаны координаты памятника и не дано его описание. Вторичное его открытие произошло весной 1974 г. В Научно-исследовательский институт поступило сообщение о нахождении человеческих костей на реке Кукшуме. Разведкой здесь обнаружен могильник. Расположен он на склоне левого берега р. Кукшум, в 3 км западнее д. Толиково (Чебоксарский район, Чувашская АССР), в местности *«Эрне пасарĕ»* или *«Эрне кун пасарĕ»* (Базар в день пятницы). По рассказам местных старожилов, еще в начале XX в. здесь собирались на базар, проводились народные праздники и общественные моления. Севернее могильника проходит грунтовая дорога. В старину она называлась *«Хурăн çулĕ»* (Березовая дорога) на Казань. На обочине дороги, в 100 м к западу от моста через реку, сохранились две ямы прямоугольной формы. Здесь раньше находились кирпичное здание часовни и какое-то строение при ней. Служители церкви использовали место паломничества населения для укрепления православной веры и проведения полевого богослужения.

В настоящее время вся поверхность могильника задернована. В разных местах прослеживаются небольшие продолговатые углубления и невысокие холмики, по которым можно установить расположение могил. Кое-где сохранились следы недавних раскопок местных кладоискателей и любителей старинных предметов. В целях предотвращения подобных раскопок археологами проведена с местным населением беседа об охране памятников истории и культуры.

Площадь могильника вытянута вдоль реки Кукшум: ее длина по линии север—юг равна 120 м, ширина по южному краю — около 50 м, в центре по линии запад—восток — 100 м, по северному краю — 80 м. Общая площадь составляет более 1000 кв. м.

---

[1] *В. Ф. Смолин.* Археологические раскопки в Чувашской республике в 1926 г.— ИОАИЭ, т. XXXIII, вып. 4. Казань, 1927, стр. 28.

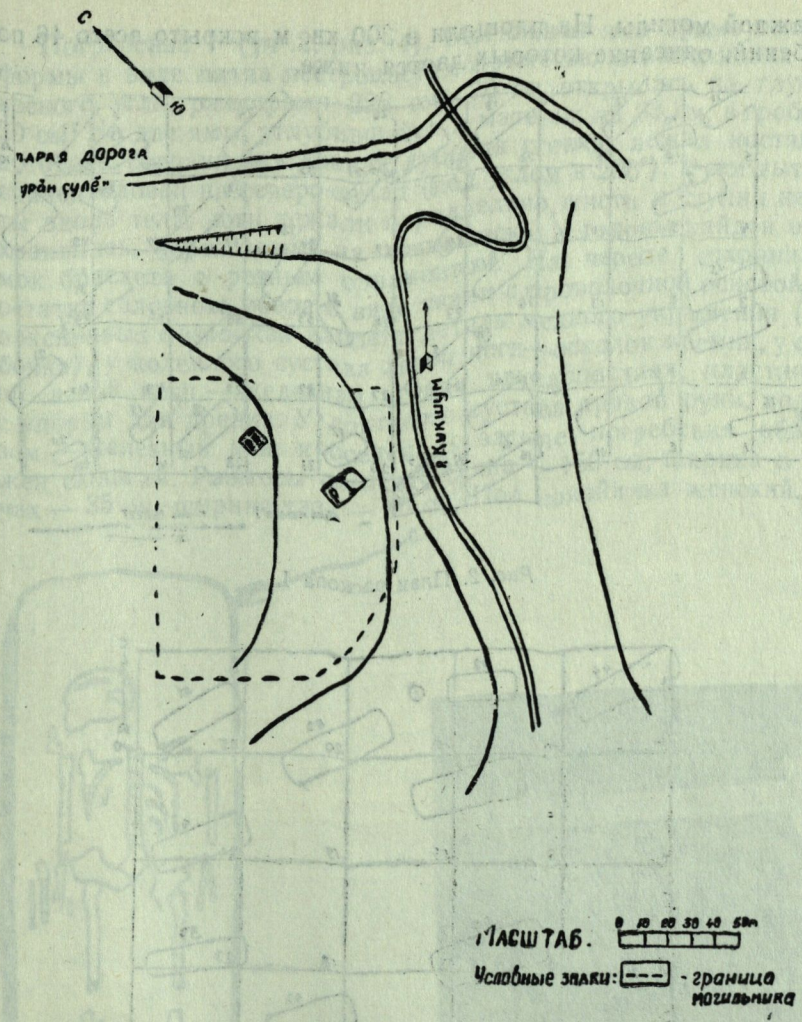


Рис. 1. Общий план могильника.

(Рис. 1). Западнее тянется совхозное поле, засеянное многолетними травами.

В июле 1974 г. археологическая экспедиция Научно-исследовательского института при Совете Министров ЧАССР (начальник отряда — автор настоящей статьи) провела раскопки могильника. В его центральной части были заложены два раскопа: I — 20×10 м.; II — 10×10 м. Раскопы были ориентированы по сторонам света, разбиты на участки по 2×2 м, пронивелированы. Составлены общий план могильника, планы раскопов (рис. 2, 3)

и каждой могилы. На площади в 300 кв. м вскрыто всего 46 погребений, описание которых дается ниже.

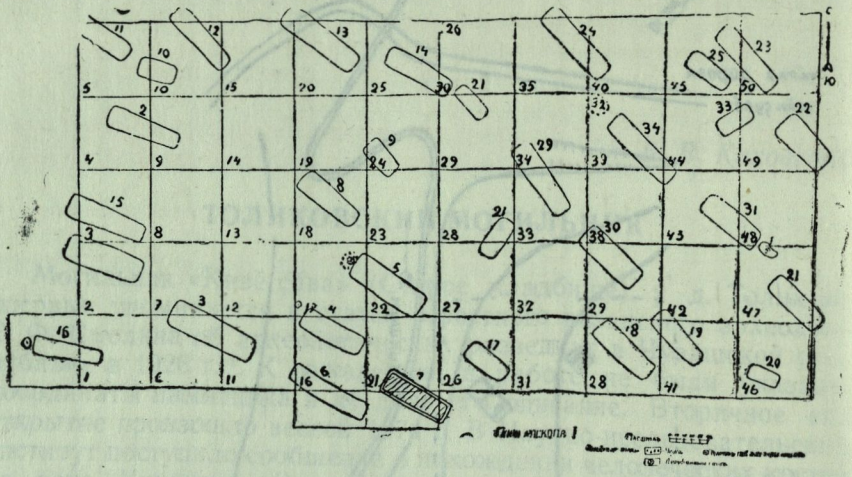


Рис. 2. План раскопа I.

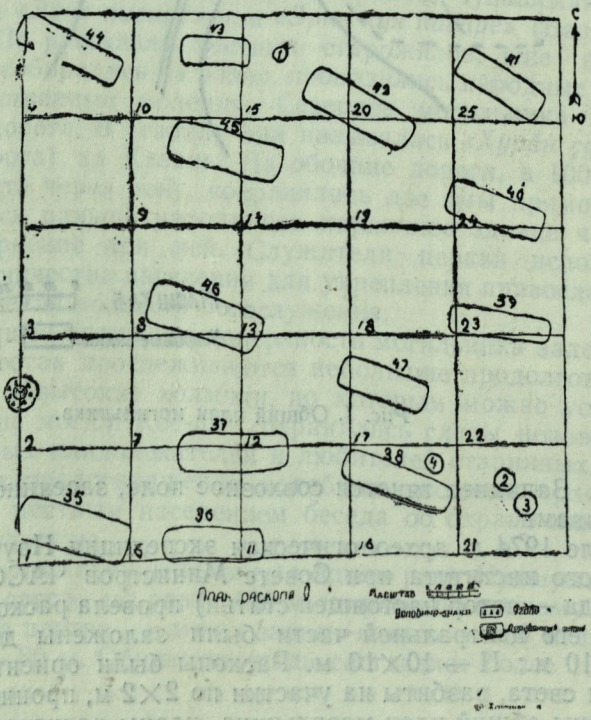


Рис. 3. План раскопа II.

Погребение 1 (уч .2, рис. 4). Могильная яма прямоугольной формы в виде пятна пестроцвета, с примесью в заполнении древесного угля, размерами 226 см×70 см открылась на глубине 20 см. На дне ямы, углубившейся в материк на 33 см, в пробу, от которого сохранилась южная дубовая стенка, лежал костяк на спине, головой на северо-запад (под углом в 290°). Руки вытянуты вдоль тела, ноги лежали параллельно, кисти и ступни не сохранились. Череп лежал на левом виске. У головы найден обломок браслета с резным орнаментом. На черепе сохранились остатки головного убора в виде ткани с проволочной основой. На поясничных позвонках найдена деталь медного украшения (трубочка), у коленного сустава левой ноги—осколок кремня, у ступни левой ноги — железная стрела двухлопастная, пластичная, с упором для древка. У локтевого сустава правой руки, под тазом,— железный нож и оселок. В засыпе погребения обнаружен сюльгам. Размеры скелета: длина — 150 см, ширина в плечах — 35 см, ширина таза — 30 см. Пол покойника женский.

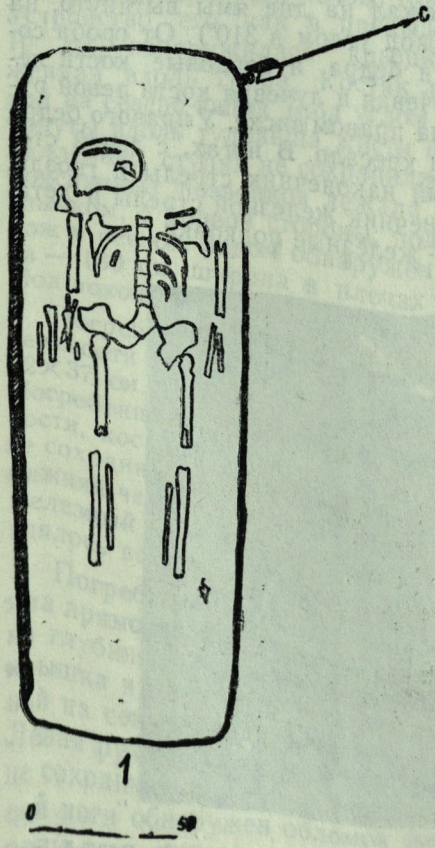


Рис. 4. Погребение I.

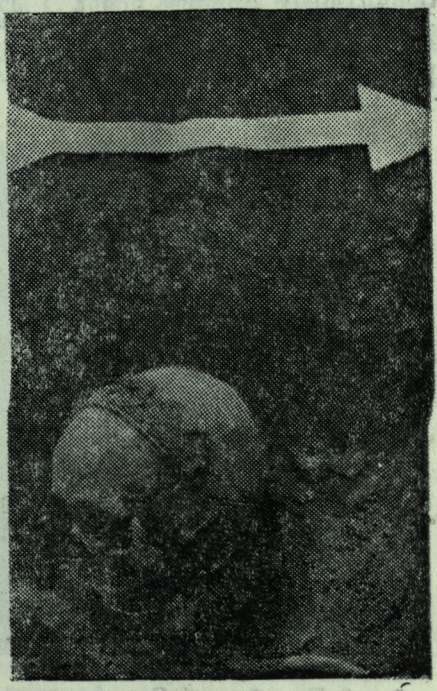


Рис. 5. Погребение 2. Головное украшение (деталь).

Погребение 2 (уч. 4, 9, рис. 5). Очертания могильной ямы прямоугольной формы, в виде пятна пестроцвета, размерами 20×54×45 см обозначилась на глубине 42 см от поверхности почвы. На дне ямы лежал костяк — вытянуто, на спине, головой на северо-запад (под углом в 290°). Сохранились боковые стенки гроба толщиной в 3—3,5 см. Череп лежал лицом кверху, руки вытянуты вдоль туловища, кисти не сохранились, ноги параллельны. На черепе обнаружено украшение части головного убора из кожаных кусков треугольной формы, прошитых позолоченными нитками. В области крестцово-поясничных позвонков, с левой стороны лежал сюльгам с загнутыми концами и подвижным язычком. В засыпе погребения обнаружен железный кинжал. Длина скелета — 160 см, ширина в плечах — 35 см, ширина таза — 32 см. Пол покойника женский. В области шейных позвонков найдены две монеты времен царя Михаила Федоровича.

Погребение 3 (уч. 10, 11, 12). Могильная яма прямоугольной формы размерами 245×50×40 см открылась на глубине 27 см от поверхности почвы. Костяк лежал на дне ямы вытянуто, на спине, головой на северо-запад (под углом в 310°). От гроба сохранились боковые стенки. Кости бедра и берцовые кости несколько сдвинуты в сторону. Плечевая и лучевая кости левой руки не сохранились. Череп лежал на правом виске. У правого бедра обнаружены кинжал в ножнах и кресало. В ногах, с левой стороны, лежали перстень, железный наконечник стрелы и гвоздь. У левой ступни находились наконечник железной стрелы и детали украшения, у обеих ступней — железные подковки.

Рис. 6. Погребение 4. Остатки поясного украшения *хӱре.*

Рис. 7. Погребение 5. Общий вид.

Погребение 4 (уч. 16, 17, рис. 6). Очертания могильной ямы прямоугольной формы размерами 196×47×40 см открылись на глубине 24 см от поверхности почвы. Костяк лежал на дне ямы в гробу, вытянуто на спине, головой на северо-запад (под углом в 305°). Череп слегка повернут влево. Руки лежали вдоль туловища, ноги параллельны, кисти и ступни не сохранились. От гроба остались боковые стенки из дубовых досок, проложенных вдоль могильной ямы, а в ногах и голове вертикально. В области правой ключицы лежала часть украшения в виде медной пронизи из 9 звеньев, нанизанных на шерстяные нити. Такие же пронизи, остатки повязки типа *«хӱре»*, лежали на тазовых костях, а под позвоночными костями — стеклянные бусы голубого цвета. Длина костяка — 130 см, ширина таза — 33 см. Пол покойника женский, возраст около 40 лет.

Погребение 5 (уч. 22, 17, рис. 7). Могильная яма прямоугольной формы размерами 200×42×40 см открылась на глубине 30 см от поверхности почвы. Костяк лежал в гробу, на дне ямы. Устройство его как в предыдущем погребении. На глубине 10 см обнаружилась крышка из дубовой доски, положенная вдоль гроба. Костяк лежал вытянуто, на спине, головой на северо-запад (под углом в 310°), лицом кверху. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти не сохранились. Ноги лежали параллельно, ступни не сохранились. С левой стороны у крестцово-поясничных позвонков лежала железная пряжка с подвижным язычком, с правой стороны, под тазовыми костями,— железный нож и оселок, рядом обнаружен осколок кремня. Длина скелета — 180 см, ширина в плечах — 35 см, ширина таза — 34 см. Пол покойника мужской, возраст около 35 лет.

Погребение 6 (уч. 16). Открылось на глубине около 40 см поверхности почвы. Яма прямоугольной формы размерами 230×52×37 см. Прослежены остатки гроба из досок толщиной 6 см. Погребение совершено в почвенном слое. Скелет плохой сохранности, кости ног и кость левой руки сдвинуты в сторону. Череп не сохранился. Тазовые кости лежали вдоль левой стенки гроба, нижняя челюсть лежала между ног. У левой голени обнаружены железный нож и оселок. Определить возраст и пол не представлялось возможным.

Погребение 7 (уч. 21 и прирезка к нему, рис. 8). Могильная яма прямоугольной формы размерами 205×60×58 см открылась на глубине 20 см от поверхности почвы. Хорошо сохранились крышка и стенки гроба. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад (под углом в 308°), череп на правом виске. Левая рука — на тазовых костях, правая вдоль туловища, кисти не сохранились. Нижняя челюсть сдвинута с места. У ступни правой ноги обнаружен обломок железного ножа, с правой же стороны таза лежали ножницы, на грудной клетке найдены черная стеклянная бусина, одна монета времен царя Михаила Федоро-

вича и шведская монета. Пол покойника женский, возраст около 40 лет.

Погребение 8 (уч. 18). На глубине 65 см от поверхности почвы обнаружен браслет из медной пластины, покрытой резным орнаментом. Скелет плохой сохранности лежал на спине, головой на северо-запад, лицом кверху. Локтевые, лучевые кости, позвоночник, ребра, таз, ступни ног не сохранились. В области грудных позвонков лежала часть украшения типа *хӱре*. В засыпе могилы найдены 2 железные подковы. Возраст определить не удалось. Судя по украшениям, захоронена женщина.

Погребение 9 (уч. 24). Могильная яма прямоугольной формы открылось на глубине около 35 см от поверхности почвы. Детский костяк лежал в гробу, вытянуто, на спине, головой на северо-запад. Череп раздавлен, локтевые, лучевые кости, кисти рук и ступни ног не сохранились. В ногах с левой стороны лежал железный нож. Возраст около 8—9 лет.

Погребение 10 (уч. 10). Детское погребение открылось на глубине 40 см от поверхности почвы на уровне материка. Могильная яма прямоугольной формы. Костяк плохой сохранности лежал головой на северо-запад (под углом в 287°). Череп разрушен, позвоночник и кости грудной клетки не сохранились. Руки вдоль туловища, кисти, малая и большая берцовые кости, ступни ног не сохранились. У левого колена лежал железный нож.

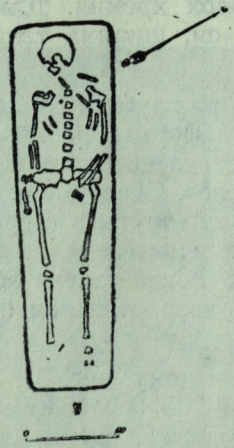


Рис. 8. Погребение 7.

Рис. 9. Погребение 11.

Погребение 11 (уч. 5, рис. 9). На уровне материка открыта могильная яма прямоугольной формы размерами 182×52×42 см. Яма углубляется в материк на глубину 14 см. Стенки проба хорошо сохранились. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад (под углом в 300°), руки вдоль туловища, ноги па-

раллельны. Левая рука слегка отодвинута от туловища, кисти не сохранились. У изголовья обнаружены остатки украшения — кусок материала на металлической основе и кусочек бересты. Рядом с тазом, с левой стороны,— железный нож, оселок и серебряный перстень. В области поясничных позвонков найдены две серебряные монеты: одна с именем Михаила Федоровича, другая не определена. Длина скелета — 155 см, ширина в плечах — 40 см, ширина таза — 27 см; пол покойника мужской, возраст 30—35 лет.

Погребение 12 (уч. 10 и привязка к нему). На глубине 40 см от поверхности почвы открылась могильная яма прямоугольной формы размерами 120×60×(в плечах)×50 см (в ногах). Остатков гроба не обнаружено. Скелет лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад, руки вдоль туловища, ноги параллельны. С правой стороны тазовых костей находился железный нож. *Размеры скелета: длина — 160 см, ширина в плечах — 40 см, ширина таза* — 36 см. Пол покойника женский.

Погребение 13 (уч. 15, 20, рис. 10). На глубине 18 см от поверхности почвы открылись очертания могильной ямы прямоугольной формы размерами 230×78 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад (под углом в 312°). Череп слегка повернут на правый висок. Руки вдоль туловища, ноги параллельны. На голове и на груди обнаружены остатки украшения — ткани на металлической (проволочной) основе. На шейных позвонках — бусинки, одна монета времен царя Михаила Федоровича. Под тазом, с правой стороны, лежал железный нож. В ногах — остатки кожаной обуви с каблуками. Длина скелета — 166 см, ширина в плечах — 37 см, ширина таза — 35 см. Пол покойника женский, возраст около 30 лет.

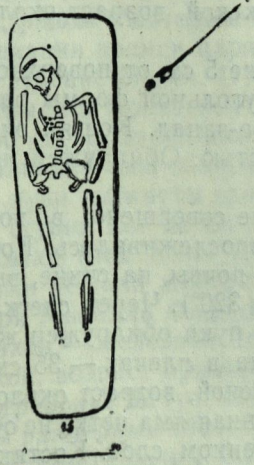


Рис. 10. Погребение 13.

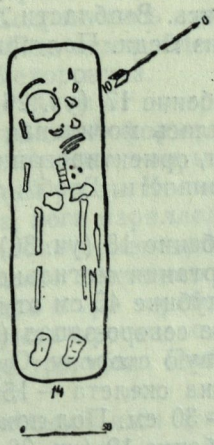


Рис. 11. Погребение 14.

Погребение 14 (уч. 25, рис. 11). Захоронение совершено на уровне материка. Гроб истлел, южная стенка прослеживается в виде тлена коричневатого цвета. Размеры могильной ямы — 200×45 см. Костяк плохой сохранности лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад (под углом в 291°), лицом кверху. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги параллельны. Кисти и ступни не сохранились. Около черепа обнаружены остатки украшения. В области поясничных позвонков лежали три плоские бусинки из стекла, с левой стороны, у бедра,— массивный железный нож с прямой спинкой. На подошвах кожаных сапог сохранились железные подковы. Размеры скелета: длина—150 см, ширина в плечах — 40 см. Пол покойника женский.

Погребение 15 (уч. 3, рис. 12). Могильная яма прямоугольной формы размерами 197×60×50 см открылась на глубине 40 см от поверхности почвы. Стенки гроба сохранились в виде древесного тлена. Костяк плохой сохранности лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад (под углом в 292°.) Череп разрушен. Локтевая, лучевая кости правой руки, кисти обеих рук и ступни ног не сохранились. Под черепом лежал железный нож, в области грудной клетки — сюльгам и бусы из голубого стекла и одна монета с плохо сохранившейся надписью. В области таза найдены медные трубочки — пронизи от украшения *хӱре*. Пол покойника женский, возраст около 35 лет.

Погребение 16 (уч. 16 и прирезка к нему). На глубине 24 см от поверхности почвы открылись очертания могильной ямы прямоугольной формы размерами 190×50×32 см. Сохранились фрагменты стенок и крышки гроба. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад (под углом в 285°). Череп лежал на правом виске, правая рука на тазовых костях, левая вытянута вдоль туловища, ноги параллельны. Кисти рук и ступни ног не сохранились. В области локтевого сустава правой руки найдены пронизи из меди. Пол покойника мужской, возраст около 18—20 лет.

Погребение 17 (уч. 26). На глубине 5 см от поверхности почвы открылась могильная яма прямоугольной формы размерами 92×40 см, ориентированная на северо-запад. Костяк очень плохой сохранности. Гроб истлел полностью. Обнаружен железный нож.

Погребение 18 (уч. 36). Погребение совершено в почвенном слое, очертания могильной ямы не прослеживались. Костяк лежал на глубине 45 см от поверхности почвы, на спине, вытянуто, головой на северо-запад (под углом в 320°). Череп слегка повернут в правую сторону. Около правой руки обнаружен железный нож. Длина скелета — 158 см, ширина в плечах — 35 см, ширина таза — 30 см. Пол покойника мужской, возраст около 30 лет.

Погребение 19 (уч. 36, 41). Могильная яма четко не обозначилась. Захоронение совершено в почвенном слое. Костяк плохой сохранности лежал на глубине 40 см от поверхности почвы, на

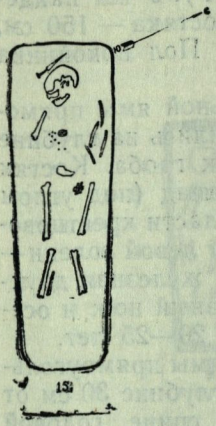


Рис. 12. Погребение 15.

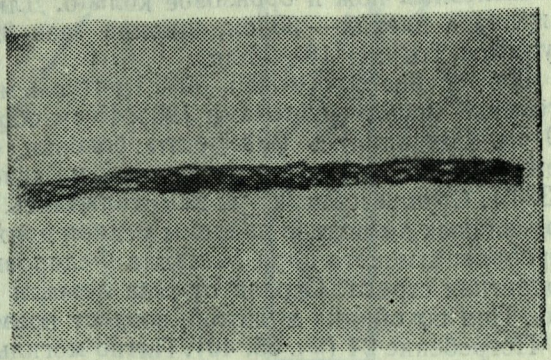


Рис. 13. Погребение 19. Деталь украшения.

спине, вытянуто, головой на северо-запад (под углом в 310°). Череп повернут в правую сторону. Локтевые и лучевые кости правой руки, кисть левой руки, большая и малая берцовые кости и ступни обеих ног не сохранились. С правой стороны у головы лежала деталь украшения в виде ажурной полоски, сплетенной из проволоки на матерчатой основе. (Рис. 13). В области крестцово-поясничных позвонков лежали медные пронизи поясного украшения *хӱре*. Пол покойника женский, возраст около 45 лет.

Погребение 20 (уч. 46). Детское погребение совершено в почвенном слое, на глубине 48 см от поверхности почвы, очертания могильной ямы не прослеживаются. Сохранились лишь обломки черепа, рядом с которым лежал нож. Под ним найдена одна монета чеканки времен царя Михаила Федоровича.

Погребение 21 (уч. 47). На глубине 20 см от поверхности почвы открылась могильная яма прямоугольной формы размерами 180×50 см. Сохранились фрагменты стенок и крышки гроба. В заполнении ямы обнаружен древесный уголь. Костяк лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги параллельны. Кисти рук и ступни ног не сохранились. Голова ориентирована на северо-запад (под углом в 320°). В области локтевого сустава левой руки лежали железный нож, оселок и три серебряные монеты царя Михаила Федоровича. В области крестцово-поясничных позвонков — железная пряжка в виде трезубца. Пол покойника мужской, возраст примерно 35—40 лет.

Погребение 22 (уч. 49). Пятно могильной ямы прямоугольной формы размерами 190×70×60 см обозначилось на глубине 42 см от поверхности почвы. От гроба сохранились боковые стенки толщиной в 4,5 см. Скелет лежал на глубине 60 см, вытянуто, на

спине, головой на северо-запад (под углом в 324°). У ног найдены железный нож и бронзовое кольцо. Длина костяка — 150 см, ширина в плечах — 33 см, ширина таза 32 см. Пол покойника мужской, возраст 18—20 лет.

Погребение 23 (уч. 45, 50). Контуры могильной ямы прямоугольной формы размерами 190×45 см обозначились на глубине 20 см. Сохранились фрагменты боковых стенок гроба. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад (под углом в 323°). Ступни и кисти рук не сохранились. В области крестцово-поясничных позвонков найдены медная пряжка, у левой голени — серебряная монета царя Михаила Федоровича и железная двухлопастная стрела. Справа от таза лежали железный нож и оселок. Пол покойника мужской, возраст примерно 20—25 лет.

Погребение 24 (уч. 35, 40). Пятно могильной ямы прямоугольной формы размерами 200×42 см открылось на глубине 30 см от поверхности почвы. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад (под углом в 320°). Руки лежали вдоль туловища, ноги параллельны. На черепе найдено украшение из ткани на металлической основе с бусами и семью монетами (6—времен царя Михаила Федоровича, одна не определена). Около черепа — серьги. У правой ноги — железный нож, у стоп — две железные подковы, в области крестцово-поясничных позвонков — железная пряжка. Пол покойника женский, возраст около 45 лет.

Погребение 25 (уч. 45, 44). На глубине 40 см от поверхности почвы открылась могильная яма прямоугольной формы размерами 133×44×38 см. Сохранились фрагменты стенок гроба. Погребение детское. Костяк плохой сохранности лежал вытянуто, на спине, головой на северо-запад (под углом в 305°). У правой ноги лежал обломок косы, под ней — обломок железного ножа. Возраст 8—9 лет.

Погребение 26 (уч. 30). Могильная яма расплывчатых очертаний обозначилась на глубине 50 см от поверхности почвы. Погребение детское, сохранился только череп. Находок нет.

Погребение 27 (уч. 29, 30, рис. 14). Детское погребение открылось на глубине 60 см от поверхности почвы, на уровне материка. Могильная яма размерами 100×27 см. Скелет очень плохой сохранности. Справа от таза лежал железный нож.

Погребение 28 (уч. 27, 28). Могильная яма прямоугольной формы размерами 150×30×30 см открылась на глубине 90 см поверхности почвы. Сохранились остатки боковых стенок гроба из дубовых досок. Погребение детское, костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток (под углом в 305°). Скелет плохой сохранности. Кости рук, таза, ступней, позвоночника отсутствуют. Находок нет.

Погребение 29 (уч. 33, 34, 28, 29, рис. 15). Очертания могильной ямы прямоугольной формы размерами 210×57×50 см обозначились на глубине 60 см. Сохранились стенки гроба. Скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад

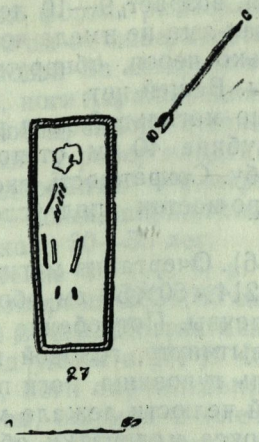


Рис. 14. Погребение 27.

Рис. 15. Погребение 29.

(под углом в 325°). В левом верхнем углу могильной ямы — кости плеча, лучевая кость, ключица, около них найдена бусина. Голова повернута направо. На черепе, в области правого и левого плеча найдены три серебряные монеты: две с именем Михаила Федоровича, а на одной надпись не читается. Около тазовых костей справа лежал перстень с несомкнутыми концами и нарезным орнаментом, у правого бедра — железный нож. Размеры скелета: длина — 160 см, ширина в плечах — 34 см, ширина таза — 30 см. Пол покойника женский, возраст около 40—45 лет.

Погребение 30 (уч. 32, 33, 37, 38). Пятно могильной ямы прямоугольной формы размерами 180×60×45 см открылось на глубине 45 см от поверхности почвы. Стенки гроба не сохранились. Костяк лежал вытянуто, головой на северо-запад (под углом в 315°), руки вдоль туловища, ноги параллельны. На черепе находилось украшение из цветных тканей с металлическим плетением. С правой стороны, на уровне плечевого сустава, найдена серебряная монета царя Михаила Федоровича, у тазовых костей — уголыки и зуб лошади. Длина костяка — 160 см, ширина в плечах — 40 см, ширина таза — 36 см. Пол покойника женский, возраст примерно 40—45 лет.

Погребение 31 (уч. 43, 48). Могильная яма прямоугольной формы размерами 130×55×35 см открылась на глубине 45 см от поверхности почвы. Скелет лежал на спине вытянуто, головой на северо-запад (под углом в 304°), руки вдоль туловища, ноги параллельны. В области черепа обнаружен железный оселок, у коленного сустава правой ноги — железный нож. Размеры

скелета: длина — 100 см, ширина в плечах — 25 см, ширина таза — 20 см. Пол покойника мужской, возраст 9—10 лет.

Погребение 32 (уч. 39). Могильная яма не имела четких очертаний. От скелета сохранился только череп, обнаруженный на глубине 55 см от поверхности почвы. Вещей нет.

Погребение 33 (уч. 44, 49). Пятно могильной ямы размерами 100×30×28 см обозначилось на глубине 40 см от поверхности почвы. Погребение совершено в гробу. Сохранность скелета плохая. Костяк ориентирован на северо-восток (под углом в 63°). Находок не обнаружено.

Погребение 34 (уч. 39, 43, рис. 16). Очертания могильной ямы прямоугольной формы размерами 214×60×50 см обозначились на глубине 50 см от поверхности почвы. Погребение совершено в гробу. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад (под углом в 335°), руки вдоль туловища, ноги параллельны. Череп раздавлен. Около нижней челюсти лежало много мелких бусин. На уровне плечевого пояса и лопатки обнаружены остатки украшения, изготовленного из разноцветной ткани на проволочной основе. В области грудных позвонков найдены две серебряные монеты с именами царя Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, в области таза, слева,— две железные пряжки, у бедреной кости, справа,— кусок кремня, железный нож и кресало. Длина скелета — 170 см, ширина в плечах — 40 см, ширина таза — 35 см. Пол покойника женский, возраст около 35—40 лет.

Остальные погребения вскрыты в раскопе II (10×10 м), заложенном в 30 м севернее первого. Нумерация погребений ведется последовательно.

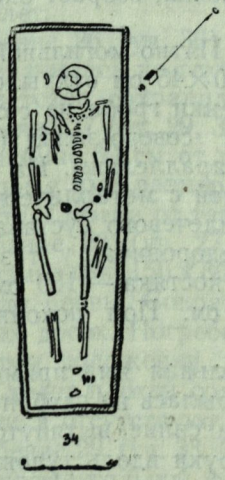


Рис. 16. Погребение 34.

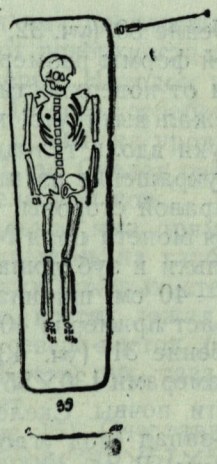


Рис. 17. Погребение 35.

Погребение 35 (уч. I, II, рис. 17). Пятно могильной ямы прямоугольной формы размерами 210×65×50 см обозначилось на глубине 40 см от поверхности почвы. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад (под углом в 280°), руки вдоль туловища, ноги параллельны. Череп слегка повернут влево. В области тазобедренного сустава левой ноги находился железный нож. Справа у ребер найдена одна серебряная монета царя Михаила Федоровича. Размеры костяка: длина 175 см, ширина в плечах — 40 см, ширина таза — 32 см. Пол покойника мужской, возраст около 30—35 лет.

Погребение 36 (уч. 6, р. II). Могильная яма прямоугольной формы размерами 200×60 см открылась на глубине 40 см от поверхности почвы. Костяк лежал вытянуто, на спине, головой на запад (под углом в 274°). Череп раздавлен. Руки лежали вдоль туловища, ноги параллельны. Вещей не найдено. Длина скелета — 160 см, ширина в плечах — 30 см, ширина таза — 20 см. Возраст около 36—40 лет.

Погребение 37 (уч. 6, 7, р. II). На глубине 50 см от поверхности почвы открылась могильная яма прямоугольной формы размерами 190×60 см, ориентирована на запад (под углом в 270°). От скелета сохранились только некоторые обломки черепа. Вещей нет.

Погребение 38 (уч. 16, 21, р. II). Могильная яма прямоугольной формы размерами 200×62×50 см открылась на глубине 50 см от поверхности почвы. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад (под углом на 285°). Череп слепка повернут в левую сторону. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги параллельны. В области бедренной кости правой ноги найден железный нож. Длина скелета—163 см, ширина в плечах—40 см, ширина таза — 34. Пол покойника мужской, возраст около 45—50 лет.

Погребение 39 (уч. 22, 23). Очертания могильной ямы прямоугольной формы размерами 185×40×35 см обозначились на глубине 45 см от поверхности почвы. Погребение совершено в материковом слое с углублением на 25 см. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад. Череп раздавлен. Правая рука вдоль туловища, левая согнута в локте под углом в 140°, ноги лежали параллельно. На черепе найдено украшение из материи на проволочной основе, в области нижней челюсти — 5 серебряных монет: три — Ивана IV (до 1547 г.), одна Федора Ивановича и одна с именем Бориса Федоровича; справа, в области локтевого сустава,— нож в чехле из кожи, у стопы правой ноги — три железных наконечника стрелы. Длина скелета — 178 см, ширина в плечах — 40 см, ширина таза — 30 см. Пол покойника мужской, возраст примерно 30—35 лет.

Погребение 40 (уч. 23, 24). Могильная яма размерами 180×49 см прямоугольной формы обозначилась на глубине 50 см от поверхности почвы. Скелет плохой сохранности лежал на спине,

руки вытянуты вдоль туловища, ноги параллельны. Ориентирован на северо-запад. Череп раздавлен. Найдены четыре монеты в области шеи: одна с именем Василия Ивановича и три, по-видимому, шведские. Длина скелета — 150 см, ширина в плечах — 37 см. Пол покойника женский, возраст около 30—35 лет.

Погребение 41 (уч. 25). Могильная яма размерами 190×58×52 см открылась на глубине 40 см от поверхности почвы. Костяк плохой сохранности, ориентирован головой на северо-запад. Верхние и нижние конечности разбросаны, череп раздавлен. В области плечевого сустава справа найден железный нож. Возраст 30—35 лет.

Погребение 42 (уч. 15, 20, рис. 18). На глубине 40 см от поверхности открылись расплывчатые очертания могильной ямы. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад (под углом в 305°). Левая рука вытянута, правая согнута в локте под углом в 155°. Череп повернут вправо.

У изголовья найден большой железный нож, у левой ключицы — бусины из голубого стекла, на уровне грудных позвонков — медные пронизи. Длина скелета — 150 см. ширина в плечах — 33 см, ширина таза — 38 см. Пол покойника женский, возраст около 35—40 лет.

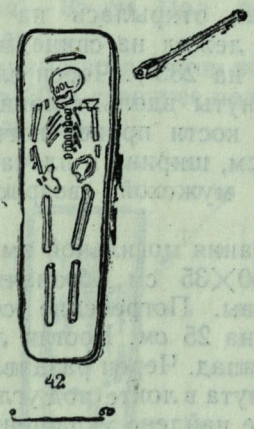


Рис. 18. Погребение 42.

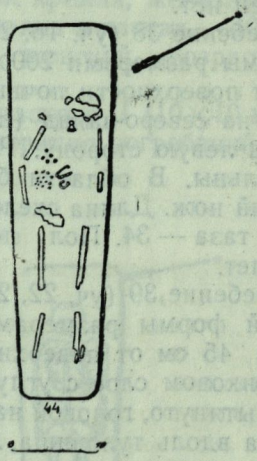


Рис. 19. Погребение 44.

Погребение 43 (уч. 17). Могильная яма размерами 115×53 см ориентирована на северо-запад (под углом в 278°), углубляется в материк на 15 см. В верхней части обнаружен железный нож. Остатков костяка не было, тлен не прослеживается.

Погребение 44 (уч. 10, рис. 19). Могильная яма прямоугольной формы размерами 220×50×40 см четко обозначилась на глубине 40 см от поверхности почвы. Костяк лежал в гробу на

уровне материка, вытянуто на спине, головой на северо-запад. Череп раздавлен. Скелет плохой сохранности. В области шейных позвонков лежало украшение из медной пластинки с нашитыми на матерчатую основу монетами: 7 монет царя Михаила Федоровича, одна Федора Алексеевича, а на трех монетах надпись сохранилась плохо. С правой стороны грудной клетки найдены сюльгам и остатки украшения, состоявшего из медных трубочек, нанизанных на пучок шерстяных ниток коричневого цвета. С правой стороны, между ребрами и локтевым суставом, обнаружены остатки поясного украшения *хӳре* — несколько бусинок из голубого стекла, мелкие бусинки бисера белого, синего, зеленого и черного цветов. Пол покойника женский, возраст около 30 лет.

Погребение 45 (уч. 9, 14). Могильная яма размерами 220×60 см открылась на глубине около 60 см, ориентирована в направлении запад-восток. Кости скелета не сохранились, за исключением фрагментов костей черепа. Вещей нет.

Погребение 46 (уч. 8, 13). На глубине 50 см от поверхности почвы обозначились очертания могильной ямы прямоугольной формы размерами 200×70×55 см. Погребение совершено на материковой основе с углублением в 30 см. Костяк ориентирован на северо-запад (под углом в 280°). Скелет лежал на спине, руки и ноги вытянуты. Найдены 4 серебряные монеты с именем Ивана IV (одна до 1547 г., остальные периода его царствования) в области бедренной кости правой ноги, а у большеберцовой кости правой ноги — железный нож. Длина скелета — 155 см; пол покойника мужской, возраст около 45—50 лет.

* * *

По материалам раскопок 1974 г. можно сделать предварительное заключение о погребальном обряде местного населения. Все вскрытые захоронения совершены по языческому обряду чувашей, хорошо освещенному в этнографической литературе [2]. Могильные ямы прямоугольной формы вырыты в почвенном слое и имеют незначительное углубление в материк (на 20—30 см). Очертания могильных ям в большинстве случаев обнаруживаются на глубине 40—60 см от поверхности почвы, в отдельных случаях четко обозначились на уровне материка. Стенки ям отвесные, дно ровное. Подавляющее большинство могильных ям ориентировано на северо-запад, под углом в пределах от 285° до 310°. Исключение составляет погребение 36, 37, 43 и 45, ориентированные на запад (под углом в 270°).

---

[2] *В. Магницкий.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881; «Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии». Казань, 1840; *В. Сбоев.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856; *К. Прокопьев.* Брак у чуваш. Похороны и поминки у чуваш. Казань, 1903.

Захоронение покойников на материке (глина красноватого цвета) объясняется тем, что по верованиям чувашей-язычников, погребенный в плодородном слое при кончине мира может быть съеден «поедающим черную землю» (Хура тăпрана çиекен) [3].

Захоронения совершены в гробах из дубовых досок, перекрытых так же дубовой доской. При этом крышка была плоской (погребение 7). Во многих погребениях сохранились боковые стенки гробов, а крышки и днища истлели. Отсутствие днищ объясняется тем, что они были либо изготовлены из легкого материала, либо совсем отсутствовали [4].

Раскопками вскрыто 14 мужских погребений, 17 женских и 8 детских. В остальных могилах из-за плохого состояния костяков невозможно было определить пол и возраст покойников.

Костяки лежали вытянуто, на спине, лицом кверху, руки вдоль туловища, ноги параллельны. Выявлены случаи отклонения: в погребении 1 череп лежал на левом виске, в погребениях 7, 16 и 19 — на правом виске. Эти изменения произошли, по-видимому, под давлением насыпи земли, по мере разрушения перекрытия гроба. В погребении 39 левая рука согнута под углом 140°, правая вытянута вдоль туловища. В погребении 42 правая рука согнута под углом в 155°, левая вытянута.

Костяки ориентированы, как было отмечено, головой на северо-запад и запад. В такой ориентировке можно обнаружить почитание чувашами солнца: покойников хоронили лицом как бы к восходу солнца.

Погребение 33 (детское) ориентировано на северо-восток (под углом в 63°). Данное погребение совершено, по-видимому, зимой. Можно так же предположить, что в детских погребениях порой ориентировка не соблюдалась.

Погребальный инвентарь довольно разнообразен: встречаются предметы быта (ножи, кресала, ножницы), железные наконечники стрел (рис. 20), остатки головного убора и поясных украшений типа *«хӳре»*, в девяти могилах найдены серебряные и другие монеты.

Массовый материал составляют железные ножи кузнечного производства — они найдены в 27 погребениях. В 15 погребениях, как мужских, так и женских, ножи расположены с правой стороны, в области тазобедренного сустава (в двух случаях под тазом). В шести могилах ножи лежали с левой стороны тазовых костей, в двух случаях (в женских погребениях) — под черепом, в трех детских могилах ножи лежали у коленного сустава. Следовательно, в расположении ножей не прослеживается ни возрастные, ни половые различия. Ножи подразделяются на 4 типа:

---

[3] *К. Прокопьев.* Указ. соч., стр. 11—12.

[4] *Миллер.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб, 1791, стр. 78; *К. Прокопьев.* Указ. соч., стр. 12.

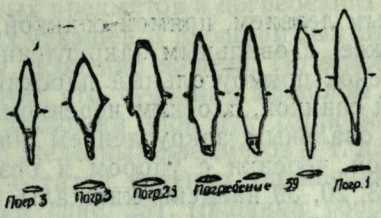


Рис. 20. Наконечники стрел.

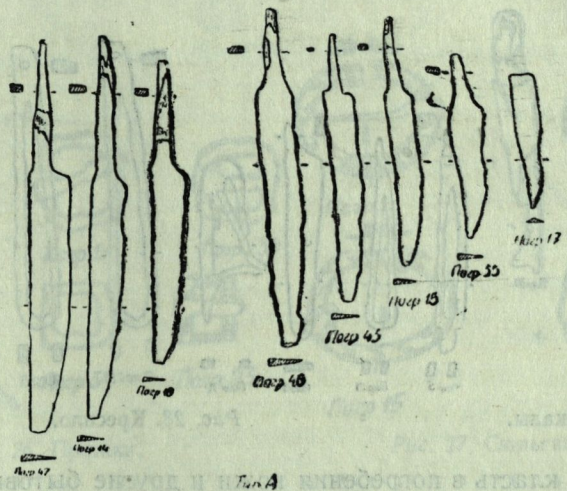


Рис. 21(а). Ножи. Тип А.

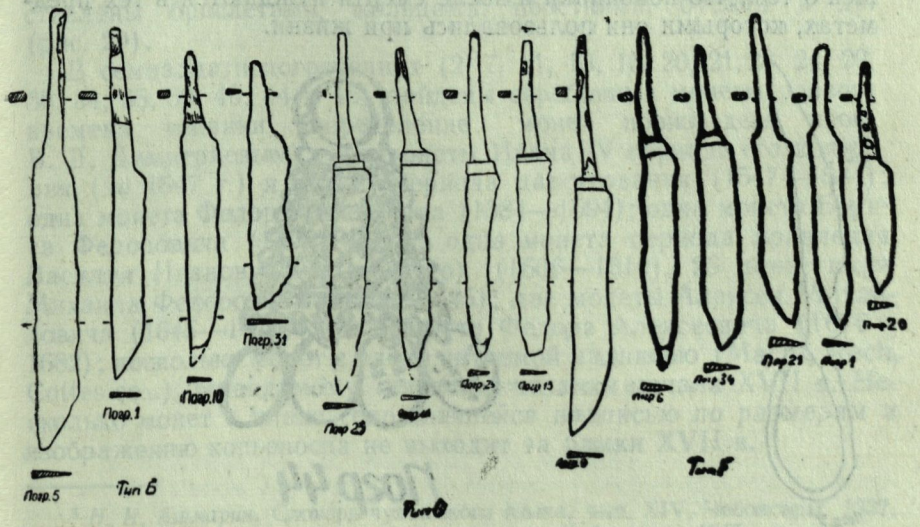


Рис. 21(б). Ножи. Типа Б, В, Г.

А — с узким острым лезвием, прямой спинкой, черенок плоский; Б — лезвие широкое, с овальным закруглением на конце, прямой спинкой, черенок прямоугольный плоский; В — с широким лезвием, с прямой спинкой, плоским черенком, с упором для рукоятки, лезвие с овальным закруглением на конце; Г — ножи с горбатой спинкой, черенки с упором и без упора (рис. 21). В погребениях 2, 3, 20, 39 найдены кинжалы (рис. 22). С покойником клали также другие предметы: кресала разных типов (рис. 23), ножницы (рис. 24) и т. п., бывшие в употреблении.

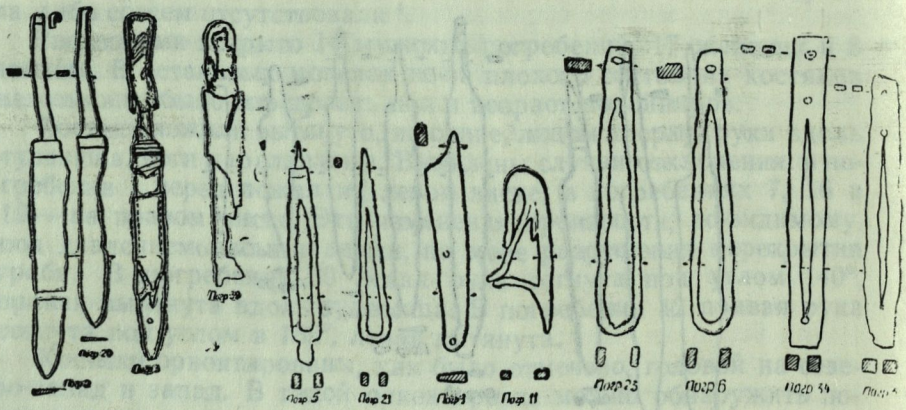


Рис. 22. Кинжалы.

Рис. 23. Кресало.

Обычай класть в погребения ножи и другие бытовые предметы был связан, очевидно, с религиозным представлением чувашей о том, что покойники и после смерти нуждаются в тех предметах, которыми они пользовались при жизни.

Рис. 24. Ножницы.

Рис. 25. Ама.

Находки железных предметов в погребениях свидетельствуют, что среди языческих чувашей в прошлом был широко распространен культ металлов, особенно железа. По этнографическим данным хорошо известно, что чуваши в прошлом почитали железо как средство, отпугивающий злой дух; были ворожеи, лечившие болезни с помощью железных предметов и т. д. [5].

Сохранившиеся остатки поясных украшений типа *хӳре*, нагрудной повязки *ама* (рис. 25), головных уборов *(тухья и хушпу)*, части пояса—пряжек (рис. 26), сюльгам (рис. 27), обуви (рис. 28) и другие остатки одежды позволяют реконструировать

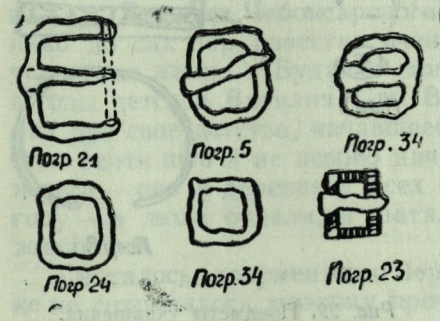


Рис. 26. Пряжки.

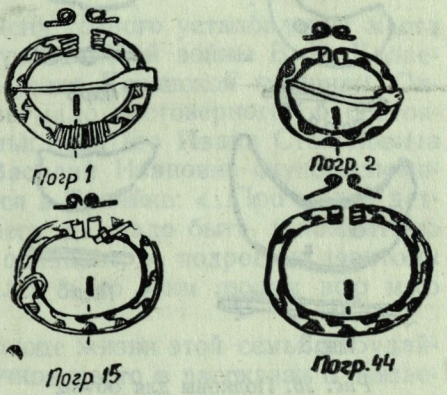


Рис. 27. Сюльгамы.

чувашский костюм XVI—XVII вв. Предметы украшения представлены браслетами, кольцами, перстнями, бусами и др. (рис. 29).

В семнадцати погребениях (2, 7, 11, 13, 15, 20, 21, 23, 24, 29, 30, 34, 35, 39, 40, 44 и 46) найдены серебряные монеты разного времени чеканки (определение монет произведено проф. В. Д. Димитриевым): две монеты Ивана IV периода его княжения (до 1547 г.) и пять — периода царствования (1547—1584); одна монета Федора Ивановича (1584—1594); одна монета Бориса Федоровича (1598—1605); одна монета периода правления Василия Ивановича (Шуйского) (1606—1610), 28 монет царя Михаила Федоровича (1613—1645); две монеты Алексея Михайловича (1645—1676); одна монета Федора Алексеевича (1676—1682); несколько монет с плохо читаемой надписью (Macht, Rech, Cottes se...), по-видимому, шведской чеканки начала XVII в. Несколько монет с плохо сохранившейся надписью по размерам и изображению копьеносца не выходит за рамки XVII в.

---

[5] *Н. И. Ашмарин.* Словарь чувашского языка, вып. XIV. Чебоксары, 1937, стр. 43; *М. Я. Сироткин.* Чувашский фольклор. Чебоксары, 1965, стр. 62.

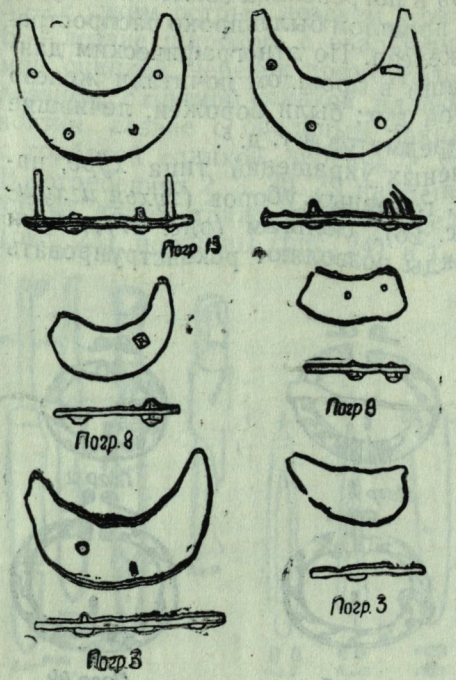


Рис. 28. Подковы для обуви.

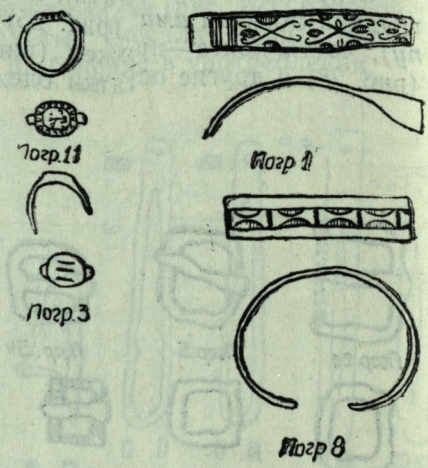


Рис. 29. Предметы украшения.

По нумизматическим данным, могильник четко датируется XVI—XVII веками. Во втором раскопе было вскрыто несколько погребений (6, 37, 43, 45), ориентированных строго на запад и не содержащих вещей. Эти погребения напоминают древнеболгарские могилы на Волге. В засыпи погребения 37 был найден и фрагмент желтой круговой посуды домонгольского типа и обломок крючка от колчана. Отсюда можно предположить, что Толиковский могильник мог возникнуть и в более ранее время. Погребальный обряд языческих чувашей сохранил многие элементы погребальных церемоний болгар (захоронения в неглубоких ямах, ориентировка на запад и северо-запад, следы сакрального огня, культ железа, почитание солнца и т. д.).

Дальнейшие исследования могильника несомненно помогут глубже изучить погребальный обряд языческих чувашей, некоторые стороны их быта и культуры.

ПУБЛИКАЦИЯ

В. А. Нестеров

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О СЕМЬЕ ЧАПАЕВЫХ

Прошло уже 40 лет со времени точного установления места рождения легендарного героя гражданской войны В. И. Чапаева — д. Будайки Чебоксарского уезда Казанской губернии. Однако до сих пор известно очень мало достоверного об обстоятельствах жизни в Будайке семьи отца его Ивана Степановича в годы детства Василия. Сам Василий Иванович скупо вспоминал про свое детство, начавшееся в Будайке: «...Про малое детство почти што и не помню ничего, да, надо быть, и помнить-то нечего — оно в деревне у всех одинакое. А подрос к девятому году — в люди отдали, и шатался я по этим людям всю мою жизнь...» [1].

Считалось, документов о периоде жизни этой семьи в Будайке не сохранилось, поэтому прочное место в рассказах о Чапаевых в Будайке заняли воспоминания разных лиц, достоверность которых, казалось, нельзя проверить и которые потому принимались на веру как есть без критики. Известны были лишь метрические книги Вознесенской церкви г. Чебоксар, в приходе которой состояла пригородная Будайка. По ним были установлены некоторые сведения о родословной, начиная от прадеда Василия, Гавриила Андреева, крепостного крестьянина, состоявшего в год рождения сына Степана, деда Василия, за помещицей Ф. Н. Скрыпиной (в 1828 г.) [2].

Поиски в фондах Центрального государственного архива Чувашской АССР привели к неожиданным находкам: оказалось, что имеются материалы как о жизни семьи Чапаевых в Будайке, так и о связях ее с родной деревней после переезда в с. Балаково Николаевского уезда Самарской губернии. Они показывают, что ряд вопросов освещался до сих пор неверно, основываясь на воспоминаниях.

Ссылаясь на утверждение двоюродной сестры В. И. Чапаева Н. Г. Никифоровой, некоторые исследователи заключали, что

---

[1] *Дм. Фурманов.* Чапаев. Челябинск, 1970, стр. 106.

[2] *И. Д. Кузнецов.* Наш земляк В. И. Чапаев.— «Очерки по истории и историографии Чувашии». Чебоксары, 1960, стр. 245—247; *Н. И. Иванов.* В. И. Чапаев и Чувашия.— «*УЗ ЧНИИ*», *вып. 36. Чебоксары, 1967, стр. 151—156.*

семья И. С. Чапаева в Будайке была «самой бедной», что это было в определенной степени результатом выхода крестьян этого общества из крепостной зависимости на нищенский «даровой надел», составлявший всего одну десятину на ревизскую душу [3].

Однако в документах ничего не говорится о даровом наделе. Ко времени отмены крепостного права в 1861 г. д. Будайка была поделена между тремя частновладельцами и соответственно этому в ней образовались три крестьянских общества. Деревня находилась рядом с Чебоксарами, являвшимися в то время одним из пунктов судоходства и связанных с ним промыслов на р. Волге, и как следствие этого — постоянная тяга крестьян этой деревни, как и соседних других помещичьих селений, к заработкам на волжских промыслах. Помещики не препятствовали отходничеству крестьян на промыслы, переводя их постепенно на выгодный обеим сторонам оброк. Крестьяне д. Будайки еще в конце XVIII в. при 25 дворах на помещиков пахали всего 30 десятин из всей пашни 221 десятины. В имении помещицы Е. А. Полиновской, одной из владелиц Будайки накануне крестьянской реформы, некоторые отходники платили ей со своего занятия до 20 руб. серебром в год [4].

Семья деда В. И. Чапаева — Степана Гаврилова — состояла за помещицей Полиновской. Переходные отношения между ней и крестьянами были оформлены уставной грамотой, утвержденной в марте 1862 г.: по ней крестьянам на 46 ревизских душ было отведено 138 десятин земли, то есть высший надел для этой полосы по 3 десятины на душу. За это помещица требовала, кроме оброка за пользование «усадебной оседлостью» по 2,5 рубля, обязательных отработок на нее за каждый душевой надел 70 дней в году, разрешенных «Положениями» о крестьянской реформе [5]. Для крестьян д. Будайки — общества бывших владения Полиновской — это требование оказалось невыгодным, так как оно мешало их привычным и относительно выгодным занятиям на отхожих промыслах. Поэтому они стали добиваться быстрейшего прекращения переходных временнообязанных отношений с помещицей. Крестьяне этого общества шли на это, несмотря на то, что согласно предоставленному ей праву помещица могла не отдавать им на выкуп всего отведенного уставной грамотой надела при условии, что инициаторами соглашения о выкупе выступали крестьяне. По их договору о выкупе, утвержденному в апреле 1865 г., крестьяне общества б. Полиновской стали свободными от нее собственниками своих наделов, уменьшенных до низшей нормы по десятине на ревизскую душу. Следовательно, речь идет

---

[3] *Е. Н. Артемов.* О родине, семье и годах детства В. И. Чапаева.— «История и культура Чувашской АССР», вып. 2. Чебоксары, 1972, стр. 409.

[4] ЦГА ЧАССР, ф. 206, оп. 9, «Экономические примечания» Чебоксарского уезда, л. 12; ф. 9, оп. 1, д. 1, лл. 1, 7—7 об.

[5] ЦГА ЧАССР, ф. 9, оп. 1, д. 9а. См.: док. 1.

о том, что крестьяне этого общества сами пошли на уменьшенный надел, так как были уверены в возможностях сторонних заработков, к которым они были привязаны больше, чем к земле. Данную о выкупе на основе упомянутого договора Будайковское общество получило в августе 1866 г. [6]. Из материалов о положении общества после реформы известно, что заработки на стороне, в основном на лесных работах и на сплаве по Волге, обеспечивали главные расходы будайковцев: и на уплату податей и выкупных сумм, и на содержание семей, а крестьянское хозяйство во многих семьях заняло подсобную роль [7].

Степан Гаврилов был одним из активных крестьян в Будайковском обществе. Он стал сельским старостой, когда была оформлена уставная грамота общества, и как выборный представитель общества защищал его интересы перед помещицей. Еще при крепостном праве он был привлечен к царскому суду, но был оправдан. В августе 1862 г. помещица Полиновская добилась смещения его с должности старосты [8]. По имущественному положению семьи С. Гаврилова и его сыновей относились к категории средних крестьян Будайковского общества. При выходе из крепостной зависимости С. Гаврилов получил надел на 3 души соответственно числу лиц мужского пола в его семье, записанных в 10 ревизию (он сам и сыновья Иван Алексей). Сохранились данные о размерах землепользования сыновей С. Гаврилова ко времени столыпинской реформы. Так как переделов земли в Будайковском обществе между двумя реформами не было, суммируя участки их пользования, мы получаем надел, который достался по выкупу С. Гаврилову: 2 десятины 666 кв. сажен полевой земли на три души. В деревне ему принадлежало одно усадебное место [9].

С. Гаврилов был женат дважды. От первого брака у него осталось двое сыновей: Иван (старший сын) и Алексей. В связи с ранней смертью супруги С. Гаврилов женился второй раз, взяв замуж чувашскую крестьянку из соседнего с. Альгешева Прасковью Федоровну Никитину. Женитьба русского С. Гаврилова на чувашке — показательный факт отсутствия национальной предубежденности в общении с окрестными чувашами как этой семьи, так и вообще бывших русских крепостных крестьян. Во втором браке у него родился еще сын — Андрей. Названные трое сыновей унаследовали отцовский надел, который разделил между ними С. Гаврилов по однодушевной доле. Умер он в 1891 г.[10].

Иван Степанович стал жить своей семьей с 1876 г., когда он

---

[6] См.: док. № 3.

[7] ЦГА ЧАССР, ф. 61, оп. 1, д. 31; ф. 150, оп. 1, д. 3, лл. 39 об.— 40; д. 68, л. 137; д. 94, л. 162; д. 98, л. 4.

[8] ЦГА ЧАССР, ф. 8, оп. 1, д. 5, л. 49; ф. 9, оп. 1, д. 1, л. 7.

[9] ЦГА ЧАССР, ф. 21, оп. 4, д. 2413, л. 16 об.; д. 2535, л. 16 об.

[10] ЦГА ЧАССР, ф. 21, оп. 4, д. 2916, л. 2; ф. 393, оп. 1, д. 2, № 35. См. также: док. 10 и 11.

женился на крестьянской девушке Екатерине Семеновой из соседней д. Гремячевой Чебоксарского уезда. Отделившись как старший сын от отца вскоре после женитьбы, он обзавелся своим хозяйством и получил свой однодушевой надел полевой земли. Последний составил по сведениям самого Ивана Степановича 1890 кв. сажен, а по обмеру 1911 г.—1409 кв. сажен. Первая цифра соответствовала «общему в обществе расчету на ревизскую душу» и, по-видимому, не выражала действительную наличность земли в душевом наделе семьи Ивана Степановича [11].

Многие будайковцы после разделов отцовских наделов оказались, подобно ему, при небольших участках земли, урожай с которых не мог обеспечить даже минимальных потребностей их семей. Работа на наделах не загружала и наличную рабочую силу в семьях (средний показатель обеспеченности семьи работниками в Будайке в 1885 г.— 3,25 и средней численности в ней 6,5 душ обоего пола). В обществе образовалось аграрное перенаселение. Отсутствие достаточных средств существования в деревне при излишестве рабочих рук — таков источник возраставшего отходнического движения из Будайковского общества. В этом обществе в 1885 г. на 22 хозяйства приходилась 31 лошадь при 37 десятинах всей обрабатываемой земли, что ясно говорит об использовании лошадей на отхожих работах [12]. Иван Степанович втянулся в плотничество, в то время относительно прибыльный вид профессии в Чебоксарском уезде, так что, по-видимому, зарабатывал средства, достаточные для обзаведения своим хозяйством и содержания растущей семьи [13]. Однако любые изменения на рынке труда сразу сказывались на положении крестьянских семей, зависевших от сторонних заработков. Когда в итоге двух неурожайных годов — 1891 и 1892 — и последовавшего голода резко усилился поток крестьян на заработки в города и урожайные места, вследствие чего в Казанской губернии заработки также сильно сократились, многим постоянным отходникам пришлось решиться на перемену мест жительства и переселиться в места, где они могли рассчитывать на более высокие заработки. Этот процесс захватил и семьи сыновей С. Гаврилова.

В 1892 г. выехала из Будайки ставшая вдовой вторая жена Степана Гаврилова Прасковья Федоровна с Андреем [14]. Весной 1896 г. переехала в с. Балаково Самарской губернии семья Ивана Степановича [15]. Средний брат Алексей, которому оставили свои наделы братья, став обладателем снова трехдушевого надела, крепился дольше, но тоже был вынужден переселиться в 1913 г. в Тобольскую губернию [16].

---

[11] ЦГА ЧАССР, ф. 21, оп. 4, д. 2413, л. 7. См. док.: 5 и 6.
[12] ЦГА ЧАССР, ф. 150, оп. 1, д. 3, лл. 38 об.—40 об.
[13] *Е. Н. Артемов.* Указ. соч., стр. 411; ЦГА ЧАССР, ф. 150, оп. 1, д. 98, л. 9.
[14] ЦГА ЧАССР, ф. 21, оп. 4, д. 2916, л. 2; ф. 27, оп. 1, д. 1294, лл. 1, 5.
[15] ЦГА ЧАССР, ф. 206, оп. 7, д. 220.
[16] ЦГА ЧАССР, ф. 21, оп. 4, д. 2916, лл. 15 об.—16, 51.

Семья И. С. Чапаева из Будайки в Балаково переехала в составе семи членов, из которых четверо относились к активному трудоспособному возрасту. У них в Балакове был свой дом [17]. Это была активная трудовая семья, не кланявшаяся судьбе покорно, при малом крестьянском наделе сводившая концы с концами в хозяйстве самостоятельно, зарабатывая недостающее на стороне. Уехала семья из Будайки не потому, что жила «беднее» других в деревне, а потому, что, как и другие крестьяне-отходники, И. С. Чапаев убедился в выгодах работы на промыслах по сравнению с трудным существованием на мелком крестьянском наделе. Балаково было крупным торгово-промышленным селом, центром торговли лесом, доставлявшимся сюда по Волге сверху. Для него, как плотника, здесь находилась выгодная работа [18].

Выход крестьян из перенаселенных мест в промышленные центры В. И. Ленин расценивал как прогрессивное явление в развитии страны по пути капитализма. Он указывал, что это «перекочевывание» сельских рабочих-отходников разрушает господствующие в районах их выхода кабальные формы найма и отработки и в то же время приносит им определенные экономические выгоды «потому, что они идут в места более высокой заработной платы, в места, где их положение, как нанимающихся, выгоднее». Он отмечал далее, что «в районе прихода, районе капитализма, заработные платы выше» [19]. Выход семей Чапаевых на новые места жительства следует рассматривать как проявление процесса постепенного вовлечения крестьян в новые капиталистические отношения, дорогу которым открыла крестьянская реформа 1861 г.

Оказавшись на стороне, семья И. С. Чапаева не порывает связи с родной деревней. Об этом говорит тот факт, что в посемейных списках Будайковского общества, составленных на начало 1911 г. и дополненных 1914 г., продолжает оставаться его семья, и в них систематически отмечаются все изменения в составе семьи, происшедшие после ее отъезда из Будайки. Оказалась записанной по Будайковскому обществу и семья сына Ивана Степановича — Василия Ивановича Чапаева, образовавшаяся в Балакове, с родившимися там его детьми, ныне здравствующими Александром и Клавдией [20]. Сам Иван Степанович, как член Будайковского общества, в 1911 г. оформил укрепление в собственность по закону от 14 июня 1910 г. своего семейного надела, оставленного при отъезде из Будайки в пользование брата Алексея. Оформление это производилось по переписке при посредничестве Алексея [21]. Все это говорит о том, что семья И. С. Чапаева,

---

[17] *Е. Н. Артемов.* Указ. соч., стр. 411. См.: док. 8.

[18] «Россия». Под ред. *В. П. Семенова,* том VI. СПб., 1901, стр. 279, 469; ЦГА ЧАССР, ф. 150, оп. 1, д. 98, лл. 5—6.

[19] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 234, 244.

[20] См.: док. 11.

[21] См.: док. 5—9.

уехав в Балаково, не отказалась от своего родного Будайковского общества, а последнее уважало ее права и интересы, как своего члена.

Публикуемые ниже документы представляют лишь часть материалов, выявленных автором в фондах ЦГА Чувашской АССР. Из них только один документ — из «Сведений о населенных местностях Чебоксарской волости» от 1885 г.— был использован автором статьи о родине В. И. Чапаева — историком Е. Н. Артемовым, но выписанные им данные в статье воспроизведены неточно, причем без анализа. Необходимо отметить, что статья Артемова опирается в своих оценках и выводах в основном на различные воспоминания, не проверенные путем сопоставления с документами, и потому изобилует приблизительными характеристиками [22]. В числе публикуемых — три документа, не имеющих самостоятельного значения, но представляющие ценность тем, что полностью отсеивают высказываемые некоторыми неосведомленными читателями сомнения относительно выхода проживавшей в с. Балакове Николаевского уезда Самарской губернии семьи И. С. Чапаева, отца Василия Ивановича, из д. Будайки Чебоксарского уезда Казанской губернии [23]. Не оставляет никакого сомнения в этом и факт ведения посемейного списка на род Чапаевых по Будайковскому обществу Чебоксарского уезда. Более того, из этого списка мы узнаем, что хотя семья и переехала на жительство в Балаково, она оставалась долгое время в членах Будайковского общества [24].

Документы публикуются впервые.

№ 1

1862 г. марта 4 — ИЗ УСТАВНОЙ ГРАМОТЫ Д. БУДАЙКИ ЧЕБОКСАРСКОГО УЕЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Уставная грамота
Казанской губернии Чебоксарского уезда сельца Будайки статской советницы Елизаветы Алексеевны Полиновской

I

1. В сельце Будайке значится по 10-й народной переписи мужеского пола душ: дворовых 11, крестьян 43. Из них отпущенных после ревизии на волю нет.

---

[22] *Е. Н. Артемов.* Указ. соч., стр. 410.

[23] См. док. 7—9. Сейчас мало кому известно, что в 1934 г., по сообщениям И. Д. Кузнецова, в газетах «Правда» (19 декабря) и «Известия» (17 декабря) были опубликованы сообщения о записи в метрической книге по д. Будайке за 1887 г. о рождении здесь В. И. Чапаева, а в 1935 г. Центрархив СССР дополнил альбом «В. И. Чапаев» фотокопией этой записи, посланной из Чебоксар.

[24] См.: док. 11.

2. Сверх сего проживают в селыце Будайке записанные за тою же владелицею в Симбирской губернии Ардатовского уезда в селе Скрипине 3 души.

3. За тем должны на основании Положения получить в пользование поземельный надел: сорок шесть ревизских мужеского пола душ.

II

1. Всей земли состояло в пользовании крестьян до обнародования Положения о крестьянах до ста пятидесяти двух десятин (152 дес.).

2. Из них собственно под крестьянскою усадебною оседлостию четыре десятины (4 дес.), в число которых входит две тысячи двадцать пять квадратных сажен (2025 кв. с.) выгона, состоявшего в общем пользовании помещицы и крестьян.

3. Для местности, где находится селение, местным Положением о поземельном устройстве крестьян высший размер душевого надела три десятины, а по числу душ в селении высший размер надела на все крестьянское общество составляет сто тридцать восемь десятин.

4. Так как крестьяне пользуются ныне землею в большем против высшего размера количестве, то им предоставляется в постоянное пользование полное количество земли по расчету высшего размера душевого надела сто тридцать восемь десятин (138 д.), а за тем остальное количество земли сверх сего, бывшее в их пользовании, четырнадцать десятин (14 дес.) от их надела отрезывается и обращается в непосредственное распоряжение владелицы.

III

1. Из числа крестьянской усадебной оседлости обязательному перенесению для крестьян ни одна не подлежит.

IV

1. За предоставленную в постоянное пользование крестьян землю в количестве трех десятин на душу причитается на основании Положения рабочих дней с каждого душевого надела: 24 мужских летних, 16 мужских зимних, 18 женских летних, 12 женских зимних, итого 70 дней.

3. Повинность за пользование всею усадебною оседлостию крестьянского общества в год 115 рублей, а выкупная сумма за всю оседлость 1916 рублей 66 копеек.

4. За исправное отбывание повинности ответствует круговую порукою все общество на основании правил, установленных местным Положением.

ЦГА Чувашской АССР, ф. 8, оп. 1, д. 9а. Подлинник.

№ 2

1812 г. не ранее марта—августа 30.— **ИЗ СООБЩЕНИЙ ЧЕБОКСАРСКОГО МИРОВОГО ПОСРЕДНИКА Д. Н. ЛЕОНТЬЕВА**

Помещице д. Будайки Е. А. Полиновской — не ранее марта 1862 г.:

По дознанию оказалось, что мир. староста Степан Гаврилов действительно находился под судом более пяти лет тому назад и оправдан им; по 114 же статье общ. пол. не могут быть избираемы лица, только наказанные по суду, или оставленные судом в подозрении, а также состоящие под судом. К этой категории Степан Гаврилов не подходит.

ЦГА Чувашской АССР, ф. 9, оп. 1, д. 1, л. 7. Отпуск.

В Чебоксарский мировой съезд — августа 30:

Удостоверившись лично в справедливости дошедших до меня требований господ помещиков о смене некоторых сельских старост за неисправное исполнение ими своих служебных обязанностей, я, руководствуясь 153 ст. общ. пол., назначил по усмотрению своему к исправлению должности сельского старосты:

2-е. В Будайковском (обществе) вместо Степана Гаврилова— крестьянина Александра Иванова.

ЦГА Чувашской АССР, ф. 8, оп. 1, д. 5, л. 49. Подлинник.

№ 3

1866 г. — **ИЗ КНИГИ ЗАПИСИ КУПЧИХ КРЕПОСТЕЙ И ДАННЫХ ЧЕБОКСАРСКОГО УЕЗДНОГО СУДА**

11. *Августа 22* — **ДАННАЯ ПО УКАЗУ Е. И. В. КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ИЗ ЧЕБОКСАРСКОГО УЕЗДНОГО СУДА**

Вследствие постановления, состоявшегося в 10-е число августа от крепостных дел, выдана сия данная временнообязанным крестьянам помещицы статской советницы Елизаветы Алексеевны Полиновской Чебоксарского уезда Кнутихинской волости Будайковского сельского общества доверенным от общества своего сельца Будайки временнообязанных крестьян Прокофья Григорьева, Сергея Иванова, Сергея Васильева, Михаила Васильева, Андреяна Иванова, Ивана Козмина, Василья Яковлева, Егора Фадеева, Семена Федорова, Леонтия Козмина, Василия Козмина, Федора Егорова, Александра Иванова, Андреяна Григорьева и Степана Гаврилова [1], сельскому старосте Илье Никитину, мирским людям Николаю Яковлеву и Никите Иванову на право владения их безвозвратно выкупаемую землю от помещицы статской советницы Елизаветы Алексеевны Полиновской, принадлежавшую к тому имению, следующую по договору уменьшенным наделом и в количестве одной десятины на душу, а на всех 46 душ

сорок шесть десятин, считая в том числе пахотную, сенокосную и землю, занятую усадьбою, а именно, а собственно при сельце Будайке под усадебною оседлостию 3 десятины, пашни 35 десятин, итого 38 десятин (в следующих границах: начиная от угла крестьянской изгороди итти полевою межею к ветреной мельнице, дойти до дороги, повернуть влево, и, идя по ней к вязкам до 30 сажен, повернуть вправо до границы специального межевания соседней дачи г-жи Юнаковой и ею до сельца Будайки так, чтобы в описанном пространстве с усадьбою заключалось 38 десятин удобной земли), бывшего сенного покоса из особо выделенной при специальном межевании дачи на левой стороне реки Волги под названием Коротниковского луга 8 десятин. Сверх этого количества и вне границ описанных земля остается в пользовании владелицы...

От сей записки подлинную данную получили сельский староста Илья Никитин, мирские люди Николай Яковлев и Никита Иванов. А за неграмотностию их по личной просьбе отставной рядовой Крылов руку приложил.

ЦГА Чувашской АССР, ф. 90, оп. 1, д. 884, л. 15—15 об. Подлинник.

№ 4

1885 г. ноября 20.— **ИЗ «СВЕДЕНИЙ О НАСЕЛЕННЫХ МЕСТНОСТЯХ ЧЕБОКСАРСКОЙ ВОЛОСТИ», СОСТАВЛЕННЫХ ЧЕБОКСАРСКИМ ВОЛОСТНЫМ ПРАВЛЕНИЕМ**

Название селения: Будайковское.

Число населения: По X ревизии мужчин 46, женщин 51; налицо по данным 1885 г. мужчин 68, женщин 72.

Земли удобной в десятинах: усадебной 5, пашни 32, луга 8, выгонной 1.

Общее количество валового сбора (хлеба): озимого 138, ярового 118 (четвертей).

Из общего количества собранного хлеба необходимо: на посев озимового 10 (четвертей), ярового 16 (четвертей) 4 (пуда); на продовольствие озимового 210, ярового 210 (четвертей); на взнос в магазины озимового 46, ярового 23 (четверти).

Скота: лошадей 31, крупного рогатого 19, мелкого 63.

Доходность местных и отхожих заработков: 116 р.

Общая сумма податей: казенных 67 р. 76 к., земских 33 р. 82 к., мирских 28 р. 41 к.

Число домохозяев, владеющих землею на общинных началах: 22.

Число десятин земли, находящейся в общинном пользовании: пашни 32, луга 8, остальных угодий 6.

Число семейных разделов: 5.

Главнейшие причины их вызвающие: по случаю большого накопления семейства, их вытесняющих.

Число работников в селении: мужских 34, женских 37.

ЦГА Чувашской АССР, ф. 150, оп. 1, д. 3, лл. 38 об.— 41. Подлинник.

№ 5

1911 г. июня 23. -- **ИЗ ПРОШЕНИЯ И. С. ЧАПАЕВА ЗЕМСКОМУ НАЧАЛЬНИКУ ПЕРВОГО УЧАСТКА ЧЕБОКСАРСКОГО УЕЗДА**

Крестьянина Чебоксарской волости Будайковского сельского общества дер. Будайки Ивана Степанова прошение.

На основании статей 7 и 8 отд. высочайшего указа 9 ноября 1906 года прошу, ваше высокоблагородие, предписать сельскому старосте Будайковского общества предъявить сельскому сходу мое, Степанова, требование об укреплении за мною в личную собственность причитающейся мне части земли из общинного надела всего на одну душу.

На основании последней земельной разверстки в моем пользовании находится и причитается к укреплению [2]... всего полевой пахотной земли 1890 квадр. сажен.

К разбору дела прошу вызвать брата моего Алексея Степанова, так как я, заявитель, нахожусь в селе Балакове [3].

Крестьянин Иван Степанов, а за него расписался дер. Будайки Николай Алексеев.

ЦГА Чувашской АССР, ф. 21, оп. 4, д. 2413, лл. 1—2. На типографском бланке. Подлинник.

№ 6

1911 г. августа 23. — **УДОСТОВЕРИТЕЛЬНЫЙ АКТ О ПРАВЕ И. С. ЧАПАЕВА НА ЗЕМЛЮ В Д. БУДАЙКЕ ЧЕБОКСАРСКОГО УЕЗДА**

Удостоверительный акт

Крестьянин Казанской губернии Чебоксарского уезда, Чебоксарской волости Будайковского сельского общества деревни Будайки Иван Степанов подал ходатайство на основании ст. ст. 4 и 5 закона 14 июня 1910 года о выдаче удостоверительного акта на принадлежащие ему участки надельной земли.

Собрав надлежащие сведения, земский начальник находит нижеследующее:

1. В обществе крестьян д. Будайки общих количественных переделов не было с самого наделения землей, состоявшегося в 1862 г. Следовательно, на основании ст. 1 закона 14 июня 1910 года общество это должно быть признано перешедшим к наследственному (участковому или подворному) владению.

2. По уставной грамоте общество крестьян деревни Будайки, быв. г-жи Полиновской, получило в надел на 46 ревизских душ 46 десятин удобной земли, состоящей из следующих угодий: мир-

ской усадебной земли 5 десятин, пашни 32 десятины, лугов 8 десятин, выгона 1 дес. [4].

3. Надел Будайковского общества состоит из следующих угодий: под усадьбами 5 дес. 1200 кв. саж., пашни пространством 32 дес., лугов 8 дес., выгона 1200 кв. саж. Пространство угодий указано приблизительно, более или менее, сколько в натуре окажется. Кроме того обществу принадлежат три колодца, один ключ и водопой в пруду.

4. Пахотные угодия Будайковского общества были разверстаны ко дню обнародования закона 14 июня 1910 года по числу 46 душ на 46 душевых надела, из них 7 душевых наделов укреплены в собственность, 39 душевых надела перешли в собственность отдельных домохозяев в силу закона 14 июня 1910 года.

5. На особых основаниях в обществе крестьян деревни Будайки до обнародования закона 14 июня 1910 года переделялись луга, которые ежегодно делятся травой по числу 46 душ.

6. Непеределяемыми угодьями общество крестьян деревни Будайки пользовалось на следующих основаниях: выгон, дороги, прогоны, колодец, ключ и водопой состоят в общем пользовании всех общественников.

7. В пахотных и других разверстанных на одинаковых с ними основаниях в собственности просителя состоит 1 душевой надел. Надел этот находится в следующих участках (размер участков: длина и ширина — сажен, площадь — кв. саж.):

Первое поле:			
Между полосами Егора Иванова и Алексея Степанова	34	$8^2/_3$	$294^2/_3$
Федора Васильева и Алексея Степанова	41	$5^2/_3$	$232^1/_5$
Второе поле:			
Между полосами Андрея Ильина и Алексея Степанова	48	$7^2/_3$	368
Третье поле:			
Между полосами Фомы Александрова и Алексея Степанова	32	8	256
Александра Павлова и Алексея Степанова	31	$8^1/_3$	$258^1/_3$

А всего пять участков пространством $1409^1/_3$ кв. саж., более или менее, сколько в натуре окажется.

8. Участие просителя в пользовании общественными угодьями, переделяемыми на особых основаниях, определялось ко дню обнародования закона 14 июня 1910 года в следующем размере: в лугах $^1/_2$ доли из общего числа 46 долей, площадью около 8 дес.

В непеределяемых угодьях, а именно: колодца, ключе, водопое, дорогах и прогонах он участвует в пользовании на одинаковых основаниях с прочими домохозяевами без определения доли.

1911 года августа 23 дня земский начальник 1 участка Чебоксарского уезда Казанской губернии, рассмотрев обстоятельства настоящего дела и руководствуясь статьями 1—7 закона 14 июня 1910 года, постановил:

1. Удостоверить, что просителю Ивану Степанову принадлежат на праве личной собственности означенные в пунктах 7 и 8 сего акта участки, доли и права...

2. Содержание сего акта объявить на сельском сходе. Настоящий удостоверительный акт в 30-дневный со дня объявления срок может быть обжалован уездному съезду чрез земского начальника и вступает в силу по утверждении съездом [5].

Земский начальник Григорьев.

ЦГА Чувашской АССР, ф. 21, оп. 4, д. 2413, лл. 15—18. На типографском бланке. Подлинник.

№ 7

1911 г. декабря 5.— **ПРЕДПИСАНИЕ ЧЕБОКСАРСКОГО УЕЗДНОГО СЪЕЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ЧЕБОКСАРСКОМУ ВОЛОСТНОМУ ПРАВЛЕНИЮ**

Уездный съезд поручает волостному правлению прилагаемую копию удостоверительного акта земского начальника 1 уч. Чебоксарского у. от 23 августа 1911 года об удостоверении принадлежности крестьянину дер. Будайки Ивану Степанову надельной земли выдать означенному Степанову, при чем взыскать с него за выдаваемую копию 15 копеек канцелярских пошлин, которые вместе с роспиской представить в съезд.

Председатель Эннатский.

ЦГА Чувашской АССР, ф. 21, оп. 4, д. 2413, л. 25. Подлинник.

№ 8

1912 г. января 14.— **ПРЕПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ЧЕБОКСАРСКОГО ВОЛОСТНОГО ПРАВЛЕНИЯ**

За проживанием Ивана Степанова в селе Балакове на Бодровской улице в собственном доме — настоящее предписание за № 4938 вместе с копией удостоверительного акта Чебоксарское волостное правление имеет честь препроводить для надлежащего исполнения в Балаковское волостное правление Самарской губернии.

Волостной старшина Иванов.

ЦГА Чувашской АССР, ф. 21, оп. 4, д. 2413, л. 26. Подлинник.

№ 9

1912 г. февраля 7.— **РАСПИСКА И. С. ЧАПАЕВА В ПОЛУЧЕНИИ КОПИИ УДОСТОВЕРИТЕЛЬНОГО АКТА, ВЗЯТАЯ БАЛАКОВСКИМ ВОЛОСТНЫМ ПРАВЛЕНИЕМ**

Присланную при сем копию удостоверительного акта от 23 августа сего 1911 года на принадлежность надельной земли получил и канцелярские пошлины 15 коп. уплатил крестьянин д. Будайки Иван Степанов, а по безграмотству его и личной просьбе расписался Фаил Ярцев.

ЦГА Чувашской АССР, ф. 21, оп. 4, д. 2413, л. 25 об. Подлинник.

№ 10

1914 г. сентября 9.— **ИЗ ПОКАЗАНИЯ НА ЧЕБОКСАРСКОМ ВОЛОСТНОМ СУДЕ КРЕСТЬЯНИНА Д. БУДАЙКИ А. ИЛЬИНА О ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ РОДА ЧАПАЕВЫХ В БУДАЙКОВСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

1. Андрей Ильин: У покойного мужа просительницы [6] Степана Гаврилова был 3-душевой надел земли и он при жизни своей на мирском сходе разделил его на три доли, по одной доле на каждого сына: Ивана, Алексея и Андрея Степановых. Последний есть родной сын просительницы, а двое старших — ее пасынки.

ЦГА Чувашской АССР, ф. 21, оп. 4, д. 2916, л. 15—15 об. Подлинник.

№ 11

Не позднее 1914 г. ноября 10.— **ИЗ ПОСЕМЕЙНОГО СПИСКА ПО БУДАЙКОВСКОМУ ОБЩЕСТВУ ЧЕБОКСАРСКОГО УЕЗДА** [7]

1	2	3	4	5	6
10	6	Степан Гаврилов	28	Умер	
		Степана 2-я жена Пераскева Никитина (она же Федорова)		64	
		Степана сыновья (от 1 жены)			
		1. Иван	4	56	1854 г. января 21
		Ивана жена Екатерина Семенова		55	
		Его же дочь Анна		30	
		Ивана сыновья			
		Михаил		28	1876 г. ноября 6
		Михаила жена Степанида Гаврилова		19	
		Василий		23	1887 г. января 28
		Василия жена Пелагея Николорова			
		Василия сын Александр			1910 г. августа 9
		Его же дочь Клавдия			род. 1912 г. 3марта
11		Григорий		18	1892 г. августа 3
	6	2. Алексей Степанов [8]	1	53	1857 г. февраля 10

1	2	3	4	5	6
		3. Андрей, по крестному отцу Андреянов, незаконнорожденный от жены до брака [9]		29	1881 г. октября 11

ЦГА Чувашской АССР, ф. 21, оп. 4, д. 2916, лл. 17—19. Заверенная копия. На типографском бланке.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Степан Гаврилов (1828—1891) — дед Василия Ивановича Чапаева, как и все крепостные крестьяне, писался не по фамилии. Чапаев как семейная фамилия его потомков впервые была зафиксирована в метрической книге Вознесенской г. Чебоксар церкви при регистрации рождения одного из детей Ивана Степановича в 1884 г. Необычность фамилии породила попытки объяснения ее происхождения. Наиболее распространено объяснение, согласно которому она выводится из приклеившегося к С. Гаврилову прозвища «Чапь», якобы возникшего во время его работы на лесосплаве вследствие его привычки повторять это слово (что значит «поднимай, подхватывай» — расшифровывают авторы этого варианта). Это утверждение основывается только на предположениях. Сами Чапаевы чаще подписывались как Чепаевы *(ЦГА Чувашской АССР, ф. 24, оп. 4, дд. 2535, 2916; ф. 27, оп. 1, д. 1294)*.

В связи с этим автор настоящих публикаций В. А. Нестеров считает, что основой фамилии Чапаев является распространенное в свое время у народов Среднего Поволжья (чувашей, татар, марийцев) имя Чепай, употреблявшееся и в варианте Чапай. (См.: альманах «Дружба», 1975, № 21, стр. 162—163).— *Ред.*

[2] В документе далее следует перечень полос по трем полям, принадлежавшим И. С. Чапаеву. Описание в этом прошении, по-видимому, было дано по памяти. В этом убеждает несовпадение площадей полос по его описанию и по фактическому обмеру *(Сравни док. 5 и 6)*.

[3] Эта дописка к прошению объясняет обстановку его появления. Поскольку И. С. Чапаев при отъезде из Будайки свой надел передал Алексею Степановичу Чапаеву как родному брату без оформления соответствующим актом, последний не мог укрепить этот надел в собственность за собой. Поэтому сохранивший юридические права на эту землю И. С. Чапаев, хотя и не собирался вернуться на нее, оформил ее по закону 14 июня 1910 г. на себя, а затем уступил тому же брату Алексею.

[4] Ссылка на уставную грамоту при отсчете времени наделения выкупленной землей крестьян Будайковского общества — следствие формы, принятой при составлении удостоверительных актов. В действительности уставной грамотой были оформлены только временные переходные отношения между помещицей Полиновской и бывшими ее крестьянами Будайковского общества до подписания выкупного договора. Этот договор между ними был утвержден *Главным выкупным учреждением 30 апреля 1865 г. На основании договора* крестьяне получили данную на свою выкупленную землю в 1866 г. Некоторое расхождение сведений о распределении выкупленной земли по угодьям, содержащихся в выкупном документе и удостоверительном акте, может быть объяснено тем, что составители последнего пользовались не сведениями выкупного документа, обозначенными в известной мере условно, а точными итогами обмера земель общества, произведенного в 1874 г. *(ЦГА Чувашской АССР,*

[6] Просительница — жена С. Гаврилова Прасковья Федоровна.

[5] Удостоверительный акт на надел И. С. Чапаева никем не был обжало-

ван и в связи с этим был утвержден Чебоксарским уездным съездом 24 ноября 1911 г. *(ЦГА Чувашской АССР, ф. 21, оп. 4, д. 2413, л. 24).*

[6] Просительница — вторая жена С. Гаврилова П. Ф. Чапаева.

[7] В публикуемом документе рубрики бланка заменены номерами: 1 — номер семейства по порядку посемейного списка общества, 2 — номер семейства по ревизской сказке (10 ревизии), 3 — прозвание (или фамилия), имя и отчество, 4 — возраст, показанный в ревизской сказке, 5 — возраст на 1 января года, в котором составлен посемейный список (составлен в 1911 г.), 6 — год, месяц и день рождения по метрике. В документе при указании возраста Михаила, сына Ивана Степановича, допущена описка. Составителями списка возраст женщин был показан приблизительно со слов. Напр., Прасковье Федоровне к началу 1911 года исполнилось 67 лет, а не 64 года, как показано в посемейном списке (см. *ЦГА Чувашской АССР, ф. 393, оп. 1, д. 2, № 35).*

[8] В документе указан состав семьи А. С. Чапаева, который здесь не публикуется, а также сделана отметка о записи ее в крестьяне Тобольской губернии с начала 1914 г.

[9] Андрей был назван «незаконнорожденным» по следующей причине. Его мать Прасковья Федоровна до выхода за С. Гаврилова состояла в браке с проживавшим в д. Мижер соседнего Козьмодемьянского уезда Казанской губернии «отставным унтер-офицером» Козьмой Гавриловым. Брак их не удался и они разошлись. Но оформить развод они не могли, так как церковный брак не признавал развода: брачные отношения могли прекратиться лишь в случае смерти одного из супругов. Поэтому вступившая во второй брак Прасковья Федоровна не смогла узаконить свою семью свыше десяти лет, так как она по закону считалась все еще женой первого мужа. Козьма Гаврилов по старости умер в 1885 г. Ровно через год после этого по истечении положенного периода «вдовства» был оформлен законный брак Прасковьи Федоровны со Степаном Гавриловым. Но родившийся до того их сын Андрей считался незаконнорожденным независимо от того, что по ходатайству С. Гаврилова был причислен к законным его наследникам *(ЦГА Чувашской АССР, ф. 21, оп. 4, д. 2916, л. 18 об.; ф. 453, оп. 1, д. 1.* Архив ЗАГС при Совете Министров Чувашской АССР, метрические книги: Вознесенской г. Чебоксар церкви 1881 и 1886 гг., Покровской с. Пихтулина церкви Козьмодемьянского уезда 1885 г.).

ЗАМЕТКИ

ВОРГОДИН ЧИНКОВ И МОСКОВ МАЛКОВ — РУКОВОДИТЕЛИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ НАЧАЛА XVII в. В НИЖЕГОРОДСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

До недавнего времени о руководителях крестьянских восстаний в Нижегородском Поволжье в начале XVII в. Воргодине и Москове было известно по следующим двум источникам, опубликованным еще в дореволюционное время: «О крепкостоянии Нижнего Новаграда от воров. В та же времена (во второй половине 1606 г.— *В. Д.*) собрався Мордва и бортники и боярские холопи и крестьяне, приидоша под Нижней Новъгород, осадиша. В них же старейшин два Мордвина: Москов да Воркадин, и стояху под Нижним и многия пакости граду делаху»[1]; «А Нижней Новгород стоял за царя Василья, от воров от руских людей был в осаде, а стояли под Нижним русские люди, и бортники, и мордва, а с ними был за всеводы место Иван Борисов сын Доможиров, нижегородец, да с ним выбраны два мордвина: Варгадин да Москов. И как они уведали, что царя Василья Московские люди идут на Орзамаские и на Олатырские места, ис под Нижнева воры розбежались»[2].

И дореволюционные, и многие советские историки не пытались установить личность Воргодина и Москова, ограничиваясь либо цитированием приведенных источников, либо упоминанием названных имен[3].

Попытка установления личности указанных двух руководителей восстания впервые была предпринята П. Г. Любомировым, писавшим: «Воркадин, по-видимому, был действительно мордвин: платежницы 7116 и 7120 гг. знают двух мордвинов с именем Варгодинка — Ворманова и Чинкова. Последний, одна из заметных, судя по данным платежниц, фигур среди закудемской мордвы, может быть, и был предводителем восставших, а Москова нельзя ли отождествить с видным,— опять-таки только по впечатлению от сведений платежниц,— среди чебоксарской черемисы Ешбахтой Московым? Ведь и в восстании, судя по территории, на которую оно успело распространиться,

---

[1] Новый летописец.— «Полное собрание русских летописей», т. XIV, стр. 72.

[2] *А. Попов.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 334. См. также: «Восстание *И. Болотникова». Документы и материалы.* М., 1959, стр. 113.

[3] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, кн. III. СПб., 1843, *примечания к т. XII*, стлб. 25; *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, кн. IV. М., 1960, стр. 470; *Н. Костомаров.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия, т. II. СПб.— М., 1883, стр. 57; *С. Ф. Платонов.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910, стр. 310; *И. И. Смирнов.* Восстание Болотникова (1606—1607). М., 1951, стр. 355, 360; «Очерки истории Мордовской АССР», т. I. Саранск, 1955, стр. 89; *С. И. Архангельский.* Введение —«Н. Новгород в XVII веке». Сборник документов. Горький, 1961, стр. 17; *Д. П. Маковский.* Первая Крестьянская война в России. Смоленск, 1967, стр. 353.

принимала участие не одна мордва, но и черемиса»[4]. Строя предположения, не лишенные, как увидим ниже, оснований, П. Г. Любомиров поступил все же не вполне логично: «Воргодин» он считает именем, а «Москов» — фамилией. Писцы XVI—XVII вв. подобной путаницы не допускали. Они могли назвать обоих либо по имени, либо по фамилии, но не так, как полагает П. Г. Любомиров: одного по имени, а другого — по фамилии. Следовало учесть и то, что и Москова, и Воргодина источники считают мордвой.

Если П. Г. Любомиров высказывал лишь предположение, то авторы «Очерков истории СССР» заявили утвердительно, что антифеодальным движением мордвы, марийцев, русских крестьян и холопов руководили старейшины мордвин Воркадин Чинков и мариец Енбахта Москов[5]. То же читаем и в «Истории Татарской АССР»[6].

Известный марийский историк Г. Н. Айплатов заметил, что если «Очерки истории СССР» и «История Татарской АССР» в марийце Е. Москове видят Ешбахту Масковова из Чебоксарского уезда (по «Нижегородским платежницам 7116 и 7120 гг.»), то он — не мариец, а чуваш, поскольку под «чебоксарской черемисой» и «черемисой Чебоксарского уезда» следует понимать чувашей. До 1781 г. в Чебоксарский уезд не входила левобережная территория с марийским населением, в уезде вообще не проживали марийцы[7].

Составители сборника документов и материалов о восстании И. И. Болотникова А. И. Копанев и А. Г. Маньков в комментариях попытались по-своему установить личность Воргодина и Москова. Если П. Г. Любомиров в этих целях обратился к «Нижегородским платежницам 7116 и 7120 гг.», что вполне оправдано, поскольку Воргодин и Москов руководили крестьянскими восстаниями в Нижегородском уезде, то А. И. Копанев и А. Г. Маньков почему-то сочли необходимым пользоваться «Арзамасскими поместными актами 1578—1618 гг.», в которых они нашли указания на мурзу Воргодина Акчурина (по-видимому, это был татарский мурза) в 1613 и 1615 гг. и на мордовского крестьянина д. Большое Кучюлмово Кавтодея Масковова в 1596, 1600, 1603, 1606 гг. Комментаторы утверждают, что «восставшие выбрали двух мордвинов, из которых один, Варгадин, был мурзой, а другой, Москов — крестьянином д. Кучулмово Арзамасского уезда»[8]. Разумеется, не было смысла искать Воргодина и Москова в Арзамасском уезде. Кроме того, А. И. Копанев и А. Г. Маньков, как и П. Г. Любомиров, считают «Варгадин» именем, а «Москов» — фамилией (о невозможности такого сочетания в тексте источника было сказано выше). К тому же они ссылаются на фамилию «Московов», которая произошла от имени «Москов».

Установить действительную фамилию Воргодина позволяет «Справка Разрядного приказа, составленная в 1622 г., о службе помещика сына боярского Михаила Ордынцова в городах Курмыше и Нижнем Новгороде в 1606—1609 гг.», опубликованная Г. Н. Анпилоговым в 1969 г. Этот ценный документ сообщает неизвестные ранее данные о размахе и наиболее крупных событиях крестьянского движения в Поволжье, интересные сведения о выступлениях

---

[4] *П. Г. Любомиров.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939, стр. 31—32. Автор ссылается на «Нижегородские платежницы 7116 и 7127 гг.». Составитель С. Веселовский. М., 1910, стр. 69, 118 и 223; 51, 57, 77, 109, 112, 120, 204, 209 и 231; 50 и 203.

[5] «Очерки истории СССР. Конец XV—начало XVII в.». М., 1955, стр. 673.

[6] «История Татарской АССР». Казань, 1955, стр. 160.

[7] *Г. Н. Айплатов.* К вопросу об участии трудовых масс Марийского края в Крестьянской войне в России начала XVII века.— «Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. XIX. Йошкар-Ола, 1964, стр. 147—148. Замечание Г. Н. Айплатова правильно: до начала XVIII в. в русских источниках чувашей преимущественно называли «горной черемисой». См.: *В. Д. Димитриев.* О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI—начала XVIII веков.—«Ученые записки ЧНИИ», вып. XXVII. Чебоксары, 1964, стр. 118—132.

[8] «Восстание И. Болотникова». Документы и материалы. М., 1959, стр. 397.

в Курмышском и Цивильском уездах в 1606—1607 гг., подробные данные о восстаниях в Нижегородском уезде в 1608—1609 гг., в руководстве которыми участвовали те же мордвины Москов и Воргодин (документ называет и фамилию последнего). Приведем те места документа, где говорится о Москове и Воргодине и об участии черемисы (чувашей и марийцев) в восстаниях в Нижегородском уезде: «Да 117 [1608] году сентября [в] 15 день послан Михайло [Ордынцов] из Нижнево к царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Руси з денежною казною. И как буде приехав в город Володимер за ундолом, и в те поры нижегородцкая мордва и бортники Москонко да Воргодинко государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Руси изменили, голову Василья Онтончикова убили и про тое казну подали весть вору под Москвою в Тушино... Да в 117 году ноября [в] 25 день приходили изменники под Нижний Новгород Ондрей Сурвоцкой да мордвин Варгодинка Чинков с товарищи. И была де выласка Ондрею Олябьеву... Да 117 году ноября в 29 день приходили изменники по Московской дороге Ондрей Сурвоцкой с товарищи и было дело воеводе Ондрею Олябьеву. Да ноября [в] 30 день к Нижнему был приступ в четырех местах: к Печерским, к Никольским, к Ильинским воротам, да от Балахны. И от Печерских ворот была выласка воеводе Ондрею Олябьеву... Да декабря [в] 10 день ходили изменники мордвин Воргодин да Офонька Литомин с товарищи к селу Павлову на две дороги... и было дело под селом Павловым воеводе Ондрею Олябьеву... Да февраля [в] 6 день ходил воевода Ондрей Олябьев на многих воров к селу Кадницам, и был бой у села Кадниц за две версты, с воры: с арзамазскими с детьми боярскими, и с казаки, и с татары, и с черемисою, и с мордвою, и с песочены... Да февраля [в] 16 день, как шел воевода Ондрей Олябьев из под Арзамасу, и на Собакинском лесу приходили государевы изменники — лыжники многие, черемиса и мордва, и бортники, и всякие воровские люди» [9].

Следовательно, как указывает процитированный документ, «Воргодин» — это Воргодин Чинков. Предположение П. Г. Любомирова оказалось верным.

Воргодин Чинков принадлежал к Тепелевской мордве (вероятно, к Тепелевской волости) Нижегородского уезда. В 1607/08 г. сюда относились дд. Старое Тепелево (в живущем 7 вытей [10]), Новое Тепелево (13 вытей без четверика), Сарадон (2 выти), Кужедом (6 вытей без четверти), Кудрино (2,5 выти) [11]. Название существовавшего ранее с. Большое Тепелево применялось лишь для общего обозначения перечисленных деревень [12]. К 1618/19 г. д. Старое Тепелево превратилась в пустошь, отнесенную к д. Сарадон (2,5 выти), существовали дд. Новое Тепелево на речке Тепелевке (7 вытей), Кужедом, что было с. Большое Тепелево, на овраге Кужедоме (5 вытей), д. Кудрино на речке Кирмети (3,5 выти) [13].

Самого Воргодина Чинкова источники именуют тепелевским мордвином. Его сыновья Ондрюш и Поздяк Воргодиновы, по данным 1618—1620 и 1644—1648 гг., проживали в д. Сарадон [14]. Вероятно, Воргодин Чинков был жителем д. Старое Тепелево, от которой выселилась д. Сарадон. Пустошь Старое

---

[9] *Г. Н. Анпилогов.* О восстании в Среднем Поволжье и г. Осколе в 1606—1609 гг.— «Вестник Московского университета», 1969, № 2, стр. 94—95. В публикации напечатано: «мордвин Варгодин Качинков». Выше было в уменьшительной форме: «Воргодинко». И здесь следовало расшифровать «Варгодинка Чинков». К сожалению, весь документ расшифрован не вполне качественно.

[10] Выть — единица налогового обложения с 18—24 дес. пашни.

[11] «Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг.», стр. 94—95.

[12] Там же, стр. 55, 111, 208.

[13] «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. VI. Нижний Новгород, 1905, стр. 20—21.

[14] Там же, т. VI, стр. 76, 112; т. VII. Нижний Новгород, 1909, стр. 576, 602; т. XV. вып. 4. Нижний Новгород. 1913, стр. 20, 127, 152; т. XV. вып. 3. Нижний Новгород, 1913, стр. 14, 122, 147; т. XV, вып. 5. Нижний Новгород, 1913, стр. 15, 115, 136.

Тепелево в 40-х гг. XVII в. опять стала деревней [15]. Ныне с. Тепелево, дд. Старое Тепелево, Кудрино, Кужадон входят в Тепелевский сельсовет, д. Сарадон — в Дальнеконстантиновский сельсовет Дальнеконстантиновского района Горьковской области [16].

Воргодин Чинков был состоятельным крестьянином. Кроме надельных земель и бортных деревьев в валовых (т. е. на всю общину) бортных лесах он имел оброчные бортные ухожья. Так, в нижегородских платежницах 1607/08 г. читаем: «В том же Тепелевском лесу мордве давати оброку оприч валового: у Воргодинка Чинкова с 5-и знамен оброку за пуд и за 8 гривенок меду и с пошлинным медом 28 алтын, денежных пошлин 5 денег; за куницу 10 алтын, пошлин 3 деньги» [17]. В бортном лесу по р. Пьяне (ухожей Клима Шестакова): «У мордвина у Воргодина Чинкова, что ходил Лукинской бортник Жданко Дмитреев, оброку за пуд за 30 за 2 гривенки меду и с пошлинным медом рубль и 8 алтын 4 деньги, денежных пошлин полосмы деньги, за пол куницы 5 алтын, пошлин полторы деньги» [18]. Он был и совладельцем мельницы: «У Тепелевские мордвы у Варгодинка Чинкова с товарыщи с мельницы на реке на Пичесе на Немытове поляне оброку рубль и 16 алтын 4 деньги, пошлин 2 алтына 3 деньги» [19]. Все это числилось за ним и в 1609—1612 гг. [20].

В платежницах 1617/18 и 1619/20 гг. Воргодин Чинков показан содержателем бортного ухожья в Тепелевском лесу и совладельцем мельницы на р. Пичесе [21]. А бортные ухожья в лесу по р. Пьяне уже числятся в аренде «деревни Сарадона у мордвина у Ондрюшки Варгодинова, что ходил Варгодинко Чинков, оброку пуд и 32 гривенки меду и с пошлинным медом денежных пошлин пол-осмы деньги, за полкуницы 5 алт., пошлин 1,5 ден.» [22]. О. Воргодинов являлся совладельцем второй мельницы на р. Пичесе (оброк 20 алтын) [23]. К сожалению, после 1619/20 г. платежницы с перечислением оброчников прерываются до 1644/45 г. В платежницах 1644/45 г. Воргодин Чинков не упоминается. Его сын Ондрюш являлся совладельцем указанной выше мельницы, а второй сын Поздяк арендовал два знамени в бортном лесу по р. Пьяне (ухожей Клима Шестакова) [24].

Теперь попытаемся установить личность Москова. Платежницы 1607/08 г. сообщают о двух мордовских крестьянах, носивших имя Москов: «можаровский мордвин» Москов Сычадеев (из других источников известно, что он из д. Старое Можарово) [25] и «тепелевский мордвин» Москов Малков [26]. Логично полагать, что соратником Воргодина Чинкова был односельчанин или однообщинник. Весьма интересный документ — отписка Д. Милославского боярину князю Д. Т. Трубецкому и стольнику князю Д. М. Пожарскому о сборе с Нижегородского уезда недоимок по медвяному и куничному оброку, написанная в начале 1613 г., разрешает вопрос в пользу Москова Малкова. Из документа узнаем, что мордовские крестьяне и русские бортники Нижегородского, отчасти Алатырского и Арзамасского уездов, чувашские крестьяне Чебоксарского, Ядринского и Курмышского уездов, чувашские и марийские крестьяне

---

[15] Там же, т. XV, вып. 4, стр. 73.

[16] «Горьковская область». Административно-территориальное деление на 1 января 1966 года. Горький, 1966, стр. 73, 74.

[17] «Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг.», стр. 55.

[18] Там же, стр. 51.

[19] Там же, стр. 77.

[20] Там же, стр. 109, 112, 120, 204, 209, 231.

[21] «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. VI, стр. 81, 109; т. VII, стр. 577, 600.

[22] Там же, т. VI, стр. 76; т. VII, стр. 576.

[23] Там же, т. VI, стр. 112; т. VII, стр. 602.

[24] Там же, т. XV, вып. 4, стр. 127, 152.

[25] «Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг.», стр. 65; «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. VI, стр. 89.

[26] Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг.», стр. 51, 76.

Козьмодемьянского уезда, которые пользовались оброчными лесами Нижегородского уезда, обязаны были ежегодно вносить в Нижнем Новгороде в казну по 930 пудов оброчного меда и более 500 куниц (за мед могли собирать деньгами, за куницы вносились только деньги). В «смутное время» мордовские крестьяне не платили оброка за 3—4 года, чувашские и марийские крестьяне — за 4 года, бортники — за 2—3 года. В 1612 г. власти потребовали погашения недоимок оброчного меда и куниц. Москов Малков выступил инициатором написания от имени всех крестьян, обязанных погасить недоимки по оброку с бортных ухожьев, челобитной в «Совет всей земли» (Д. М. Пожарскому и Д. Т. Трубецкому). 8 января 1613 г. М. Малков привез нижегородским воеводам грамоту Пожарского и Трубецкого, написанную в ответ на поданную им челобитную [27]. К сожалению, грамота и челобитная не сохранились. По-видимому, крестьяне просили дать облегчение в погашении недоимок по медвяному и куничному оброку. Бывший руководитель повстанческого движения крестьян боролся за их интересы другим путем — подачей челобитной временному правительству России.

Москов Малков был, как и Воргодин Чинков, состоятельным крестьянином. Согласно платежнице 1607/08 г., он вместе с тремя другими крестьянами держал на оброке два знамени в уже упомянутом бортном лесу по р. Пьяне (ухожей Клима Шестакова), за которые они должны были платить медом 5 пудов 9 фунтов или деньгами 3 руб. 24 алтына 5,5 деньги, а также за 3 куницы 31 алтын 3 деньги [28]. «У Тепелевские мордвы у Шестачка Малышева, да у Москова Малкова, да у Вирдянка Малышева с мельницы на реке на Озерке под деревнею Синбилеими, да с тое ж реки Озерки и с падучих речек за рыбную ловлю и за бобровые гоны оброку 20 рублев, пошлин рубль» [29]. То же сообщают платежницы 1611/12 г. [30]. По платежницам 1618/19 г., М. Малков вместе с другими тремя арендаторами сохраняет за собой лишь указанные выше два знамени в бортном лесу, а мельницы и других оброчных угодий за ним уже не имелось [31]. В платежницах 1619/20 г. его имя вовсе не упоминается [32].

Воргодин Чинков и Москов Малков возглавляли борьбу мордовских, русских, чувашских и марийских крестьян против феодального и национального гнета. С бортных ухожьев казна взимала оброк огромного размера. Медвяные деньги, как свидетельствуют нижегородские платежницы, составляли основную часть государственных доходов по Нижнему Новгороду и уезду. Эти деньги вносили русские бортники, мордовские крестьяне Нижегородского, Алатырского и Арзамасского уездов, чувашские крестьяне Чебоксарского, Ядринского, Козьмодемьянского и Курмышского уездов, марийские крестьяне Козьмодемьянского уезда. Они и участвовали под водительством В. Чинкова и М. Малкова в осаде Нижнего Новгорода в 1606 и 1608 гг. По-видимому, они имели намерение разгромить здесь приказную палату и другие органы власти, осуществлявшие феодальную эксплуатацию и национальный гнет, ликвидировать фискальную документацию. В течение 3—4 лет крестьяне не вносили медвяного и куничного оброка. В. Чинков и М. Малков были влиятельными и авторитетными крестьянами-старейшинами. Поэтому они были избраны повстанцами в предводители.

К широкому движению, возглавляемому В. Чинковым и М. Малковым, примкнули также дворяне и дети боярские Нижегородского уезда И. Доможиров, который уже в 1607 г. перешел на сторону царя Василия Шуйского,

---

[27] «Чтения в Обществе истории и древностей Российских». М., 1905, кн. IV, смесь, стр. 65—67; «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. XI. Нижний Новгород, 1912, стр. 261—263.

[28] «Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг.», стр. 51.

[29] Там же, стр. 76.

[30] Там же, стр. 120, 204, 230.

[31] «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. VI, стр. 76.

[32] Там же, т. VII.

А. Сурвоцкий, А. Литомин, преследовавшие своекорыстные экономические и политические цели. Они примыкали к крестьянскому движению, стремясь направить его на поддержку Лжедмитриев и польских интервентов. Поскольку воеводы Нижнего Новгорода оставались верными царю Василию Шуйскому, продажные дворяне были заинтересованы в захвате этого города и, стремясь добиться своих целей силами народа, восставшего против гнета, приставали к повстанческому движению. Эти временные попутчики были ненадежны и зачастую предавали интересы повстанцев.

В. Д. Димитриев.

О ПУГАЧЕВСКОМ ВОЕВОДЕ

Многие исследователи обращали внимание на факты участия в восстании Пугачева дворян и офицеров [1]. Пугачев и его сподвижники охотно пользовались услугами всякого образованного и лояльного человека. Одни служили ему верой и правдой, другие — чтобы отомстить своим богатым соседям за прошлые обиды, третьи — из-за страха за собственную жизнь.. В основном это были мелкопоместные обедневшие дворяне.

Таким был и прапорщик Алатырской инвалидной команды Е. З. Сюльдешев, назначенный Пугачевым в ранге полковника воеводой города. Из историков внимание на эту личность прежде всего обратил Н. Ф. Дубровин [2]. Он подробно описывает действия прапорщика, опираясь на его собственные показания и Е. И. Пугачева. Но мотивы поступков его оставляются историком вне поля зрения. О противоречивости действий Сюльдешева, о его предательском отношении к восставшим писали С. И. Тхоржевский, М. Д. Курмачева, В. Д. Димитриев.

Обездоленные, униженные, задавленные нищетой, крестьяне России поднялись на борьбу с феодально-крепостническим строем за свою свободу. 17 сентября 1773 г. с хутора казаков Толкачевых двинулся отряд Е. И. Пугачева. Быстро шел он, сдавались крепости, тревожные слухи шли в Петербург о том, что «ослепленная невежеством чернь везде сего изверга рода человеческого с восклицанием встречала...» [3]. Прошло менее года, как 11 июля была взята Казань. Но подоспевший Михельсон нанес поражение восставшим.

В июле 1774 г., оставив Казань, Пугачев перешел на правый берег реки Волги. «Пугачев бежал, но бегство его казалось нашествием» (А. С. Пушкин). Все ждали похода на Нижний Новгород и Москву, но он решил идти на Дон, в родную казачью среду, и повернул в сторону Алатыря.

Здесь о нем знали. 14 ноября 1773 г. в книге дел прокурора Алатырской провинции В. Г. Кривского записано, что от казанского губернатора фон Бранта получено «к опубликованию» известие «о злодее донском казаке Пугачеве с его толпою» [4]. 23 января 1774 г. местные власти Алатыря обсудили вопрос «о рассылаемых от изменника Пугачева письмах» [5]. Думали и об обороне города. В Алатыре проживало немало дворян, штатная (55 чел.), немногочисленная инвалидная, нижегородская сыскная (40 чел.) команды. Можно было собрать до 200 вооруженных горожан. 14 января 1774 г. было решено заплатить 18 руб. 37 коп. за кандалы, приготовленные на «разбойников» [6].

---

[1] «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева», т. III. Под редакцией В. В. Мавродина. Л., 1970, стр. 339—342.

[2] *Н. Ф. Дубровин.* Пугачев и его сообщники, т. 3. СПб., 1884, стр. 116—120, 125.

[3] «Пугачевщина», т. 3. М.—Л., 1931, стр. 286—287.

[4] ЦГА ЧАССР, ф. 88, оп. 1, д. 20, л. 20 об.

[5] Там же, л. 27 об.

[6] Там же, л. 26. об.

Но чувство страха также никого не покидало. В последний день 1773 г. обратились к нижегородскому губернатору А. А. Ступишину о том, куда отправить подушную денежную казну. Накануне прихода восставших решили отправить колодников, осужденных на смерть, в Таганрог.

Среди этих обеспокоенных находился прапорщик инвалидной команды Е. З. Сюльдешев, 46 лет, из дворян. В 1748 г. начал службу в Петербурге в драгунском полку, сержантом участвовал в Семилетней войне, получил ранения и вышел в отставку в чине прапорщика инвалидной команды с жалованьем чуть более 5 руб. в месяц. Жил в Алатыре с 1773 г.[7].

20 июля 1774 г. он был послан исполнявшим должность воеводы подполковником М. Белокопытовым на разведку [8]. Вести были плохие — «самозванец» с отрядом направился к Алатырю, уезд восстал. 22 июля Белокопытов собрал в воеводской канцелярии совет, где порешили: если «злодей имеет в толпе своей менее 500 человек, то чинить им супротивление и не впускать злодея в город, а буде больше, то в таком случае уже ни в чем не противиться и встретить разбойников с хлебом и солью» [9].

Спрятав в лесу присланную из Симбирска казну (24 тыс. руб. сер.), в ночь на 22 июля прапорщик снова выехал на разведку. Получив первые сведения от встретившихся крестьян, он отправил сержанта Харитонова в город. Тот, вернувшись, сообщил: Белокопытов и другие дворяне сбежали из города. Видимо, обстановка в городе была такова, что оставаться в нем было небезопасно. К тому же сыскная команда ушла в Н.-Новгород, дворяне не горели особым желанием сражаться с восставшими, часть штатной и инвалидной команд ушли к Пугачеву, когда тот был еще на пути к городу [10]. А. А. Ступишин доносил Екатерине II, что «Белокопытов хотя и приготовлялся к обороне, но не только не нашел ни смелости, ни желания в гражданах сего города к сопротивлению, но и отозвались, что они не в состоянии сопротивлятца» [11]. Надо заметить, Белокопытов был «правящий воеводскую должность здешнего гарнизона подполковник», «наказной воевода» [12], т. е. он был назначен временно «править» должность воеводы самим Ступишиным, и тот пытался оправдать Белокопытова, не ставя в последствие ему в вину бегство из города. Главнокомандующий войсками кн. Щербатов 1 августа 1774 г. о сдаче города доносил, что «сей гнусный поступок в такое время показали, когда видили злодея не в большом числе сообщников и без артиллерии» [13].

Робкие предложения Сюльдешева об обороне встретили дружный отказ как горожан, так и оставшихся солдат штатной команды. «Бежать было некуда», поэтому он 23 июля с горожанами вышел за город, где во главе с ду-

---

[7] ЦГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 453, л. 29.

[8] В Казанской секретной комиссии Е. Сюльдешев показал, что он 17 июля, получив известие о приближении Пугачева к Алатырю, выехал на разведку. Но 17 июля Пугачев следовал только к г. Цивильску. К тому же солдат Черномясов, бежавший от повстанцев и встретившийся ему на пути, по показаниям сержанта П. Лосева, приехал в город именно 20 июля.—«Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии». Сб. документов. Чебоксары, 1972, стр. 225. 438.

[9] ЦГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 453, л. 30.

[10] *М. Д. Курмачева,* ссылаясь на Н. Ф. Дубровина, пишет, что к Пугачеву ушла вся инвалидная команда,— «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах», т. 3, стр. 190. Но у Дубровина не сказано «все», а «почти все инвалидные офицеры». См.: *Н. Ф. Дубровин.* Указ. соч., стр. 117. К тому же, кроме офицеров, в инвалидных командах было много нижних чинов.

[11] «Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии», стр. 273.

[12] Там же, стр. 273, 227.

[13] «Пугачевщина», т. 3, стр. 273.

ховенством [14] и хлебом-солью от купцов встретили пристойной церемонией» Пугачева. Затем, как обычно, зачитали его манифест, отцеловали поочередно руку предводителю и отслужили в Соборной церкви молебен в его честь.

Войдя в Алатырь, Пугачев расставил караулы, чтобы «городских жителей толпа его не разоряла» [15], из тюрьмы освободил 49 колодников, роздал населению 27 тыс. руб. казенных денег, 30192 пуда 10 фунтов соли [16], приказал «рубить все бочки и вино выпустить», т. к. ворвавшиеся в город «казаки стали пьянствовать» [17], разгромили попутно 38 дворянских, купеческих (в том числе и 6 литейных) домов [18].

В тот же день Сюльдешев, подпоручик В. Касаговский и «немецкий учитель» Д. Иванов были представлены Пугачеву. Сюльдешев прикинулся простым, старым, израненным служакой. Можно предположить, что он был бы непротив послужить «Петру III», т. к. поместья у него не было, а жалованье вряд ли его удовлетворяло. Иначе нельзя понять тот факт, что сразу после молебна он пригласил Пугачева и его сподвижников в свой дом, угощал их водкой. А в лагере Пугачева он стоял впереди всех, вызвав этим гневные слова Пугачева: «Нанялся что ли ты за воеводу остаться в городе, а не то так я первого тебя велю казнить» [19]. Тут-то и последовал небольшой разговор. Пугачеву он пришелся по душе, произведен им в чин полковника и назначен на должность воеводы. *В тот же день был издан манифест «Петра III», гласивший: «А как,* в случае нашего прибытия с армией в город Алатырь, находящиеся во оном священного и протчего звания жители, кои по должности своей присяги, признавая своего монарха, учинили с пристойною церемониею всретение, а особливо и в склонность пришли порядочным образом. Наипаче ж из усмотренной нами оказанной верности господина прапорщика Елеазара Сулдешева, коей, не хотя учинить нашему величеству противности, склонил и весь находящейся в городе Алатыре народ в подданство нашей короне, за что награждается рангом полковника, и препоручается ему, как верноподданному рабу, содержать оной город Алаторь под своим ведением и почитаться главным командиром. В которой должности поступать тебе для склонившегося народу в силу законов во всем неупустительно, не чиня никому обид, налог и притеснениев. Потому же и всем помянутого города обывателям быть ему во всем принадлежащем деле послушными. С противниками же и бежавшими, кои чрез вас сысканы будут, поступать со онымы так, как з действительными злодеями, бунтовщиками и изменщиками своему государю по всей строгости нашего монаршего правосудия. Напротив же того и вам повелевается с таковыми противниками чинить по вышеписанному без опущения» [20]. Подпоручик В. Касаговский оставлен был на своем же месте управителя Ямской слободы, но в чине подполковника. Противиться этим назначениям они не посмели, т. к. началась расправа над дворянами.

Это была гражданская война [21], война за ликвидацию крепостнической системы в масштабе всей страны. Участие нерусских национальностей обусловило колоссальный размах войны. В Алатыре и самом уезде было казнено

---

[14] Среди 67 лишенных сана священно- и церковнослужителей уезда за встречу «злодея» значится 40 чел. из церквей и монастырей Алатыря, в т. ч. 16 монахинь, за что они в силу указа Синода от 26 сентября 1774 г. прошли 3-дневное покаяние, лишены званий и переведены в мещанское сословие — ЦГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 465, ч. 2, л. 141, 146 об.

[15] «Восстание Емельяна Пугачева». Сб. документов. Подготовлен к печати проф. М. Мартыновым. Л., 1935, стр. 166.

[16] ЦГАДА. ф. 814, оп. 1, д. 155, л. 336 об.

[17] «Восстание Емельяна Пугачева», стр. 166.

[18] «Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии», стр. 256.

[19] ЦГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 453, л. 32 об.

[20] «Пугачевщина», т. I. М.—Л., 1926, стр. 55—56.

[21] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 77.

и убито дворян и разных чинов людей 221 чел.— это около 63% от общего количества убитых по губернии. Восстание охватило 157 селений уезда [22].

Встретила и поддержала повстанцев большая часть городского населения Алатыря. Как писали местные власти, «простой народ злодейскими их обольщениями привели в разврат и возмущение» [23]. К повстанцам присоединились представители различных слоев — жители города, занимавшиеся сельским хозяйством, солдаты, отдельные служители культа.

Есть одно важное обстоятельство, вынуждавшее горожан с надеждой встречать Пугачева. К началу 1774 г. на посадских людях накопилась соляная недоимка в 9293 руб. 99 коп. [24]. И по приказу главной соляной конторы от 7 мая 1774 г. товарищ воеводы, коллежский ассесор приступил к описи имущества горожан, чтобы затем продать его с аукциона. А если и этой суммы не хватит, то пустить в продажу имущество выборщиков, т. е. посадских людей.

Масса людей стремилась попасть в войско, но брали только конных. Только по предварительным и заниженным данным к Пугачеву примкнуло в уезде 224 чел. [25].

25 июля, отдохнув и пополнив свои ряды, Пугачев покинул район города [26]. Но в самом уезде восстание продолжалось с неослабевающей силой. Сюльдешев, считая с уходом главного отряда дело восставших проигранным, запретил крестьянам расправляться с помещиками и приказал доставлять их к нему, обещая выдать за каждого помещика 10 руб., помещицу — 5 руб. Так он спас бывшего воеводу В. Обрескова, майора Столбова, жен многих дворян. 27 июля перевез денежную казну из леса и стал посылать в Казань, Н. Новгород и Симбирск доношения с просьбой прислать войска для подавления восставших. Город после ухода Пугачева не стал «центром народной власти» [27], а стал скорее островком среди бушующего в пламени восстания уезда, на котором находили спасение дворяне.

Из Симбирска прислали команду майора Несветаева, 31 июля прибыл симбирский батальон в 80 чел. во главе с капитаном Михалчуковым, присоединившийся к команде майора Дорофеева (50 чел.) [28], присланного Ступишиным.

Началась жестокая расправа над восставшими крестьянами в Алатырском уезде. Из содержавшихся в провинциальной канцелярии колодников на начало 1775 г. выбыло 351 чел., в том числе казнено и померло от пыток и лишений 61 чел., наказано кнутом с обрезанием ушей или без этого — 70 чел., плетьми — 99 чел., освобождено без наказания 131 чел. [29]. Надо отметить, что из 61 чел. одному отрубили голову, а пятерых повесили «со отрублением наперед руки». Вероятно, особая жестокость казни была проявлена к местным руководителям повстанческих отрядов или наиболее активным участникам крестьянской войны. Это не считая тех более 20 «злодеев», которых прибывший 31 июля от графа Мелина ротмистр М. Г. Поддъяконов приказал вывести на площадь и переколоть.

28 июля объявился и сам Белокопытов. Тут же отстранил «пугачевского» полковника» от воеводства, посадив его под арест.

А 31 июля ротмистр, не разбираясь долго в виновности того или другого

---

[22] См.: «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах», стр. 153.

[23] См.: «Города феодальной России». Сб. статей. М., 1966, стр. 468.

[24] ЦГАДА, ф. 814, оп. 1, д. 45, л. 67.

[25] «Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии», стр. 254.

[26] Е. И. Пугачев был еще раз в Алатыре, но только под большим конвоем на пути из Симбирска в Москву в конце октября 1774 г.

[27] «Города феодальной России», стр. 472.

[28] *В. Д. Димитриев.* История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959, стр. 424.

[29] «Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии», стр. 439.

и предварительно выпоров и Сюльдешева и Белокопытова, повез их к графу Мелину, но в дороге за 200 руб. он отпустил Белокопытова [30].

Сюльдешева, Касаговского и трех сержантов доставили сначала в Пензенскую провинциальную канцелярию, а затем в Казанскую секретную комиссию, где и происходили допросы. Пришлось выворачиваться и «воеводе». Его показания 1 августа 1774 г. несколько отличаются от показаний в Казанской секретной комиссии в сентябре того же года. В первом случае он сообщает, что «увещевал» его секретарь пугачевской канцелярии («до полудни»), а затем был представлен Пугачеву и назначен воеводой. Во втором случае он не говорит об «увещеваниях» секретаря, а сгущает краски над своим положением в городе. «Злодей» же говорил с ним «с сердцов», «запрещая... делать... отговорки» [31].

Показания Сюльдешева послали в Алатырь. Оттуда ответили, что действительно он спас казну, жизнь многих дворян, но наотрез отказались признать свое решение на совете 22 июля о возможности встречи «негодяев» хлебом и солью (трудно было признать дворянам факт, сильно позорящий их «дворянскую честь») и ставили в вину прапорщику отправку вооруженных людей в войско Пугачева. Было решено отправить дело Сюльдешева и его самого к нижегородскому губернатору Ступишину, который в мае 1775 г. приказал освободить его из оков и держать на квартире под присмотром.

6 июня 1775 г. по приговору московского губернатора кн. М. Н. Волконского и генерал-прокурора Сената А. А. Вяземского, утвержденного Екатериной II, учитывая нахождение его в тюрьме в оковах в течение 10 месяцев и сделанное им для спасения казны и дворян, было решено освободить Сюльдешева и ни к каким должностям не определять [32]. Затем Сюльдешев и Касаговский были лишены чинов и званий и сосланы в Таганрог на поселение.

Так сложилась судьба дворянина, прапорщика Елизара Сюльдешева, шесть дней правившего по указу Е. И. Пугачева должность алатырского воеводы. Сложилась она неудачно. В этой решительной бескомпромиссной схватке двуличная беспринципная политика и поведение «воеводы» должны были неминуемо привести к его краху.

В. Д. Кочетков.

---

[38] ЦГАДА, ф. 6. оп. 1, д. 453, л. 34.

[31] Там же, л. 32 об.

[32] Там же, лл. 86—88. Факт пребывания Е. Сюльдешева алатырским воеводой использован чувашским писателем М. Юхмой в своем произведении «Голубая стрела» (Кăвак çĕмрен, Шупашкар, 1971). Он превратил Сюльдешева в крупного авантюриста.. В явном противоречии с историческими фактами Сюльдешев оказывается в стане Пугачева, становится заговорщиком против царя-батюшки, с Твороговым и Бурновым схватывает Пугачева и везет его в Ейск. На отход писателем от жизненной правды подробно указано историком В. А. Нестеровым. См.: сб. «Историческая действительность и ее отображение в чувашской литературе». Чебоксары, 1973, стр. 33—46.

О НЕКОТОРОЙ ЗАВИСИМОСТИ СТАБИЛЬНОСТИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ДЕРЕВЕНЬ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Следствием бурного промышленного развития нашей страны является усиленная миграция сельского населения, преимущественно молодежи, в промышленные центры и новостройки страны.

Значительная часть молодежи, после окончания сельской школы продолжающей свое образование в вузах, техникумах, профессионально-технических

и других учебных заведениях, также остается в сфере промышленности или в районах новостроек.

Общая тенденция дальнейшего сокращения удельного веса сельского населения страны конкретно проявляется следующим образом.

За период между двумя последними переписями населения 1959 и 1970 гг. удельный вес сельского населения в Чувашской АССР уменьшился с 76,1 до 64,3%, а численность его сократилась с 835,6 тыс. до 787,2 тыс. чел. [1].

Несмотря на то, что естественный прирост составил за это время 152 тыс. чел., численность сельского населения сократилась на 48 тыс. чел. Городское же население увеличилось на 174 тыс. чел. Таким образом, видим, что статистические данные последних лет по республике в целом свидетельствуют о том, что в настоящее время прочно удерживается тенденция дальнейшего сокращения сельского населения за счет усиливающихся миграционных процессов.

Об этом же свидетельствуют и абсолютные показатели миграции населения, полученные нами в результате анкетного обследования более чем 20 поселений в мае 1960 и июне 1970 гг., т. е. за 10-летний период [2]. Однако миграционные процессы в отдельных деревнях сравнительно замедлены, в других же протекают более ускоренными темпами. Интенсивность их зависит не только от материальных и бытовых условий, от уровня экономической состоятельности колхозов; географического положения поселения; местных общесельских локальных и национальных традиций, но и от того, насколько высок уровень механизации сельхозартелей, от потребностей в людских ресурсах.

В данной заметке делается попытка выявить влияние некоторых из этих факторов на уровень стабильности населения сельских населенных пунктов, хотя автор вполне отдает себе отчет в том, что выводы статьи основываются на данных, имеющихся далеко не абсолютное значение. Кроме того, при всей их значимости, отмеченные признаки во всяком случае не являются решающими.

Для наблюдения взяты 18 чувашских поселений из числа 21 (точнее 24) сельских поселений, включенных в выборочную совокупность. Это сделано для того, чтобы исключить влияние фактора национальной принадлежности, выяснение которого требует особого самостоятельного исследования.

В результате миграции за последнее десятилетие на селе произошло дальнейшее сокращение абсолютной численности и удельного веса трудоспособного населения. Так, в изученных поселениях за это время удельный вес трудоспособного населения уменьшился с 44,7 до 36,7%.

Попытаемся сначала выяснить, имеется ли связь между уровнем экономической состоятельности изученных колхозов (следовательно, более высоким уровнем оплаты труда) и изменением людности поселений.

Из числа исследованных сел (табл. 1) увеличение численности населения прослеживается в Васькине, Шоршелах, Байдерякове, Трехбалтаеве, Старочелны Сюрбееве и очень незначительно — в деревнях Черепаново и Новое Исаково.

Колхозы им. А. Г. Николаева, «Прогресс», «Красный фронтовик», «Путь Ильича», в состав которых входят селения Шоршелы, Байдеряково, Старочелны Сюрбеево, Новое Исаково, относятся к числу экономически прочных колхозов, осуществлявших, например, в 1970 г. сравнительно высокий уровень (выше среднего) оплаты труда.

Оплата человеко-дня составляла в этих колхозах в 1970 г. соответственно 3 руб. 67 коп., 3 руб. 40 коп., 3 руб. 46 коп., 3 руб. 29 коп., т. е. осуществлялась на уровне совхозов. Тогда как оплата человеко-дня по колхозам Чувашии составляла в том году в среднем всего 2 руб. 92 коп.

Два других поселения — Васькино и Черепаново — входят в состав средних колхозов, осуществлявших сравнительно скромную (ниже среднего уров-

---

[1] «Советская Чувашия», 1 июля 1971 г.

[2] Подробности см.: *Л. А. Иванов.* Современные социально-этнические и культурно-бытовые процессы на селе.— Сб. «История и культура Чувашской АССР», вып. 2. Чебоксары, 1973.

ня) оплату труда, т. е. 2 руб. 60 коп. и 2 руб. 32 коп. за каждый человеко-день.

В Именеве, Ходарах, Сарееве, Дятлине, Тобурданове, Маяке, Новочелны Сюрбееве, Тойси-Паразуси, Молнии наблюдается значительное сокращение численности населения за рассматриваемый период.

В том числе шесть селений (Именево, Тобурданово, Маяк, Трехбалтаево, Тойси-Паразуси и Молния) входят в состав сравнительно маломощных колхозов, оплачивавших в 1970 г. за человеко-день от 2 руб. 05 коп. до 2 руб. 82 коп. («Именево», им. Жданова, «За коммунизм», «Мир», «Красный фрон-

Таблица 1

Название поселения (и района)	Название колхоза или совхоза	Численность по данным переписей		1970 г. к 1959 г. в %	Средняя людность семьи	
		1959 г.	1970 г.		1960 г.	1970 г.
Именево (Красноармейский)	«Именево»	652	562	86,2	3,92	3,63
Васькино (Моргаушский)	им. Ильича	254	292	115,0	3,95	4,00
Ходары (Шумерлинский)	им. Ленина	1075	911	84,7	4,24	3,78
Ишаки (Чебоксарский)	«Слава» (совхоз)	1257	1049	83,5	3,79	3,58
Малое Карачкино (Ядринский)	«Новый путь»	1454	950	65,3	4,21	4,17
Сареево (Ядринский)	им. Тимирязева	657	563	85,7	3,58	3,66
Черепаново (Красночетайский)	«Октябрь»	1778	1804	101,5	4,23	3,68
Новое Исаково (Урмарский)	«Путь Ильича»	727	746	102,6	4,21	3,87
Дятлино (Козловский)	50-лет Октября» (совхоз)	992	865	87,2	3,8	3,25
Шоршелы (Мариинско-Посадский)	им. А. Г. Николаева	539	593	110,0	3,61	3,68
Тобурданово (Канашский)	им. Жданова	1991	1815	91,2	4,55	4,99
Маяк (Канашский)	«За коммунизм»	480	464	96,7	4,76	4,78
Байдеряково (Яльчикский)	«Прогресс»	1190	1311	110,1	5,0	5,14
Трехбалтаево (Шемуршинский)	«Мир»	2575	2752	106,9	4,37	5,28
Старочелны Сюрбеево (Комсомольский)	«Красный Октябрь»	462	540	116,9	5,26	5,05
Новочелны Сюрбеево (Комсомольский)	«Красный Октябрь»	796	777	97,6	4,40	4,20
Тойси-Паразуси (Ибресинский)	«Красный фронтовик»	1453	1216	83,7	4,43	3,56
Молния (Ибресинский)	«Путиловец»	311	235	75,6	4,29	3,9
Итого		22628	20840	92,1	4,2	4,05

товик» и «Путиловец»). Два селения (Ишаки и Дятлино) находятся в составе совхозов («Слава» и «50 лет Октября») и два других (Ходары и Сареево) — в составе сравнительно экономически развитых колхозов (им. Ленина и им. Тимирязева). Хотя прослеживается определенная взаимосвязь между экономической состоятельностью колхоза и стабильностью населения, но на последнюю влияют и другие экономические факторы.

Как правило, в экономически прочных хозяйствах наблюдается увеличение людности селений. Рост общей численности населения в деревнях сопровождается стабильностью средней людности семей, или даже значительным увеличением. Так, средняя людность семей в селе Байдеряково увеличилась за десятилетие с 5,0 до 5,14 чел., в д. Васькино — с 3,91 до 4,0 чел. и т. Но в большинстве поселений увеличение численности населения сопровождалось даже некоторым сокращением средней величины семей (в Ходарах — с 4,24 до 3,87 чел., в Черепанове — с 4,25 до 3,68 чел., в Новом Исакове — с 4,21 до 3,87 чел. и т. д. отражающей общую тенденцию по сельской местности в целом.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что такой фактор, как уровень рождаемости, в данном случае имеет определенное, но не решающее значение в регулировании стабильности сельского населения. Она определяется прежде всего миграционными процессами.

Данные исследования свидетельствуют также о том, что в пределах одного колхоза людность поселений может меняться в зависимости от степени их перспективности. Так, в течение последнего десятилетия население д. Старочелны Сюрбеево возросло на 16,9%, а население соседней деревни Новочелны Сюрбеева — только на 2,4%. Оба селения входят в состав колхоза «Красный Октябрь» Комсомольского района.

В данном случае выступает уже следующий фактор — значение дислокации поселения. Наблюдения свидетельствуют о наличии определенной взаимосвязи между изменением людности поселения и его расположением относительно к промышленным и культурным центрам, путям сообщения.

С одной стороны, наибольшая стабильность (в некоторых случаях с тенденцией к росту численности) населения прослеживается в почти пригородных поселениях (Шоршелы, Тобурданово, Маяк), или расположенных в непосредственной близости от промышленного или административного центра (Новое Исаково, Черепаново). С другой стороны, она характерна для относительно глубинных поселений (Васькино, Байдеряково, Трехбалтаево, Старочелны Сюрбеево).

Во всех остальных (без исключения) исследованных поселениях, занимающих приблизительно одинаковое географическое положение, т. е. на слишком отдаленных от городов и промышленных центров и связанных с ними удобным железнодорожным, автобусным или водным сообщением, наблюдается довольно резкое сокращение населения. Людность этих поселений в 1970 г. по сравнению с 1960 г. колебалась в пределах 65,3 (Малое Карачкино) — 86,2% (Именево).

Таким образом, в числе факторов, влияющих в условиях бурного промышленного развития на интенсивность миграционных процессов и на уровень относительной стабильности сельского населения, можно отметить экономическую состоятельность колхоза, уровень занятости населения, дислокацию поселения.

Л. А. Иванов.

БИБЛИОГРАФИЯ

О КНИГЕ В. К. КИРИЛЛОВА «КАРЛ ЯНОВИЧ ГРАСИС»

Недавно, поскольку мне пришлось заниматься историческими изысканиями, связанными, в частности, с деятельностью одного из активных участников гражданской войны К. Я. Грасиса, я ознакомилась с книгой В. К. Кириллова «Карл Янович Грасис», вышедшей в свет в Чебоксарах [1].

Несомненно К. Я. Грасис достоин того, чтобы о нем написать хорошую работу. И в этом отношении хотелось бы поддержать и положительно оценить книгу В. К. Кириллова как первую попытку осветить жизнь и деятельность К. Я. Грасиса. Тем более, что речь идет о восстановлении в литературе его доброго имени.

Автор ярко, с привлечением большого количества опубликованных и архивных материалов показывает заслуги К. Я. Грасиса, который сыграл выдающуюся роль в борьбе за установление Советской власти в Чувашии и Казани, был непримирим к контрреволюции, являлся талантливым публицистом.

Однако В. К. Кириллов не смог достаточно глубоко изучить и правильно, объективно охарактеризовать сложный жизненный путь К. Я. Грасиса. Там, где это касается ошибок и неправильных действий К. Я. Грасиса, В. К. Кириллов стремится обойти или приуменьшить, затушевать их. Более того, недостатки рассматриваемой книги связаны не только с исследованием жизненного пути К. Я. Грасиса, но и освещением некоторых важных вопросов истории ряда местных партийных организаций, деятельности центральных органов партии и Советского правительства. В книге «Карл Янович Грасис» содержатся неверные утверждения, искажения исторических фактов. В. К. Кириллов необъективно подходит к источникам, односторонне отбирает документы и комментирует их; особенно недопустимо такое отношение автора к ленинским произведениям, к партийным документам.

Освещая деятельность К. Я. Грасиса в рядах латышской социал-демократии, автор как-то мимоходом, невразумительно говорит о меньшевизме К. Я. Грасиса, не указывает, с какого года последний стал меньшевиком, что он был ликвидатором, умалчивает о его борьбе против большевиков, о том, что К. Я. Грасис в 1915 г. был исключен из рядов латышской социал-демократии.

В. К. Кириллов отмечает ошибочность позиции К. Я. Грасиса по отношению к империалистической войне, но не дает ей должной оценки. «Выступая за поражение царизма,— пишет В. К. Кириллов о Грасисе,— он в то же время не понял главного — лозунга превращения войны империалистической в гражданскую — и стоял за победу союзников» [2]. Нужно было бы сказать, что К. Я. Грасис стоял на оборонческой, социал-шовинистской точке зрения, которую он проводил в своих статьях. Например, К. Я. Грасис писал:

«...Когда на карту поставлена судьба народа, само его существование, тогда надо отбросить все классовые позиции, в том числе и пролетарскую, и

---

[1] *В. Кириллов.* Карл Янович Грасис. Чувашское книжное издательство, Чебоксары, 1969.

[2] *В. Кириллов.* Указ соч., стр. 17.

рассматривать события с национальной или также с народной точки зрения, которые в таких чрезвычайных случаях все более совпадают»[3].

В. К. Кириллов умалчивает о подобных высказываниях К. Я. Грасиса, как и о резко критических выступлениях против последнего в большевистской печати. Так, газета «Яунайс Ародниекс» осудила позицию «военных социалистов» П. Адата и К. Грасиса, «которые, идя по скользким стопам Плеханова и Алексинского, призывают рабочих перейти по вопросу войны на сторону «союзников», так как это, мол, является долгом латышской «демократии» и победа «союзников» будет в сильной мере способствовать прогрессу!»[4]. В центральном органе СДЛК, газете «Циня», говорилось: «Прежде всего нужно сказать, что со стороны организованных рабочих такие военные социалисты, как Грасис, Адата и компания, поддержки не нашли, и партия их выставила за дверь»[5].

Игнорирует В. К. Кириллов и «Очерки истории Коммунистической партии Латвии», в которых Грасис, Пекман и др. характеризуются как ликвидаторы, образовавшие «антипартийную группу, чтобы совлечь СДЛК с большевистского пути и подорвать ее нелегальную организацию», указывается, что в годы войны «социал-шовинисты П. Пекман, К. Грасис и другие» «целиком присоединились к шовинистической кампании латышской буржуазии», выступали против СДЛК, «всячески поносили нелегальные организации СДЛК и их деятелей, давая тем самым жандармерии возможность ориентироваться в работе партии», отмечается, что в резолюции XI конференции СДЛК «действия оборонцев названы провокаторскими» и что конференция Рижской организации СДЛК в марте 1915 г. «постановила исключить участников оборонческой группы из партии, поскольку они выступали против основных принципов партии и грубо нарушали партийную дисциплину»[6].

Отмечая ошибки К. Я. Грасиса в отношении Брестского мира В. К. Кириллов пишет: «Многие опытные работники партии в центре и на местах не сразу сориентировались в обстановке, дали увлечь себя революционной фразой. Позиции «левых коммунистов» по вопросу о Брестском мире придерживался и К. Я. Грасис, выступая, хотя и временно, против единственно верной ленинской тактики о немедленном мире»[7]. Далее автор замечает, что из руководящих работников Казани — большевиков за немедленное заключение мира высказался только Назар Ежов.

Приведенное суждение В. К. Кириллова в общем правильно, но кое-что, и существенное, нужно уточнить.

Во-первых, К. Я. Грасис не просто дал «увлечь» себя «революционной фразой». Вслед за Бухариным он в своих статьях и выступлениях пытался теоретически и политически обосновать антиленинскую линию.

Во-вторых, из оценки, данной В. К. Кирилловым, можно сделать вывод, что К. Я. Грасис «лишь» вместе со всей большевистской организацией Казани выступал против заключения мира. В действительности же он, как председатель губкома партии, прежде всего нес ответственность за ошибочную позицию губкома. Своими статьями и выступлениями он способствовал дезориентации партийных масс. Особенно следует отметить, что К. Я. Грасис прямо сом-

---

[3] «Дзинтренис атбалс», 27 апреля 1916 г.; см. также: «Домас», 1914, № 12, стр. 1242.

[4] «Яунайс Ародниекс», 1914, № 8.

[5] «Циня», 1915, № 135—138.

[6] См.: «Очерки истории Коммунистической партии Латвии». Рига, 1962, стр. 291—292.

Во время чистки партии в 1921 г. К. Я. Грасис сам признавался, что его называли «тяжелой артиллерией меньшевиков», что он «в период войны выступал против большевиков в связи с отношением к войне». До 1922 г. партийный стаж К. Я. Грасиса значился с 1909 г. Постановлением Центральной Комиссии по пересмотру, проверке и очистке партии от 23 января 1922 г. партийный стаж ему был установлен с 1917 г.— *Авт.*

[7] *В. Кириллов.* Указ. соч., стр. 61.

кнулся в этом вопросе с левыми эсерами, аппелировал к решениям их руководящих органов [8].

В-третьих, нельзя, без оговорок, согласиться с утверждением В. К. Кириллова, что вскоре после VII съезда РКП(б) К. Я. Грасис открыто признал свои ошибки. Никаким документом это автор не подтверждает. Более того, он умалчивает, что даже после VII съезда партии, вопреки его решению, К. Я. Грасис продолжал выступать против заключения мира. В статье «Pro domo sua», опубликованной в газете «Знамя революции» 19 марта 1918 г. он писал:

«Было время, когда я занимался с точки зрения марксизма изобличением всех других учений. Создал особое марксистское «изобличительное богословие». Это — было. Теперь же я считаю Маркса только величайшим социалистом ученым. Скажу: он мой учитель. Но давно уже сказано, что плох тот ученик, который не идет дальше своего учителя. Знакомство с новейшей философией и социологией заставило меня во многом изменить свои прежние взгляды. Кант, Коген, Риккерт — с одной стороны, Лестер, Уорд, Гиддингс, Тард, Зиммель — с другой, так перестроили мое миросозерцание, что я больше себя марксистом считать не могу.

По моему глубокому убеждению,— продолжал К. Я. Грасис,— марксизм нашу демократию довел до такого, больше чем печального акта, как ратификация «мирного» империалистического договора. Это сделал марксизм, поставленный на ноги гегелизм, индифферентно относящийся к нравственной стороне человеческого бытия и, в частности, к творческой воле человека, как фактора исторического развития. Представление о «стадиях и условиях» атрофирует веру масс в успех, и остаются невыявленными громадные, неподдающиеся учету запасы социальной энергии.

Далее. Я думаю,— заявлял К. Я. Грасис,— что не каждый коммунист должен быть марксистом. Могу работать я в партии, не кривя душой, официальная идеология которой (партии) не во всех частях разделяется» [9].

Вряд ли нужны комментарии к этим рассуждениям К. Я. Грасиса.

И, очевидно, не случайно,в 20-х числах марта 1918 г. К. Я. Грасис был освобожден от обязанностей председателя Казанского губкома РКП(б), о чем В. К. Кириллов не упоминает.

В книге есть специальная глава — «Решая национальную проблему». Автор правильно подчеркивает большую заслугу К. Я. Грасиса в борьбе против политики и деятельности татарских буржуазно-националистических организаций. Он приводит ряд выдержек из выступлений и статей К. Я. Грасиса, показывающих, что последний стремился подходить к проблемам национальных отношений с интернационалистических, классово-пролетарских позиций. Вместе с тем автор отмечает: «К. Грасис не проявил достаточной гибкости в этом сложном вопросе и допустил ошибку, когда попытался теоретически обосновать свои взгляды» [10]. Однако, не говоря уже о том, что т. Кириллов неправильно толкует и оценивает ряд положений и практические действия К. Я. Грасиса по национальному вопросу, в изложении автором позиции К. Я. Грасиса остается неясным, в чем же заключались его ошибки, тогда как последние имели принципиальное, существенное значение.

К. Я. Грасис по существу был против права наций на самоопределение, являющегося одним из важнейших принципов национальной политики диктатуры пролетариата. Программное положение партии о праве наций на самоопределение К. Я. Грасис, как и Бухарин (он сам позднее писал, что в национальном вопросе стоял на бухаринских позициях), подменял тезисом о праве трудящихся на национальное самоопределение. При этом он игнорировал «Декларацию прав народов России», искажал решения III Всероссийского съезда Советов по национальному вопросу, выступал против этих решений, в основе которых, как известно, лежала ленинская «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Так,

[8] «Знамя революции» (Казань), 28(15) февраля 1918 г.

[9] «Знамя революции», 19 марта 1918 г.

[10] *В. Кириллов.* Указ. соч., стр. 81.

К. Я. Грасис утверждал, что III съезд Советов будто бы «отверг право наций на самоопределение, а признал его только за трудящимися массами», что «теоретическая формула III съезда весьма непрактична». Впрочем, в связи с перспективой образования национальной государственности, К. Я. Грасиса не удовлетворял и тезис о праве трудящихся на национальное самоопределение; он считал что «пора бы оставить и эту улучшенную формулу национального вопроса»[11].

В. К. Кириллов пишет в своей книге: «К. Грасис выступал за ленинский федеративный принцип построения социалистического государства в целом, который, кстати, не исключал и автономии»[12]. Это утверждение автора неправильно характеризует позицию К. Я. Грасиса.

К. Я. Грасис тогда в принципе возражал против создания советских национальных государственных образований, в частности, автономных национальных республик. Он полагал, что может идти речь только об удовлетворении культурных потребностей наций, что «политическая конституция ничего более национального не может прибавить». «Значит,— писал Грасис,— незачем и нет причины, и нет оправдания национальное различие развивать в национально-политические обособления...»[13].

Вопреки утверждениям автора, К. Я. Грасис выступал не за, а против ленинского федеративного принципа построения советского социалистического многонационального государства. Если В. И. Ленин рассматривал Советскую Российскую Республику как федерацию советских национальных республик, то Грасис вкладывал в понятие «федерация» другое содержание: он рассматривал Советскую Российскую Республику как «федерацию» местных Советов, областей, губерний, краев (так, в частности, он употреблял термин «Казанская республика»)[14].

В своей книге В. К. Кириллов во многом неправильно освещает ход майского (1918 г.) совещания по вопросу о созыве Учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики, которое было проведено Наркомнацом по указанию ЦК РКП(б), позицию и поведение К. Я. Грасиса на нем. Из книги не видно, чтобы автор действительно всесторонне и глубоко исследовал данный вопрос; в основном он повторяет то, что писал об этом К. Я. Грасис в своих статьях.

Автор не дает должной оценки неправильного поведения К. Я. Грасиса и его сторонников, не указывает, что их уход с Московского совещания явился недопустимым фракционным, непартийным выступлением. Этот демонстративный уход, как и ошибочная позиция Грасиса и его сторонников на совещании в целом, серьезно осложнили проведение последнего.

В книге В. К. Кириллова говорится, что при решении сложного национального вопроса впервые в истории «вполне объяснимы известные ошибки и заблуждения как со стороны видных практических работников местных губкомов и Советов, так и со стороны честных борцов за Советскую власть в среде левых сил национальной революционной демократии»[15].

Конечно, ошибки тех или других деятелей в подходе к национальному вопросу объяснимы. Но есть ошибки и «ошибки». Во-первых, К. Я. Грасис не только допустил ошибку в конкретном вопросе о Татаро-Башкирской советской республике — он развил целую концепцию по национальному вопросу, противоречащую политике партии, ленинскому учению. Во-вторых, К. Я. Грасис вразрез с решениями ЦК РКП(б) и Советского правительства и после Московского совещания по вопросу о Татаро-Башкирской советской республике настаивал на своей в корне ошибочной точке зрения, использовав при этом, как трибуну, редактируемую им газету «Знамя революции».

В серии статей под общим заголовком «Вопрос о Татаро-Башкирской рес-

---

[11] См.: «Знамя революции», 30 мая, 2 июня 1918 г.
[12] *В. Кириллов.* Указ. соч., стр. 80.
[13] «Знамя революции», 30 мая 1918 г.
[14] См.: «Знамя революции», 6(19) февраля 1918 г.
[15] *В. Кириллов.* Указ. соч., стр. 86.

публике» К. Я. Грасис развивал свои теоретически и политически ошибочные взгляды по национальному вопросу, продолжал выступать против создания Татаро-Башкирской советской республики. При этом он в искаженном свете изложил ход Московского совещания по этому вопросу, в частности, позицию Сталина. К. Я. Грасис обвинил «Правду» и «Известия ВЦИК» в том, что они якобы неправильно освещали ход совещания, заняли необъективную позицию по этому вопросу. И выпады против Сталина, народного комиссара по делам национальностей, который руководил совещанием, проводил на нем линию ЦК, свидетельствуют не о «смелости» Грасиса, а являются выражением его незрелости в партийном отношении, ибо эти взгляды в то время были направлены, в конечном счете, независимо от субъективных намерений Грасиса, против политики и директив Центрального Комитета партии и Советского правительства.

Не совсем правильную позицию по вопросам национальной политики партии занял К. Я. Грасис и в 1920 г. В то время, как ЦК РКП(б) признал необходимым, учитывая изменившуюся обстановку и стремление татарского и башкирского народов, создание уже не Татаро-Башкирской АССР, а Татарской АССР и Башкирской АССР, К. Я. Грасис, который в 1918 г. необоснованно выступал против образования Татаро-Башкирской ССР, в 1920 г. стал выступать за создание именно Татаро-Башкирской АССР. «Вчерашние противники,— писал он в феврале 1920 г. в статье «К татаро-башкирскому вопросу»,— сегодня являются сторонниками Татаро-Башкирской республики в Урало-Поволжье» [16].

В своей книге В. К. Кириллов приводит ряд документов, отражающих деятельность К. Я. Грасиса в качестве чрезвычайного комиссара по борьбе с контрреволюцией и саботажем в Казанской губернии и прилегающих уездах Симбирской и Нижегородской губерний, характеризующих его заслуги в подавлении кулацко-белогвардейских мятежей в Чебоксарах, Ядрине, Курмыше и в др. местах. Однако и здесь не следует так идеализировать и приукрашивать его деятельность, как это делает автор. Вряд ли правомерно утверждение В. К. Кириллова, что «под руководством Карла Яновича кулацко-белогвардейское восстание в Поволжье было подавлено» [17]. Руководство подавлением мятежей в Поволжье осуществляли, действуя по директивам ЦК РКП(б) и Советского правительства, местные партийные и советские органы, уполномоченные Центрального Комитета партии и Совнаркома, видные советские военные деятели и политические работники. К сожалению, никого из них, кроме М. И. Лациса, т. Кириллов не называет. Нельзя не отметить и то, что, хотя К. Я. Грасис и призывал к соблюдению социалистической законности, были случаи, когда он сам нарушал ее, не считаясь к тому же с местными партийными и советскими органами. Об этом В. К. Кириллов тоже умалчивает.

Чтобы не возвращаться к деятельности К. Я. Грасиса в Казани, отметим, что, работая в политотделе Западной армии осенью 1919 г., он принял участие в конфликте между ответственными работниками Западной армии, с одной стороны, и местными казанскими партийными и советскими органами,— с другой. В целях ликвидации этого конфликта в ноябре 1919 г. было принято решение отозвать из Казани некоторых ответственных работников как Западной армии (в их числе и К. Я. Грасиса), так и губкома партии [18].

Освещая деятельность К. Я. Грасиса в Казани, нельзя не учитывать постановление Татарского обкома РКП(б) от 26 августа 1920 г.: обсудив ходатайство К. Я. Грасиса перед ЦК о направлении его на работу в Казань, обком принял решение: «Признать пребывание т. Грасиса в Казани нецелесообразным» [19].

Особенно необъективно, с прямым искажением фактов, исторической прав-

---

[16] См.: газ. «Жизнь национальностей», 8 февраля 1920 г.
[17] *В. Кириллов.* Указ. соч., стр. 95.
[18] ПАТО, ф. 868, оп. 1, д. 4, лл. 71—72.
[19] Там же, ф. 15, оп. 1, д. 1, л. 2.

ды освещает В. К. Кириллов в своей книге деятельность К. Я. Грасиса в Астрахани, где последний работал с ноября 1918 г. до апреля 1919 г.

Автор пишет: «...председатель РВС фронта А. Шляпников и начальник Политотдела Е. Бош, входившая в состав Астраханского губкома партии, вместо того, чтобы укреплять оборону города, в это время вели междуусобицу. По их вине возник конфликт между РВС фронта и Астраханским губкомом» [20].

Однако т. Кириллов умалчивает о том, что этот конфликт усугубили неправильные действия К. Я. Грасиса, являвшегося председателем Прифронтовой ЧК, а затем заведующим Особым отделом Реввоенсовета фронта. Автор ни слова не говорит о фактах игнорирования К. Я. Грасисом местных партийных и советских органов, нарушений им социалистической законности. А ведь в Астрахани дело дошло до того, что по указанию К. Я. Грасиса без должных оснований были арестованы такие ответственные работники, как И. И. Липатов, избранный после II съезда Советов Астраханского края председателем губисполкома, А. Е. Трусов — председатель губернского совета профсоюзов, С. С. Генералов — председатель губернской ЧК, Е. З. Жадаев — заместитель председателя губчека (впоследствии заместитель председателя губисполкома) и другие.

Об ошибках К. Я. Грасиса со всей определенностью говорится в материалах ответственного работника ВЧК Г. С. Мороза и комиссии ЦК РКП(б) во главе с В. А. Радусом-Зеньковичем, направленных для расследования положений дел в Астрахани соответственно в декабре 1918 г. и январе 1919 г., а также в других документах. Г. С. Мороз писал, что «вся деятельность Грасиса говорит о полном игнорировании местных советских сил, все зиждется на «мандате» с правом расстрела, арестов, обысков и пр.», что Грасиса целесообразно «убрать» — отозвать из Астрахани. В. А. Радус-Зеньковичи Романов в телеграмме Я. М. Свердлову от 17 января 1919 г. отмечали, что с Грасисом «много спелость... неприятного, имеется много указаний на случай произвола».

На основании докладных записок Г. С. Мороза и других материалов ВЧК решила отозвать К. Я. Грасиса из Астрахани и телеграммой от 17 декабря 1918 г. предложила ему срочно сдать дела. Однако А. Г. Шляпников вступился за своего подопечного. В первых числах января 1919 г. ВЧК вновь предписала Грасису выехать в Москву, но последний не выполнил этого указания, заявив, в частности, что особые отделы «не подведомственны» ВЧК.

Возмущение коммунистов Астрахани неправильными действиями К. Я. Грасиса было настолько велико, что городская партийная конференция, состоявшаяся 4—5 января 1919 г., приняла решение арестовать его и отправить в Москву. 7 января Реввоенсовет фронта освободил К. Я. Грасиса от обязанности заведующего Особым отделом, и 9 января он выехал в Москву. 17 января 1919 г. заведующим Особым отделом Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта был назначен Заковский, присланный ВЧК.

В. К. Кириллов пишет в своей книге: «Благодаря принципиальности и твердости С. М. Кирова, К. Я. Грасиса и других коммунистов-ленинцев вопрос о выполнении предательской директивы Троцкого «сдать Астрахань» с повестки дня был снят окончательно». Рассказав о поездке К. Я. Грасиса в Москву, автор затем утверждает: «По возвращении в Астрахань Карла Яновича назначили начальником Особого отдела Каспийско-Кавказского фронта, а затем начальником и политкомиссаром разведывательного отдела штаба фронта... Работая в Особом отделе, а затем в разведывательном отделе штаба Каспийско-Кавказского фронта, Карл Янович неутомимо помогал Сергею Мироновичу Кирову в организации обороны Астраханского края» [21].

Получается, по книге В. К. Кириллова, что после поездки в Москву К. Я. Грасис был назначен заведующим Особым отделом, тогда как в действительности еще до возвращения из Москвы, куда его вызвали Я. М. Свердлов и ВЧК, он был освобожден от этой должности и не был в ней восстанов-

---

[20] *В. Кириллов.* Указ. соч., стр. 98.

[21] *В. Кириллов.* Указ. соч., стр. 99, 100.

лен. Совершенно неправ В. К. Кириллов, характеризуя К. Я. Грасиса как соратника С. М. Кирова. Прежде всего при С. М. Кирове он уже не работал в Особом отделе. Но дело не только и не столько в этом. Именно при С. М. Кирове в телеграмме в ЦК РКП(б) от 25 февраля 1919 г. губком партии выразил протест против возвращения К. Я. Грасиса в Астрахань (он вернулся в феврале) и поставил вопрос об откомандировании его, мотивируя это тем, что «налаженная работа заметно разрушается», Грасис «доверием не пользуется. Коммунисты, флот, рабочие присутствием Грасиса возмущены» [22].

И Грасис был отозван из Астрахани.

Таковы некоторые недостатки книги В. К. Кириллова «Карл Янович Грасис».

Хотелось бы подчеркнуть, что данная рецензия о книге В. К. Кириллова отнюдь не имеет своей целью преуменьшить революционные заслуги К. Я. Грасиса. В ней сосредотачивается внимание не на ошибках Грасиса, как таковых, а на отношении В. К. Кириллова к ним, на том, чтобы на конкретном материале показать, что автор не сумел с подлинно партийных, научных позиций всесторонне и объективно осветить деятельность К. Я. Грасиса. Что же касается заслуг К. Я. Грасиса, особенно в борьбе за установление Советской власти в Чувашии, то хотелось бы еще раз подчеркнуть, что они бесспорны и значительны.

В. Н. Косенко.

---

[22] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 94, ед. хр. 230, л. 224.

Е. П. БУСЫГИН, Н. В. ЗОРИН, Е. В. МИХАЙЛИЧЕНКО. ОБЩЕСТВЕННЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Историко-этнографическое исследование (середина XIX — начало XX вв).

Издательство Казанского университета. Казань, 1973, 165 стр.

Среднее Поволжье характеризуется пестротой этнического состава и чересполосным расселением: здесь в течение нескольких веков рядом живут и трудятся русские, татары, чуваши, марийцы, мордва, удмурты и другие народы. История заселения края, культурно-бытовые связи народов этого региона представляют не только научный интерес, они помогают прослеживать корни дружбы трудящихся нашей страны.

В опубликованных до 40-х гг. XX в. работах по истории и этнографии народов Среднего Поволжья практически отсутствовала научная характеристика одного из значительных этнических компонентов края — русских, которые, к примеру, в Казанской губернии составляли около трети крестьянства. В послевоенные годы этот пробел постепенно стал восполняться: ученые Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина с 1947 г. периодически проводят экспедиции по изучению русского сельского населения Среднего Поволжья. По итогам экспедиций опубликован ряд исследований [1] мате-

---

[1] См. например *Е. П. Бусыгин.* Русское население Среднего Поволжья (Историко-этнографические исследования материальной культуры). Казань, 1966; *Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин.* Русское население Чувашской АССР. Чебоксары, 1960; *их же.* Некоторые вопросы развития жилищ и поселений в правобережных районах ТАССР. Казань, 1964; *их же.* Русское сельское население Закамских районов Татарской АССР. Казань, 1967 и др.

риальной культуры [1]. Но вопросы духовной, в особенности социальной культуры, были затронуты недостаточно.

Сложной проблеме — освещению общественной жизни и культуры дореволюционной русской деревни, семьи и семейного быта русского крестьянства в основном Казанской и в определенной степени Самарской, Симбирской, Уфимской, Вятской губерний [2] в XIX—начале XX вв. посвящена рецензируемая работа коллектива этнографов Казанского университета.

Монография «Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья» написана по материалам этнографических экспедиций, проведенных в последние 25 лет, с широким привлечением архивных источников, благодаря чему в научный оборот впервые вводится значительный объем ценной информации; авторы с критическим подходом использовали краеведческую, в частности статистическую литературу.

Во вступительной части авторы знакомят читателя с предметом исследования, вкратце информируют о методике сбора материала и дают характеристику источников.

В первой главе показано, как на особенности развития общественной и семейной жизни обследованного населения значительный отпечаток наложили своеобразия, вызванные спецификой заселения, социально-экономическими условиями, культурно-бытовыми взаимовлияниями с другими народами края. Авторы осветили сложную картину переселения русских. Анализ социально-экономической обстановки подготавливает читателя к восприятию процесса изменения общественного и семейного быта; авторы отразили проникновение товарно-денежных отношений в средневековую русскую деревню. Яркой иллюстрацией является, к примеру, анализ бюджета 700 бедняцких, середняцких и зажиточных русских крестьянских хозяйств Казанской губернии.

Вторая глава посвящена изменениям в общественной и культурной жизни обследованного населения под влиянием нарождающихся капиталистических отношений. Эти стороны жизни авторами раскрыты сквозь призму функционирования сельской общинной организации. В главе анализируются структура, функции и специфические черты сельских общин как простых и раздельных, так и сложных, зачастую смешанных в национальном отношении, включавших русских, чувашей, татар, мари; показана связь формирования типов общин с былой принадлежностью крестьян к разным разрядам (государственные, помещичьи, монастырские, удельные) и с этнической картиной отдельных районов края. Авторы проявляют марксистское понимание процесса развития общественной жизни, освещают ход разрушения общины под раздирающим воздействием на нее товарно-денежных отношений. В главе в определенной степени показаны рост экономического и политического влияния кулаков внутри общины и в то же время тормозящее влияние существования общины на развитие капитализма в деревне.

В главе значительное внимание уделено традиционным народным праздникам трудового календарного цикла, религиозным и молодежным. Проведение параллелей с русским населением других областей помогло лучше осветить историю заселения Среднего Поволжья русскими, выявить специфические местные особенности. Раздел о праздниках затрагивает и культурно-бытовое взаимовлияние многонационального населения края (перенятие ряда праздников коренным населением, участие русских в проведении некоторых местных нехристианских праздников); показано переосмысление русским населением некоторых обрядов.

При чтении раздела создается впечатление о недооценке авторами изучении традиционных праздников и обрядов. Кроме указанных в книге аспектов (воз-

---

[2] В связи с этим необходимо отметить, что *В. А. Александров* в своей рецензии на данную работу («Советская этнография», 1975, № 2, стр. 169—171) совершенно напрасно и при том неоднократно пытается создать впечатление, будто в монографии исследуется русское население, проживавшее на территории только Татарии.

можность лучше представить жизнь дореволюционного русского крестьянства, помощь в ведении борьбы против вредных пережитков в сознании, использование в качестве дополнительных источников при решении вопросов исторических связей различных территориальных групп населения, их происхождения и формирования), ценность исследования их заключается еще и в выявлении и использовании в наши дни положительных моментов обрядности. Потому вряд ли можно согласиться с категорической негативной оценкой, что «традиционные народные праздники несовместимы с нашим мировоззрением» (стр. 70). Сами же авторы указывают, что ряд обрядов, манера их исполнения уже в рассматриваемое время «в значительной степени утратили свой серьезный, часто магический смысл и приобрели игровой, развлекательный характер» (стр. 90).

В третьей главе, по объему приблизительно равной двум предыдущим, рассмотрены некоторые вопросы семьи и семейного быта русского крестьянства Среднего Поволжья. Авторы значительное внимание уделили большим семьям. В ходе исследования выявлено бытование в прошлом нескольких типов больших семей, прослежен процесс образования этих типов семей, выполнен анализ функций главы семьи, сыновей и групп женщин-членов семей. Авторы показывают, как под влиянием проникновения капиталистических отношений качественно менялись роль и значение коллективной общесемейной собственности и личной собственности отдельных членов семьи и брачных пар. Отходничество как мужчин, так и женщин в сочетании с личной собственностью брачных пар резко усилили центробежные силы внутри большой семьи. В главе достаточно полно раскрыты причины и ход выделов и разделов, их зависимость от экономического состояния большой семьи, традиций, в немалой степени связанных с былой принадлежностью к определенным разделам крестьян. Авторы рассматривают некоторые стороны обычного семейного права. Основываясь на ревизских сказках, материалах Первой всеобщей переписи 1897 г. и других статистических данных, они анализируют структуру семей (людность, поколенность). Авторы осветили качественные изменения в межродственных и соседских контактах, показали разрушение тесной связи родственных семей под давлением меркантильных интересов, выдвинувшихся в конце XIX—в начале XX в. на первый план.

В главе рассмотрены термины родства и свойства, указана их вариация внутри края, проведены параллели с русскими других областей.

Определенное внимание уделено бракосочетанию, освещены вопросы выбора брачных партнеров, их возраста и локализации. Некоторое сомнение вызывает утверждение авторов, что «для русского населения по сравнению с другими народами края были характерны более ранние браки», для подкрепления которого приводятся данные о возрастах, полученные на основании официальных источников (стр. 130—132). На наш взгляд, авторы в данном случае недостаточно критически оценили источники. У русских обязательным являлось проведение венчания непосредственно во время бракосочетания. Другие же народы, например, чуваши, не считали обязательным своевременное официальное оформление брака. У последних почти половина из числа вступающих в брак венчалась по прошествии значительного времени (от 1 года до 14 лет) после фактического вступления в брак [3].

Авторы подробно анализируют свадебную обрядность русского крестьянства Среднего Поволжья, показывают сложный характер ее формирования ввиду своеобразия истории заселения края, проводят параллели не только с русскими других местностей, но и с остальными народами региона. Привлечение материалов о свадебной пище помогает четче выявить вариации среди русского населения и в то же время освещает культурное взаимовлияние соседних народов. Авторы раскрывают смысл некоторых элементов свадебной обрядности (терминов, отдельных деталей).

В книге введен в научный оборот интересный новый материал о русской свадьбе. К сожалению, абсолютно не отражены другие семейные праздники и

---

[3] НА ЧНИИ, ф. 1, ед. хр. 196, инв. № 5555.

обряды, хотя название главы — «Семья и семейный быт» — обязывало авторов к этому.

Нужно отметить, что приведенные в монографии 14 таблиц, 2 графика и 2 картосхемы значительно повышают научную значимость работы.

На основании изложенного в рецензируемой, а также отчасти в опубликованных ранее собственных работах, авторы делают научно обоснованные выводы. В них отмечается наличие общих черт преимущественно со средневеликорусским сельским населением; на территории Среднего Поволжья выделены три этнографических района с русским населением. Авторы подчеркивают значимость взаимовлияния русских с другими народами.

Изложенный в монографии материал приводит к бесспорному принятию вывода о том, что русское население Среднего Поволжья представляет собой специфическую группу русского народа.

Несомненно, первый опыт по комплексному отображению общественной и семейной жизни русского сельского населения края в дооктябрьский период оказался удачным.

П. П. Фокин.

ИТОГИ РАБОТЫ ИНСТИТУТА ЗА 1974 ГОД

28 января 1975 г. ученый совет Института заслушал и обсудил доклад заместителя директора по научной работе А. Е. Горшкова «О работе Института за 1974 год».

Как было отмечено в докладе, коллектив Института, состоявший к концу отчетного года из 54 чел. (в т. ч. 39 научных сотрудников), по плану научно-исследовательских работ разрабатывал 41 тему по актуальным проблемам экономики, истории и археологии, литературы и фольклора, чувашского языка и искусства, этнографии и социологии, прилагал усилия к повышению качества, эффективности и теоретического уровня научных исследований.

В 1974 г. научные сотрудники отдела экономики разрабатывали 10 тем по экономике промышленности, строительства и сельского хозяйства Чувашской АССР. Большинство тем включено в тематический план исследований по рекомендации Чувашского обкома КПСС и Совета Министров республики.

Вопросы экономики промышленности и строительства нашли освещение в трудах Г. С. Николаева, П. И. Иванова и В. А. Алексеева.

В статье «Эффективность использования основных фондов в промышленности Чувашии» объемом в 3,8 а. л. П. И. Иванов рассмотрел такие вопросы, как экономическая сущность основных фондов и их воспроизводство, технологическая и отраслевая структура и т. д. В работе даны обоснованные рекомендации по изучаемой проблеме.

В. А. Алексеев завершил статью «Некоторые вопросы улучшения планирования производственных мощностей в строительстве» объемом в 2,0 а. л. На основе анализа имеющихся на практике многочисленных методов и предложений он разработал свою методику определения производственной мощности строительной организации. По его мнению, предложенная им методика дает возможность балансировать производственную программу строительных организаций с их возможностями.

Кроме названных выше тем, П. И. Иванов и В. А. Алексеев разрабатывали вопросы по общей теме «Перспективы развития промышленности и строительства в Чувашской АССР в 1976—1990 гг.», первый из них рассматривал проблему оптимизации структуры промышленности республики в указанный период, В. А. Алексеев — проблему перспективного развития производственных мощностей строительных организаций.

Э. Я. Дмитриева приступила к сбору материала по теме «Пути оптимизации промышленного развития малых городов Чувашской АССР».

Ряд научных сотрудников разрабатывал вопросы экономики сельского хозяйства. Статья В. Г. Федорова «Экономика мелиорации земель Чувашской АССР» объемом в 4,0 а. л. представляет собой первый опыт исследования данной темы в республике. Она написана на основе изучения опыта колхозов и совхозов по выращиванию высоких урожаев сельскохозяйственных культур на орошаемых и осушаемых землях. В работе показана экономическая эффективность проводимых мелиоративных работ.

На основе изучения практики колхозов Цивильского, Батыревского, Порецкого, Комсомольского, Ибресинского и других районов О. В. Еремкина написала статью «Опыт и задачи материального стимулирования в колхозах

Чувашской АССР» объемом в 4,0 а. л. В ней рассматриваются вопросы оплаты труда и премирования колхозников, занятых в растениеводстве и животноводстве и даются соответствующие практические рекомендации.

М. Н. Ергачев закончил статью «Пути повышения экономической эффективности хмелеводства в колхозах и совхозах Чувашской АССР» объемом в 4,0 а. л. В ней обобщен опыт передовых хозяйств, показаны наиболее перспективные пути повышения экономической эффективности производства (правильная организация труда, внедрение в хмелеводстве достижений науки и передового опыта и т. д.). В статье «Комплексные бригады и механизированные звенья в колхозах и совхозах Чувашской АССР» объемом в 2,0 а. л. М. Н. Ергачев приходит к выводу, что в современных условиях целесообразнее организовать крупномеханизированные звенья конечной продукции, а оплату труда лучше производить за центнер продукции.

Вопросам специализации сельскохозяйственного производства посвящены исследования Г. С. Кудряшова «Использование трудовых ресурсов колхозов и совхозов Чувашской АССР, охваченных углубленной специализацией по производству животноводческих продуктов» объемом в 4,0 а. л. и «Некоторые вопросы повышения эффективности производства животноводческих продуктов на промышленной основе (на примерах хозяйств Чувашской и Марийской АССР)» объемом в 0,64 а. л.

В статье В. П. Павлова «Эффективность использования разных видов кормов в связи с углубленной специализацией животноводства в колхозах и совхозах Чувашской АССР» объемом в 3,0 а. л. разработана технология кормления в комплексах, производящих мясо, молоко, шерсть, яйца. Статья содержит рекомендации по организации культурных пастбищ и загонной пастьбы овец, по применению различных машин и оборудования для комплексной механизации приготовления и раздачи кормов.

В. А. Еремеевым написаны статьи «Производительность труда и молочные комплексы» объемом в 2,0 а. л., «Интенсификация молочного скотоводства» объемом в 1,36 а. л., «Экономическая эффективность откорма крупного рогатого скота на комплексах» (в соавторстве с С. М. Волковой) (1,8 а. л.).

Кроме разработки индивидуальных тем, сотрудники отдела подготовили и провели научно-практические конференции на Шумерлинском заводе спецавтофургонов, на Чебоксарском домостроительном комбинате, в Батыревском и Козловском районах.

В научно-исследовательской работе отдела приняли участие внештатные научные сотрудники, которые опубликовали в V и VI выпусках тематического сборника «Экономика народного хозяйства Чувашской АССР» следующие статьи: «Трудящиеся Чувашской АССР в борьбе за выполнение заданий девятой пятилетки» (М. В. Зайцев), «Углубление специализации и концентрации — важный фактор подъема сельскохозяйственного производства» (И. П. Прокопьев), «Формирование резерва управленческого персонала» (А. А. Зимин), «О совершенствовании системы ценообразования» и «Об экономической оценке земли по норме дифференциальной ренты» (В. И. Ильдеменов и Е. А. Ильдеменова), «Организация производственных типов скотооткормочных предприятий с промышленной основой производства» (Г. А. Максимов), «Опыт партийных организаций Козловского района по совершенствованию форм и методов материального и морального стимулирования» (А. М Леонтьев), «Психология рабочего и производительность труда» (В. М. Ермаков).

В отчетном году отдел истории и археологии в основном был занят подготовкой к печати крупных коллективных трудов — монографии «История промышленности и рабочего класса Чувашии» плановым объемом в 30,0 а. л. (из 14 глав написано 9), сборников документов и материалов «Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны» объемом в 30,0 а. л. (в производстве) и «Развитие социалистической промышленности и рабочего класса Чувашии (1920—1970 гг.)». Из-за отсутствия исполнителей отдела не обеспечил подготовку последнего сборника. Над подготовкой сборников документов и материалов, кроме Института, работают Партийный архив Чувашского обкома КПСС и Центральный государственный архив Чувашской АССР.

Важной задачей отдела было обеспечение издания «Очерков истории Чу-

вашской областной организации КПСС», которые вышли в свет в конце 1974 г.

Кроме коллективных трудов, сотрудники отдела разрабатывали индивидуальные темы. Продолжалась работа над сборником очерков «Они боролись за народное счастье» (исполнитель А. В. Изоркин). Ф. Ф. Федоров написал статью «Чувашские солдаты на фронтах первой мировой войны», где показывает постепенное развитие революционного настроения среди чувашских солдат, переход их на позицию противников империалистической войны и активное участие в подготовке Великой Октябрьской социалистической революции.

Б. В. Каховский и Ф. Ф. Федоров работали над составлением «Свода исторических и археологических памятников Чувашской АССР» с плановым объемом в 10,0 а. л. В отчетном году оформлен 1,0 а. л. текста.

К. Д. Дмитриев написал статью «Участие комсомольских организаций промышленных предприятий в осуществлении хозяйственой реформы в годы восьмой пятилетки» объемом в 2,0 а. л. С. Н. Хаймулиным подготовлена статья «Исследования по вопросам истории промышленности и рабочего класса в Чувашской АССР (Краткий историографический обзор)» объемом в 2,5 а. л. В. Д. Кочетков приступил к сбору материала для «Истории города Алатыря».

В 1974 г. проведена археологическая экспедиция в Алатырский, Чебоксарский и Моргаушский районы (руководитель экспедиции — доктор исторических наук, профессор В. Ф. Каховский).

Сотрудники отдела приняли участие в подготовке и проведении научно-теоретической конференции «Пятьдесят лет без Ленина — по ленинскому пути» (21 января 1974 г.), научно-методической конференции «Охрана и пропаганда памятников трудовой славы советского народа» (19 марта), научных сессий, посвященных 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева: в Чебоксарах (26 июня), в Аликове (18 сентября), в Алатыре (23 сентября), на которых они выступили с рядом докладов и сообщений.

В научно-исследовательской работе отдела активное участие принимали внештатные сотрудники. Они публикуют в IV выпуске тематического сборника «История и культура Чувашской АССР» статьи «Деятельность Чувашской областной партийной организации по внедрению женского труда в промышленность в 1928—1937 гг.» (Н. П. Никитин), «О распространении, характере и формах крестьянского движения в Чувашии в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции» (В. Л. Кузьмин), «Деятельность Чебоксарской городской партийной организации по оказанию шефской помощи селу в 1971—1972 гг.» (Н. М. Михайлов), «Участие рабочих Чувашии в деятельности Советов в период второй пятилетки» (В. Г. Шарков и Н. И. Иванов). Ряд внештатных научных сотрудников выступили с докладами и сообщениями на научных конференциях и сессиях.

Научный сотрудник отдела этнографии П. П. Фокин написал статьи «Семья и семейные отношения в современной чувашской деревне» объемом в 2,0 а. л., «Социология современной чувашской семьи (К постановке проблемы)» объемом в 1,5 а. л., «Связи чувашской сельской семьи с мигрантами» объемом в 0,88 а. л. и «Следы матрилокальности брака у чувашей» объемом в 1,0 а. л., принял участие в комплексной экспедиции Института в Чебоксарский район по изучению быта, диалектов, фольклора и народной музыки.

Отдел языка разрабатывал 5 научных тем, основное свое внимание уделял лексикографической работе, главным образом, завершению составления «Чувашско-русского словаря» объемом в 120,0 а. л. К началу 1975 г. словарь составлен в объеме 90,0 а. л. Не обеспечена подготовка «Орфографического словаря чувашского языка» (составитель А. А. Алексеев) в требуемом объеме.

М. Ф. Чернов написал статью «Изучение фразеологии тюркских языков», которая является частью будущей монографии о фразеологических словосочетаниях в чувашском языке. В статье «Особенности несобственно-прямой речи в современной чувашской художественной прозе» Ю. М. Виноградов пришел к выводу, что несобственно-прямая речь, в отличие от прямой и косвенной, является не грамматической конструкцией, а своеобразным приемом повествования. В. И. Сергеев закончил статью «Категория числа и семантические функции чувашского аффикса множественного числа *-сем* в сопоставлении с общетюркским *-лар.(-лер)*».

А. А. Алексеев написал статью «Жизнь и научная деятельность исследователя чувашского языка и фольклора Н. Е. Ефимова». Он же составил «Библиографический указатель трудов Института» объемом в 8,0 а. л.

Летом 1974 г. сотрудники отдела языка В. И. Сергеев и А. А. Алексеев участвовали в диалектологической экспедиции в Чебоксарский район.

В научно-исследовательской работе отдела приняли участие внештатные научные сотрудники, которые публикуют в IV выпуске тематического сборника «Чувашский язык, литература и фольклор» статьи: «Лексика верхового диалекта» (Л. П. Сергеев), «Краткий очерк морфологии современного чувашского языка» (И. П. Павлов).

В отчетном году сотрудники отдела литературы и фольклора разрабатывали 7 тем по истории развития чувашской литературы и современного литературного процесса, а также по изучению устного творчества чувашского народа. Отдел продолжал работу над подготовкой монографии «История дореволюционной чувашской литературы» объемом в 30,0 а. л. (оформлено 6,0 а. л.).

Вопросы современного литературного процесса нашли освещение в обзорных статьях о чувашской литературе за 1974 г.: о прозе — В. С. Эзенкина, о поэзии — В. П. Тимакова и драматургии — И. И. Иванова. К этому же направлению примыкает статья И. И. Иванова «Образ коммуниста в чувашской литературе» объемом в 3,76 а. л.

В отчетном году отдел литературы и фольклора продолжал работу над подготовкой однотомного собрания сочинений И. Е. Тхти, шеститомного «Собрания произведений чувашского фольклора»: Е. С. Сидорова составила тексты V тома (малые жанры) в объеме 10,0 а. л., написала комментарии к нему в объеме 1,5 а. л.

Сотрудники отдела Е. С. Сидорова, В. П. Тимаков, Г. Ф. Трофимов приняли участие в фольклорной экспедиции в Чебоксарский район.

26 декабря 1974 г. отдел совместно с Союзом писателей Чувашской АССР провел научную конференцию «Образ коммуниста в чувашской литературе», на котором с докладами и сообщениями выступил и ряд внештатных сотрудников отдела.

Внештатные научные сотрудники отдела приняли участие и в научно-исследовательской работе. В выпуске IV тематического сборника «Чувашский язык, литература и фольклор» они публикуют следующие статьи: «Некоторые заметки о развитии художественной мысли чувашского народа» (Е. В. Владимиров), «Материалы об одном из переводов поэмы «Наркпи» (В. А. Долгов), «В. К. Магницкий» (Д. В. Абашева).

Научные сотрудники отдела искусств разрабатывали вопросы театрального, изобразительного и музыкального искусств. Вопросам театрального искусства посвящены статьи Ф. А. Романовой «Чувашский театр юного зрителя в 1932—1941 гг.», «Драматические театры Чувашии сезона 1973—1974 гг.». Кроме них, Ф. А. Романова собирала материалы для статей «Первые чувашские актерские студии, профессионализация актеров», «Сценическая история пьес Ф. П. Павлова».

Н. А. Ургалкина завершила работу над статьей «К истории художественного училища в Чувашии» объемом в 2,5 а. л. и над монографией «Н. К. Сверчков» объемом в 4,5 а. л. А. А. Трофимов написал статьи «Вопросы изучения чувашской вышивки дооктябрьского периода» объемом в 1,76 а. л., «Коллекция чувашской вышивки в музее г. Саратова» объемом в 1,2 а. л., «Коллекция чувашской вышивки в Музее антропологии и этнографии АН СССР» объемом в 0,6 а. л. Им же написана обзорная статья «Чувашское изобразительное искусство 1974 г.».

Вопросы музыкального искусства разрабатывались М. Г. Кондратьевым, который завершил работу над статьями «Метроритмическое строение чувашских народных песен, записанных от Гаврила Федорова» объемом в 2,8 а. л. и «Особенности музыкальной формы песен свадебных гостей верховых чувашей» объемом в 1,8 а. л. М. Г. Кондратьев в отчетном году принял участие в экспедиции по изучению быта, диалектов, фольклора и народной музыки.

Отдел совместно с Союзом художников подготовил и провел (23 апреля

1974 г.) научную конференцию «Современность в произведениях художников Чувашии».

В научно-исследовательской работе отдела участвовали внештатные творческие работники, которые публикуют в IV выпуске тематического сборника «Чувашское искусство» статьи «Некоторые вопросы развития театрального искусства Чувашской АССР» (Н. Е. Егоров), «Происхождение некоторых элементов орнамента болгарской народной вышивки» (П. Пунтев), «Современное чувашское театроведение» (К. И. Ванюшкин), «Музыковедение и музыкальная критика за 1971—1973 годы» (В. А. Ходяшев), «Обзор искусствоведческих статей и трудов по вопросам изобразительного искусства за 1971—1973 годы» (О. И. Филиппов).

В отчетном году научные сотрудники продолжали повышать свою деловую квалификацию. Научный сотрудник отдела языка В. И. Сергеев защитил кандидатскую диссертацию. Ряд сотрудников работает над кандидатскими диссертациями.

В 1974 г. Институтом издано 8 книг общим объемом в 168,22 учетно-издательских листа.

Сотрудниками Института среди населения прочитано 395 лекций на 45 тем.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ ИНСТИТУТА ЗА 1974 ГОД

13—17 января 1975 г. состоялась научная сессия, посвященная итогам исследовательских работ Института за 1974 год.

На секции экономики из запланированных 9 докладов было прочитано 7: «Хозяйственная реформа в промышленности в Чувашской АССР» (Г. С. Николаев), «Эффективность концентрации производства и откорма крупного рогатого скота в комплексах» (В. А. Еремеев), «Опыт и задачи материального стимулирования в колхозах Чувашской АССР» (О. В. Еремкина), «Экономика хмелеводства в Чувашской АССР» (М. Н. Ергачев), «Использование рабочей силы в животноводческих комплексах» (Г. С. Кудряшов), «Экономическая эффективность использования разных видов кормов в Чувашской АССР в связи с углубленной специализацией животноводства» (В. П. Павлов), «Экономика мелиорации земель в колхозах и совхозах Чувашской АССР» (В. Г. Федоров). Доклады М. Н. Ергачева, Г. С. Кудряшова и В. Г. Федорова вызвали интерес слушателей.

На заседании секции истории и этнографии присутствовало 25 чел. Оживленно обсуждался доклад С. Н. Хаймулина «К вопросу о социалистической индустриализации Советской Чувашии», был отмечен его проблемный, исследовательский характер. По докладу А. В. Изоркина «Трудовой подвиг алатырских железнодорожников в годы гражданской войны» слушатели высказали пожелание еще глубже показать истоки патриотизма рабочих Алатыря. Вызвали интерес сообщения «Чувашские солдаты на фронтах первой мировой войны» (Ф. Ф. Федоров), «Следы матрилокальности брака у чувашей» (П. П. Фокин), «Толиковский могильник XV—XVI вв.» (Б. В. Каховский). Ф. Ф. Федоров рассказал о письмах солдат с фронта, о росте классового самосознания народных масс накануне революции. Сообщение Б. В. Каховского интересно для изучения социального расслоения крестьянства Чувашии XV—XVI вв. Т. А. Ахазов выступил с сообщением по поводу выхода «Очерков истории Чувашской областной организации КПСС».

На заседании секции литературы и фольклора с участием писателей и работников книжного издательства проходил обзор чувашской литературы за 1974 г. С обзорами выступили В. П. Тимаков (о поэзии), И. И. Иванов (о драматургии). Были прослушаны еще два доклада: «Жанровое обогащение и качественные сдвиги в литературном процессе периода первой русской революции» (А. В. Васильев) и, как часть большой проблемы «На подступах к новому творческому методу» («Творческие искания М. Сеспеля и формирование

принципов социалистического реализма в чувашской советской литературе 20-х годов)» (Ю. М. Артемьев). Е .С. Сидорова выступила с сообщением по итогам фольклорной экспедиции 1974 г.

На секции искусств прослушаны доклады «К вопросу об актерском искусстве периода становления Чувашского театра в 1918—1927 годах» (Ф. А. Романова), «Особенности музыкальной формы песен свадебных гостей верховых чувашей» (М. Г. Кондратьев), сообщения «Коллекция чувашской вышивки в Музее антропологии и этнографии АН СССР» (А. А. Трофимов), «К истории «Чувашкино» (А. П. Сидорова) и «Русский театр в Чувашии в 1933—1937 годах» (Л. М. Смолянинова). Выступая в прениях, В. А. Ходяшев и Ю. А. Илюхин дали хорошую оценку работе М. Г. Кондратьева, отметили ценность ее теоретических положений. Большой интерес вызвал доклад Ф. А. Романовой. Сообщение А. П. Сидоровой было отмечено как удачная попытка разработки еще неисследованной в чувашском искусствоведении темы — истории и теории кино. В работе секции приняло участие 28 чел.

Секция языка заседала в последний день научной сессии. Прослушаны доклады «К вопросу о дифференциальных признаках фразеологических единиц» (М. Ф. Чернов), «Категория числа и семантические функции аффикса *множественного числа -сем в сопоставлении с общетюркским -лар, -лер*» (В. И. Сергеев), «Несобственно-прямая речь в современной художественной прозе» (Ю. М. Виноградов) и сообщения «К вопросу о связи дояковлевских чувашских букварей с первой печатной грамматикой чувашского языка 1769 г.» (А. А. Алексеев), «О глагольном аффиксе *-ла(-ле)* в чувашском языке» (А. П. Орлова), «Влияние культуры Древнего Востока на чувашскую культуру (по языковым данным)» (Н. А. Андреев), «Двуязычный словарь как фактор повышения коммуникативности и развития билингвизма» (Р. И. Цаплина).

На пленарном заседании, состоявшемся 17 января, выступили с отчетами о работе секций их руководители Г. С. Николаев, М. Ф. Чернов, Е. С. Сидорова, ст. научный сотрудник отдела искусств А. А. Трофимов. Подытаживая работу научной сессии, зам. директора Института А. Е. Горшков отметил рост научно-теоретического уровня ряда докладов. Многие доклады (П. П. Фокина, Ф. А. Романовой, С. Н. Хаймулина и др.) являются результатами серьезных исследований. Указал на отсутствие рекомендаций в работах научных сотрудников отдела экономики, на одностороннюю оценку и отсутствие критики в обзоре В. П. Тимакова. В адрес некоторых докладчиков слушателями было высказано замечания о том, что они больше всего увлекаются историей исследуемой темы.

Выступая в прениях, И. А. Андреев и П. А. Сидоров (Чувашгосуниверситет) внесли предложение кооперировать научные силы при разработке крупных проблем.

Общие итоги работы сессии подвел директор Института В. Д. Димитриев. Отметил, что многие доклады явились фрагментам больших исследовательских тем. Желательно указать методику исследования, итоги анализа и дать выводы к докладам. Научный уровень некоторых докладов и сообщений недостаточен. Часть докладов вызывает чувство гордости за сотрудников — они содержат глубокий анализ, написаны на уровне современных научных требований. Борьба за качество исследований остается важнейшей задачей коллектива Института.

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 30-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

29 апреля 1975 г. в Доме политпросвещения Чувашского обкома КПСС состоялась республиканская научно-теоретическая конференция, посвященная 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Она была

подготовлена Научно-исследовательским институтом при Совете Министров Чувашской АССР совместно с Чувашским государственным университетом им. И. Н. Ульянова, Чувашским сельскохозяйственным институтом и военным комиссариатом Чувашской АССР.

Конференцию открыл второй секретарь обкома КПСС П. А. Чичикин.

На пленарных заседаниях были заслушаны доклады первого секретаря обкома КПСС, кандидата экономических наук И. П. Прокопьева «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор Победы советского народа в Великой Отечественной войне», начальника военной кафедры Чувашского государственного университета полковника Н. П. Цаглова «Советские Вооруженные Силы в Великой Отечественной войне», доцента кафедры марксизма-ленинизма Чувашского сельскохозяйственного института, кандидата исторических наук А. Ф. Ижойкина «Советский тыл в годы Великой Отечественной войны», а также сообщения первого секретаря Чувашского обкома ВЛКСМ Л. Я. Тянгова «Ленинский комсомол— боевой помощник партии в суровые годы Великой Отечественной войны», заведующего кафедрой истории КПСС Чувашского государственного университета, кандидата исторических наук В. Н. Любимова «О буржуазной фальсификации истории второй мировой войны».

После планерного заседания работа конференции проходила по секциям.

В первой секции (руководитель — заведующий отделом пропаганды и агитации обкома КПСС, кандидат юридических наук М. В. Шутин) были заслушаны доклад доцента кафедры истории СССР Чувашского государственного университета, кандидата исторических наук Г. А. Варюхина «Всемирно-историческое значение Победы советского народа в Великой Отечественной войне» и сообщения доцента кафедры научного коммунизма Чувашского государственного университета, кандидата исторических наук Н. М. Мурашкина «Боевые подвиги сынов и дочерей Советской Чувашии в годы Великой Отечественной войны», военного комиссара г. Чебоксар полковника И. М. Миронова «Вооруженные Силы СССР—надежный защитник завоеваний социализма и оплот мира».

Во второй секции (руководитель — заведующий отделом науки и учебных заведений обкома КПСС, кандидат философских наук Г. Н. Плечов) были заслушаны сообщения заведующего отделом истории и археологии Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР Т. А. Ахазова «Народное хозяйство и героизм трудящихся Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны», заведующего кафедрой марксизма-ленинизма Чувашского сельскохозяйственного института, кандидата философских наук И. А. Маркелова «Осуществление программы мира, принятой XXIV съездом КПСС», председателя правления Союза писателей Чувашии, кандидата филологических наук Н. С. Дедушкина «Великая Отечественная война в произведениях чувашских писателей, композиторов и художников» (подготовлено совместно с ответственным секретарем Союза композиторов Чувашии Ю. А. Илюхиным и ст. научным сотрудником Института, кандидатом искусствоведения Н. А. Ургалкиной).

В работе конференции приняли участие члены и кандидаты в члены бюро Чувашского обкома КПСС, ответственные работники обкома партии, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Чувашской АССР, первые секретари горкомов и райкомов КПСС, руководители республиканских министерств, ведомств и организаций, председатели исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся, первые секретари горкомов и райкомов ВЛКСМ, городской и районные военные комиссары, секретари ряда первичных партийных организаций, ветераны Великой Отечественной войны, представители печати, радио и телевидения, преподаватели вузов, научные сотрудники.

Участникам конференции был показан новый документальный фильм «Шел солдат...».

Ко дню открытия конференции вышел в свет сборник документов и материалов «Чувашская АССР в годы Великой Отечественной войны», подготовленный Научно-исследовательским институтом при Совете Министров Чувашской АССР, Партийным архивом Чувашского обкома КПСС и Центральным государственным архивом Чувашской АССР.

* * *

Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР и Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова провели совместно в ряде районов и городов республики выездные научно-теоретические конференции, посвященные 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В программу конференций были включены следующие доклады: «Всемирно-историческое значение Победы советского народа в Великой Отечественной войне» (докладчики—доценты Чувашского государственного университета, кандидаты исторических наук Г. А. Варюхин и П. М. Михайлов, кандидат философских наук В. П. Трофимов), «Буржуазная фальсификация истории второй мировой войны» (докладчик — зав. кафедрой истории КПСС Чувашского государственного университета, кандидат исторических наук В. Н. Любимов), «Боевые подвиги сынов и дочерей Советской Чувашии на фронтах Великой Отечественной войны» (докладчик — доцент Чувашского государственного университета, кандидат исторических наук Н. М. Мурышкин), «Народное хозяйство и героизм трудящихся Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны» (докладчик — зав. отделом истории и археологии Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР Т. А. Ахазов).

26 марта 1975 г. на выездной научно-теоретической конференции, проведенной в с. Комсомольское совместно с Комсомольским райкомом КПСС, выступили с докладами Т. А. Ахазов, Г. А. Варюхин, В. Н. Любимов и Н. М. Мурышкин, с сообщением «Комсомольский район в годы Великой Отечественной войны» — краевед, учитель истории Починок-Инельской средней школы Н. Г. Курицын.

18 апреля с. г. на конференции, проведенной в г. Алатыре совместно с Алатырскими горкомом и райкомом КПСС, с докладами выступили Т. А. Ахазов, Н. М. Мурышкин и В. П. Трофимов, с сообщениями «Город Алатырь в годы Великой Отечественной войны» и «Алатырский район в годы Великой Отечественной войны» — ветераны труда, бывшие руководящие партийные работники Алатырского горкома и Алатырского райкома КПСС А. В. Шредер и Б. Н. Морозов.

25 апреля с. г. на конференции, проведенной в с. Красные Четаи совместно с Красночетайским райкомом КПСС, выступили с докладами Т. А. Ахазов, В. Н. Любимов, Н. М. Мурышкин и В. П. Трофимов, с сообщением «Красночетайский район в годы Великой Отечественной войны» — первый секретарь Красночетайского райкома КПСС А. Д. Смалайкин.

28 апреля с. г. на конференции, проведенной в г. Канаше совместно с Канашскими горкомом и райкомом КПСС, выступили с докладами Т. А. Ахазов, В. Н. Любимов, П. М. Михайлов и Н. М. Мурышкин, с сообщениями «Город Канаш в годы Великой Отечественной войны» — первый секретарь Канашского горкома КПСС А. В. Васильев, «Канашский район в годы Великой Отечественной войны» — председатель исполкома Канашского районного Совета депутатов трудящихся И. Ф. Фомин.

На конференциях участвовали работники городских и районных комитетов партии, местных Советов, руководители предприятий и учреждений, колхозов и совхозов, секретари первичных партийных организаций, учителя, ветераны Великой Отечественной войны, активисты.

* * *

В дни подготовки к празднику 30-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне Научно-исследовательский институт совместно с Чувашским государственным университетом им. И. Н. Ульянова, Чувашским сельскохозяйственным институтом и военным комиссариатом Чувашской АССР провели научно-теоретические конференции на Чебоксарском электроаппаратном заводе, на заводе им. Чапаева и в г. Новочебоксарске. На них с докладами и сообщениями, посвященными великому ратному и трудовому подвигу советских людей, в т. ч. и трудящихся Чувашии в борьбе с фашистской Герма-

нией, выступили секретарь Чебоксарского горкома КПСС Д. И. Абашев, доцент Чувашского сельскохозяйственного института А. Ф. Ижойкин, зав. отделом истории и археологии Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР Т. А. Ахазов, зам. директора Чебоксарского электроаппаратного завода О. В. Троицкий, преподаватели Чувашского государственного университета Г. Ф. Муравьев и Н. П. Цаглов, полковник в отставке П. Т. Трофимов и др.

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ О К. Я. ГРАСИСЕ

12 мая 1975 г. состоялось расширенное заседание отдела истории и археологии Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР с участием историков республики. На заседание были приглашены также работники архивов Чувашской АССР и Чувашского книжного издательства.

Участники заседания были ознакомлены с письмом старых коммунистов из Астрахани, в котором содержались серьезные претензии к книге В. К. Кириллова «Карл Янович Грасис», выпущенной Чувашским книжным издательством в 1969 г. Им было зачтено заключение по книге, подготовленное Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

На заседании со своими замечаниями о книге В. К. Кириллова выступили доценты Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, кандидаты исторических наук В. Н. Любимов и В. Л. Кузьмин, директор Института, доктор исторических наук профессор В. Д. Димитриев, заведующий отделом истории и археологии института Т. А. Ахазов, работники Центрального государственного архива Чувашской АССР В. А. Нестеров и Н. М. Семенов и др. Историки высказали пожелание исследователям, рецензентам, редакторам и книжному издательству предотвратить выход книг, односторонне освещающих сложный жизненный путь таких деятелей, как К. Я. Грасис.

Критическая рецензия на книгу «Карл Янович Грасис» публикуется в настоящем выпуске «Трудов». По просьбе Института она написана старшим научным сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС В. Н. Косенко.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Статьи

Стр.

И. П. Прокопьев. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне 3

Г. Н. Плечов. Научный потенциал вузов Чувашской АССР и некоторые вопросы улучшения его использования 18

Г. И. Иванов. Социалистическое преобразование мелкокустарного производства в годы первой пятилетки 32

А. В. Изоркин. Коммунистические субботники 1919—1920 годов и их роль в трудовом и политическом воспитании трудящихся Чувашии 52

К. Д. Дмитриев. Участие комсомольских организаций промышленных предприятий Чувашии в осуществлении хозяйственной реформы в годы восьмой пятилетки 70

П. П. Фокин. Следы матрилокальности брака у чувашей . . . 86

Историография

С. Н. Хаймулин. Исследования по вопросам истории промышленности и рабочего класса в Чувашии (Краткий историографический обзор) 103

Социологические исследования

Н. С. Бажайкин. Типологические группы населения по их отношению к атеизму и религии (По материалам конкретного исследования) 141

Сообщения

В. А. Васильев. Рост трудовой активности рабочего класса Чувашии на завершающем этапе упрочения и развития социалистического общества в СССР (1946—1958 гг.) 187

Б. В. Каховский. Толиковский мотильник 196

Публикация

В. А. Нестеров. Новые материалы о семье Чапаевых 217

Заметки 232

Библиография 245

Хроника 255

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
81	№ стр.	18	81
224	1-я сверху	1812 г.	1862 г.
229	3-я снизу	3марта	3 марта
241	20-я сверху	М. Н. Болконский	М. Н. Волконский

Цена 1 руб. 20 коп.